

В.Ф.Генинг

СТРУКТУРА
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
ПОЗНАНИЯ

проблемы
социально-исторического
исследования

Генинг В.Ф.

Структура археологического познания (проблемы социально-исторического исследования) / АН УССР. Ин-т археологии; Отв. ред. С.В.Смирнов. — Киев : Наук. думка, 1989. — 296 с. — Библиогр.: с. 273–289.

ISBN 5-12-001103-9

Монография посвящена раскрытию специфики современного уровня организации археологического познания социоархеологии, главной целью которой является исследование социально-исторического развития древних обществ. Впервые в советской археологии дано изложение системы археологического познания как целостной специфической научной дисциплины, определяющей своеобразие построения всего научно-исследовательского процесса в археологии.

Для студентов, специалистов — археологов, историков, философов.

Утверждено к печати ученым советом
Института археологии АН УССР

Редакция литературы по социальным проблемам зарубежных стран,
археологии и документалистике

Редактор *М.Д.Семенчук*

Г 0507000000-142 / КУ-1-237-88
М221 (04)-89

ISBN 5-12-001103-9

© Издательство "Наукова думка", 1989

ВВЕДЕНИЕ

"Познание есть вечное, бесконечное приближение мышления к объекту. Отражение природы в мысли человека надо понимать не "мертво", не "абстрактно", *не без движения, не без противоречий*, а в вечном процессе движения, возникновения противоречий и разрешения их"¹. Эти слова В.И.Ленина очень точно и глубоко характеризуют сущность всей научно-исследовательской деятельности, главная цель которой — поиск, познание объективных истин, истин, которые содержат новые знания о законах, свойствах, отношениях окружающего нас мира, в том числе истории прошлых человеческих обществ.

Изыскания, направленные на получение нового знания, обычно характеризуются как научное познание, которое представляет собой один из наиболее сложных и специфических видов социальной деятельности, требующей специальной подготовки со стороны знания объекта науки, далеко выходящего за пределы обыденности, особенно со стороны организации деятельности по достижению нового знания. Последнее, собственно, и входит в сферу функции логики и методологии науки:

Среди большинства археологов до недавних пор бытовало весьма странное представление о роли методологии в научной деятельности. Всеобщее признание получила лишь методика полевых археологических исследований. Никто не сомневается, что здесь необходимы специально разработанные правила раскопок, инструкции и книги с их изложением. А весь дальнейший процесс исследования археологического материала, который, собственно, и дает истинно новое знание, фактически не вычленялся из самого знания, т.е. не осмысливался как особый вид деятельности, требующий также специально разработанных правил проведения тех или иных операций с археологическими фактами.

Исследование представляет собой научную деятельность, — одну из разновидностей человеческого труда — и в этом смысле вполне может идти речь о ее актуализации и эффективности. Актуальность — это проблема выбора наиболее жгучих, насущных вопросов науки, решение которых поднимает ее на новый, более высокий уровень развития и расширяет знание об объекте науки — закономерностях социально-ис-

торического развития древних обществ. Эффективность научной деятельности — это выбор рациональных путей решения актуальных задач, которые в современной археологии заключаются в совершенствовании процедур научной деятельности, поисках оптимальных решений, особенно в постижении теоретического знания.

Актуальность и эффективность исследования как проблемы логико-методологического совершенствования научно-исследовательской деятельности стали насущной потребностью в современной практике работы археологов.

Методология — это компонент науки, который совершенствует ее исследовательский процесс, но, для того чтобы этот компонент выполнял заданную ему функцию, необходимо иметь и достаточно полное представление о всем объекте науки в целом и в первую очередь о логической структуре ее исследовательской деятельности.

В археологии пока еще широко бытует представление, что наука — это лишь набор фактов о различных археологических объектах, их культурно-хронологическое определение и некоторое объяснение этим фактам. До уровня социально-исторического анализа археологи поднимаются еще далеко не всегда в своих исследованиях, а что касается обобщающего логико-гносеологического анализа археологии как особого раздела научного познания, то такие экскурсы весьма редки и фрагментарны.

Наука — это сложнейшая система, в основе формирования которой лежат определенные системообразующие принципы. В обыденной жизни в познании окружающего мира действует принцип "здорового смысла", суть которого состоит в сосредоточении знания "вокруг человека" по принципу "все для человека", поскольку оно направлено на то, чтобы человек ориентировался в окружающем мире, в природной среде, в производственной, бытовой, общественной, духовной и других сферах деятельности.

Научное знание имеет непосредственно иное назначение, хотя в конечном итоге оно также предназначено для потребления общественным человеком. В научном знании системообразующий принцип ориентирован на определенную предметную область — фрагмент объективного мира, поэтому основной принцип науки — "все об объекте" для выполнения главной цели — извлечение нового научного знания о нем, причем не столько новых отдельных фактов, какие получают, например, в результате археологических раскопок, сколько в познании сущности изучаемых явлений, как отражении истории древних обществ, сущностей, выражающих законы их жизнедеятельности. Именно это и придает сложность научно-познавательной системе. "Научные истины, — писал К.Маркс, — всегда парадоксальны, если судить на основании повседневного опыта, который улавливает лишь обманчивую видимость вещей"², ибо законы не лежат на поверхности, их необходимо познать логикой нашего мышления, а для этого требуются не только

факты о явлениях, их свойствах и т.д., но и знания о правилах оперирования этими фактами и, конечно, способности творчески, мысленно экспериментировать данными, логически комбинировать ими, чтобы получить новые знания, ранее не известные, знания о сущности исследуемого процесса, словом, того, что называется теоретическим знанием. Естественно, что для плодотворного получения нового знания необходимо не только досконально знать об объекте познания уже все то, что накопила наука, но и представлять себе общую структуру объекта познания, некоторые принятые в данной науке правила оперирования фактами, иметь общее представление о специфике формирования научного знания в данной науке, — то есть всего, что влияет на достижение цели: "все об объекте".

Археология как особая область научного знания в настоящее время все чаще становится объектом рефлексии ее как целостной научной системы, причем в такой степени, что прогресс дальнейшей углубленной исследования истории древних обществ находится в прямой зависимости именно от того, насколько будет познана специфика археологического познания, насколько оно будет упорядочено и получит достаточно рационально организованную структуру. Внутренняя рефлексия и связанное с этим определение актуальных задач науки и путей их решения — постоянный движущий фактор прогресса научного знания. Но в одни периоды развития науки эта ситуация осознается острее, в другие менее остро, когда даже не упоминается о ней, и все проблемы, связанные с совершенствованием научной деятельности, решаются в ходе развития самого научного знания об объекте как имманентно присущего этому знанию. Но именно тогда, когда таким способом не могут быть решены задачи дальнейшего совершенствования научного познания, когда оно не приносит ожидаемого эффекта в исследовании конкретных проблем получения нового научного знания, возникает проблемная ситуация, заставляющая ученых обратиться к анализу системы познания для того, чтобы выявить в ней наиболее слабое звено. И это звено выводит ученого далеко за пределы, казалось бы, сугубо "своих внутринаучных вопросов", поскольку решения требуют весьма неординарные проблемы, связанные с общим пониманием системы функционирования науки как таковой, а не только частнонаучной системы. Все это заставляет обратиться к общенаучному, методологическому, философскому анализу частнонаучной системы, ибо противоречия в ее развитии могут получить разрешение только при рассмотрении их в системе более высокого уровня общности знания. Таким образом, проблемные ситуации — это критические моменты в науке, связанные с решением кардинальных, принципиальных вопросов дальнейшего развития научного знания, затрагивающие изменения самой системы познания.

В советской археологии первые симптомы проблемной ситуации, когда внимание археологов привлекли теоретико-методологические

проблемы, наметились с конца 60-х гг. Накопление огромной фактологической базы в результате интенсивных крупномасштабных полевых исследований 40–60-х гг. привело к выдвиганию на первый план вопросов первичной систематизации археологических источников, разделения их на отдельные археологические культуры. А поскольку сама эта категория познания в археологии оставалась теоретически не разработанной, то, естественно, трудно было ожидать от исследований однозначных результатов. Поэтому проблема "археологической культуры" была одной из первых, которая попала в сферу логико-методологической рефлексии археологов³. Если проблема "археологической культуры" дискутировалась больше в сфере теоретического знания, то в этот же период в связи с массовым накоплением большого количества новых материалов весьма актуальными стали некоторые, казалось бы, сугубо практические проблемы: как переработать массовые источники, каким образом ввести их в систему археологического знания, чтобы извлечь новую информацию и т.д.? Реакцией на эту потребность был ряд специальных совещаний и появление нескольких публикаций, в которых дана характеристика археологических источников и методов их обработки⁴.

В современной литературе статьи, посвященные вопросам специфики археологических исследований, разработке новых методов их осуществления приобретают определенную популярность среди археологов, и в связи с этим все более остро ощущается отсутствие исследований, в которых была бы сделана попытка охватить археологические исследования как некую целостную систему. Несколько статей тезисного характера, в которых авторы попытались изложить вопросы структуры археологического исследования, конечно, не раскрывают всей сложности и специфики содержания этого достаточно актуального аспекта развития археологии⁵. Во многих работах этого типа рассматривается преимущественно формальная сторона структуры построения археологического познания, ибо некоторые авторы вообще выносят вопросы интерпретации археологических источников, т.е. их социально-исторического истолкования, за пределы археологии как предмет особой науки палеоистории, палеоэтнологии, этноархеологии и пр. (Жлейн Л.С., Кузьмина Е.Е и др.).

Проблемам разработки социально-исторического познания археологии посвящена специальная работа В.М.Массона, но она, к сожалению, больше ориентирована на конкретно-исторические вопросы отдельных сфер социальной деятельности, а вопросы методологического обоснования и структурной специфики археологического исследования освещены очень кратко⁶. Единичны пока и работы по отдельным компонентам системы археологического исследования: археологического факта⁷, научной проблемы⁸, построения теории⁹, теоретизации археологического знания¹⁰ и т.п.

В зарубежной археологии вопросам анализа структуры археологи-

ческих исследований уделяется достаточно много внимания, хотя в большинстве своем они посвящены формально-логическим построениям. В нашей литературе появилось несколько обзоров таких работ¹¹, хотя это, конечно, не исчерпывает всего их многообразия. По-видимому, восполнить этот пробел в советской археологии должен перевод книги Ж.К.Гардена¹².

Для того чтобы яснее представить жанр настоящей работы, необходимо обратить внимание на два вопроса.

В развитии археологического знания в советской науке с начала 30-х, а в зарубежной с 60-х гг. можно говорить о научной революции, связанной с формированием новой генерализующей познавательной цели археологии. Если до этого периода внимание археологов концентрировалось вокруг задач исследования культурно-исторического развития древних обществ, что и позволило характеризовать данный период как "культурархеологию", то с упомянутых рубежей археологи все чаще стали обращаться к решению задач социально-исторического исследования древних обществ, что и положило начало социологическому направлению в развитии науки, или "социоархеологии"¹³.

Подобная переориентировка предмета познания науки поставила перед археологами совершенно новые проблемы, потребовавшие перестройки всей исследовательской системы. Правда, на начальных этапах развития социоархеология использовала в основном методы, выработанные еще в культурархеологии, поэтому так остро не вставали вопросы логико-методологического анализа знания. Но когда эти методы исчерпали себя и потребовалось дальнейшее углубление социально-исторического знания, которое может быть только теоретическим знанием, то явственно обнаружилось практическое отсутствие разработок по проблемам логики и методологии археологической науки, без чего не могут быть решены в конкретно-археологических исследованиях актуальные задачи раскрытия закономерностей в социальной истории древних обществ.

Таким образом, на современном этапе социоархеология переживает новый этап интенсивной научной революции и требует прежде всего активной разработки логико-методологического аппарата археологического познания.

Другой аспект, на который необходимо обратить внимание, это дальнейший процесс дифференциации деятельности археологов, значительно расширяющийся по характеру исследовательских процедур и конечным целям. Здесь можно выделить несколько основных разделов.

1. Полевые археологические исследования и публикация их результатов. Конечная цель таких работ – дать объективное представление о структуре и содержании отдельных археологических памятников.

2. Культурно-хронологические изыскания как продолжение работ предшествующего цикла, но уже с новыми задачами обобщения и систематизации археологических источников: соотнесение их с определен-

ными археологическими культурами, определение хронологии вещевых комплексов, классификации и суммарного описания по отдельным группам (классам). Данный раздел упорядочивает фонд археологических источников в целях научного хранения и объективно формирует эмпирическую базу социально-исторических исследований.

3. Исследование процесса социально-исторического развития отдельных обществ, который в археологии начинается с реконструирования этого процесса первоначально в его элементарности — на *уровне образа жизни*, который представил бы объект исследования в его реальной обиденности, протекания жизни — как картину прошлой исторической действительности. И лишь после этого можно обратиться к исследованию собственно социально-исторических закономерностей развития конкретных обществ прошлого. Это, конечно, не означает, что на уровне реконструкции образа жизни нет таких закономерностей, они здесь лишь другого уровня.

Изучение закономерностей социально-исторического развития на современном этапе является центральным и наиболее актуальным звеном развития археологического знания, в котором, собственно, и *вырабатывается новое научное знание о социальном прошлом древних обществ*. Но это и самое трудное звено, ибо оно еще очень слабо разработано в практических исследованиях археологов и тем более со стороны логико-методологической организации исследовательской процедуры.

4. Работы, суммирующие научные открытия археологов в обзорных, обобщающих монографиях по регионам или в научно-популярных публикациях различного типа и объема.

5. Особый раздел научного знания археологии составляют исследования, направленные на рефлексию научной деятельности археологов, и прежде всего разработку способов получения нового знания об историческом прошлом обществ, изучаемых по археологическим источникам. Подобный логико-методологический анализ исследовательской деятельности археологов и будем в дальнейшем рассматривать как систему "археологическое познание" или "археологическое исследование".

Предлагаемая вниманию читателя *настоящая работа относится к исследованиям логико-методологического характера*.

При этом естественно, что автор ориентировался на наиболее актуальные разделы археологического познания, которые наиболее остро отражают требования современности — теоретизацию археологического знания, под которой автор понимает в первую очередь обращение к более глубокому исследованию закономерностей социально-исторического развития отдельных обществ древности, изучаемых по археологическим источникам. Эта актуальная задача и формирует тот эпистемологический идеал науки¹⁴ и научного познания, который лежит в основе данной работы. Эпистемологический идеал — это некоторая, не всегда явно формулируемая цель научного познания, которая

сегодня еще может быть и недостижима при данном уровне развития науки, но определяет основные тенденции и нормы развития научно-исследовательского поиска. Эпистемологический идеал представляет науку в перспективе, что составляет, вероятно, основную ее ценность вообще, ибо сама наука есть процесс познания нового, еще неизведанного, а едва ли это может быть осуществлено без перспективы.

Основная задача настоящей работы — показать археологию как систему производства нового археологического знания и с этих позиций рассмотреть его основные компоненты: целесообразную деятельность исследователя и средства производства, которые включают предмет и средства труда. Подобный подход оправдан тем, что научная деятельность рассматривается в марксистской науке как один из видов духовной деятельности¹⁵.

Большая часть настоящей работы посвящена характеристике системы археологического познания с точки зрения логической структуры, которая представила бы этот весьма разнообразный по содержанию и форме процесс в некотором единстве, целостности своей структурной организации. Кроме общей науковедческой характеристики отдельных компонентов системы в работе широко анализируются примеры из практики современных археологических исследований, которые позволяют лучше раскрыть специфику и функцию этих компонентов в целостной системе археологического исследования. Последнее синтезируется в заключительных главах работы, в которых основное внимание уделяется наиболее актуальным разделам современного археологического познания — анализу структур теоретических исследований, направленных на выявление закономерностей развития отдельных социальных явлений прошлого на различных уровнях исследований. Именно в процессе теоретизации археологического знания проявляется качественно новая информация социально-исторического характера — знание о закономерностях социального развития древних обществ.

ГЛАВА I НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ В АРХЕОЛОГИИ

I.1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЕЕ ОСОБЕННОСТИ В АРХЕОЛОГИИ

Исследовательская деятельность, конечно, в значительной мере творческий процесс¹, в котором деятельность ученого мало поддается строго упорядоченному и последовательному регулированию. Но это не исключает, а наоборот, предполагает столь же творческое осмысление, анализ и логическое упорядочение всего процесса для повышения его эффективности и более четкой организации конечного результата. Однако и в этом плане научно-исследовательская деятельность может быть рассмотрена в самых различных аспектах, раскрывающих ее сложноорганизованную структуру и многообразие функциональных связей. Некоторые из этих аспектов будут освещены в настоящей главе для того, чтобы представить наиболее характерные черты и особенности труда ученого в области археологии.

Научная деятельность является одним из видов духовного производства. Различие между духовной и практической деятельностью (соответственно материальными и духовным производством), по мнению философов, состоит в том, что в каждом из них функционально преобладают соответствующие компоненты, что и определяет в конечном итоге содержание цели того или иного вида деятельности².

В практической и духовной деятельности наличествуют два взаимодополнительных компонента в виде живой и опредмеченной части деятельности, причем опредмеченная часть играет определяющую роль, поскольку в ней сконцентрирован опыт, результат предшествующей деятельности (изделия предметного мира и идеальная информация о знании, накопленном в прошлом). Живая деятельность представляет собой непосредственный процесс, ассимилирующий опредмеченный компонент. Опредмеченная деятельность вероятностным образом детерминирует последующую живую деятельность, поэтому любая вещь, кроме практической функции в деятельности, содержит определенную программу деятельности, опосредованной идеальным и, следовательно, выполняет знаковую функцию, которая, однако, в данной вещи является

вторичной. В историческом развитии человечества опосредование все более обособляется, особенно в процессе материального производства, поскольку эта опосредованность несет известную самостоятельную информацию. Так, каменный топор задает в деятельности определенный способ его использования и тем самым является носителем информации о способе деятельности, т.е. опосредован идеальным, которое выполняет знаковую функцию, но она для "собственно" топора как результата и предпосылки материальной деятельности вторична. Знаковая функция становится относительно самостоятельной подсистемой, поскольку содержит знание гораздо более широкого порядка, чем непосредственно связанная с функцией изделия, и сама становится первичной, основной. На этой особенности и происходит формирование, с одной стороны, практической (материальной) деятельности, цель которой — преобразование действительности и, с другой — духовной, для которой знаковые функции, знания — основные, и цель деятельности здесь — отражение действительности в сознании, переработка знания и накопление его для использования в дальнейшем в практических целях.

В.П.Фофанов, характеризуя эти две системы, пишет: "В первичных, практических, собственным содержанием является движение материй, опосредованное движением знания. Во вторичных собственным содержанием процесса оказывается движение знания, а материальный носитель — лишь средством его движения. Они и представляют собой системы духовной деятельности"³. Эти вторичные системы автор предлагает называть специализированными системами знания, основным продуктом их является знание, регулирующее практическую деятельность. В современности важнейшим видом специализированных систем выступает наука и в этом плане следует рассматривать и археологию как специализированную научную духовную деятельность, направленную на отражение исторического развития прошлых социальных систем⁴.

Особенность познания общественных систем обусловлена их структурой, в наиболее универсальном срезе которой выделяются четыре компонента:

- человек, общество;
- общественные процессы — деятельная активность людей;
- мышление, наличие знания, фиксированного в понятиях и регулирующего общественную деятельность людей;
- материальные тела — предметный мир, связанный со взаимодействием людей и природы, людей между собой⁵.

Взаимодействие человека с другими компонентами системы предполагает *конструирование* в мышлении человека и воспроизведение действий по реализации задуманного, причем сами процессы конструируются как принципиально технически осуществимые и целесообразные в соответствии с условиями жизнедеятельности человека.

Само моделирование различных социальных действий определяется тем конструктивным процессом, в котором совершается конкретный

вид деятельности. Если же объект (процесс) смоделирован и сконструирован, то дальнейшее развитие проходит по линии его совершенствования.

Исторические науки имеют в качестве объекта познания прошлые общества, уже выполнившие свои социальные функции в конструктивном процессе, который может быть зафиксирован наукой только в некоторых результатах этого процесса в виде особых фактов, конструктивных по происхождению, так как они были первоначально сконструированы человеком (обществом) в сознании, а затем реализованы в общественной деятельности. Таким образом, остатки прошлой жизнедеятельности людей, фиксируемые в качестве научных фактов, являются продуктами их конструктивной деятельности.

В целом, эта деятельность характеризуется тем, что

— их конструкция, если это материальные предметы, есть результат определенных изменений продуктов природы;

— эти изменения конструктивно заданы, поэтому они фиксированы сознанием человека;

— данные конструктивные изменения фиксируются, задаются и осознаются во всех сферах общественной жизнедеятельности.

Эта специфика конструктивной деятельности человека позволяет уточнить и специфику процесса научного познания в исторических науках. В наиболее общем виде познание есть взаимодействие типа "субъект — объект" или "исследователь — конструктивный процесс в объекте познания". Этот процесс исследуется по определенному набору конкретно заданных объектов, относящихся к результатам конструктивной деятельности людей, фиксируемых в процессе исследования в качестве научных фактов.

Но научная деятельность как один из видов социальной деятельности⁶ сама по себе также содержит *конструктивный элемент*, который должен быть первоначально воспроизведен в мышлении, т.е. *смоделирован*. Исходным в моделировании процесса исследования является постановка познавательной задачи, которая содержит указание на конкретный объект познания (сферу социальной деятельности), какие элементы его будут выделены в качестве предмета познания (конкретный раздел социальной сферы и характер исследуемых отношений), а также до какого уровня должно быть доведено исследование объекта. Естественно, при этом необходимо овладение всей суммой знаний, накопленных наукой о данной сфере, и, безусловно, знакомство с фактами.

Главным, однако, является указание на способ исследования, результатом которого будет новое знание, ранее не известное в данной конкретной науке до начала исследования или было в другой науке, а к данной адаптировано впервые. Центральное внимание в науке, естественно, уделяется первому виду знаний. Что же собой представляет научное исследование, из каких основных компонентов оно состоит и

какова структура процесса исследования? Остановимся первоначально на рассмотрении в самом общем виде компонентной структуры и ступеней восхождения научно-исследовательской деятельности.

Научное исследование как взаимодействие между активным субъектом и объектом познания осуществляется по определенной модели. Естественно, всякая модель процесса всегда будет сопряжена с известным огрублением, схематизацией. Модель процесса, описанного ниже, заимствована из философских работ⁷ и преобразована лишь в соответствии с конкретным археологическим исследованием, которое проиллюстрируем на ряде примеров.

Первый пример эмпирического исследования взят из полевой практики раскопок археологических памятников, что представляет собой своеобразный вариант эксперимента, который невозможно повторить на данном конкретном объекте, но возможно проверить на идентичных или сходных объектах. При этом, конечно, каждый из них будет содержать и какие-то индивидуальные черты, но бесспорно у них будет и много общего. Если каждый курган, подвергнутый исследованию, дает нам отдельный, единичный факт об объекте и процессе исследования, то сумма результатов всех исследованных курганов дает представление о типах курганов, о полном предмете исследования, об идеализированном процессе исследования курганов такого-то типа.

Второй вариант взят из области изучения вещевых остатков — железной мотыги. Оба примера достаточно просты, но именно это и дает возможность проследить основные элементы и их функции во всем процессе исследования.

Таблицы 1 и 2 иллюстрирующие систему эмпирических исследований, составлены так подробно, что нет надобности их описывать, достаточно с ними ознакомиться для уяснения содержания.

В анализируемой системе обратим внимание на следующие моменты.

1. В целом метасистема "научное исследование" состоит из трех подсистем — "эксперимент", "наблюдение" и "теория", каждая из которых может быть в известной мере рассмотрена как самостоятельная система или в парной связи. Соединяющим звеном всей системы является "исследователь" — субъект, для которого каждая подсистема представляет как бы разные его органы: действия, чувства и мышление.

2. Процесс исследования проходит через стадию *анализа*, "расщепляющего, раскладывающего" целостный объект на его составные элементы и создающего абстрактные образы, копии этих элементов, а затем стадию *синтеза*, соединяющего эти образы в новом качестве целостности в компоненте "предмет исследования". Естественно, главная задача аналитико-синтетического процесса — получить в "предмете исследования" как можно более адекватное отражение объекта исследования. Но ясно также, что степень адекватности будет зависеть не только от исследовательского опыта ученого, но от многих других факторов, и в первую очередь готового (накопленного) знания.

Таблица 1. Метасистема "Научное исследование. Эмпирические исследования"

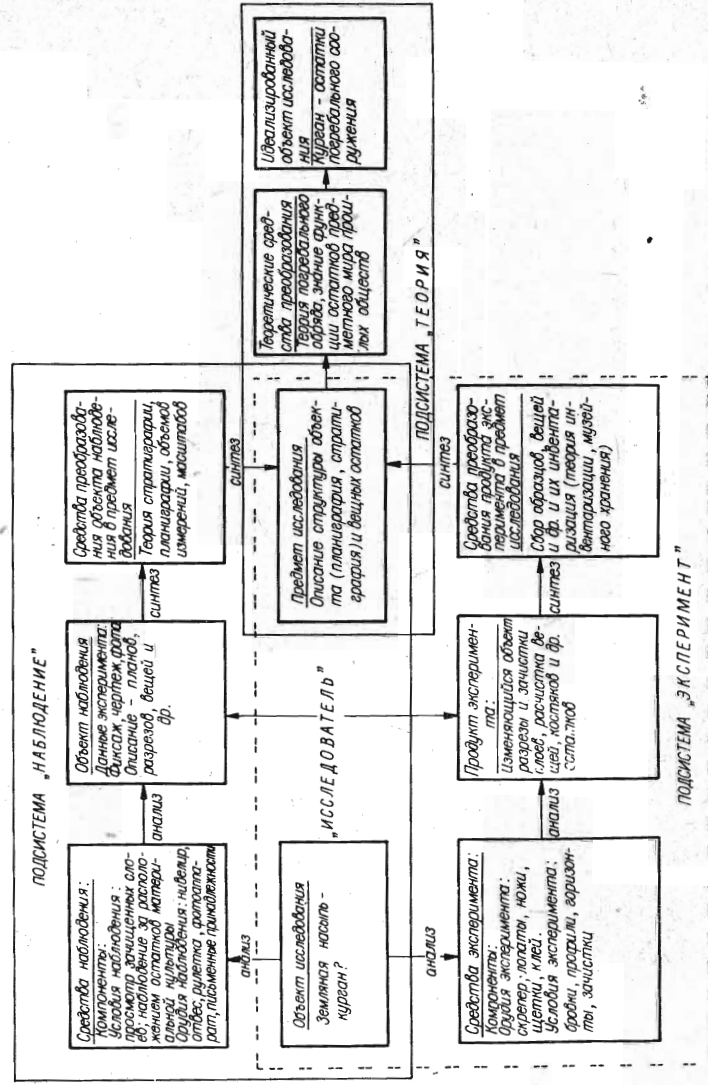
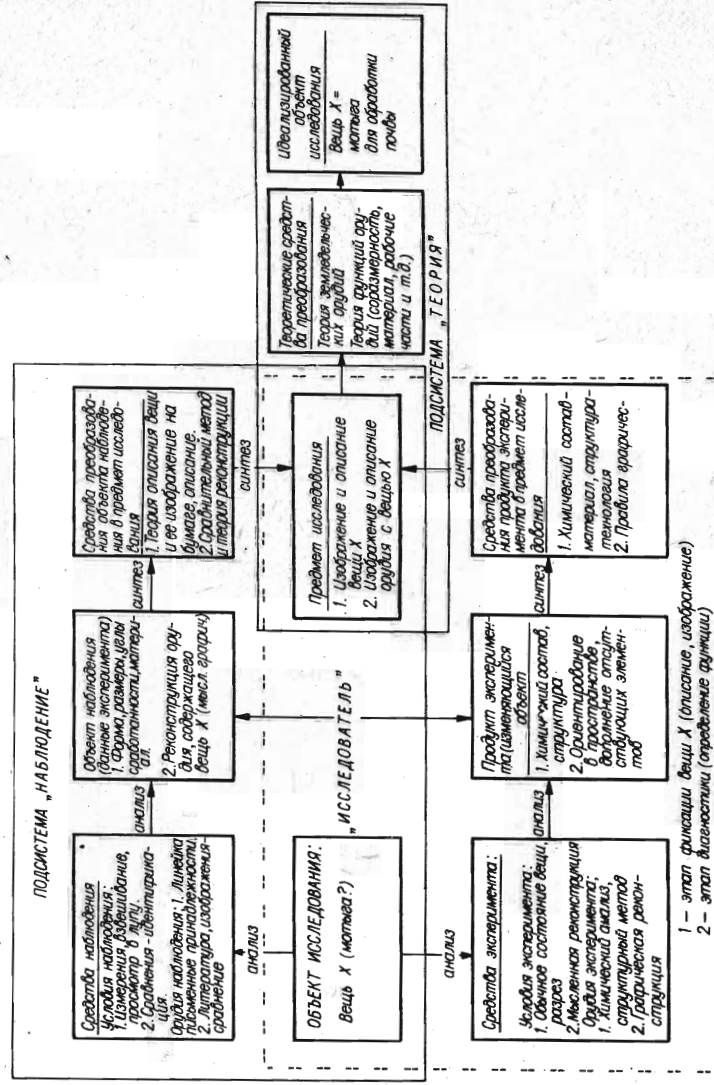

Таблица 2. Метасистема "Научное исследование. Эмпирические исследования"

3. В функционировании системы в целом и каждого компонента в отдельности решающее значение имеют многочисленные подсистемы, в которых взаимодействуют "готовые знания" и "система действий". *Готовое знание* везде выступает как теоретическое знание об объекте исследования, а *система действий* — как знание правил оперирования этими готовыми знаниями на практике.

4. Адекватность отражения в "предмете исследования" исходного "объекта исследования" будет зависеть от уровня развития "готового знания", глубины проникновения в сущность явлений, которые оно отражает, и в не меньшей степени от знания того, как применить эти "готовые знания" в процессе получения нового знания, т.е. использовать его для построения системы действий. Искажение в любом звене цепи исследования приводит в конечном итоге к искаженному представлению об объекте исследования в "предмете исследования".

5. Специфика эмпирического исследования в археологии состоит в том, что в "предмете исследования" мы получаем лишь более или менее адекватное описание объекта исследования, социальная сущность которого при этом еще не может быть раскрыта. Для "социального диагностирования" этого объекта ("опознания" как элемента предметного мира социальной системы) необходимо подключить подсистему "теория" и компонент "теоретические средства преобразования", которые содержат не только наши знания о внешности объектов исследования, но и теории формирования этих объектов и их функционирования. Анализ "предмета исследования" теоретическими средствами и позволяет получить "идеализированный объект исследования", в котором содержится не только адекватное отражение структуры исходного объекта исследования, но и его социальное толкование хотя бы даже в одном термине "курган" или высказывании "курган — остатки погребального сооружения", так же, как и определение вещи — "мотыга для обработки земли".

6. Как видно из описанных примеров в археологии нет "чисто" эмпирических исследований, в которых в той или иной мере не привлекались бы элементы теоретического знания. И совершенно очевидно, что чем глубже процесс социально-исторического познания археологических объектов, тем больше будет расширяться и приобретать все большее значение теоретический компонент археологических исследований. Эмпирический и теоретический уровни в археологии, как и в других науках, — это два основных качественно различающихся способа познания объективного мира, и на раскрытии их в дальнейшем будет сосредоточено основное внимание.

В описанной системе исследования выделено два основных цикла процесса исследования — анализ и синтез. Этот процесс развертывания научного знания был в свое время описан К.Марксом и получил название метода восхождения от абстрактного к конкретному. --

Первая аналитическая стадия сводится в основном к расчленению конкретного целого в процессе схематизации и упрощения для выделения наиболее существенных свойств, связей и отношений. Эта стадия — восхождение от конкретного к абстрактному — дает представление о реальном конкретном в виде расчлененных "гощих" абстракций и простейших определений, которые позволяют перейти в познании к следующей, синтетической стадии, когда синтез абстракции рождает новое, обогащенное представление о конкретном целом в богатстве познающего многообразия. Поэтому, писал К.Маркс, "метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его как духовно конкретное"⁸ и как замечает философ Г.А.Рузавин "закономерность движения познания от абстрактного к конкретному носит всеобщий характер"⁹ в исследовательской деятельности.

В описанных выше примерах содержались указания на конкретные элементы участвующие в процессе исследования. Но за каждым из них стоит определенное теоретическое основание, которые и формируют сложную и целостную систему научно-исследовательской деятельности, к рассмотрению основных компонентов которой применительно к археологии перейдем в следующих разделах.

1.2. ПРОБЛЕМА ПРИНЦИПОВ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ В АРХЕОЛОГИИ

В наиболее общем виде частнонаучная познавательная система раскрывается в принципах познания, присущих ей, и построение этой системы как специфической целостности. Система познания археологии, выдвигающая в качестве основания социально-исторический подход к изучению древних обществ, требует особого логико-методологического анализа¹⁰. Основные положения, определяющие социально-историческую эволюцию — это сфера философии, социологии и общей истории. Для эффективного освоения их в археологии принципы этого познания должны быть приведены в соответствие со спецификой археологического знания. "Принципы, — писал Ф.Энгельс, — не исходный пункт исследования, а его заключительный результат... принципы верны лишь постольку, поскольку они соответствуют природе и истории"¹¹. Формирование тех или иных принципов в системе научно-теоретического знания означает, что обнаружен "конкретный способ отражения общего и всеобщего в группах тех или иных факторов, а значит, и способ отражения того общего и всеобщего в объективной действительности"¹².

Основные исходные принципы археологического познания детерминированы тремя главными факторами: во-первых, формами и способами существования объективной реальности, исследуемой в археологии, в данном случае жизнедеятельностью древних обществ; во-вто-

рых, целями познания объективной реальности, которые формулируются в предмете археологии как особой научной системе, и, в-третьих, возможностями познания древних обществ средствами данной науки, что в археологии обусловлено исследованием остатков опредмеченной жизнедеятельности этих обществ. Естественно, что каждый из этих факторов — лишь элемент, и только рассмотрение их в органической взаимосвязи и единстве позволяет формулировать принципы археологического познания как целостную систему.

Исходные принципы конкретно-научной системы должны вытекать прежде всего из содержания объекта и предмета данной науки¹³. Причем эта проблема не столько частнонаучная, сколько философская, хотя ее и должна решать специалист-археолог. И решение ее как философской проблемы обусловлено в первую очередь общефилософской, мировоззренческой позицией ученого. Это отправная точка отсчета всех построений, и она может быть выполнена на базе марксистского понимания сущности социально-исторического развития и принципов его адекватного отражения в нашем познании.

Объект — это та внешняя реальность, которая независима от познания и противостоит научной системе. Такой реальностью в археологии являются общества прошлого. Но богатство содержания жизнедеятельности социальных систем, многообразие выявляемых в них сущностей (законов существования) и сложность познания их предопределило дифференцированность обществознания на множество наук. Причем каждая из них выделяет в этом всеобщем объекте свой ракурс — определенную сторону объекта — действительность, включаемую в практическую деятельность этой науки. Поэтому общество как объект науки социологии — это одна сторона, как объект истории оно рассматривается уже с другой, а как объект археологии уже с третьей стороны. Следовательно, с этих позиций объективная сторона действительности, существующая независимо от познания, определяется сознательно в процессе формирования представления о предмете науки. Именно в этой категории данная сторона объективной действительности фиксируется в ее основных понятиях. Поэтому категория "предмет науки" и выступает в единстве — как система объективно существующих закономерностей, связей жизнедеятельности прошлых обществ и как система понятий, отражающих эти связи, причем с той стороны, с которой их выделяет данная наука в объективной действительности.

Формирование предмета археологии — достаточно сложный процесс, отображающий развитие самой науки, обусловленный взаимодействием представлений об объекте и познавательными задачами, возникающими в практике исследования. Когда речь идет об объекте, то, кроме той стороны действительности, которую выбирает наука, она не может не считаться с тем, в какой форме эта сторона доступна ей для чувственного восприятия — элементарного акта, с которого начинается сам процесс исследования. Для археологии, как и истории, эта осо-

бенность состоит в том, что общество прошлого как целостность отсутствует, а мы располагаем лишь предметными остатками его жизнедеятельности, которые становятся источниками познания и объектом непосредственного (чувственно-воспринимаемого) исследования.

Формулирование познавательной задачи, следовательно, является важнейшим фактором в формировании предмета науки, особенно общественной, в том числе и археологии, в которых мировоззрение исследователя выступает на первый план. Ибо в познании социальных систем — обществ далеко не безразлично, как, с какой — материалистической или идеалистической — позиции будет объясняться развитие системы, какие факторы будут определяться как системообразующие и т.п.

Советская археология в качестве главной цели археологического познания ставит исследование закономерностей социально-исторического развития отдельных обществ древностей, теоретико-методологической базой которого является материалистическое понимание истории и его ядро — учение об общественных формациях. Каждое историческое общество представляет собой, конечно, весьма специфическое образование, но в основе любого конкретного общества как социального организма всегда лежит определенная система экономических, производственных отношений, которые составляют его экономический базис, в конечном итоге определяющий все прочие отношения и исторический тип общества, принадлежность к определенной общественной формации или ее конкретной ступени. Поскольку система общественных отношений является решающим фактором стабилизации качественно определенной структуры социально-исторического организма — отдельного общества прошлого в определенных пространственно-временных и социальных пределах, данные положения выступают в качестве *исходного постулата или основных принципов фундаментальной теории, определяющих основание любой теоретической конструкции в социально-исторических исследованиях* конкретных обществ прошлого.

Специфика источников как вторая сторона познания, определяющая предмет познания науки в соответствии с целями познания и принятым исходным постулатом, также получает новую трактовку. Он, источник, должен выступать как органический компонент познаваемой системы — общества прошлого, иначе исследование его не достигнет главной задачи — адекватного отражения социальной истории этих обществ. Следовательно, необходимо взять такой структурный срез социальной системы, который содержал бы в качестве неперменного компонента археологические источники, естественно, в том качестве, в котором они были в момент ее функционирования, т.е. в процессе ее жизнедеятельности. Такой срез — это подход с точки зрения субстанции, материала, из которого состоят основные компоненты жизнедеятельности социальной системы, а именно: предметный мир, соци-

альные процессы (деятельность), духовные процессы (идеи, знания) и человек (коллектив) как носитель социальных качеств системы¹⁴. Это наиболее универсальный подход (срез), и какую бы сторону жизнедеятельности социальной системы, на каком бы уровне ее социальной организации мы ни взяли, исходным всегда будет структура, включающая перечисленные выше компоненты. Определение их конкретного содержания (субстанции) и взаимосвязей воссоздает структуру изучаемого объекта и придает исследованию конкретно-исторический характер.

Археологические памятники (источники) это и есть остатки *компонента предметного мира* прошлых систем, а сам этот предметный мир есть порождение социальной системы, ее опредмеченная сущность, что и ставит теорию опредмечивания в центр археологического познания. Основной проблемой теории опредмечивания, рассматриваемой в наиболее общем аспекте, является, с одной стороны, содержание основных субстанциональных компонентов социальной системы, а с другой — способы взаимосвязи компонентов, причем в первую очередь предметного мира, определяющего качественную целостность социальной структуры. При этом ясно, что способы взаимосвязи предметного мира с другими компонентами детерминированы законами социальной организации. Категория опредмеченности, предметный мир в последнее время все больше привлекает внимание философов в исследовании социально-исторического процесса¹⁵. На важность и необходимость введения данной категории в систему археологического познания уже неоднократно обращалось внимание¹⁶.

Итак, специфика системы археологического знания состоит в том, что она формирует его путем исследования ископаемых остатков непосредственной опредмеченной деятельности древних обществ и, таким образом, *опираясь на закономерности опредмечивания их жизнедеятельности*, реконструирует ее и исследует социально-исторический процесс в его многообразии, в том числе и закономерности его социального развития.

Система археологического познания должна, как и в любой науке, базироваться на исходных *принципах фундаментальной научной теории*, которая имеет свои параметры, где определяющим выступают ее *основания*. В каждой теории основания включают некоторое число утверждений об идеализированных объектах своей предметной области, выраженных в фундаментальных понятиях, а также общие философские специально-научные утверждения. Последние не доказываются в данной теории, а берутся как интуитивно ясные, истинность и обоснование которых проверены в других науках.

Теоретические конструкты теории должны обрисовать ее фундаментальные принципы и фундаментальные факты, входящие в теорию из эмпирического базиса или других наук. Принципы рождаются на базе обобщения научных фактов как результат творческого мышления,

в котором происходит качественный скачок — от конечного числа фактов к бесконечному числу и тем самым к сущности, закону. В основания теории включаются и некоторые группы правил, по которым фиксируют факты, явления в данной научной системе, а также правила оперирования и преобразования научных фактов в процессе исследования.

Опираясь на основные положения объекта и предмета познания археологии, можно попытаться сформулировать контуры исходной фундаментальной археологической теории, которые позволили бы в исследовании достичь максимума адекватного отражения в познании законов социально-исторического развития отдельных обществ прошлого, изучаемых средствами археологии. Эта теория должна базироваться на признании того, что археологическое знание относится к сфере общественно-исторического, а в марксизме история общества рассматривается прежде всего с позиций его социального развития, поэтому в ее составе в онтологическом и гносеологическом аспектах выделяются три основные грани, уровня, глубины отображения действительности: общесоциологический, исторический, археологический.

Общесоциологический уровень, отражает общие законы социального движения, и здесь объектом познания выступает социальная система как таковая. В основе познания этого уровня лежит теория исторического материализма и материалистического понимания истории — теория об исторической необходимости, содержащая основные законы социальной эволюции: — об определяющей роли общественного бытия по отношению к общественному сознанию; — об определяющей роли общественного производства по отношению к непродуцируемым сферам; — о соответствии производственных отношений производительным силам; — о смене социальных формаций путем социальных революций. Основополагающими в познании социальной жизни являются принципы *социального детерминизма* — признание закономерного характера социального развития на основе разрешения внутренних противоречий.

Исторический уровень — объективной стороной действительности здесь выделяется система в ее исторической реальности, то есть реализация законов социального развития в конкретных обществах, существующих в конкретном пространстве и времени. Основу познания этих обществ составляет учение о социальных формациях, в котором определяющим фактором выдвигается способ производства, обуславливающий развитие каждого общества. На этом уровне выделяются прежде всего социально-исторические организмы (СИО) как объекты исторического (в широком смысле) познания закономерностей их социального развития под воздействием конкретных условий: способа экономической деятельности, экологического, этнического, социального окружения, исторических традиций, исторической неравномерности социального развития и т.д. Основополагающим прин-

ципом познания этого уровня является *принцип историзма*¹⁷ — признание конкретно-исторической обусловленности социального развития общества.

Археологический уровень — объективной стороной действительности берется предметно-технологический способ жизнедеятельности отдельных СИО—АК — как целостности — объекта познания археологии, остатки предметного мира которых — реальность доступная чувственному восприятию в исследовании. Познание этого уровня основывается на законах предметно-практической деятельности, определяющих роль и специфику предметного мира и предметно-технологического способа жизнедеятельности:

— предметный мир — *непременный компонент социальной системы*, это основное *средство социальной деятельности*, а создание предметного мира — *средство удовлетворения социальных потребностей* индивида и общества;

— предметный мир выражает "родовую сущность" общества, *аккумулируя материализованный опыт* преобразующей жизнедеятельности и накопленного знания;

— опредмечивание в каждом СИО—АК детерминировано степенью развития его *способа производства и этноисторическими традициями*;

— в опредмечивании опосредовано выражены *социальные отношения*; опредмечивание в каждой сфере осуществляется согласно законам ее развития и специфики технологии деятельности.

Законы опредмечивания выражают единство живой и опредмеченной деятельности и составляют основание теории опредмечивания социальных потребностей, как главного компонента фундаментальной археологической теории, ибо именно она составляет базу социоисторических исследований археологии. Теорию опредмеченности можно предложить в следующей формулировке:

Опредмечивание социальных потребностей и жизнедеятельности индивида, общины, отдельного общества (СИО—АК) детерминировано спецификой сфер деятельности и функции потребностей, этноисторическими традициями, экологическими и общественно-экономическими условиями жизни каждого общества, в соответствии с формационной степенью его развития.

Общий закон, как и теория опредмечивания для реализации в практике археологических исследований требует дальнейшей разработки основополагающих принципов опредмеченности, как базы археологического уровня познания, что предполагает подход к изучению предметного мира с точки зрения:

во-первых, *функциональных зависимостей опредмечивания*: специфичности удовлетворения потребностей различных социальных сфер, формообразования и свойств природного материала перерабатываемого в предметный мир;

во-вторых, *информативности*: наличия в элементах предметного

мира информации как о прямой функции, так и опосредованной, отражающей состояние иных сфер (сторон) данной социальной системы; в-третьих, *принципов развития*: эволюционного и скачкообразного характера изменения способов и форм опредмечивания;

в-четвертых, *социальной обусловленности*: порождения опредмеченностей определенными социальными отношениями и потребностями, удовлетворение которых само зависит от степени развития социальной системы, а также от преемственности и традиций каждого общества;

в-пятых, *общих принципов диалектики*: случайности и закономерности, конвергенции и дивергенции, отношений содержание — форма, количество — качество и т.д.

Эти принципы определяют подход к начальному этапу социоархеологического познания — реконструкциям предметно-технологического способа деятельности на уровне образа жизни.

Рассмотрев все три уровня исходной *фундаментальной археологической теории*, попытаемся дать ей общую формулировку:

Определяющим фактором (законом) функционирования отдельного общества — СИО—АК является развитие его материальной деятельности в соответствии с конкретно-историческими социально-экологическими условиями и процессом опредмечивания социальных потребностей данного общества.

Эта теория выступает логико-методологическим обоснованием при построении как социоисторической познавательной системы археологии в целом, так и создания любой частной теории, связанной с изучением закономерностей исторического развития отдельного СИО—АК, отдельных сфер, процессов, явлений и т.д.

* * *

Для характеристики научно-познавательной системы в структурном срезе необходимо раскрыть диалектико-материалистическое понимание единства онтологии, гносеологии логики и методологии данной теории, в котором эти подходы представляют различные способы построения научной системы археологии.

Онтологический аспект предполагает, что в основу построения системы берется движение самой объективной действительности, т.е. развитие жизнедеятельности социально-исторических организмов. При этом специфическими категориями их представления в археологии являются способ жизнедеятельности СИО—АК, в котором выделяется предметно-технологическая и социально-историческая стороны; сферы жизнедеятельности, отображающие различие в содержании и формах деятельности (материальная, общественная, духовная, управленческая сферы).

Гносеологический аспект рассматривает построение научной системы с позиций движения познающей мысли, отражающей осмысление объективного процесса — социально-исторического развития

прошлых обществ как определенных целостностей. В этом аспекте категории раскрывают особенности познавательного процесса археологии:

реконструкции социальной целостности — фактов исторической действительности по остаткам предметного мира (археологическим источникам);

отражение в процессе познания уровней общности и закономерностей развития социально-исторической действительности прошлых обществ: образа жизни, системно-исторический и формационно-социологический, которые отражают и уровень социальной организации СИО—АК.

Л о г и ч е с к и й а с п е к т построения научной системы рассматривает ее со стороны специфической логики мышления, связанной с введением и оперированием понятиями, характерными для специфического предмета археологической науки, т.е. именно тех сторон, которые выделены в социальных системах — СИО—АК как объект познания археологии. В системе социо-исторического познания основные категории формируются в двух подходах, когда осуществляются:

— *социологический анализ*, при котором археологические источники — остатки предметного мира прошлых обществ — вводятся в систему социологических понятий, позволяющих характеризовать общества прошлого СИО—АК со стороны структуры их социальной жизнедеятельности; — *исторический анализ*, вводящий источник в систему исторического познания, когда явления локализируются в пространстве и времени, рассматриваются в генетической и этнической взаимосвязи и т.д.

Особое значение в логическом построении системы археологического знания приобретает обоснование понятийного аппарата, анализ мыслительных форм и операций, а также логики связи отдельных компонентов знания, особенно трех основных уровней отражения СИО—АК.

Проблема формирования понятийного аппарата затрагивает все аспекты познания в построении фундаментальной теории, поэтому рассмотрим наиболее общие подходы уже в данном разделе. При разработке любой новой фундаментальной теории, в том числе и археологической, обоснование ее связано с введением в систему познания новых исходных абстракций и идеализаций, которые выступают как цементирующая основа построения научного знания.

В период господства культурно-исторических концепций в археологии были введены понятия, формировавшие главным образом эмпирический базис науки, а в системе теоретических построений заимствованы некоторые понятия из других наук:

общая исходная категория ("начало науки") — культура (материальная культура, вещественные памятники);

понятийный аппарат эмпирического описания источников (памятник, городище, стоянка, культурный слой, жертвенник, погребение, категории вещей и т.п.);

понятия в системе типологии: признак, тип, комплекс, эпоха, археологические века и наиболее фундаментальное — археологическая

культура как совокупность внешне сходных памятников одного времени и территории;

объяснительные факторы: форма вещи (формальный анализ), эволюционизм, диффузионизм, культурные круги и т.п.

С соответствующими модификациями большинство этих понятий включается и в новое социально-историческое направление археологического познания, но появляется необходимость новых понятий:

общая исходная категория ("начало науки") — артефакт, предметный мир, опредмеченность;

всеобщие свойства археологических источников: археологичность, функциональность, ассоциативность;

археологическая культура как аналог социально-исторического организма (отдельного общества), иерархия социальных общностей — этнокультурная общность (ЭКО), культурно-историческая общность (КИО) и т.д., основная единица научного анализа — памятник (комплекс);

понятия сфер социальной жизнедеятельности и уровней социальной организации;

понятия уровней познания прошлой исторической действительности (эмпирический и теоретический с соответствующими ступенями и т.п.).

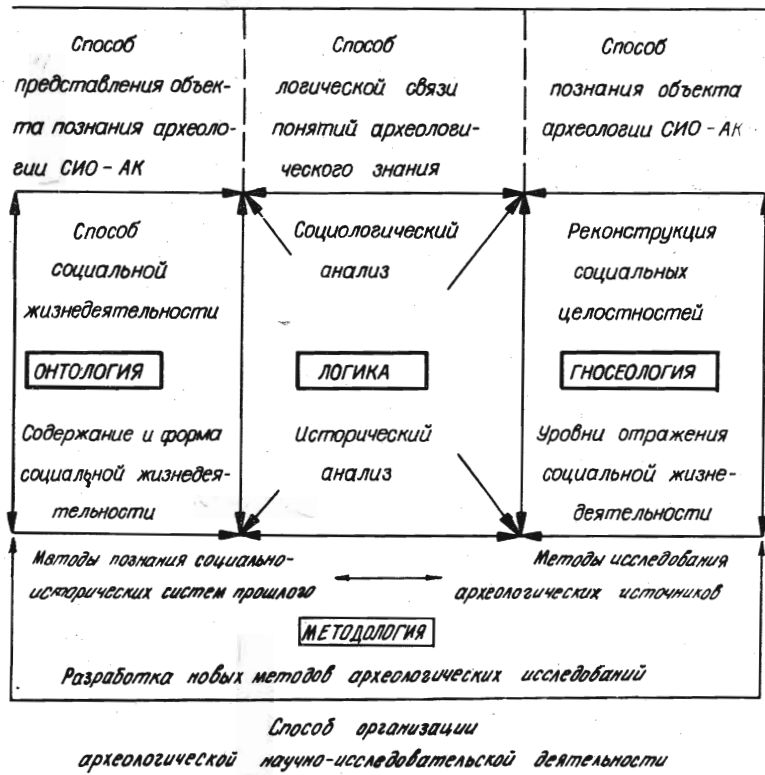
М е т о д о л о г и ч е с к и й а с п е к т определяет построение научной системы со стороны организации научно-исследовательского процесса, связанного с применением специфических способов получения и развития научного знания. Методологическая деятельность это прежде всего поиск новых способов деятельности в любой сфере научной системы, определяющих новые нормы деятельности — новые методы, которые в дальнейшем приобретают прикладное значение — многократное применение в идентичных ситуациях при решении однотипных познавательных задач.

Структурирование научной системы археологии представляет собой в определенной степени интерпретацию исходной фундаментальной археологической теории. Эта структура должна воспроизвести в единстве, в логической взаимосвязи выделенные в ней компоненты и категории как закономерную связь структуры процесса познания объекта — СИО—АК и структуры закономерностей социально-исторического развития самого этого объекта.

Археологическая теоретическая конструкция, вскрывая закономерности социально-исторического развития древних обществ, по логической форме должна отображать объект исследования в двух ракурсах: эмпирически наблюдаемым в артефактах, теоретически осмысливаемым как определенное явление, фрагмент закономерности развития социально-исторической действительности.

Если первое базируется почти исключительно на наблюдении и дальнейшем преобразовании артефактов и их свойств, то второе — результат работы теоретической мысли, конструирующей социальные целост-

Таблица 3. Структура научной системы археологии

ности, в которых эмпирические данные лишь опосредованно вводятся в знание.

На базе всего этого в конечном итоге и формируются основные принципы социально-исторического познания археологии, принципы, которые верны в той мере, в какой они соответствуют истории. В схематическом виде эта структура может быть изображена в следующем виде (табл. 3).

Каждый из перечисленных компонентов необходимо рассмотреть со стороны его основного содержания и функции в системе.

1.3. ОБЪЕКТ ПОЗНАНИЯ АРХЕОЛОГИИ (ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОСТРОЕНИЯ НАУЧНОЙ СИСТЕМЫ)

Частная наука фиксирует в объективной реальности — сложноорганизованном, богатом сущностями объекте — специфическую объективную сторону, которая выделяется для данной науки как объект ее позна-

ния. Согласно исходной фундаментальной археологической теории, общества прошлого исследуются в социально-историческом аспекте, через изучение остатков их опредмеченной жизнедеятельности.

При онтологическом подходе в основе построения научной системы лежит движение самой объективной действительности, поэтому здесь необходимо выяснение того, что составляет основу исторического процесса и движущих сил его развития.

Основой движения сложноорганизованных систем диалектика считает прежде всего самодвижение, саморегуляцию, разрешающую внутренние противоречия системы. Исходной в рассмотрении источников и движущих сил исторического процесса является социальная причинность, наиболее общими чертами которой выступают всеобщность, необходимость и многообразие. Специфические черты социальной причинности — это ее реализация через деятельность людей и наличие в ней элементов, которых нет в природе: социальные потребности, интересы, цели, а главное — предметный (вещный) мир для удовлетворения социальных потребностей. В социальных системах саморегуляция разрешается через общественные отношения, саморегуляция внутренней структуры в процессе жизнедеятельности, направленной на естественное и социальное воспроизводство системы, существование которой реализуется за счет деятельности по переработке и использованию энергии внешней среды — продуктов природы в процессе материального производства. "История, — писали К.Маркс и Ф.Энгельс, в "Святом семействе", — не что иное как деятельность преследующего свои цели человека"¹⁸. Жизнедеятельность, таким образом, выступает как способ существования исторической действительности.

Взяв деятельность в качестве исходной категории теоретического воспроизведения исторического процесса, мы получаем возможность объективного познания "способа существования и развития исторической действительности, генезиса материальных общественных отношений, в которые люди вступают в общественном производстве своей жизни независимо от своей воли"¹⁹. Особо важно подчеркнуть, что категории "жизнедеятельность", "деятельность" берутся здесь и в дальнейшем изложении исключительно в их социологическом содержании как категории, обоснованные в историческом материализме²⁰.

Для анализа содержания, форм и способов жизнедеятельности древних обществ со специфической стороны объекта познания археологии необходимо рассматривать ее в двух ракурсах:

как единство качественного многообразия содержания и форм социальной деятельности, и в этом плане будут выделяться качественно различающиеся сферы социальной деятельности (экономическая, социальная (общественная), политическая и духовная);

как единство многообразия способов социальной жизнедеятельности, где можно выделить два составных уровня: предметно-техноло-

гический и социально-исторический способы жизнедеятельности, различающиеся по уровню общности действия законов социального развития.

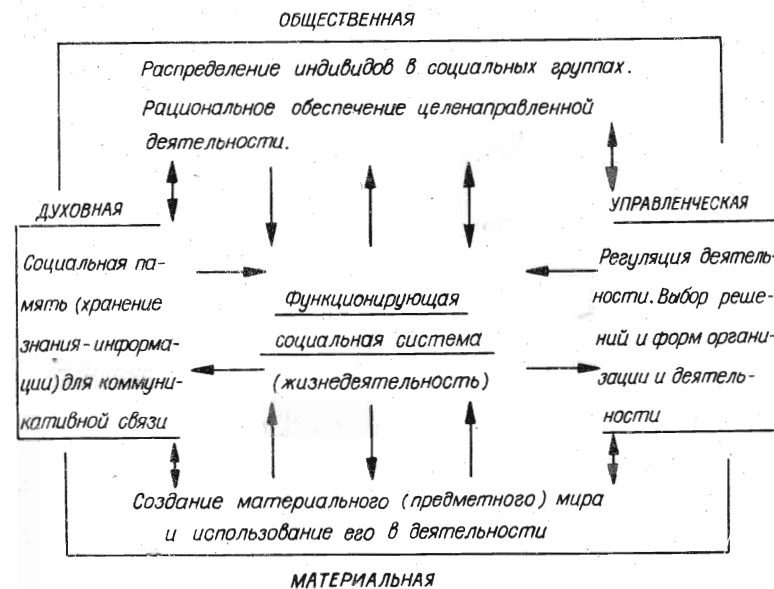
Сферы жизнедеятельности как функциональные компоненты социальной системы. Социальные сферы – достаточно широко распространенное понятие в социологии, философии и даже истории и археологии, хотя оно не получило до сих пор общепринятого теоретического определения. Ясно, что сферы различаются между собой по содержанию, специфическим средствам и результатам деятельности. Большинство исследователей понимают под социальной сферой определенную сторону общества, "часть, объективно существующую, структурно оформленную и связанную с другими сферами, с обществом в целом"²¹, но этого, считается, явно недостаточно для определения сфер в качестве категорий социального познания. Можно предложить подход к пониманию сфер деятельности с позиций выделения качественно различающихся функциональных компонентов общества, рассматриваемого как функционирующее целостное структурно-системное образование.

Социальные системы по всеобщему признанию относятся к классу материальных систем с высоким уровнем самоорганизации и самоуправления. Основное свойство их – активное внутреннее самодвижение на основе преодоления внутренних противоречий и регулярного воспроизведения внутреннего состояния системы за счет энергии внешней среды. Такие системы характеризует высокая степень организации и функциональная направленность в обеспечении систематического получения определенного результата, независимо от внешнего воздействия, что позволяет сохранить структурную целостность системы и ее качественную определенность. Функционирование сложноорганизованных систем обеспечивается особым механизмом управления, регулирования взаимодействия компонентов системы на базе высокого уровня развития системных свойств отражения, информации и управления.

Рассмотрение любого социального организма как функционирующей материальной системы предполагает выделение в нем системообразующих компонентов и определение их иерархического уровня. Именно в этом аспекте могут быть объяснены сферы социальной жизнедеятельности как компоненты сложноорганизованной социальной системы со своими функциями и, соответственно, видами деятельности, направленными на стабильное функционирование по удовлетворению качественно различающихся общественных потребностей.

В соответствии с этим, каждая сфера должна развиваться по своим специфическим законам, интегрируемым, в конечном итоге, законами развития социального организма в целом. Но это не исключает, а наоборот, формирует самостоятельность, автономность каждой сферы в рамках функций заданных ей системой.

Таблица 4. Социальные сферы как компоненты функционирующей социальной системы

Материальная сфера. Каждый акт социальной деятельности предполагает взаимодействие человека (общества) с материальной субстанцией, будь то природа, предметный мир или сам человек, что и будет составлять материальную основу жизнедеятельности любого уровня как сфера взаимодействия системы со средой. И в этом аспекте данная сфера выступает как всеобщий непрерывный компонент – материальная основа любого акта жизнедеятельности.

В пределах этой широкой сферы вычленяется в качестве основной подсистемы экономическая сфера, объединяющая материальное производство – деятельность, направленную на освоение энергии внешней среды, переработки ее в предметный мир, обеспечивающий материальные потребности общества. Понимаемая как системный элемент, материальная сфера выражает отношения взаимодействия общества (человека) и природы, составляющей основу материальной жизни всей системы, ее главный системообразующий фактор. "Способ производства материальной жизни, – писал К.Маркс, – обуславливает социальный, политический и духовный процесс жизни вообще"²². Этим К.Маркс не только определял основные структурные компоненты – сферы жизнедеятельности, но и их иерархию в социальной системе. Экономическая сфера в политэкономии рассматривается прежде всего в аспекте определенного способа производства, а в социально-историческом познании это производственные структуры различного уровня,

среди которых первый — выделение пищевого и непищевого производства, а далее — следующие подразделения по отраслям производства: охота, рыболовство, скотоводство, земледелие и т.п. В другом аспекте выступают региональные особенности различных видов производства, процесс общественного разделения труда, обмен материальными ценностями и т.д.

Другой не менее обширной подсистемой материальной сферы является *бытовая*, в которой осуществляется удовлетворение социально опосредованных потребностей по поддержанию жизнеспособности человека в пище, одежде, жилище и т.п.

Общественная (социальная) сфера — это механизм, регулирующий организационную структуру системы и прежде всего его активный компонент, интегрирующий все системные качества — общественного человека, коллектива. В широком аспекте любая деятельность людей всегда содержит организационное начало, что и придает ей рациональность, достижение определенной цели, результата. И в этом всеобщая функция данной сферы. Жизнедеятельность людей по своей природе всегда общественна, ибо для выполнения определенных функций и достижения конкретных целей, связанных с удовлетворением потребностей и интересов, они организуются в различные социальные группы — общности — временные или постоянные, большие или малые, самых различных порядков и уровней, формирующих сложную многокомпонентную, многоуровневую систему со своими функциями в общественной структуре каждого социального организма. Постоянные общности обеспечивают стабильную структуру всего социального организма, и в этом плане из системы отношений постоянных групп, формирующихся на базе общественного производства, выделяется основная подсистема данной сферы — социальная, определяющая место индивида (группы) в общей структуре производства.

В условиях первобытности основными социальными ячейками выступают семья, род, община, племя и наиболее крупная социально-историческая общность — народ. Однако общественная система может быть рассмотрена и в другом ракурсе — как выделение производственных ячеек или профессиональных групп и т.д. В классовом обществе основную роль играют классы и классовые отношения.

В системе археологического знания особое значение имеет категория **народ** — как отдельное общество, не данное своей непосредственной наличностью, как в других науках, поэтому здесь его необходимо сконструировать. Как основной объект социально-исторического познания, народ — это аналог социально-исторического организма, а в системе археологического знания — категории "археологическая культура" (АК).

Управленческая (политическая) сфера. Наиболее четко эта сфера выражена в классовом обществе как сфера политики, но в более широком социальном плане должна рассматриваться как

сфера деятельности (осознанной или неосознанной) по управлению (регулированию) социальными процессами на базе отражения и переработки информации об их состоянии и потребности, в чем проявляется элемент самоуправления, саморегулирования, как объективного свойства социальных систем.

В доклассовых обществах большинство управляющих или регулирующих актов или вообще не осознаются, поскольку не отчленены от элементарной хозяйственной, бытовой и иной деятельности, или находят выражение в устойчивых традициях социальных групп. Главное — первоначально функция управления не формирует самостоятельную сферу деятельности и лиц, занятых только ею. Лишь с возникновением племенной организации зарождаются элементы обособленной политической сферы, призванной регулировать отношения между значительными социально-экономическими образованиями²³. Для классовых обществ достаточно хорошо известно ленинское определение "политика есть самое концентрированное выражение экономики и ее обобщение и ее завершение"²⁴.

Духовная сфера — это механизм осознания жизнедеятельности на основе свойств отражения, кодирования информации и перевода информации о деятельности в социальную память, на основе которой актуализируется любой вид деятельности, в чем и выражается ее главная роль в обеспечении функционирования системы деятельности.

Основная долговременная функция духовной сферы — переработка и хранение информации в таких видах и формах, которые обеспечивают возможность ее извлечения и эффективного использования в самодвижении, самоорганизации и саморегулировании социальной системы как в отношениях внутри, так и с внешней средой.

Осмысление, осознание, переработка информации в соответствии с конкретно-историческими и экологическими условиями, региональными и местными традициями, а главное — уровнем формационного развития формирует как некоторую автономию духовный мир каждого конкретного общества, его культуру, как осознанный и переработанный в специфических формах общественный опыт социальной деятельности, особенно в форме положительного знания (в дальнейшем науки), искусства, норм поведения, морали, идеологии и т.д. Через эти элементы и регулируется практическая деятельность людей во всех других социальных сферах жизнедеятельности.

В соответствии с тем, что информация в социальной системе имеет различные формы существования — понятийную (словесную), вещную (предметную) и поведенческую, могут быть выделены основные формы культуры в узком смысле — духовной, выраженной в понятиях (язык, литература, наука и др.), овеществленной (живопись, скульптура и др.) и поведенческой (традиции этика и др.). Осознание информации в социальной системе и рациональное использование в процессе

жизнедеятельности также представляет собой исторически развивающийся и социально-обусловленный процесс. Характеризуя его, К.Маркс писал: "Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и материальное общение людей, в язык реальной жизни. Образование представлений, мышление, духовное общение людей являются здесь еще непосредственным порождением материального отношения людей"²⁵.

Именно поэтому духовная сфера как осознанная деятельность сознания в первобытности еще весьма ограничена, в том числе с ограниченными возможностями усвоения информации. В значительной степени передача информации совершается в неосознанной форме подражания в изготовлении вещей и сооружений, поведении отдельных индивидов и коллективов и т.д. Причем устойчивость, консервативность традиций для этого времени и есть способ сохранения опыта, вырабатываемого многими поколениями.

Единство сфер жизнедеятельности как компонентов структуры функционирующей социальной системы наглядно видно из таблицы 4.

Каждая из социальных сфер — достаточно сложная система со множеством структурных срезов, обеспечивающих богатство многообразия человеческой деятельности, поэтому выступает в известной мере самостоятельно, обнаруживая тем большую степень свободы, чем выше ступень системной (формационной) организации общества в целом.

Сферы жизнедеятельности множеством прямых и опосредованных, причем часто весьма многоступенчатых связей составляют целостность — единый социальный организм, функционирующий лишь благодаря постоянному взаимодействию его компонентов — социальных сфер. Но именно потому, что каждая сфера как компонент системы выполняет в ней определенную специализированную функцию как на уровне выполнения непосредственных актов жизнедеятельности, так и в социально-историческом организме в целом, они хорошо различаются по своей структурной организации, целям и конечному результату деятельности, в том числе и по такому неперемennomu компоненту социальной структуры, как предметный мир. Это качественное различие предметного мира различных сфер объективно предопределяет подход к познанию социально-исторических процессов средствами археологии, где исходным непосредственным источником исследования выступают остатки предметного мира социальных организмов прошлого. Уже на самом начальном этапе исследования, определяя прямую социальную функцию того или иного объекта, предмета и т.п., они, таким образом, соотносятся с определенной сферой, поэтому и любые обобщения на разных уровнях познания осуществляются прежде всего в пределах сфер или их подсистем. Однако исследование прошлого исторической действительности только по отдельным сферам позволяет познать ее, хотя и с различных сторон, но ограниченно, как части целого. Поэтому конечная цель познания — интегрировать, синтезировать эти части в

целостную систему знания, адекватно отражающую процесс социально-исторического развития каждого социально-исторического организма прошлого.

Итак, социально-исторический процесс развития общества прошлого как объект познания археологии рассматривается по отдельным сферам жизнедеятельности, что и составляет специфическую особенность организации структуры социоархеологического знания об объекте.

Способ жизнедеятельности социальных структур. Исторический материализм считает основой жизнедеятельности и тем самым материальной основой процесса исторического развития социальных систем общественное производство, которое выражает степень освоения обществом окружающей природной среды, обеспечения необходимых ему жизненных средств и формирует материальные общественные отношения, определяющие социальный облик каждого общества. Понятие "общественное производство" в современной теории исторического материализма рассматривается достаточно широко в виде целостного способа жизнедеятельности общества: "эта категория, отражающая законы общественной (а не только экономической) жизни людей, объединяющая два ряда закономерностей, связанных с развитием общества как экономической системы и как социального организма"²⁶.

Выше уже отмечалось, что наиболее универсальная структура социальной системы раскрывается при выделении по субстанции ее компонентов: человека, знания, предметного мира и деятельности. Причем деятельность в этой структуре выполняет связующую функцию, приводящую в движение всю систему, ибо она — ее "мускульная сила", средство достижения исторически возникающих целей. Поэтому главное внимание должно быть сосредоточено на раскрытии способов жизнедеятельности людей. Для анализа этой системы воспользуемся достаточно хорошо разработанной в марксизме категорией способа производства, которая по отношению к более широкой системе "способов жизнедеятельности" будет выступать как частный случай деятельности в экономической области.

Социальная деятельность будет включать предметно-технологический и социально-исторический способы, составляющие в реальности органическое единство, но отражающие различные уровни социальной организации и различия в уровнях абстрагирования от исторической действительности при их исследовании. В части, связанной с разделением труда, К.Маркс по поводу этих сторон писал: "Это совершенно различные вещи, определяемые совершенно различными законами развития, как бы ни было велико соответствие между определенной формой общественного разделения труда и определенной формой разделения труда внутри предприятия"²⁷. Любая система — не сумма частных, а взаимообусловленное функционирование ее компонентов в пределах определенной целостности, какими в историческом процессе являются социально-исторические организмы — СИО (отдельные общества,

народы и т.п.). Именно целостность определяет законы исторического развития СИО.

При всем огромном многообразии способов социальной жизнедеятельности должен быть найден системообразующий фактор, который позволил бы в конечном счете свести это многообразие к единству.

В.И. Ленин писал, что К. Маркс "указал путь к научному изучению истории как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости процесса"²⁸ путь, который состоял в том, что "сведение общественных отношений к производственным и этих последних к высоте производительных сил, дало твердые основания для представления развития общественных формаций естественно-историческим процессом"²⁹.

Следовательно, для того чтобы раскрыть социальную сущность исторического развития каждого общества, необходимо представить ступень (высоту) развития его производительных сил, которые обуславливают определенную систему производственных отношений, а эти последние детерминируют всю систему общественных отношений в любом СИО. "Общество не состоит из индивидов, — писал К. Маркс, — а выражает сумму тех связей и отношений, в которых эти индивиды находят друг к другу"³⁰. Социальные (общественные) отношения являются тем стабилизирующим фактором, который обеспечивает сохранение целостности системы, ее качественно определенной структуры как категории СИО, развивающегося в определенных пространственно-временных и социальных пределах.

Социальные (общественные) отношения в широком значении — это вся совокупность отношений, которые в соответствии с двумя сторонами социальной деятельности включают предметно-технологические отношения, обусловленные технологией самого процесса деятельности и социально-исторические отношения, отображающие те конкретные социально-исторические условия, при которых совершается любая деятельность (форма и способы потребления, собственности, распределения, обмена и т.п.) в каждом СИО. Эти отношения включают многообразные связи, возникающие между различными социальными коллективами (семья, община, классы, нации и т.п.), а также внутри этих коллективов в процессе их жизнедеятельности во всех связях (экономической, социальной, политической, культурной, этнической и т.п.).

Предметно-технологический способ деятельности — это такой подход, когда жизнедеятельность рассматривается в непосредственном реальном проявлении, берется в простых абстрактных моментах как таковых, независимых от общественных форм, и с этой стороны все проявления деятельной активности выступают как *естественные условия человеческой жизни*, одинаковые для всех эпох и социальных систем, поскольку в любом обществе люди должны трудиться, добывать средства для удовлетворения своих естественных и социальных потребностей — питаться, одеваться, строить жилища, вступать в

брак и т.д. Рассмотрение реального многообразия исторической действительности должно раскрывать деятельность не только со стороны того, какие конкретно цели она ставит и каких результатов достигает, но в большей мере — каким образом это осуществляется, ибо от эффективности способов выполнения деятельности зависит и сам конечный результат. К. Маркс, касаясь вопросов изучения производства, отмечал, что исследование процесса производства "в его реальности относится к технологии"³¹. Отсюда можно заключить, что *исследования реальной жизнедеятельности в любой сфере будут соотноситься прежде всего с изучением технологии этой деятельности* и, следовательно, с рассмотрением ее как технологического способа деятельности. А поскольку в социальной деятельности, в "переработке предметного мира человек утверждает себя как родовое существо"³², то деятельность на данном уровне следует характеризовать как предметно-технологическую деятельность. Этот способ наиболее наглядно отображает живую действительность, миллиарды раз повторяющиеся элементарные акты деятельности, направленной на удовлетворение естественно-исторических потребностей человека, общества. Но сами способы удовлетворения этих потребностей имеют достаточно общечеловеческие черты, различаясь главным образом лишь спецификой конкретных потребностей: добывание пищи или обеспечение жильем отличны от совершения обряда захоронения умершего или совершения жертвоприношения богам и т.п. Различаясь конкретным содержанием и формой, что образует сферы деятельности, эти акты в процессе выполнения имеют один и тот же состав и структуру: человек (коллектив) с его социальными данными, внешняя среда — средства деятельности и предмет (сам человек), на который направлена деятельность, и конечный результат, потребляемый человеком.

В предметно-технологической деятельности необходимо выделять то общее, что характеризует все ее виды во всех сферах. Главное здесь — способ соединения человека (общества) со средствами деятельности и предметами, превращаемыми в предметы потребления. Это и дает конкретную технологическую структуру деятельности, для функционирования которой необходимы определенные организации и связи индивидов (коллективов), осуществляющих эту деятельность. Деятельность совершается по определенной технологической схеме, фиксированной в сознании (или традиции) людей, что и определяет, в конечном итоге, общую *организационную структуру деятельности и отношения между субъектами (людьми)* в процессе достижения конкретного результата. Но отношения, возникающие в процессе деятельности, не только технологические, они приобретают и социальную окраску, обусловленную конкретно-историческими социальными условиями, в которых совершается деятельность, поскольку, как писал К. Маркс, "деятельность и пользование ее плодами как по своему содержанию, так и по способу существования носят общественный характер"³³.

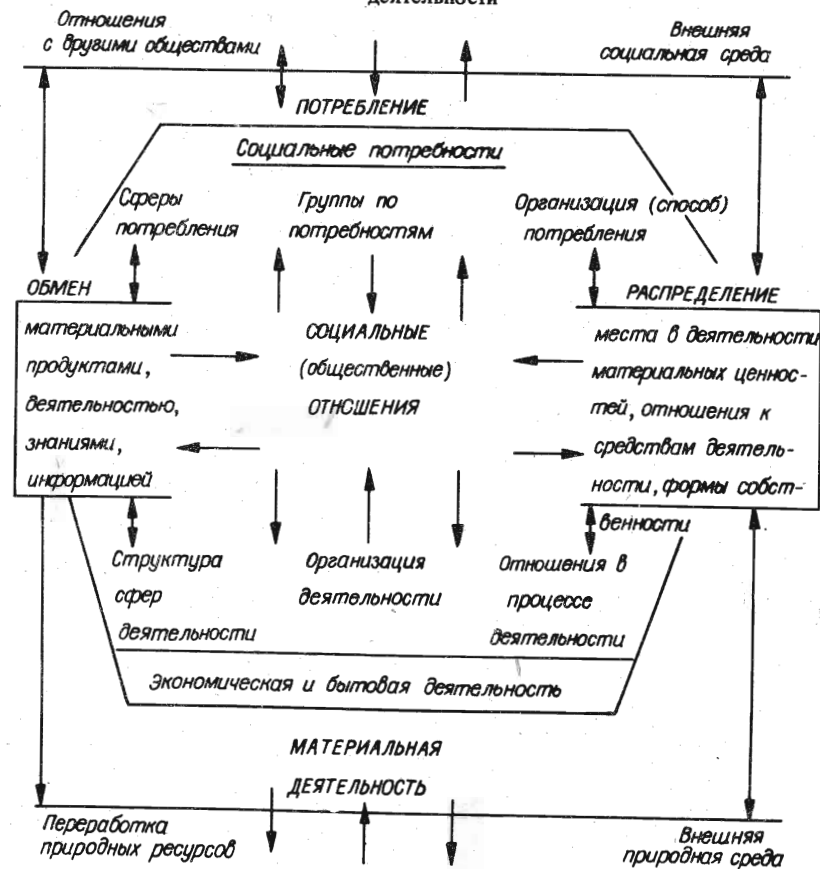
Таблица 5. Компонентный состав структуры предметно-технологической деятельности

Внешняя среда	Человек — общество	Результат деятельности
1. Орудийный Предметное Обеспечение средствами деятельности	3. Физическое обеспечение. Человек — Знание — рабочая сила накопленный опыт	8. Продуктивный Материальный результат деятельности продукт потребления
	4. Форма и способ коммуникативной связи Невещественный обмен деятельностью, знаниями, способностями	
	5. Технологический Навыки, умения	
	6. Форма материального общения Обмен и связи в процессе деятельности	
2. Природно-сырьевой Предмет деятельности — исходное вещество природы	7. Социально-организационное обеспечение Распределение технологических функций и управление деятельностью	9. Побочный Отходы, брак, полуфабрикаты

Предметно-технологическая деятельность и система отношений в ней достаточно подробно раскрываются по табл. 5, поэтому отметим лишь, что хотя она и универсальна для описания любого вида (сферы) деятельности, но отображает ее ограниченно, вне конкретно-исторических условий функционирования в определенной системе общественных отношений, которые обуславливают саму эту деятельность. Технологическая сторона вскрывает деятельность лишь в непосредственном, лежащем "на виду" проявлении, как внешняя сторона процесса, поэтому в социально-историческом познании она находит отображение в предметно-технологических реконструкциях на уровне образа жизни.

Социально-исторический способ жизнедеятельности — составляет вторую сторону социального способа жизнедеятельности, отражающую систему отношений людей и коллективов (см. выше), которые формируются в процессе разрешения основного общеисторического противоречия между созданием материальных ценностей (производством) и потреблением, которые, будучи взяты в диалектическом единстве, и представляют специфический способ поддержания системы жизнедеятельности общественного человека. Для того чтобы раскрыть сущностную сторону социально-исторических отношений, они должны быть взяты в системе, где, кроме самих отношений как системы взаимосвязей, должны быть выделены ее образующие компоненты. Материальную основу системы, ее отношений и законов, по которым осуществляется ее функционирование, в целом

Таблица 6. Компонентный состав социально-исторической структуры социальной деятельности

составляют материальная деятельность и потребление, опосредованные факторами распределения и обмена (табл. 6).

Взаимодействие этих компонентов и создает общее интегральное качество социальной системы — ее общественные (социальные) отношения, которые всегда будут выступать как явление сложное, многофакторное, интегративное, отображающее состояние социального организма как целостной системы.

Материальная деятельность — основа общественной структуры, осуществляющая весь созидательный процесс, направленный на получение потребительных стоимостей всех видов. В.И. Ленин отмечал, что материальные общественные отношения складываются "как (результат) форма деятельности человека, направленной на поддержание его существования"³⁴. Основание материальной деятельности составляет

материальное производство, перерабатывающее вещества природы в продукт (предметный мир человека) потребления общества. Поэтому способ производства — определяющий фактор всей общественной системы. В структуре способа производства выделяются производительные силы и производственные отношения. Производительные силы — это те предметы, которыми человек овладевает непосредственно и которые становятся органами его деятельности, хотя и обретают функцию внешних (по отношению к организму человека) искусственных производительных сил общественного человека. В этом плане деятельность проявляется прежде всего в своем предметно-технологическом аспекте и существенным элементом здесь является человек с его знаниями, опытом, навыками, умением, обобщением, а также средства труда как вещный элемент (и внешний), но сюда же относятся и способ совместной деятельности, порождающий новое качество в организации. "Чтобы производить, — писал К.Маркс, — люди вступают в определенные связи и отношения и только в рамках этих общественных связей и отношений существуют их отношение к природе, имеет место производство"³⁵.

Однако это в равной мере относится и к любому виду материальной деятельности. Производственные отношения поэтому составляют основу не только экономических отношений, но и всей системы материальных общественных отношений. Система этих отношений раскрывается через их структуру, в которой материальная деятельность (производство) и потребление составляют специфический способ поддержания жизнедеятельности общественного человека, осуществляющего для этого обмен веществом, энергией и информацией. Причем выполняется это как совместная, коллективная деятельность людей, связанных определенной системой предметно-технологических отношений. В совокупности материальной деятельности и потребления осуществляется воспроизводство социальной системы.

Потребление, как писал К.Маркс, "воспроизводит самого индивида в его определенном способе существования, не только его непосредственной жизненности, но и в определенных социальных отношениях...; воспроизводит их (индивидов. — В.Г.) в их общественном бытии, так же, как и их общественное бытие — общество"³⁶. Таким образом, общественное потребление выступает также как особого рода социальная деятельность, включающая предметный мир, созданный предшествующей материальной деятельностью. Предмет потребления в процессе его реализации является предметной основой особой социальной связи между его создателями и потребителями. "Производство, — писал К.Маркс, — всюду подчинено потреблению, являющемуся его заранее данной предпосылкой"³⁷. Потребление, следовательно, стимулирует деятельность в создании продуктов потребления, но и само это создание обуславливает, в свою очередь, потребление общим уровнем развития материальной деятельности. Система социальных отношений

дифференцирует потребление различных социальных групп в обществе, так же, как и отдельных обществ между собой и различия деятельности и потребления в общественных формациях. По этому поводу К.Маркс отмечал, что "та или иная организация материальной жизни зависит... каждый раз от развившихся уже потребностей, а порождение этих потребностей, равно как и их удовлетворение, само есть исторический процесс"³⁸. Поэтому рассмотрение совокупности предметов потребления, что особенно важно в археологии, позволяет получить представление о социальной стратификации общества. Исходя из этого, в субстрате структуры компонента "потребление" (табл. 6) выделяются группы по потреблению, сферы потребления и организация (способ) потребления.

Материальная деятельность и потребление не опосредуются деятельностью по распределению и обмену (обращению), составляя вместе с ними "части единого целого, различия внутри единства"³⁹.

Распределение — это сфера деятельности, которая определяет место, участие индивида или группы в материальной деятельности, что уже определяет их отношение к распределению продуктов, результатов деятельности. Но эта связь не жесткая, воздействие социальной среды в большинстве обществ перераспределяет результаты созидательной деятельности, поэтому отношение распределения рассматриваются во взаимосвязи с другими компонентами и социальной системой в целом.

В деятельности распределения выделяются различные стороны как ее элементы (табл. 6). Особо важное значение имеет фактор "формы собственности" для определения сути всей общественной системы. Собственность есть исторически определенный способ присвоения людьми продуктов потребления, она всегда связана с предметным миром, но это не он сам, а *отношения людей по поводу предметов*. И эти отношения могут быть материальными и идеологическими. В первом случае это сами производственные экономические отношения, взятые в целости, поэтому неотделимы от отношений распределения, обмена и потребления. Материальные отношения не осознаются людьми, а идеологические, которые являются юридическим выражением материальных, должны пройти через сознание и в виде отношений владения, пользования, распределения быть закреплены в нормах права, обычая, традиции, морали и т.п. Идеологические отношения обычно именуются *имущественными отношениями*.

Решающим фактором в формировании исторического типа (форм) собственности, и тем самым исторических форм производственных отношений является способ соединения непосредственного создателя материальных ценностей со средствами их создания. "Тот особый характер и способ, — писал К.Маркс, — какими осуществляется это соединение, отличает различные экономические эпохи общественного строя"⁴⁰.

Деятельность по обмену (обращению) присуща самой сути способа жизнедеятельности человека как общественного существа, вступающего при совершении любого акта в общение, на базе чего и совершается

Таблица 7. Структурная характеристика функционирующей системы социальной деятельности

Основные блоки деятельности	Предметно-технологический аспект деятельности	Социально-исторический аспект деятельности
Постановка задачи (цели)	Исторически обусловленный уровень технологии деятельности-показатель возможностей удовлетворения потребностей	Социальные потребности обусловленные системой: а/ Кто ставит задачу-инициатор решения б/ Какие потребности должны быть удовлетворены в/ Чьи потребности-интересы удовлетворяются
Предпосылки решения задачи	1. Наличие технологических условий 2. Организационно-управленческое обеспечение	1. Актуальность потребности решения задачи 2. Наличие исполнителей для решения задачи
Процесс решения задачи	1. Способ соединения человека с предметным миром и природно-сырьевым компонентом (см. табл. 3) 2. Организация и управление технологическим процессом 3. Количественно-качественное распределение труда исполнителей	1. Распределение ролей исполнителей в процессе (равноправие, принуждение, насилие) 2. Способ включения исполнителей в процесс (орудия, сырье, люди). 3. Кому принадлежат материальные средства для выполнения задачи 4. Формы собственности на средства деятельности
Конечный результат (достижение цели)	1. Вид конечного продукта деятельности 2. Способ потребления конечного продукта деятельности	1. Какую сферу удовлетворяет продукт 2. Как распределяется продукт среди потребителей 3. Кто и в каком количестве потребляет продукт
Форма отношений	Предметно-технологические отношения	Социально-исторические отношения

обмен способностью и деятельностью, информацией, знаниями. Причем это одна из важнейших сторон обеспечения общественного прогресса, но она "скрыта" в обыденности и на ранних этапах развития приобретает не осознается людьми. Относительную самостоятельность приобретает лишь обмен материальными продуктами, который, кроме вещной ценности, как предмет потребления несет в себе информацию о деятельности (способ приготовления и способ употребления и т.д.). Но и здесь, как отмечал В.И. Ленин, "обмениваясь продуктами, люди вступают в производственные отношения, даже не сознавая, что тут имеется общественное производственное отношение"⁴¹.

Итак, совокупность деятельности по материальному созиданию, потреблению, распределению и обмену порождает новое системное качество — *социально-исторические отношения*, выступающие как определяющий и стабилизирующий фактор социальной структуры в зависимости от конкретно-исторических условий развития каждого общества. Эта стабильность выражается тем местом и функцией в социальной сис-

теме, которые занимает каждый индивид или группа (общество), и отношениями, в которых они находятся.

Способ *социальной жизнедеятельности* как функционирующая система. Предметно-технологический и социально-исторический способы являются лишь структурными компонентами сторон единого процесса, представить который в целостности, реальности движения и уловить принципы их разграничения можно попытаться, рассматривая деятельность как функционирующую систему, решающую различные социальные задачи (табл. 7). Разделим весь процесс деятельности на содержательные блоки: постановка задачи (цель), предпосылки ее решения, функционирование, как процесс решения задачи и конечный результат, как достижение цели — удовлетворение социальных потребностей. В каждом из блоков выделим предметно-технологический и социально-исторический аспекты (сущностное содержание или постановка вопросов, раскрывающих специфику деятельности). Подобная структура должна быть достаточно универсальна, чтобы соответствовать деятельности в любой сфере и любого уровня — от простого акта, выполняемого отдельным человеком, до общества в целом и взаимодействия между различными обществами. Схема составлена достаточно подробно, хотя, очевидно, и не охватывает всех деталей, но позволяет вместе с приведенными выше (табл. 3, 4, 7) представить социальную жизнедеятельность как определенную, весьма сложную целостность. Выше уже отмечалось, что системообразующим фактором, определяющим состояние системы, выступает способ производства в единстве его производительных сил и производственных отношениях, где последние составляют те общественные формы, в которых развиваются производительные силы как единая динамичная система.

В историческом развитии важно выделить динамику развития производительных сил, критерием для чего является технологическое содержание процесса труда, в основе которого лежит выделение типов связей человека с техникой в процессе труда. Критерием для выделения исследовательских стадий развития производительных сил и исторических типов техники должно быть рассмотрение процесса замены трудовых функций работника средствами труда (что и выделяет основные ступени развития средств труда) и выяснение, *какие именно средства труда* заменяют данную функцию (что выделяет исторические типы техники производства)⁴². При этом средства труда понимаются здесь в самом широком значении, включая домашних животных, плодородные почвы, богатство природных ресурсов, и т.д.

Естественно, что в конкретно-историческом плане развитие производительных сил обуславливается всей системой хозяйствования, в которой учитываются технико-технологические параметры, господствующие и подсобные отрасли хозяйства, характер хозяйственной деятельности и т.д. Лишь анализ производительных сил и их целостности может дать представление о ступени развития в пределах определенного региона.

Производственные отношения раскрывают "экономическую анатомию общества" и обусловлены в основном степенью развития производительных сил. Критерием выделения типов производственных отношений является определение того, какую *специфическую экономическую форму принимает продукт общественного производства*⁴³. Это определяет, в свою очередь, цель производства и свойственные данному способу тип производства, отчуждения и присвоения прибавочного продукта. Важнейшей категорией в системе производственных отношений является собственность на средства производства, экономическая сущность которых составляет экономическую форму реализации этих средств в процессе производства и распределения — т.е. распределения произведенного продукта, обусловленное распределением средств производства. Тип экономической реализации собственности на средства производства и составляет категорию, определяющую основное производственное отношение в различных общественных способах производства и соответствующие им типы производственных отношений. До сих пор принято считать, что в первобытности господствует необходимая, а в раннеклассовых докапиталистических обществах — потребительно-стоимостная экономические формы продуктов общественного производства. В целом, это, вероятно, так, но внутри этих форм, как и в типологии техники, будут вырисовываться свои специфические формы.

Характеристика способа производства того или иного общества, а главное — региональные схемы их развития во времени должны составлять основное содержание конкретно-исторического процесса, исследуемого археологией. Лишь с этих позиций может быть оценена формационная структура того или иного конкретного общества (археологической культуры), правильно объяснено то или иное явление.

1.4. ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА АРХЕОЛОГИИ (ЛОГИКО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Проблема структуры познавательной системы каждой науки и ее отношения со своим объектом представляют довольно сложный и противоречивый вопрос, не имеющий однозначного подхода и решения. При логико-гносеологическом подходе к построению научной системы археологии за основу должны быть взяты движение нашей познающей мысли, направленной на отражение объективной реальности — СИО—АК прошлого.

Гносеологический аспект в этом построении отображает категории, характеризующие специфику археологического подхода к познанию социально-исторического процесса. При этом необходимо учитывать, что само познание это также развивающаяся, исторически изменяющаяся категория, имеющая различные уровни отражения исследуемо-

го объекта. Это порождает достаточно сложную проблему взаимообусловленности и опосредованности понятий системы археологического знания⁴⁴. Центральная проблема гносеологического аспекта — способ представления объекта познания археологии, включающий два основных вопроса: каков способ познания объекта как известной целостности и каков способ отражения уровней познания объекта — СИО—АК.

Проблема способа представления объекта познания археологии порождена тем, что сам объект — функционирующие, развивающиеся конкретно-исторические социальные организмы недоступны для непосредственного восприятия как целостности. Они в прошлом, уже завершили свою жизнедеятельность и от них сохранились лишь остатки, фрагменты опредмеченных элементов этой деятельности в различных сферах, которые при включении в систему археологического познания формируют особую категорию — археологические источники⁴⁵.

Задача социально-исторического познания археологии — представить исследуемый объект как некоторую систему взаимосвязанных целостностей. Эта задача решается в археологии, как и в истории, через процедуры *реконструкции*, когда по сохранившимся элементам предметного мира путем мысленного эксперимента воспроизводят определенную социальную целостность. В первую очередь это относится к реконструкции фактов исторической действительности как исходных фактов всего дальнейшего процесса познания. Конечно, в основе реконструирования этих фактов лежат факты, наблюдаемые в реальности — в археологических памятниках — и все же следует всегда помнить, что факт, вводимый в систему социоисторического познания археологии — это реконструированный факт, и в нем всегда имеется некоторая доля вероятностного знания. Процедура реконструкции выполняется по принципам, вытекающим из онтологической характеристики объекта познания на предметно-технологическом уровне деятельности, выступающем в качестве теоретической модели, в которой отображены способы, формы и содержание жизнедеятельности, составляющие структурные компоненты, в том числе предметный мир, открываемый в археологии в виде источников-артефактов.

В логическом отношении принципы реконструкции определяют 1) соотношение объекта реконструкции с определенной социальной сферой и определенной степенью социального развития, 2) конкретно-исторические условия функционирования объекта реконструкции, 3) непротиворечивость связи объекта с системой.

Реконструирование — это процесс воссоздания структурной организации объекта исследования, поэтому в целом она дает статичную картину эмпирического уровня социоисторического знания археологии, которую можно характеризовать как **уровень образа жизни**.

Особо важную роль в социоисторическом познании археологии приобретает реконструкция основной социальной целостности — отдельного общества — СИО, поскольку о нем, как правило, получить сведения

из других наук невозможно или лишь в исключительных случаях. СИО должен быть сконструирован средствами самой археологии, что и породило весьма дискуссионную проблему "археологической культуры"⁴⁶.

Проблема способов отражения уровней познания СИО—АК приобрела в социоисторических исследованиях одно из первостепенных значений, поскольку обусловлена самой иерархической организацией изучаемых археологией социальных структур. В качестве методологического принципа понятие иерархичности необходимо в тех ситуациях, где изучается дискретность, структурированность материальных систем, где на первый план выдвигается многоуровневое представление об объекте познания, и исследование ориентировано на изучение структур различного уровня.

Понятие "уровень организации" предполагает, что развитие материального мира протекает в различных порядках организованности. В генетических и структурных отношениях этого уровня можно выделить переход от простого к сложному, от низшего к высшему, фиксирующих ступень с качественными изменениями объекта. При этом каждая ступень включает предшествующую как свою часть и обнаруживает с ней определенную структурную взаимосвязь, поэтому "понятие уровня организации выражает смену структур и ее последовательность"⁴⁷.

В социальных науках, охватывающих изучение общества от картин описания обыденной жизнедеятельности до раскрытия законов социального развития как особой формы движения материи уровневый подход является основой успеха в исследовании, что отмечается многими исследователями⁴⁸. Проблема уровней археологического знания, следовательно, детерминирована, в конечном счете, уровневой структурой организации объекта и предмета познания археологической науки.

Если рассматривать научно-исследовательский процесс как отображение определенных способов деятельности сообщества ученых, тогда и к уровням исследования в археологии необходимо подойти с позиций отбора отображения в них исторического опыта, практики познавательной деятельности ученых, направленной на все более глубокое познание сущности своего объекта. В такой постановке данная проблема может быть рассмотрена с двух сторон — внутренней и внешней.

Внешняя сторона — это анализ уровней исследования как отображения этапов исторического развития логического аппарата науки. Первоначально археологи познавали общество весьма ограничено, лишь в его предметных формах — по вещам и остаткам сооружений, нахождение которых уже считалось историческим свидетельством отдельных коллективов. Изредка реконструировались картины деятельности прошлого в их обыденности повседневного бытия, что в основном отображало предметно-технологический способ жизнедеятельности.

Ограниченность такого подхода в раскрытии исторического процесса была осознана в археологии еще прошлого века и предметные остат-

ки стали рассматриваться как остатки определенных систем, весьма различных по объему и качеству, чаще всего как отдельные культурные категории (малые системы), поэтому в одном срезе они группировались как различные виды археологических источников, в другом — как различные категории культуры, фиксировавшие совершенство — эволюцию форм и технику изготовления различных предметов и сооружений (построение типологических рядов и т.п.). Распространение предметных остатков во времени и пространстве привело к выделению дискретных комплексов — АК, что позволило проводить сравнительный анализ таких комплексов, между разными АК. В советской археологии с распространением социологического направления в основу исследования было взято членение источников по отдельным видам деятельности: хозяйству, общественной организации, быту, верованиям и т.п., в целом проводилось выделение и характеристика отдельных систем — сфер социальной деятельности. Все большую роль стали приобретать обобщения по отдельным обществам — АК, а в настоящее время актуальными стали проблемы исследования закономерностей социального развития отдельных сфер и АК в целом.

Каждый этап познания социальных систем прошлого формировал свои задачи и определенную систему логического аппарата со своими специфическими понятиями и методами исследования, формами изложения результатов, кругом изучаемых проблем и т.д.

Внутренняя сторона уровневой структуры археологического познания отражает процесс аккумуляции исследовательского опыта, обеспечивающего формирование методов (средств) все более глубокого проникновения в сущность изучаемых объектов и получение адекватного отражения о целостных системах, то есть возможности познания закономерностей социально-исторического развития СИО—АК. Этот опыт отображает состояние, уровень развития современной исследовательской практики археологии, глубину раскрытия сущности изучаемого объекта⁴⁹.

На данной основе в современной социоархеологии выделяются три основных уровня познания социально-исторического процесса, отображающих как в практике исследования реализуются основные идеи исходной фундаментальной археологической теории и ее основных уровней по степени глубины познания сущности объекта науки — закономерности социально-исторического развития СИО—АК: уровень образа жизни, воспроизводящий историческую действительность в обыденности ее протекания; системно-исторический уровень — обобщающий социально-историческое развитие отдельных СИО—АК в пределах социальных сфер; формационно-социологический уровень, на котором исследуются закономерности развития основной социальной целостности — СИО—АК.

В археологических социоисторических исследованиях уровень образа жизни составляет эмпирическую базу (основание), а последую-

щие — системно-исторический и формационно-социологический — теоретический уровень познания. Подробнее характеристику уровней отражения исторической действительности дадим ниже, вместе с рассмотрением логического аспекта построения науки.

Логический аспект построения научной системы археологии предполагает анализ ее со стороны специфики логики "археологического мышления", вырабатывающего определенные нормативы введения и оперирования понятиями (гл. I, 2; табл. 3), отражающими специфику предмета археологической науки, поэтому естественно, что он выступает в единстве с гносеологической постановкой вопросов изучения древних СИО—АК. Наиболее актуальна проблема теоретизации археологического знания, заключающаяся в органическом соединении эмпирического и теоретического уровней и получении целостной системы знаний о прошлых обществах⁵⁰.

Социально-историческое развитие конкретных СИО, а именно изучение их и определяется обычно как цель познания в современной археологии, выполняется в понятиях общественно-экономических категорий. Археология пока оперирует в основном сугубо профессиональными археологическими (эмпирическими) понятиями, вроде: курган, культурный слой, стратиграфия, археологическая культура и т.п., либо, что составляет большинство, вещными, предметными категориями (котлован от жилища, остатки поселения, мечи, подвески, пектораль, погребения и т.д.). Все это своеобразная "вещная, предметная информация", которую в настоящее время обозначают понятиями "артефакт". Но артефакты позволяют лишь описать или реконструировать то или иное социальное явление, но не раскрыть его сущность, показать закономерность исторического процесса, который находит выражение на уровне социально-исторической жизнедеятельности, в системе социальных отношений (гл. I, 3; табл. 6.), что может быть исследовано только средствами теоретической мысли, в понятиях и категориях социальных наук. Но именно этот процесс как со стороны непосредственного содержания, так и методов его получения исследуется методологией археологии очень слабо.

В целом на теоретическом уровне исследования археология должна оперировать социологическими понятиями и терминами, поскольку изучение процесса социально-исторического развития — не привилегия археологии и уже давно осуществляется социологией, разработавшей соответствующий понятийный аппарат (производительные силы, хозяйственное развитие, социальная структура, общественный статус, образ жизни, народонаселение и т.д. и т.п.). Этот понятийный аппарат, сохраняя свою основную социальную суть, приобретает в археологическом познании свой специфический смысл, так как адаптирован к эмпирическому базису археологии. Действительно, когда в археологии речь идет о скотоводческом хозяйстве, то в конечном итоге следует иметь в виду, что эта категория основывается на фактах реконструирования

по остаткам (отбросам) пищи — костям животных, употреблявшихся в пищу, и т.п. Или — об этническом составе населения судят по результату анализа орнамента керамики и обряда захоронения умерших и т.д.

В этом особенность теоретического знания археологии — его конкретно-историческое содержание выражено в социологических понятиях и терминах, представляющих синтез социологической интерпретации результатов анализа эмпирических данных археологии.

И, наконец, особенность теоретического знания археологии состоит в том, что артефакты, формирующие эмпирический базис исследования, являются лишь операциональным материалом в исследовании, преобразования которого должны подтвердить ту или иную гипотезу (теорию) конкретно-социологического содержания исторического процесса, раскрывающую сущность (закономерность) развития объекта познания — СИО—АК⁵¹.

Из всего этого и складывается важнейшая исследовательская задача в процессе теоретизации науки — проблема *соединения теоретического и эмпирического уровней* археологического знания, в частности решение вопроса теоретического истолкования эмпирического базиса и эмпирической интерпретации теоретических концепций. Именно в рамках данных исследовательских программ необходимо рассматривать теорию опредмечивания (см. I, 2), ибо она связана прежде всего с переводом "вещной, предметной информации" в артефакты и информацию социально-исторического характера, лежащую в основе изучения социальных структур. Кроме того, если иные социологические теории археологии могут заимствоваться из других наук, то теорию опредмечивания социальной деятельности придется разрабатывать самостоятельно. Это специфически археологический подход к исследованию исторического процесса.

Другая актуальная задача в теоретизации — разработка *структуры теоретического уровня* познания в археологии, ее специфика, определяющаяся как конструированием "сверху", так и особенностями эмпирического базиса.

Проблемы теоретизации исследований в археологии могут получить эффективное решение в русле социоисторического направления, рассматривающего историю древних обществ как развитие социальных целостностей. В методологическом отношении выполнение этой задачи содержит два подхода в исследовании источников — социологический и исторический.

1. Социологический анализ включает такие аспекты:

- а) каждый артефакт (вещь, явление и т.д.) должен быть истолкован в системе социальных отношений;
- б) артефакты необходимо рассматривать в их социальной целостности — комплексе взаимосвязи и взаимообусловленности структурой социальных отношений;

в) система классификации и типологии артефактов уже на начальном этапе должна основываться на критериях посылок концепций социального развития общества, то есть включение и обобщение артефактов в исследовании должны выполняться в соответствии с задачами социологического характера, а не формально-типологических построений.

2. Исторический анализ содержит такие подходы:

а) артефакты локализируются во времени и пространстве, производится их этнокультурное определение — соотнесение с конкретным СИО—АК;

б) каждый артефакт рассматривается и оценивается как определенная ступень, этап развития данного класса артефактов в системе конкретной социальной структуры;

в) артефакты анализируются с точки зрения их конкретного этнокультурного происхождения.

Конечная цель исследования — реконструирование исторического облика и раскрытие закономерностей социального развития конкретных обществ прошлого — СИО—АК — достигается на основе синтеза социологического и исторического анализов на базе фундаментальной археологической теории, основывающейся на марксистской концепции социального познания.

Принципы фундаментальной теории (гл. 1, 2) выступают в качестве логико-методологической основы разработки конкретно-исторических проблем развития различных социальных сфер отдельных СИО—АК.

Уровневая характеристика археологического знания. Социоисторическое знание археологии сложноструктурировано и содержит следующие основные уровни.

1. Уровень реконструирования образа жизни во всех социальных сферах со стороны предметно-технологического способа жизнедеятельности (гл. 1. 3). Для этого первоначально необходимо археологические факты, полученные путем раскопок и наблюдений, преобразовать в понятия социологического (предметы, остатки сооружений и пр.) и специфически археологического (стратиграфия, погребение, взаимовстречаемость и т.п.) значения — артефакты и провести их социальную реконструкцию.

С содержательной стороны это тот уровень, где артефакты истолковываются в их обыденной, непосредственно социальной значимости (котлован — жилище, кости домашних животных — занятие скотоводством, зернотерка — размол зерна, пектораль — украшение и т.д. и т.п.). Уровень реконструкции образа жизни в целом отличается *описательностью* результатов познавательных операций, которые здесь выполняются. Именно на этой стадии завершается обработка эмпирических данных (артефактов), основанных на наблюдении, а для этого необходимо иметь уже определенную концепцию и отправную понятийную сетку социальной действительности, которые дают представление

о предмете исследования — реконструированных картинах образа жизни тех или иных обществ на основе остатков их непосредственной обыденной жизнедеятельности. На этом уровне совершается первый шаг в переводе информации "вещного, предметного характера" в информацию идеальную, понятийную, социального плана — артефакты и реконструкции образа жизни.

Логико-методологической базой исследования данного уровня являются обобщающие исследования предметно-технологической деятельности в различных сферах или их подсистемах (животноводство, земледелие, строительство жилищ, кузнечное дело и т.п.). Они построены обычно на междисциплинарном уровне с использованием данных этнографии, социологии, естественных наук и новейших достижений археологии, поэтому выступают в исследовании в качестве теоретической модели при конкретно-археологических реконструкциях.

2. Системно-исторический уровень представляет первый этап рассмотрения истории прошлых обществ как совокупности некоторого числа системно организованных сфер (или их подразделений) социальной жизнедеятельности. Это уровень первых социологических обобщений, рассмотрения отдельных сторон деятельности как определенной системы взаимосвязанных элементов (в хозяйстве: охота, скотоводство, земледелие и т.д., общественной организации: семейная структура, община, племя и т.п., духовной жизни: изобразительное искусство, идеология и пр.), отношения которых обусловлены закономерностями и условиями их конкретно-исторического развития.

Логико-методологическая база, на основе которой производятся обобщения данного уровня в современной археологии, пока что еще весьма далека от потребностей науки, здесь еще оперируют преимущественно некоторыми концептуальными теоретическими конструкциями, которые основаны на общей теории исторического материализма и некоторых теориях других социально-экономических наук. Существование таких конструкций характеризует начальную стадию развития социоисторического знания археологии, когда они используются для объяснения комплексов эмпирических артефактов. Эти концептуальные конструкции уже выходят за пределы эмпирической закономерности или генерализации, так как содержат всегда определенный "объясняющий фактор", но, с другой стороны, этот фактор еще не развит в теорию. В археологии в этом отношении весьма типичная картина. Здесь нет пока не только ни одной своей разработанной методологической теории, но и концептуальные конструкции в большинстве также часто не сформулированы и не поставлены на широкое обсуждение. Таковы "теория" археологической культуры, палеоэкономических реконструкций, социальной структуры и т.д.

Исследование данного уровня, отображающего многообразие сущностей социальной действительности, всецело основывается на общесоциологических теоретических моделях, но их необходимо наполнить

конкретно-историческим содержанием, основанном на исследовании археологических источников. Поэтому главная проблема здесь — найти в эмпирическом базисе артефактов те предметные корреляции, которые могут служить не только свидетелями наличия того или иного социального явления, процесса, структуры, но измерение которого может быть использовано как отображение исследуемого явления в развитии, динамике, взаимосвязи и причинных зависимостях. Здесь особую роль приобретает теория опредмечивания социальной деятельности.

3. **Уровень социологического (формационного) исследования** — рассмотрение отдельного автономного общества как определенной социальной целостности; в которой интегрировано многообразие характеризующих его параметров. Такой целостностью, основной единицей исторического анализа является СЮ, народ, аналогом которого в археологии служит отдельная АК (трипольская, катакомбная, ананьинская и т.п.). На этом уровне история конкретных обществ рассматривается как определенная ступень в развитии общественно-экономической формации конкретного региона. Это уровень, который является критерием оценки не только общей стадии общественно-экономического развития общества, но и правомерности выводов по частным вопросам общественного развития. На данном уровне результаты конкретных исследований соотносятся с общей системой развития социальных структур как отдельного региона, так и истории человечества в целом.

В приведенных здесь самых общих принципах соединения в археологических исследованиях эмпирического и теоретического уровней большинство звеньев требуют основательной логико-методологической разработки, чем и определяется их актуальность. Теоретический уровень археологических исследований имеет совершенно четкую социоисторическую направленность, и в осуществлении этих исследований, естественно, общеметодологической основой является теория исторического материализма, концепция материалистического понимания исторического процесса и ее ядро — учение К.Маркса об общественно-экономических формациях.

1.5. СИСТЕМА ОРГАНИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АРХЕОЛОГИИ (МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Обратимся далее к рассмотрению археологических исследований с позиции способов организации и логической последовательности выполнения определенных действий, т.е. выделения основных функциональных компонентов, их структуры и роли в исследовании. Это и составляет методологический аспект анализа археологических исследований, когда необходимо реализовать предпосылки и условия науч-

но-познавательной деятельности на базе принципов исходной фундаментальной археологической теории, рассмотренной в онтологическом, гносеологическом и логическом аспектах. Их положения служат в методологии исходными теоретическими основаниями для построения исследовательских процедур, т.е. создания методов исследования.

В наиболее общем виде методологическая структура археологического исследования включает два основных этапа.

Постановка проблемы и разработка гипотезы включает осмысление разнообразных фактологических и теоретических положений, состояние разработок отдельных частных задач, определение актуальных проблем, требующих безотлагательного решения. Это процесс "рождения идеи", обычно весьма длительный, связанный с накоплением определенного комплекса знания в какой-либо конкретной предметной области, когда идея работает подспудно, подсознательно. Источником "рождения идей" чаще всего являются общетеоретические концепции, знание которых наталкивает на поиск конкретно-исторических проблем. Нередко генератором идеи могут быть и конкретные археологические источники, в которых исследователь видит отражение каких-то социальных процессов. Но только после освоения основного материала и уже имеющихся в науке концепций рождается новая идея о том или ином явлении, процессе, их объяснении и т.п. Отличительная особенность всего этого процесса — неформальность идеи.

Следующий шаг — *постановка задачи*, зрелость которой во многом зависит от знания истории вопроса, что ведет к конкретизации, уточнению направления в формулировке задачи, конечного результата исследования, поэтому продвижение к постановке проблемы — переработка задачи в *гипотезу*, вскрывающую содержательную сторону проблемы во взаимосвязи с исходными данными — артефактами. Основное ядро гипотезы — это оформление идей, предположение такого решения задачи, которое содержит новое знание. Здесь исследователь должен вырваться за пределы устоявшегося знания, заглянуть вперед, предположить, увидеть то, что до него в знании еще не существовало. Но для этого необходимо гипотезу осмыслить, перевести в *идеальную модель* как самого исследуемого явления, так и процесса исследования и решения проблемы с применением определенных методов. Конечно, эти мысли еще весьма туманные, расплывчатые, со многими недостающими звеньями. Это "воздушные замки" без фундамента, стены без окон и т.д. На основное их содержание — ведущая новая идея, ориентир, который по убеждению ученого выведет исследование к решению проблемы. В целом именно на этом этапе решающую роль в развитии исследовательской мысли играют общие положения фундаментальной археологической теории, которые выступают как исходные принципы, определяющие не только направление и ход поиска, но и главное — содержание решаемой проблемы. Здесь мировоззрение исследователя (причем, осознает он это или нет, что не

играет существенной роли, ибо оно в любом случае оказывает свое воздействие!) выступает фактором, предопределяющим содержание соционисторической концепции, формулируемой вначале в гипотезе.

Весь этот этап исследования включает, следовательно, исключительно осмысление существующего, готового знания и соотнесение его с новой идеей (новым знанием), что позволяет, с одной стороны, оценить, представить значимость новой идеи для развития науки (проблемы, темы и т.д.), а с другой — сформулировать познавательную задачу.

Новый этап включает разработку исследовательской программы — процедуру получения желаемого результата, сформулированного в познавательной задаче.

До сих пор в археологии мало обращали внимания на разработку программы структуры археологического исследования, хотя в целом ясно, что оно достаточно специфично по сравнению с другими отраслями исторического познания. Вероятно, именно поэтому структуру археологического исследования чаще всего рассматривают лишь как процедуру обработки источника: сбор материала и его описание, классификация, поиск аналогий, датировка, возможности формализации и т.п. При этом упускается из виду существенный момент: с какой целью все это производится? Конечно, когда исследования не являются теоретически целенаправленными, в них отсутствуют важнейшие звенья научного исследования.

Необходимо подчеркнуть, что программа проблемно-целевого исследования отнюдь не представляет собой план изложения (публикации) его результатов. Это прежде всего план организации исследования, взаимосвязи и обоснования рассуждений, операций с источниками, объяснения и других логических процедур научной деятельности ученого. Публикация результатов исследования предполагает иную композицию, в которой проявляется специфический подход каждого ученого, умение его построить логически интересную, а главное, понятную и обоснованную картину исследуемого объекта.

Итак, для достижения поставленной цели, необходимо решить в определенной последовательности ряд общих задач. Это и будет в общем виде программа проблемно-целевого анализа, как *стратегический план* исследования, в котором конкретизированы основные содержательные блоки и их связь между собой для достижения конечного результата.

В практической деятельности ученого исследовательский процесс, как правило, не совершается в той строгой логической последовательности, как выглядят его конечные результаты, а тем более их изложение (публикация). Научное исследование — это сугубо творческий процесс работы сознания ученого, и он едва ли вообще поддается регламентации. И тем не менее именно структура результата научного поиска, оформляемого как археологическое теоретическое знание о законо-

мерностях соционисторического развития древних обществ, дает наглядное представление о том, как синтезируются описанные в этой главе подходы к познанию в конкретном исследовании. С другой стороны, эти структуры имеют и эвристическую ценность, концентрируя внимание ученого на специальной проработке необходимых компонентов исследования.

В археологии результат исследовательского поиска получает свое выражение в определенной *научной концепции* (теории) различных масштабов и значимости, где центральное звено — *научное объяснение*, содержащее обнаруженную закономерность исследуемого факта, явления, событий, процессов (в дальнейшем — исследуемый объект).

Факты — гипотеза — аргументация (поиск объяснения) — теория (закон) — это лишь самые общие вехи в концептуализации археологического знания об истории обществ прошлого.

Наиболее рациональным и эффективным в археологическом исследовании является первоначальный анализ проблематики, естественно, при наличии гипотезы, в аспекте содержания основных компонентов общей структуры научных систем археологии (табл. 3). При этом каждый из них — онтологический, гносеологический, логический и методологический — должен с предельной полнотой и ясностью обрисовать гипотезу и объект исследования в той мере, в какой он может быть представлен как таковой, как итог научного познания до начала данного исследования, поэтому здесь необходимо синтезировать знание общенаучного (междисциплинарного) характера с конкретно-археологическим, которым обладает наука в данный момент. Особого внимания требует как разработка внутренней системы каждого компонента, так и взаимосвязь, взаимодействие их между собой, ибо каждое звено — элемент структуры компонента должен "пройти" обоснование во всех системах.

При разработке логического подхода важно кроме всестороннего обоснования вводимых в исследование понятий (содержащихся в онтологическом, гносеологическом и методологическом анализе), раскрыть логические принципы, на которые опирается наше мышление в процессе перехода к разным аспектам анализа и от одного уровня к другому. К сожалению, именно логике археологического познания уделяется пока очень мало внимания. Археологи чаще полагают, что все это само собой разумеется или внутренне убеждены в правомерности выполняемых процедур.

В процессе концептуализации (создания археологического теоретического знания) все компоненты знания интегрируются в новую единую систему путем их структурной перестройки и переосмысления. В структуре концепции можно выделить три основных раздела: общетеоретическое обоснование, подготовка эмпирического базиса и соционисторическое объяснение.

1. **Общетеоретическое обоснование** содержит те общие закономер-

ности, которые необходимы для того, чтобы исследуемому объекту дать научное объяснение как проявлению определенной (или определенных) социоисторической закономерности в развитии данного общества. Этот раздел базируется на фундаментальной археологической теории (гл. I.2), в структуре которой по общности используемых законов выделяется три уровня. Завершается этот раздел построением теоретической модели, необходимой для объяснения.

Социологический уровень включает общие законы и принципы, которые обосновывают идеи гипотезы, объясняющей исследуемый объект на уровне исторического материализма, формационной теории и т.п. Допустим, мотыги, серпы и т.д. — орудия труда — элемент в системе способа производства. Этим намечается та общесоциологическая сфера жизнедеятельности, по законам которой будет осуществляться поиск научного объяснения — закономерностей исследуемого объекта.

Исторический уровень содержит разработку гипотезы путем привлечения данных из других наук (социологии, этнографии, фольклористики, письменных источников, природоведения, физики, химии и т.д. и т.п.), археологического теоретического знания и обобщений, накопленных археологией, причем, все они берутся как интуитивно-ясные и не доказываются в данном исследовании. Это область междисциплинарного знания, которое всесторонне обосновывает исследуемый объект с системных позиций в направлении, намеченном социологическим уровнем, но здесь это знание адаптируется к конкретно-историческим (в том числе и природным) условиям изучаемого общества — археологической культуры. Системный подход обеспечивает рассмотрение объекта исследования в структуре сложноорганизованной социальной целостности, где компонент деятельности (по сферам — материальной, общественной, управленческой и духовной, как они охарактеризованы выше (гл. I.3, табл. 4), выполняет строго заданную функцию, обеспечивающую стабильное функционирование объекта и достижение заданных результатов.

Объект исследования рассматривается на данном уровне как социально-историческая структура, как определенная система социальных отношений (гл. I.3, табл. 6). Он обрисовывается, исходя из имеющегося знания об объективной реальности в той мере, в какой это доступно современной науке. Но это еще не знание о конкретно-историческом объекте, а лишь его социологическая модель, которая вписывается в социальную систему как таковая, естественно, с максимальным приближением к условиям изучаемого объекта. Здесь важно раскрыть существенные параметры моделируемого процесса.

Археологический уровень предполагает анализ исследуемого объекта в разрезе предметно-технического способа жизнедеятельности (гл. I.3, табл. 5), когда объект расчленяется на отдельные элементы — акты деятельности и выясняется, как они протекают в реальной действительности на уровне образа жизни, как конкретные действия

индивида (коллектива) с применением определенных средств (орудия, сооружения, природные объекты и т.п.) и в определенной среде — природной (ландшафт, климат, сырье и т.п.) и социальной (уровень развития техники, общественной организации, исторической традиции и т.п.). Основное здесь то, как в деятельность вводятся материальные объекты и как она сама материализуется, опредмечивается. Детализация опредмечивания должна быть доведена до возможности построения эмпирической схемы, которая конструирует деятельность во всех подробностях, особенно в части, связанной с материальными объектами. Это уровень опредмеченности, а археологическим он назван лишь потому, что представляет в социоисторическом познании специфически археологический подход. Таким образом, закономерности опредмечивания социальной деятельности получают теоретико-методологическое обоснование в предметно-технологическом способе жизнедеятельности.

Способ жизнедеятельности функционирующей системы характеризуется органическим единством предметно-технологической и социально-исторической сторон (гл. I.3, табл. 7); что и служит основанием для построения *теоретической модели*, описывающей исследуемый объект на уровне социальной закономерности его существования.

В целом данный раздел познания — это *моделирование* социальной реальности.

II. Подготовка эмпирического базиса, составляет фактологическую часть в концепции знания об объекте исследования. Исходные археологические факты составляют лишь предпосылки социоисторического познания и подлежат соответствующей обработке.

Эмпирический анализ артефактов содержит следующие разделы:

Создание фактологической базы, в которую включаются:

- сбор источников (раскопки, просмотр и обработка коллекций, выборка данных по литературе), представление их как артефактов;
- критический анализ источников (репрезентативность, достоверность, связи с комплексом, сохранность и т.д.);
- группировка артефактов по заданной программе.

Обработка фактологических данных:

- формализация, записи для ЭВМ, классификация, типология и т.п.;
- статистические и др. математические процедуры преобразования исходных данных согласно принятым методам;
- сравнительные сопоставления, аналогии, картографирования, составление графиков, диаграмм, схем и пр.

В программе должны быть указаны не только отдельные циклы операций, но, главное, обоснована их последовательность для получения конкретных результатов, как промежуточных, так и конечных.

Выявление эмпирических закономерностей в распределении артефактов на основе операций, проделанных согласно перечня предыдущего пункта. Здесь важно, чтобы каждая операция была доведена до логического вывода, который и будет составлять основу утверждения

об эмпирической закономерности в распределении артефактов. Именно эти закономерности и требуют в конечном итоге социоисторического объяснения, т.е. являются составной частью — *эмпирическим базисом* теоретической концепции конкретно-исторического процесса.

Основанием для структурирования эмпирического базиса служит эмпирическая схема теоретической модели, обрисовывающая определенности исследуемого объекта. Согласование в ходе исследования эмпирической схемы и эмпирического базиса вносит соответствующие коррективы (естественно в пределах задачи!) "вверх" — в теоретическую модель и все, на чем она строится, и "вниз" — в источниковую базу, начиная от подбора археологических источников и кончая методами обработки артефактов.

III. Научное объяснение — это итог исследования, переход от гипотезы к теории, которая содержит объяснение изучаемого объекта — фактов, явлений, событий, процессов как проявления закономерного процесса развития социальной системы, в которой он находится. Научное объяснение по форме — это логическое согласование теоретического и эмпирического уровней исследования, в котором и рождается представление о закономерности исследуемого объекта. При этом в одном варианте эмпирические данные получают непротиворечивое теоретическое истолкование на основе теоретической модели, когда познание движется "снизу" — от источника к его социоисторическому пониманию. Такая ситуация бывает, когда на основе научной традиции или личной интуиции ученый убежден, что археологический комплекс и эмпирический базис сформирован верно. В другом варианте основные положения теоретической модели (гипотезы, теории) получают непротиворечивую эмпирическую интерпретацию в эмпирическом базисе при преимущественном движении "сверху", когда в соответствии с поставленной социоисторической проблемой (гипотезой) раскрываются и организуются археологические факты, которые могли бы подтвердить или фальсифицировать гипотезу. Чаще всего археолог использует и тот и другой путь в зависимости от конкретных потребностей.

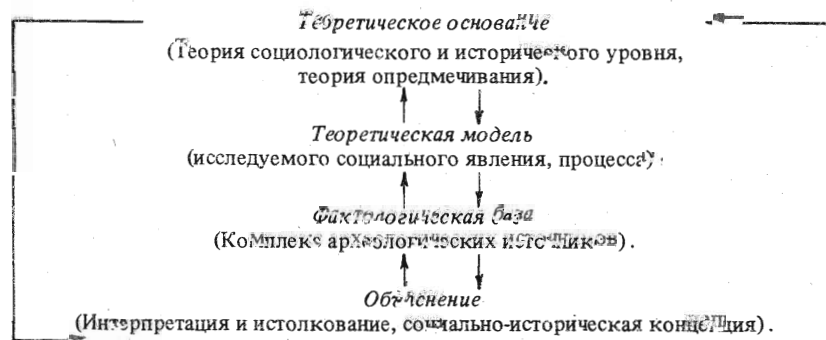
В современной науке наиболее продуктивным считается гипотетико-дедуктивный метод построения научного исследования. В археологии до сих пор господствовали индуктивные методы исследования и преобладает мнение, что анализ данных с точки зрения определенной гипотезы означает чуть ли не подгонку фактов. Археологи убеждены, что основной задачей ученого является "достоверное" обобщение археологических фактов, в процессе которого рождается новое знание о прошлом.

Между тем "индукция и дедукция связаны между собой столь же необходимым образом, как синтез и анализ. Вместо того, чтобы односторонне превозносить одну из них до небес за счет другой, надо стараться применять каждую на своем месте, а этого можно добиться лишь в том случае, если не упускать из виду их связь между собой,

и взаимное дополнение друг друга"⁵². Анализ фактов с точки зрения определенной гипотезы не означает подгонку их, как часто рассуждают археологи, а проверку гипотезы.

Венчает исследование формулировка *социоисторической концепции* на базисе выявленных закономерностей. Это вывод — результат всего исследования, в котором почти всегда присутствует и прогнозирующий элемент, т.е. трудности в решении проблемы и постановка новых познавательных задач — исходной фазы нового витка исследования.

Итак, в завершенном виде описанный исследовательский процесс можно представить в виде "*археологической познавательной спирали*", где на каждом витке — ступени совершается переход от более абстрактных к менее абстрактным категориям, понятиям социальной действительности в направлении к конкретно-историческим явлениям (или их остаткам в виде источников), составляющим фактологическую базу исследования. Схематически процесс концептуализации выглядит следующим образом:

Отдельные витки — ступени этой спирали могут детализироваться, члениваться на дополнительные ступени. Главное состоит в том, что завершающий виток спирали — объяснение и интерпретация обязательно возвращается, соотносится с исходным теоретическим основанием на предмет их согласования и проверки истинности, непротиворечивости полученных результатов общесоциологическим законам в пределах выдвинутой концепции.

В целом, конечно, следует еще раз отметить, что данное описание процесса концептуализации — построения археологического теоретического знания о закономерностях социоисторического развития древних обществ, лишь схематизированный каркас, требующий не только более подробного изложения, что будет дано в следующих главах, но и наполнения конкретно-археологическим материалом, что осуществляется в практике исследования археологов.

никами. В новом качестве записанные выше факты исторической действительности в обществе будут уже иметь новый вид (схема II).

Схема II. Факты прошлой действительности в природе

1 = ... " B₁ " V₁ " Г₁ ... E₁
 2 = ... " B₂ " V₂ " Г₂ " Д₂
 .....
 216 = ... " B₂₁₆ " V₂₁₆ " Г₂₁₆ " Д₂₁₆ " E₂₁₆
 .....
 n-m " B_{n-m} " V_{n-m} " Г_{n-m} " Д_{n-m} " E_{n-m}

m — количество погребений не сохранившихся вообще; " — фрагментарность остатков; — факт нахождения.

В этой схеме действительности, как видно из записи, утрачено большое количество фактов, а оставшиеся уже не являются тем, чем были раньше в отношении фактов-объектов и в особенности разнообразных фактов-действий, о которых сохранились лишь косвенные свидетельства в виде нахождения объектов, которые были сопричастны к действиям. Кстати, если в схеме I запись в строке обусловлена последовательностью действия при захоронении, то в схеме II запись может быть произведена в любом порядке. Поэтому количество, не говоря уже о качестве, фактов этой действительности далеко не соответствует исходному объекту — фактам исторической действительности.

Следующий этап — превращение "фактов действительности природы" в результате раскопок, вскрытия, извлечения материальных остатков фактов действительности и превращения их в *археологические факты*, которые неравнозначны, поскольку последние разрабатываются археологами и при этом, совершенно естественно, нарушаются, во-первых, потому, что многие из них подвергаются неизбежному дополнительному разрушению (раскопки ямы от погребения, развала печи в жилище, извлечение полустлеванной кожи и ткани, разваливающийся от коррозии железный нож и т.п.) и, во-вторых, потому, что мастерство, искусство раскрытия этих остатков зависят от уровня развития методов исследования и профессиональных субъективных способностей исследователя.

Таким образом, в новом качестве — как археологические факты — прежние остатки предстают перед нами уже в следующем виде.

Схема III. Археологические факты — раскопанный археологический памятник N-АК

2 = ... " B₂ " V₂ " Д₂
 8 = ... " B₈ " V₈ " Г₈ " Д₈ " E₈
 .....
 105 = ... " B₁₀₅ " V₁₀₅ " Д₁₀₅
 .....
 n — 302 " B₃₀₂ " V₃₀₂ " Г₃₀₂ " Д₃₀₂

302 — количество погребений, раскопанных в N-АК; " — факты двойной фрагментарности; — факт нахождения.

Дальнейшая утрата материальных остатков и отличия археологических фактов от своих предшественников вполне очевидны.

Можно ли археологический факт считать уже научным фактом? По-видимому, здесь есть известная двойственность и противоречивость. Археологический факт — остатки опредмеченной деятельности прошлых обществ, т.е. объективной реальности, но в тоже время это уже в известной мере "произведение рук исследователя", особенно для таких объектов, как остатки различных сооружений и т.п., поэтому объективность данных фактов частично утрачена. С некоторыми оговорками археологические факты можно сопоставить с экспериментальными установками в естественных науках. Разница состоит в том, что экспериментальные условия целиком планируются и создаются учеными и техниками, а археологические факты "запланированы", "созданы" (скорее преобразованы) деятельностью прошлых обществ и природой, а ученый "завершает" их оформление.

Научный факт — это суждение об объективном факте, включенное в систему научного знания⁴. Исходя из этого общепринятого определения археологический факт не является научным фактом, он выступает как объект наблюдения, как непосредственный объект исследования на базе которого формируется исходный научный факт археологического познания.

Таким исходным, низшего порядка научным фактом отражающим фиксированный, описанный археологический факт является артефакт. В артефакте ученым фиксируются физическая субстанция археологического факта и те свойства, которые он приобрел в процессе археологизации (связь с другими фактами, стратиграфия, планиграфия и т.п.) и свойства, которые мы приписываем в процессе распознавания факта как элемента прошлой исторической действительности, в том числе соотношения с определенным обществом N-АК.

Предлагаемая система: факт исторической действительности — факт действительности природы (потенциально — археологический памятник) — археологический факт — артефакт отражает определенную специфику исходного базиса археологического познания. Подобные членения и уточнения предпринимаются и в исторической науке. Так, М.А.Барг предлагает различать в истории: "исторический факт" — факт истории; "сообщение источника" — факт, фиксированный в историческом первоисточнике; "научно-исторический факт" — сообщение источника, научно верифицируемое, осмысливаемое историком как научный факт, как результат процесса познания, отражения объективной реальности⁵.

Археологический факт как объективно существующее в реальности явление, представляет собой неисчерпаемый источник познания, ибо в каждом единичном факте, а тем более в их совокупности, в сложных остатках прошлого, заключена огромная информация о социальном мире прошлого, так как эти факты являлись элементами непосред-

друга. Во-вторых, вычленив те или иные остатки, необходимо дать им объективную характеристику, причем здесь уже недостаточно словесного описания, на помощь приходят фотографии, чертежи, разрезы и т.п. Сам процесс исследования требует чаще всего разрушения изучаемых объектов после их фиксации, для того чтобы создать условия для изучения других объектов. Таким образом, данный вид артефактов создается в процессе раскопок, и степень их адекватности археологическому факту отражает профессиональное мастерство исследователя. Повторные изучения возможны лишь по отношению к остаткам монументального строительства, но и они уже бывают лишены окружающей среды.

Второй класс научных фактов в археологии составляют результаты эмпирических наблюдений, осуществляемых исследователем в процессе изучения археологических памятников. На схеме IV это фрагментарность фиксации фактов накопления (знак —). В более широком плане — это данные стратиграфии, планиграфии, состава культурного слоя, взаиморасположения предметов и остатков сооружений, всевозможные мерные величины и т.п. Все это специфические археологические научные факты, имеющие смысл лишь в контексте комплексного исследования, фиксирующего взаимосвязь остатков всех археологических фактов, что и позволяет получить целостное представление (описание) об источнике научного исследования. Здесь, однако, важно отметить, что данный класс научных фактов существует не сам по себе, он всегда "приписывается" определенным артефактам первого класса и *становится их свойством*.

Археологические факты — артефакты — это та археологическая реальность, которая включает объекты прошлой исторической действительности, опосредованные научной деятельностью археолога в систему исследования. Здесь наглядно отражается всеобщий принцип познания, согласно которому внешний мир дан человеку в формах его деятельности.

II.2. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ФАКТА

Археология в процессе познания сталкивается с объектами различного рода и происхождения, которые разделяются на две большие качественно различающиеся группы, каждая из которых имеет свои подразделения.

Первая группа — природные объекты: а) природные тела и процессы; б) жизнедеятельность индивидов как биологических существ. Развитие этих объектов совершается по законам природы, исследуемым естественными науками. Археология заимствует научные данные из этих наук в той мере, в какой они необходимы для раскрытия тех

социальных явлений, которые служат объектами ее исследования. Но в сферу археологического познания эти объекты попадают только в том случае, если они опосредованы социальной деятельностью, т.е. в той или иной степени сопричастны жизнедеятельности людей.

Вторую группу составляют социальные объекты: в) объекты, создаваемые людьми в процессе их жизнедеятельности; г) социальная деятельность людей, причем, естественно, не столько сам процесс деятельности, сколько те материализованные следы и остатки, по которым возможна реконструкция этой деятельности.

Объекты данной группы сохраняются во времени в виде археологических памятников и они являются непосредственными объектами, с которых начинается исследование и формирование научных фактов.

Археологические памятники и, следовательно, археологический факт как объективное явление реальной действительности характеризуются двойственной природой, которая определяет специфику данных объектов как источников познания. С одной стороны, это то, что археологические остатки включены в систему природы и претерпевают изменения в соответствии с ее законами, а с другой — что это остатки объектов, созданных социальной системой. Основным в археологическом факте является, конечно, их происхождение — изменение материальной субстанции и формы в результате социальной деятельности общества. Этот тот *опредмеченный мир природы, который являлся неперменным компонентом любой функционирующей социальной системы*. Это все то, что было сопричастно человеческой жизнедеятельности, в ходе которой сознательная целенаправленная деятельность преобразует природные образования в мир социальных явлений, в которых "под видом чувственных, чужих полезных предметов" находят выражение "опредмеченные сущностные силы человека"⁸.

Продукты природы, опосредованные человеческой деятельностью, превращаются в предмет деятельности определенных социальных сфер жизнедеятельности (гл. I.1,3), поэтому социальная природа остатков этих сфер может быть объяснена исходя из природы самой социальной деятельности. Отсюда следует, что важнейшими методологическими категориями, лежащими в основе распознавания социальной природы археологических фактов, должны быть понятия "социальная деятельность" и "продукты социальной деятельности" как неперменный ее компонент. В совокупности, органическом единстве эти понятия и формируют *категорию опредмечивания* социальной жизнедеятельности, остатки которой в конечном итоге трансформируются в археологические объекты — памятники археологии, а затем в археологические факты, лежащие в основе *формирования артефактов — универсальной всеобщей категории археологического познания*.

Таким образом, обусловленность природы артефакта социальной деятельностью — опредмечиванием выступает в качестве главного методологического принципа объяснения сущности артефактов — источ-

ников археологического познания социально-исторического развития прошлых обществ⁹.

В нашей литературе нередко встречается утверждение, что археологические памятники, остатки материальной культуры и т.п. — все это результат человеческой деятельности. В таком утверждении акцентируется внимание лишь на одной стороне и происходит раздвоение единства предметно-практической деятельности. *Предметный мир* (будущие археологические памятники) выступает в органическом единстве как неперемный компонент самой жизнедеятельности. Без этого компонента немислима сама социальная деятельность, но предметный мир это и результат, продукт этой деятельности, почему К.Маркс и говорит об этих предметах как о выражении опредмеченных сущностных силах человека.

Характеристика предметного мира только как результата человеческой деятельности отчуждает его от самой деятельности, создается впечатление, что предметно-практическая деятельность как самостоятельная сфера жизнедеятельности направлена только на создание внешнего к этой деятельности предметного мира. В этом случае или сужается само понятие деятельности (до проявления обыденной активности человеческого организма), или разрывается единство, целостность понятия: "социальная деятельность".

В целом, тот предметный мир древнего человека, который в конечном итоге переходит в археологический факт, должен рассматриваться в единстве своей двойственности. С одной стороны, любой объект — это действительно результат деятельности. Так, например, медный кинжал или остатки землянки, безусловно, являются результатом определенной целенаправленной деятельности: первый — как продукт меднолитейного производства, а второе — как забота коллектива, по обеспечению своего быта. Но эти объекты в социальной системе выступают также как компоненты деятельности: медный кинжал — как предмет вооружения, как определенный социальный атрибут; остатки жилища — как место обитания социального коллектива определенной величины и т.д. и т.п.

Не вызывает сомнения, что рассмотрение явления, предмета и т.п. как результат деятельности или компонент деятельности — существенно различаются между собой. Подобное разграничение характеристики социального соотношения и тем самым функции артефактов имеет чрезвычайно важное значение в археологическом познании.

Исследование социальной природы артефактов — одна из актуальных проблем в методологических разработках археологического познания. Исследования в этой области позволяют глубже раскрыть сущностную сторону исторического развития древних обществ. При этом следует помнить, что определяющее свойство факта исторической действительности — в его хронологической завершенности и онтологической неисчерпаемости¹⁰, в то время как определяющим свой-

ством артефакта является его познавательная незавершенность, содержательная изменчивость, куммулятивность, способность к беспредельному обогащению и развитию, обусловленному прогрессом археологического познания.

В.Д.Викторова в специальном исследовании археологического факта посвятила особый раздел рассмотрению вопроса об отражении в фактах исторической действительности предметной деятельности человека, как результата взаимодействия субъекта и объекта. В качестве субъекта конкретной целенаправленной деятельности выступает отдельная личность, или производственный коллектив, или общество в целом. Объектом в этом контексте может быть часть природной среды, на которую направлена человеческая деятельность, орудия труда, жилища и т.п. или сама общественная среда (личность или коллектив).

Человеческая деятельность является по своей природе предметно-практической, поэтому "деятельность субъекта выступает как единство опредмечивания сущностных сил человека и распределенности их в виде освоения того, что было создано предшествующими поколениями"¹¹.

Еще К.Маркс писал, что опредмечивание зависит "от природы предмета и от природы соответствующей ей сущностной силы"¹². С позиций этой зависимости и рассматривается природа археологических остатков. По закону опредмечивания в каждом результате человеческой деятельности, в том числе в вещном результате, с остатками которого имеет дело археолог, содержится взаимодействие двух компонентов — объект и субъект (O/S).

Первый компонент — объективное начало, зависящее от внутренних и внешних свойств объекта, природных объективных законов его функционирования. Так, например, концевые скребки на коротких с бугорком пластинах из розовой яшмы — весьма распространенная находка на позднеолитических памятниках лесного Зауралья. Твердость, плоскораковистый характер излома, скрытокристаллическая структура — объективные внешние и внутренние свойства яшмы, определяющие возможность применения пластинчатой индустрии при изготовлении орудий, возможность употребления этих орудий для работы по дереву, кости, коже и т.д.

Второй компонент, заключенный в изготовленной вещи, — природа сущностной силы человека, соответствующей природе камня — способности, знания, навыки человека. Субъект может изменить объект соответственно законам этого объекта, использовать объект соответственно его внутренним свойствам. Превратить возможность применения пластинчатой индустрии по отношению к яшме в действительность можно только при знании этих возможностей и условий их реализации. Сущностная сила человека всегда целенаправлена по отношению к объекту. Эта направленность определяется потребностями субъекта. В отличие от животного для человека свойственно непрерывное порождение

новых потребностей, удовлетворение которых опосредуется трудом и общественными отношениями. Потребности всегда носят конкретно-исторический характер: "Та или иная организация материальной жизни зависит, конечно, каждый раз от развившихся уже потребностей, а порождение этих потребностей, равно как и их удовлетворение, само есть исторический процесс..."¹³. В соответствии с потребностями субъект изменяет объект, придает ему целесообразную форму преобразованный объект приобретает функцию, то есть становится объектом или посредником для удовлетворения потребности в конкретной сфере человеческой жизни: материальном производстве, общественной организации, быту, духовном общении.

Продолжая анализировать с этой точки зрения неолитический концевой скребок на короткой с бугорком пластине, можно обнаружить, что за целесообразной формой скребка с округлым рабочим краем-концом, подправленным притупляющей ретушью, скрываются знания субъекта о внутренних свойствах яшмы раскалываться на пластины с острыми гранями; знание технологии пластинчатой индустрии и технологии дополнительной обработки пластины с помощью ретуши; знание внутренних свойств объекта, на который будет направлено использование орудия; навыки работы с камнем. Следы употребления в работе подтверждают функциональное назначение орудия в качестве скребка.

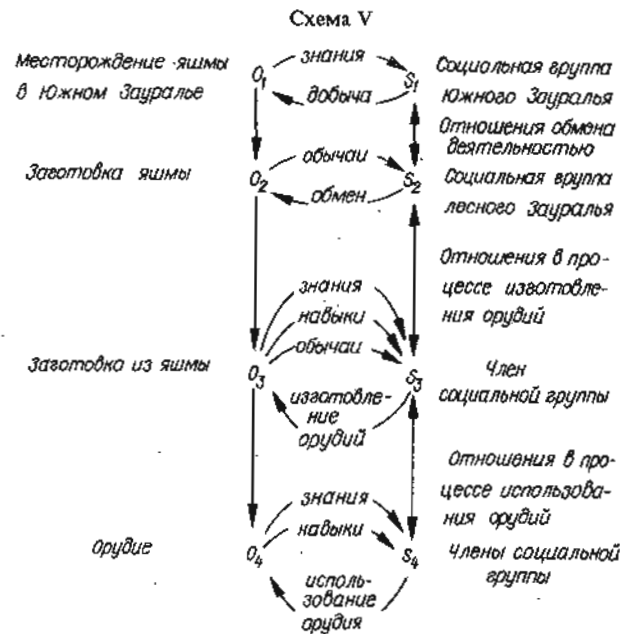
Изготовление скребков только на коротких пластинах несет не только функциональную, но и традиционную смысловую нагрузку, т.е. отражает определенную сторону этнических процессов — традицию конкретной социальной группы изготавливать скребки определенной длины на отсеченной пластине с бугорком.

Наконец, наличие кремневых орудий на стоянках лесного Зауралья, района, где нет выхода данных кремневых пород — свидетельствует о том, что население лесного Зауралья занималось обменом. Цвет яшмы и ее структура позволяют уточнить район обмена — Южное Зауралье.

Таким образом, концевой скребок — результат сложных объектно-субъектных отношений и взаимодействий. В схематической форме они могут быть представлены следующим образом [Схема V].

В зависимости от уровня социально-экономического развития, от особенности изготовления и использования объекта, цепочка объектно-субъектных связей может быть короче или значительно длиннее и сложнее. Итак, каждое орудие, оружие, украшение, погребение и т.д. — результат взаимодействия объекта и субъекта, опредмеченные знания, трудовые навыки, этнические ценности, материальные и духовные отношения людей"¹⁴.

Приведенное здесь описание анализа социального содержания одного, казалось бы, весьма невзрачного орудия, — концевой скребка только в рассмотрении техники его изготовления очень наглядно де-

монстрирует то огромное богатство социальной информации, которое содержится в фактах, которое должно быть включено как активный источник в познание.

Но именно эта сторона — выявление социальных параметров, присутствующих каждому факту, и включение их в систему археологического познания при формировании артефакта — представляет главную методологическую проблему археологии.

В связи с затронутыми вопросами кратко остановимся еще на одном, поставленном в последние годы, — содержат ли археологические источники историческую информацию? Ответ на этот вопрос можно получить лишь уточнив само понятие "исторической информации" и определить, в контексте какого предмета науки она рассматривается.

Исторический процесс как объективное явление есть выражение во времени и пространстве жизнедеятельности социальных систем, т.е. деятельности определенных (конкретных) коллективов (семей, общин, классов, народов, государств и т.п.), направленной на удовлетворение их материальных и духовных потребностей. Одним из неизменных компонентов социальных систем является предметный мир, со временем превращающийся частично в археологические памятники. Содержит ли предметный мир социальных систем историческую информа-

цию? Как компонент системы предметный мир несет в себе информацию о всей социальной системе, и эта информация в той или иной мере содержится и в археологических объектах.

Археологический факт — это материальный носитель социально-исторической информации о жизнедеятельности прошлых обществ. И, как во всяком носителе информации, сама эта информация закодирована специфическим кодом, формирующимся на основе принципа опредмечивания социально-исторической деятельности.

Следовательно, вопрос не в том, содержится ли социально-историческая информация в археологических памятниках, а в том, как поставить, сформулировать познавательную задачу (предмет науки!) и найти соответствующие методы адекватного отражения в историческом познании социально-исторических процессов при исследовании археологических памятников, как формировать сами эти источники социально-исторического познания.

III. СТРУКТУРА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ФАКТА. СВОЙСТВА И ПРИЗНАКИ. ФОРМИРОВАНИЕ АРТЕФАКТА

Археологический факт представляет собой материальное образование как объективная данность, и на базе ее формируется уже научный факт — артефакт, непосредственно включающийся в систему исследования. Археологический факт является важнейшим звеном в разработке процесса исследования, поэтому остановимся несколько подробнее на онтологической природе данного феномена. Археологические остатки как остатки древней культуры или предметного мира уже подвергались сравнительному анализу с этими же категориями в живой, функционирующей действительности¹⁵. Основной вывод, полученный при этом, состоит в том, что в живой действительности все элементы, которые в конечном итоге выступают как археологические остатки, были включены в динамическую целостную систему жизнедеятельности СИО, поэтому и пространственно-временные параметры, и функциональное назначение, и роль этих объектов в социальной структуре достаточно ясны. В археологическом памятнике эти объекты "социально мертвели" и отличаются статичностью, фрагментарностью, изолированностью отдельных компонентов, агрегативностью и компрессией остатков, а главное неизвестностью функции в живой системе.

Все это в археологической практике приходится проделывать, чтобы восстановить мысленно живую ткань общественной жизни. Естественно поэтому, что сохранившимся объектам жизнедеятельности уделяется всестороннее внимание для того, чтобы получить максимум информации о прошлой исторической действительности.

Л.С.Клейн, исследуя природу образования археологических памятников¹⁶, предложил схему их классификации, не лишенную известного

интереса. В одном случае он классифицирует памятники исходя из основных видов практической деятельности людей: обитание, хранение (упокоение), созидание и пребывание (посещение, передвижение). Эта группировка выведена из устоявшейся классификации археологических памятников. В другом — выделяет способы "археологизации" результатов человеческой практики, т.е. каким образом те или иные объекты или факты исторической действительности перешли в археологическую действительность. На пересечении этих двух направлений автор получает классификацию монументальных археологических объектов по условиям их формирования. Классификация вещевых остатков, называемых "портативными археологическими источниками", сделана также с учетом двух принципов: роли предметов в жизнедеятельности людей и значения предметов — сами предметы (позитив) или отходы при их производстве (негатив).

Подобная классификация оправдана с точки зрения тех социальных функций, которые выполняли отдельные объекты в жизнедеятельности, поэтому выше они и были разделены на две категории: мобильные и монументальные (гл. II.1).

Особенно важным является, однако, выяснение непосредственно природы археологического факта. Когда он становится уже объектом социального исследования, какими он обладает объективными свойствами, непосредственно доступными для фиксации в эмпирических исследованиях? Можно выделить следующие основные свойства¹⁷ объектов, как неотъемлемые качественные параметры археологического факта.

1) **Морфо-функциональные свойства** в которых выражена основная социальная функция. Форма любого объекта подчинена прежде всего его непосредственной социальной функции. Топор предназначен для рубки (или обработки) дерева, поэтому он должен обладать основными морфо-функциональными свойствами — лезвием, соответствующей массой и рукоятью. Только наличие элементов, воплощающих все три основных свойства, создаст целостность — социальный объект определенной функции, выраженной в определенной форме, и, что еще более важно, заданное место (или роль) в определенной социальной системе. Морфо-функциональные свойства объекта детерминированы системой, в которую он включен; поэтому сам объект является лишь элементом системы. *Морфо-функциональные свойства — это тот минимум элементов, без которого невозможно существование объектов данной функции как таковых.* Но каждый из этих элементов выражен в определенной конкретной форме, которая и дана нам непосредственно в чувственном восприятии. Поэтому исходным моментом в исследовании функции объекта является анализ его формы. С точки зрения диалектики познания мы попадаем в круг проблем взаимосвязи содержания и формы.

2) **Субстанциональные свойства** в археологическом факте выражают его материальную субстанцию: из какого природного объекта

(материала) изготовлен данный конкретный объект. В археологии это важно не только с точки зрения хронологии (общепринятых три века по материалу). Материальная субстанция отражает степень освоения природных ресурсов обществом. По-видимому, в круг выявления материала эмпирических свойств объектов надо включать и результаты химических анализов.

3) **Технологические свойства** — это результат определенной технологии изготовления объектов в той мере, в какой это обнаруживается на самом объекте, — оббивка, ретушь, шлифовка камня, литье и проковка металла, сверление и обстругивание и т.п. для мобильных объектов; кладка камня, обмазка, выкопанная яма, насыпная земля (курган, вал и т.п.), деревянная стена, черепичное перекрытие и т.п. — для монументальных сооружений.

Визуальные наблюдения дополняются данными различных анализов с помощью приборов методами других наук, что, по сути, лишь расширяет визуальные наблюдения исследователя. Технологические свойства объекта сохранили объективные данные об уровне развития техники своего времени.

4) **Функциональные свойства** — это всевозможные следы, остатки, отпечатки, отметины¹⁸, свидетельствующие о воздействии на данный объект со стороны другого. Это может быть стертость от руки или рукояти, нагар или отпечаток ткани, сработанность или изношенность и т.п., словом, все то, что деформировало объект или сохранилось на нем от его функционирования в системе.

Наряду с формой объекта эти свойства являются важнейшим показателем его функции. Достаточно хорошо известно, что трасологический анализ каменных орудий, основанный на выявлении их функциональных свойств, позволил получить очень много совершенно новых функциональных определений, ранее ускользавших от исследователей.

5) **Дизайновые свойства.** Внешнее оформление объекта диктуется прежде всего его функцией, что и определяет его морфо-функциональные свойства. Но наряду с этим объект содержит и другие свойства, не обусловленные функцией объекта. Это прежде всего его общая конфигурация, затем орнаментация (сосуда или медного кельта), не имеющие прямого отношения к функции этих предметов, также как помещение на них различных дополнительных деталей (валиков, бугорков). То же относится к росписи стен жилища, насыпи над могилой, сооружения оградки или памятного знака и т.п. Все это составляет дополнительное декоративное оформление объекта, обусловленное определенными социальными нормами, главным образом эстетическими, этническими и религиозными мотивами, вплетенными в результаты материальной деятельности людей, что особенно характерно для первобытности.

6) **Свойство взаимосвязей.** Любой объект находится во взаимосвязи и взаимообусловленности с другими объектами своей социаль-

ной системы. Причем сами эти системы образуют сложную многоуровневую иерархию. Здесь можно выделить два вида связей: прямые и опосредованные. Прямая связь — это связь в пределах единого сложного комплекса. Наконечник стрелы, древко, основание лука, тетива — необходимые элементы одного сложного орудия. Пол, стены, крыша, дверь — органические элементы жилища. Два-три жилища, расположенные на одном поселении, различные вещи в одной могильной яме и т.п. — это связи опосредованные, поскольку входящие в них элементы могут выступать как функциональные целостности, существование их непосредственно не зависит от другого объекта. Связь их опосредована спецификой социальной деятельности.

Таковы те общие объективные свойства археологических объектов, выступающие в качестве археологических фактов, на базе которых формируются артефакты — исходная категория исследования в археологии.

Формирование артефактов. Научное познание всегда относительно, обусловлено своей эпохой, поэтому в объекте археологии как таковом — отдельных обществах прошлого и в объекте познания археологии, изучающем определенные стороны всеобщего объекта науки и тем более в объектах непосредственного исследования, — археологических памятниках¹⁹, из которых извлекаются археологические факты, исследователь концентрирует внимание лишь на определенных свойствах, необходимых для решения данной познавательной задачи. Поэтому хотя археологические факты, как и сто лет назад, почти неизменны — те же ручные рубила, топоры, погребения, сосуды, остатки поселений и т.п., но научные факты качественно, не говоря уже о количестве, совершенно иные. **Фиксированное свойство археологических фактов**, формирующееся для решения конкретной задачи, выделяется как определенный признак артефакта. В таком виде артефакт может быть и отдельной вещью, и сооружением, и определенным орнаментом на вещи или связью между вещами. Главное, что это отдельное единичное явление — объект, зафиксированный на основе свойств археологического факта, объективно существующего в реальности.

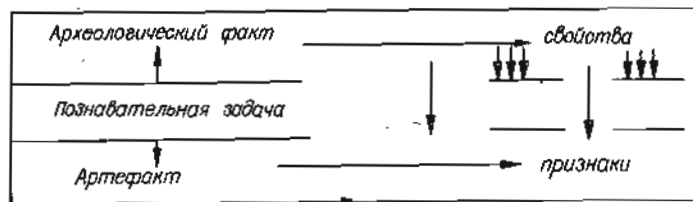
Поскольку задачи исследования социально-исторического прошлого чрезвычайно разносторонни, а в свойствах археологических фактов содержится информация о различных сторонах социальной жизни, постольку каждый археологический факт может служить базой для формирования множества артефактов. А.И.Ракитов характеризует эту процедуру в познании как выделение объективного предмета знания (исследования)²⁰, который, как и артефакт, в археологии служит исходной категорией познания. Артефакт — это элементарная неделимая "клеточка" фиксирования социальной действительности как целостности с определенным качеством. В этой "клеточке", заключается вся сущность и противоречивость социальной действительности — объекта познания археологии²¹.

Таким образом, на базе одного и того же археологического факта может быть сформировано множество артефактов в зависимости от задач исследования, но тогда ясно, что артефакты имеют определенный смысл только в конкретной системе исследования, формируемой познавательными задачами этой системы. Так, например, медный топор как археологический факт — в качестве артефакта T^I — топор, общая форма; T^{II} — химический состав металла топора; T^{III} — орнаментация топора и т.д., которые совершенно естественно как разные артефакты будут выступать в различных задачах на основе разных признаков. Для решения вопроса культурной принадлежности необходимы будут артефакты T^I и T^{III} , а для технологии медеплавильного дела — T^{II} и т.д.

Артефакты составляют основу эмпирического знания археологии, но они имеют определенный социальный смысл только в конкретных эмпирических схемах, где соотношены с другими артефактами как элементами предметно-технологического акта и поэтому получают определенное социальное толкование.

Формирование артефакта как универсальная исследовательская процедура образно можно представить в виде "просеивания" свойств археологического факта через "решето" — познавательную задачу, при котором пропускается лишь информация о свойствах, фиксируемая как признаки артефакта и необходимая для решения поставленной задачи

Схема VI

II.4. ПРИНЦИПЫ ОРИЕНТАЦИИ (АРТЕФАКТЫ В СИСТЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОЧНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ)

Введение археологических фактов в систему источников исследования связано с рядом процедур, которые иногда называют внешней критикой источников, рассматривая их обычно как установление достоверности (подлинности) археологического объекта, его сохранности и реконструкции²². Однако, если выделять в процессе исследования этап подготовки источников — его социального ориентирования, то он должен быть расширен за счет включения сюда процедуры, связанной с подготовкой артефактов к введению в социально-исторические исследования, которые обычно отделены довольно значительным интервалом времени от первоначального накопления источников для последую-

щих исследований. Поэтому их можно выделить как собственно подготовительный этап формирования первичной базы. Эта процедура в целом основана на принципе ориентации артефактов с целью критики источника, придание им статуса достоверности для дальнейшего исследования и соотносением с определенной социальной целостностью прошлого.

Подготовительный этап будет содержать три основные процедуры установления: археологической достоверности, археологического свойства связи и археологической культурной принадлежности. Причем необходимо подчеркнуть, что все они становятся неизменными элементами артефакта и условием введения его в систему социально-исторического археологического исследования, без которого они практически не могут быть выполнены.

1) **Археологическая достоверность** — это цикл изучения археологических фактов с точки зрения их подлинности как археологических объектов (памятников). Для памятников однослойных или типа погребений эта процедура не представляет труда. Здесь необходимо лишь учесть воздействие природы (вмешательство животных, переотложение культурного слоя и т.п.) или человека уже в наше время. Практически задача состоит в том, чтобы отделить древние остатки от современных. Сложнее, когда происходят смещения или смещения предметов и остатков сооружений в многослойных поселениях, содержащих разнокультурные остатки, и во впускных, взаимопересекающихся могилах и т.п. В таких ситуациях наряду с полевыми наблюдениями критерием разграничения материала и соотношения его с определенным комплексом служит уже культурный анализ предметов и остатков.

В этом же плане следует рассматривать сохранность отдельных объектов в памятниках и возможности их реставрации, создание более или менее полных, целых сооружений, вещей и т.д. Археологический факт — это объект археологического памятника, раскрытый для фиксации, изучения, анализа и т.п. Поэтому основная задача данного цикла исследовательской деятельности — достичь максимальной адекватности в процессе перевода объекта в факт для изучения с минимальными потерями информации, которые неизбежны в силу самого характера археологических раскопок, разрушающих памятник, как сохраняющуюся целостность. Выполнить эту задачу можно лишь совершенствуя методы полевых исследований и мастерство самого исследователя. Археологическая достоверность — это не только заключение о принадлежности или не принадлежности данного объекта к памятнику. Не меньшее значение имеет установление документальной достоверности отдельных элементов и объектов в системе памятника. Курганную насыпь в процессе раскопок сносят целиком, а задача состоит в том, чтобы увидеть и объективно зафиксировать ее такой, какой она была в реальности. Раскопки остатков жилищ необходимо осуществлять та-

ким образом, чтобы все до мельчайших деталей осталось в жилище так, как оно залегало в памятнике.

Археологический факт должен быть адекватен факту прошлой действительности в природе (схемы II, III) — такова целевая установка первого этапа познания в археологии. Выполнение этой задачи с наименьшими потерями и утратами археологических объектов и создает лучшие условия оценки археологической достоверности исследуемых объектов.

2) **Свойства связи.** В исторической действительности социальная жизнедеятельность представляет собой чрезвычайно сложную цепь взаимодействия сотен и тысяч различных объектов — предметов, сооружений, действий субъектов социальной деятельности — людей, обусловленных определенным образом жизни. Естественно, что историческая действительность каждого общества накладывает специфическую печать и на формирование археологической действительности, так же, как и развитие природы. Только в памятниках типа погребений, которые были взяты нами в качестве примера, иллюстрирующего процесс перехода от исторической действительности к археологической (см. схемы I—III), можно предполагать известную прямую трансформацию одного в другое. Поэтому в таких памятниках связь элементов, составлявших систему жизнедеятельности, сохранилась полностью, правда, эта связь теперь уже сугубо механическая, пространственная, в то время как в живой действительности она выступала как динамическое взаимодействие элементов. В памятниках других типов, например поселений, такой прямой трансформации нет. Здесь фрагментированные остатки и накопления в какой-то мере случайны по отдельным элементам, но вполне закономерны в целом по системе жизнедеятельности на поселении.

Закономерности связей отдельных объектов, будь то остатки сооружений или вещей в археологических памятниках и на определенных пространствах и территориях, обусловленные прошлой социальной деятельностью обществ, от которых остались эти памятники, придают им особые, теперь уже *археологические свойства связи*, особенно ценные в системе археологического познания. Это может быть факт нахождения копья и топора в одной могильной яме, следовательно, одновременность обоих объектов, факт перекрытия остатков одного жилища остатками от другого, следовательно, их одновременность и последовательность, наконец, обнаружение с остатками одного погребального набора кузнечных инструментов или серии почти идентичных по материалу памятников на определенной территории и т.д. и т.п. — все это новые объективные свойства археологических памятников, которые приобретают решающую роль в процессе познания, особенно в установлении эмпирических закономерностей — фактологической основы исследования и системы доказательств. Однако здесь следует подчеркнуть, что хотя свойства связи — это новые качества археологического

факта, сохраненные от исторической действительности, но они имеют смысл уже только в системе археологического познания. Это та археологическая специфика в познавательной деятельности, которая для непрофессионала не только недоступна, но практически непонятна. Отсюда ясно, почему памятники, раскопанные не археологами, как правило, утрачивают массу информации и большую часть своей научной ценности.

Археологические свойства связи, как будет показано дальше, составляют важный раздел в системе построения теоретического знания, так как выступают чаще всего в качестве предпосылки рассмотрения артефактов в системе реконструируемой социальной деятельности при решении конкретно-научных задач.

3) **Археологическая культурная принадлежность.** Многочисленность единичных археологических фактов, открытых современной археологией и четко обозначивших социально-исторический характер ее главного направления в исследовании, ставит в еще большей мере, чем ранее, первоочередным условием использования артефактов в системе исследования — их упорядоченность и систематизированность. Сама по себе систематизация может быть выполнена в бесконечном множестве вариантов, так как зависит от поставленных познавательных задач. Но в археологии имеется и основная, *генеральная систематизация*, обязательная для любого артефакта, в любом исследовании, при решении любой задачи. Это определение *археологической культурной принадлежности*, когда каждый артефакт должен быть определен во времени и отнесен к определенной археологической культуре или эпохе. Это условие связано с тем, что в археологии как исторической науке любой археологический факт, как и факт исторической действительности, изучается не как таковой, со стороны своей сугубо человеческой принадлежности, а как факт, порожденный определенной социальной системой и, следовательно, только в этой системе могущий получить правильную оценку. Поэтому генеральная систематизация состоит в соотношении фактов с конкретно-историческими социальными системами СИО—АК.

Археологическая принадлежность артефактов позволяет объединить их в достаточно крупные, многочисленные, а главное чрезвычайно разнообразие по составу комплексы отдельных АК, отражающих богатство социальной жизнедеятельности многочисленных обществ древности. Сам процесс формирования эмпирических комплексов каждой АК — довольно длительная и сложная процедура, в которой большую роль первоначально играют формально-типологические построения по отдельным категориям археологических остатков — монументальным и мобильным памятникам (см. II.1).

Монументальные памятники имеют пространственную привязку к конкретной местности, поэтому наиболее надежно позволяют очертить территорию определенной АК. Формально-типологическое разделение

и объединение таких памятников не представляет особого труда. Допустим, городища с определенной площадью, остатками полуземлянок четырехугольной формы, печами-каменками и т.д. можно объединить в класс или тип А. Точно так же — могильники с определенной конструкцией ям, положением костяков и т.д. Но как объединить формально могильники и городища в единый комплекс? Взаимосвязь их и устанавливается через сходство типов мобильных памятников — предметов, вещей, содержащихся в тех и других типах монументальных памятников: находки в городищах и могильниках одинаковых по форме топоров, сосудов и т.п. Эта структура формирования эмпирического комплекса археологической культуры хорошо иллюстрируется ранее опубликованной схемой*. По этим комплексам реконструируется образ жизни древних обществ, их социально-экономическая структура, духовная жизнь и этническая история. Главное, однако, что характеризует данный подход в процессе познания, — это ориентация любого артефакта с культурной принадлежностью, позволяющая сразу ввести его в русло социальной интерпретации или истолкования, в определенные исторические рамки, устанавливая тем самым допустимые вариации и отклонения от общесоциологических закономерностей. Соотнеся остатки какого-либо поселения с днепро-донецкой культурой эпохи неолита, едва ли у нас появятся ассоциации с существованием у населения этого поселка металлургических ремесленных мастерских, или "царских" захоронений, или следов оживленной торговли. Эпоха неолита — эпоха родового общества, а в лесной и лесостепной полосе Восточной Европы — время присваивающего рыболовческо-охотничье-го хозяйства и т.д. и т.п.

Принцип ориентации не нарушается и тогда, когда ведутся исследования явлений на межкультурном уровне, ибо даже если не акцентируем внимание на культурной принадлежности, то достаточно строго соблюдается принцип принадлежности к эпохе, будь то в синхронном или диахронном подходе. Принцип ориентации отражает, таким образом, одно из основных условий осуществления археологического познания — достоверность исходного факта и рассмотрение его в конкретно-историческом аспекте, т.е. в "своей" системе.

Кроме того, выполнение операций этого принципа обеспечивает введение артефакта в систему научного знания, что обеспечивает ему статус научного факта.

* Подробно эта процедура описана в публикациях: *Генинг В.Ф.* Структура системы археологического знания // *Методологические и методические вопросы археологии.* — Киев, 1982. — С. 22–27; *Генинг В.Ф.* Заметки к построению теории археологической культуры // *Археология и методы исторических реконструкций.* — Киев, 1985. — С. 69–73.

Одной из актуальных проблем процесса археологического исследования, достаточно часто дискутируемой в наших работах, является обширный круг вопросов, связанных с классификацией и типологией научных фактов. Практически в любом исследовании эмпирического или теоретического характера присутствуют в той или иной мере элементы систематизации, выраженной в классификации и типологии, особенно в тех случаях, когда эмпирический базис формируется на основе массовых категорий источников. К сожалению, общие принципы подхода к археологической систематике разработаны пока чрезвычайно слабо. Традиционный для археологии формально-типологический метод, подвергавшийся в 30-х гг. жестокой критике, в дальнейшем хотя и получил новый импульс в работах археологов, до сих пор не разработан для практического пользования и логико-методологически слабо обоснован²³. Именно поэтому его применение в исследованиях вносит больше разнобоя, чем единства и взаимопонимания, являющихся в конечном итоге главной целью этого метода. Каждый исследователь вносит в конкретные классификации и типологии свои элементы и новшества, не заботясь об их обосновании, и практически сам же строго их не соблюдает, поэтому результаты таких процедур у различных исследователей практически несопоставимы. Набор критериев и свойств фактов, привлекаемых для классификации, не разрабатываются и главное — не обосновываются, в то время как это одна из основных важнейших исходных процедур в любом исследовании.

В нашей литературе предлагался уже ряд таксономий археологических фактов, в которых основное внимание уделялось их уровневому членению²⁴.

Недостаток подобных разработок состоит в том, что они не имеют аргументированных оснований и, главное — не увязаны с социальной, предметно-практической деятельностью, которая является определяющим фактором в формировании предметного мира, не учитывают специфику археологического познания.

Социальная деятельность — главный компонент общественного развития и именно с ней связано рождение предметного мира и его функционирования в процессе жизнедеятельности. Поэтому социальная деятельность должна быть положена в основу классификации археологических фактов (гл. I.3). Структура классификации отражает сложную структурно-иерархическую организацию социально-исторических организмов (отдельных обществ), для характеристики которых использованы некоторые основные социальные параметры.

Прежде всего выделяются *субъекты социально-исторической деятельности* — конкретные индивиды, объединения людей, выступавших в качестве автономных подразделений при решении конкретных задач по обеспечению жизнедеятельности. Далее, выделяются *сферы*

Таблица 8. Иерархия и соотношение основных

Уровни системы	Археологическая таксономия	Археологические объекты	Субъекты социальной деятельности
V	Этнокультурная общность. Культурно-историческая общность. Культурно-хозяйственная общность	Совокупность археологических культур	Совокупность социально-исторических организмов
IV	Археологическая культура	Совокупность сходных одновременных памятников на ограниченной территории	Социально-исторический организм (народ)
III	Археологическая структура	Поселения, могильники... – совокупность предметов одной сферы деятельности	Община, племя
II	Артекомплекс	Жилища, погребения, плавильные печи... – совокупность предметов одного действия	Семья, производственная группа
I	Артекласс, артефакт	Археологические остатки: отдельные сооружения, предметы, захоронения и т.д. одной функции	Индивид

социального взаимодействия – область субъектно-объектных и субъектно-субъектных отношений, характеризующих особенности общности и уровень взаимодействия индивидов и групп в социальной деятельности.

Для археологического познания особую роль играет выяснение целенаправленности предметной деятельности на различных уровнях социальной организации.

В системе исторического познания в уровневой классификации социальной жизнедеятельности выделены понятия, характеризующие структуры социально-исторических отношений взаимосвязи и взаимодействия²⁵. Соотношение таксономии этих понятий с археологической классификацией уровней позволяет яснее понять задачи изучения социально-исторического развития в археологии.

Система 1-го уровня – предмет, явление – представляют собой простейший неделимый элемент социальной деятельности. Нельзя, например, представить себе функционирование в социальной системе не топора, а лезвия, не жилища, а крыши, не орнаментального узора, а лишь одного из его элементов и т.п. С точки зрения субъектов социальной деятельности в ряд данной системы выделяется отдельный индивид, а из сферы социального взаимодействия как целостности – простейший элементарный одноразовый акт, направленный на выполнение какой-либо определенной части социальной задачи, поэтому здесь фиксируется лишь предмет, явление. Экотраполируя этот принцип на

археологических и социально-исторических понятий

Сферы социального взаимодействия	Целенаправленность предметной деятельности	Структуры социально-исторических отношений
Межэтнические отношения – культурные связи – хозяйственно-производственный обмен	Этнические традиции – традиционно-исторические контакты – виды хозяйственной деятельности	Историческая эпоха
Саморазвивающаяся система по удовлетворению материальных и духовных потребностей	Взаимодействие общество – природа по социальному и биологическому воспроизводству общества	Исторический процесс
Постоянное общение в сферах жизнедеятельности по удовлетворению социальных потребностей	Практическая деятельность в отдельных социальных сферах	Историческая ситуация
Действия по достижению конкретной цели	Отдельный вид (цикл) деятельности с несколькими однофункциональными предметами	Историческое событие
Одноразовый социальный акт	Явление, однофункциональные предметы	Исторический факт

систему археологической классификации, приходим к заключению, что исходным моментом ее должны выступать остатки простейших элементарных функций жизнедеятельности, опредмеченные в материальных объектах. Это и есть то единичное, индивидуальное явление, которое в археологическом познании выделяется в понятие *артефакт*, и их функционально однородные совокупности – в *артекласс*.

В системе исторического познания этот уровень фиксирует исторический факт.

Система 2-го уровня – простейшие сооружения (жилища, погребения, медеплавильные печи и т.д.) или составное изделие (орудие труда, оружие, украшения, одежда и т.п.), которые выступают как автономные объекты – комплексы социальной деятельности. Субъектом деятельности этой системы являются семья, производственная ячейка и т.п., а в социальном взаимодействии, в целом, – выполнение простейшей задачи по удовлетворению социальной потребности, связанной с определенным циклом деятельности в конкретной сфере, для достижения чего употребляют, как правило, однородные предметы. Этот уровень характеризуют обычно как историческое событие. В системе археологической классификации он выделяет сложные объекты, явления с социально-однородными функциями – жилища, погребения, сосуды, топоры, браслеты, кинжалы и т.д. и т.п., абстрагируясь от единичного

и обобщая функционально однородные, поэтому данную категорию можно назвать артекомплексом.

Система 3-го уровня — поселение, могильник, жертвенное место и т.п. как объекты, где непосредственно протекает социальная деятельность в ее многосторонней целостности. В соответствии со структурой социальной деятельности могут выделяться и более сложные объекты — сферы социальной деятельности, а внутри сфер — отдельные отрасли, виды и т.д.

Это уровень, когда разнородные (гетерогенные) явления предшествующего уровня интегрируются в новое единство — *минисистему*. В качестве субъекта социальной деятельности в данной системе в первобытности выступает община — основная общественно-экономическая ячейка, обеспечивающая функционирование относительно автономного производственного коллектива, решающего практические задачи по удовлетворению потребностей в разных сферах. Это тот уровень, на котором осуществляется постоянное, непосредственное общение индивидов, где переплетается и формируется единство их интересов. Это уровень *исторической ситуации*, фиксирующей особые подсистемы в некотором интервале времени и пространства.

В археологической классификации данный уровень выделяет *археологическую структуру*, объединяющую артекомплексы, входящие в сложные системы социальной деятельности одной сферы.

Система 4-го уровня — отдельное общество прошлого — народ как автономный СИО, аналогом которого в системе классификации является АК. Это совокупность археологических памятников, включенных в процесс познания данного общества прошлого. Каждый СИО—АК представляет собой саморазвивающуюся социальную систему, деятельность которой направлена на удовлетворение материальных и духовных потребностей, обеспечивающих его воспроизводство в социальном и биологическом смыслах. Функционирование СИО—АК представляет собой саморазвивающуюся социальную систему, деятельность которой направлена на удовлетворение материальных и духовных потребностей, обеспечивающих его воспроизводство в социальном и биологическом смыслах. Функционирование СИО—АК как определенной системы в определенном пространственно-временном интервале и составляет *конкретно-исторический процесс*.

Система 5-го уровня — совокупность отдельных обществ — народов (АК) как выражение взаимодействия социально-исторических процессов определенной *исторической эпохи*. В археологической классификации этот уровень выделяется обычно как *культурно-историческая, этнокультурная и культурно-хозяйственная общность*. К сожалению, этот уровень пока наименее разработан в системе археологической классификации. Различные типы общностей, как уже следует из самих терминов, отражают различные основания в их выделении.

В такой классификации более рельефно отражаются различные уровни социальной структуры и социальной деятельности, за которыми выступают и определенные уровни социальных отношений, а познание их является главной задачей в изучении конкретных обществ прошлого.

Однако было бы неверно думать, что описанная здесь таксономия является единственной в системе археологического познания. По общности отражения социальной деятельности в известном смысле она может рассматриваться как изложение основных принципов археологической таксономии факта, применяемых и при классификации меньшей общности, связанной с решением практических задач в любом исследовании.

Классическим методом построения археологической классификации был формально-типологический, основанный на рассмотрении археологических фактов по сходству формы и назначения вещей, а отсюда их группировки и сопоставления в плане эволюционного развития. Однако абсолютизация и рассмотрение его как единственного и всеобъемлющего, особенно в идеалистическом духе школы Монтелиуса, оказалось несостоятельным²⁶.

В советской археологии с внедрением методологических принципов марксистской науки об обществе в системе классификации был применен социологический подход — разделение археологических источников прежде всего по связи с основными сферами деятельности. Этот принцип, проходящий красной нитью через все исследования советских археологов, и позволил достичь значительных успехов в освещении проблем хозяйственного развития древнего населения. Но слишком прямая связь археологических фактов с социальными категориями, которая проводилась в прежних исследованиях, оказалась уязвимой и показала, что, очевидно, метод исследования в данном случае еще не совершенен. Фактически та "проблемная ситуация", которая сложилась в настоящее время в археологии, характеризуется двумя факторами. С одной стороны, всевозрастающими требованиями более строгого подхода к интерпретации археологического материала, а с другой — более широкими потребностями исследования социально-исторического процесса развития древнего населения. Казалось бы, для решения этих вопросов имеются археологические материалы в достаточном количестве — накоплен огромный фактический материал, но "проблемная ситуация" пока не снимается. По всей вероятности, эта ситуация возникла в результате нарушения методологического принципа соответствия эмпирической информации целям научного исследования, стратегия которого задается теоретическим знанием. Именно эти знания определяют главное направление эмпирических исследований, обосновывают методы изучения эмпирического объекта. Эмпирический и теоретический уровни исследования должны выступать в диалектическом единстве, как единый процесс научного поиска

ка, и это единство в археологии сейчас нарушено. Важнейшим звеном, которое должно связать эмпирический и теоретический уровни исследования, являются методы классификации и типологии археологических фактов, ибо от того, как будет организован эмпирический базис, во многом зависят результаты теоретических исследований, особенно в той области, которая касается истории конкретных обществ прошлого.

Практически в археологии вновь стала проблема упорядочения артефактов, проблема формирования эмпирической базы теоретических исследований, основная цель которых — раскрытие закономерностей социально-исторического развития конкретных обществ прошлого.

ГЛАВА III ПРОБЛЕМА И ГИПОТЕЗА КАК ФОРМЫ РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

III.1. ПРОБЛЕМНОСТЬ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Начальная процедура исследовательской деятельности — одна из наиболее сложных по своей внутренней организации, так как она в абсолютном большинстве представляет собой работу творческой мысли ученого. Найти здесь строгую упорядоченность или логические правила весьма трудно, ибо в творческом процессе мысли в поисках "ведущей идеи" зачастую блуждают, перескакивают, берут то исходные посылки, то тут же готовый результат, опуская большие этапы, на которых будет сосредоточено внимание особо. Но и в этом относительно неупорядоченном процессе начального поисково-творческого этапа можно выделить несколько устойчивых основных компонентов. Побудительные мотивы к творческому поиску достаточно разнообразны и разнообразны (гл. I.2). Так, "открыв" совершенно непонятный предмет, исследователь в первую очередь ищет ему объяснение с точки зрения его непосредственной функции, но он может и развить идею о той отрасли деятельности, в которой функционировала данная вещь и т.п. Побудительный мотив в творчестве может исходить и "сверху", когда возникает интерес на уровне абстрактной эмпирической интерпретации, т.е. всестороннего обоснования археологическими материалами какой-либо конкретной идеи или концепции. Подобные идеи рождаются как в собственном слое знания, так и в заимствовании из других наук.

Творчески-исследовательский акт начинается с того момента, когда в хаосе мышления, идей, материала нащупана проблема, в которой осознается, что какой-то участок в системе знания не получил удовлетворительного решения или, как говорят обычно, когда вырисовывается постановка научной проблемы, которая в ходе дальнейшего поиска перерастает в постановку задачи. С этого этапа исследовательская деятельность начинает приобретать уже большую организованность в поиске и решении различных частных, промежуточных звеньев общей проблемы. Обнаружение, постановка и поиск путей решения

научной проблемы — одна из наиболее активных и универсальных форм развития научно-познавательной деятельности.

Научная проблема — неперенный компонент системы научного познания, и в последнее десятилетие этому еще слабо изученному разделу уделяется все большее внимание¹. Это связано с общей тенденцией упорядочения и осмысления научно-исследовательского процесса как целостной системы и с тем, что сам процесс, как правило, проблемно целенаправлен. Поэтому изучение компонента "научная проблема" приобретает все большее значение в эффективности познавательной деятельности. Исследование гносеологической функции категории научная проблема вскрывает не только один из важнейших этапов, предшествующий непосредственно познанию закономерностей объективного мира, но и пути выхода на эффективный поиск новых открытий в науке.

В советской археологической литературе освещению вопросов, связанных с научной проблемой, посвящена лишь одна специальная статья Ю.Н.Захарука. Кратко характеризуя понятие "проблемная ситуация", автор на нескольких примерах достаточно убедительно показывает, что в современной археологии обилие нерешенных или очень слабо аргументированных конкретно-научных проблем свидетельствует о наличии для всех их ряда общих моментов, среди которых наиболее важными можно признать "отсутствие унифицированной археологической терминологии и понятийного аппарата; отсутствие общепринятых и выработанных методов и приемов решения проблем; неразработанность археологической теории"².

Понятие "проблема" в бытовом, да и в научном обращении часто сопоставляется с понятием "вопрос", или в настоящее время с понятием "проблемная ситуация". Найти строгое разграничение этих понятий, особенно если не акцентируется внимание на их методологической функции, нелегко. В семантическом отношении в словарях "проблема" нередко трактуется как "сложный вопрос" или вопрос, предназначенный для обсуждения и решения. В научном лексиконе проблема рассматривается как разновидность вопроса, ответ на который невозможно дать однозначно, так как в имеющемся знании нет готового ответа и поэтому необходимо проведение новых изысканий для решения поставленной проблемы. Это иллюстрируется несколькими тривиальными примерами.

Так, если поставить вопрос о степени изученности социальной структуры общества катакомбной АК, то ответ на него хотя и может быть дан в различных вариантах — неудовлетворительная или слабая, так как мало источников или источники не анализировались под этим углом зрения, — но в принципе все они однозначны: это прямой ответ, не требующий выхода на дальнейший исследовательский процесс (конечно, в том смысле, как поставлен вопрос). Другой пример из полевой практики: имеются ли остатки жилищ-полуземлянок на посе-

лениях срубной АК Нижнего Поволжья? Ответы: срубные поселения здесь не раскопаны; или — срубные поселения здесь не обнаружены; или — остатки жилищ на срубных поселениях отсутствуют. Все варианты дают исчерпывающие ответы на поставленные вопросы и не требуют дальнейших изысканий или поиск ограничивается анализом имеющейся информации.

Иной разворот получает вопрос, когда он имеет проблемный характер. Допустим, на вопрос возможно ли проследить по погребениям катакомбной АК имущественную дифференциацию населения, все ответы, данные в использованном выше варианте, уже недостаточны, так как не дают непосредственного ответа на поставленный вопрос. Здесь, естественно, напрашивается ответ: данный вопрос необходимо исследовать и тем самым поставить проблему, развить ее.

Пример из практики полевых работ. В 1982 г. при раскопках кургана катакомбного времени обнаружена своеобразная каменная вымостка — "дорожка" от подножья кургана по спирали к его вершине. ("Дорожка" — в данном случае лишь образное определение.) Факт новый, зафиксирован впервые и как трактовать его социологически — не ясно. Отсюда и проблема, требующая дальнейших поисков как в поле, так и в объяснении социологического содержания данного факта. В таких случаях необходим поиск решения поставленной проблемы, так как она в литературе еще не исследована. Подобная постановка характеризует любое научное исследование, которое состоит именно из обнаружения и решения проблем.

Наиболее общее определение проблемы — это *знание о незнании* в конкретной области науки, при этом данное знание о незнании рождается и накапливается в процессе практической исследовательской деятельности. Знание о незнании обнаруживается при исследовании в двух основных разновидностях, которые обуславливают специфику и решения проблемы. Один вариант, когда обнаруживается неизвестное в известном. В приведенных выше примерах типичные случаи: известны катакомбные захоронения, но не известна, не исследована социальная структура общества этой АК, т.е. не раскрыты еще определенные стороны, характеризующие объект познания. В примере с "дорожкой" в кургане обнаружен факт, не имевший еще социологического истолкования, что является первым шагом к вводу фактов в систему исторического знания в археологии.

Другой вариант рождения проблемы — обнаружение противоречия в уже имеющемся знании. Так, если обнаруживается факт, когда могильная яма катакомбной АК будет прорезаться могилкой ямной АК, то это будет противоречить принятому знанию о том, что ямная АК древнее катакомбной. Ясно, что обнаруженный факт порождает проблему, которая требует обстоятельного исследования. Или, допустим, при изучении социальной структуры общества катакомбного времени исследователь пришел к выводу, что здесь выделяются захоро-

нения "царского типа", свидетельствующие о становлении классовых отношений. Такой вывод противоречит нашему представлению (знанию) о том, что общество катакомбной АК относится к начальному периоду эпохи разложения первобытных отношений, когда еще не могло быть классовых отношений и царской власти. Это противоречие, которое можно разрешить лишь новыми исследованиями, что и является основной отличительной чертой понятия "проблема".

В логико-методологической литературе встречается и более жесткое и строгое определение понятия "научная проблема" — постановка ее считается правомерной тогда, когда "вопрос сочетается с предложением (или, иначе, содержит предложение) о возможности открытия нового закона (чему в прикладных науках соответствует открытие принципиально нового способа применения ранее полученного знания законов)"³. Если же требуется лишь поиск готового знания и исследуемое явление не ведет к открытию нового закона, а подчиняется уже известному, — такой вопрос не оценивается как научная проблема.

Подобное, "жесткое" определение научной проблемы и может быть приемлемо для развитых наук естественного цикла, имеющих уже достаточно разработанную логико-методологическую базу. В области общественных наук, и особенно исторических, где само понятие закона не столь строго ограничено в конкретно-историческом проявлении, и само проявление характера закономерности общественного развития в отдельных обществах еще составляет исследовательскую проблему, по-видимому не следует пока понятие "научной проблемы" подводить под такие жесткие ограничения.

"Проблемная ситуация" — понятие несколько иного характера. Проблемная ситуация возникает объективно в процессе развития общества и научного знания как осознание противоречия между знанием с острыми потребностями социальной или хозяйственной деятельности, науки в целом или какого-либо ее раздела и т.п., в каких-то результатах практических или исторических действий. Однако пути, методы, средства реализации этих действий и достижение необходимых результатов неизвестны, их нет в наличном знании, так как неизвестны закономерности развития тех объектов, которыми необходимо оперировать в процессе получения заданного результата. Проблемная ситуация может также возникнуть как противоречие между знанием сущностей одних объектов (или сторон объекта) и незнанием сущностей других объектов (или сторон объекта), с которыми первые находятся во взаимосвязи и зависимых отношениях⁴. Осознание неполноты информации, ее противоречивости рождает стремление преодолеть эту неполноту и проявляется в поиске, сравнении, предположении, углублении знания, чтобы найти приемлемое решение. Проблемная ситуация часто порождает в науке острые конфликты и дискуссии. Однако нельзя полагать, как это можно судить по определению Ю.Н.Захарука, что проблемная ситуация "выражается в чрезмерной противоречивости

предлагаемых исследователями решений, в спорности взглядов"⁵. Это одно из частных проявлений проблемной ситуации, главное здесь — *актуальная потребность*, а это означает, что проблема охватывает не отдельные частные вопросы науки или практики, а затрагивает коренные интересы, от которых зависит все дальнейшее развитие данной области знания.

В развитии советской археологии в последние десятилетия возникла проблемная ситуация в области разработки теории и методологии археологического познания. Ситуация вызвана потребностями практических исследований по истории древних обществ. Углубление социально-исторического знания, которое можно было ожидать как результат накопленных в огромном количестве источников пришло в острое противоречие со старыми, уже неэффективными методами исследования этих источников. Отсутствие разработок по логике и методологии исследования археологических источников тормозит расширение и углубление социального познания древних обществ.

Особенно остро это чувствуется в области разработок археологической терминологии, что было хорошо показано в анализе такой проблемы, как "археологическая культура", проведенном Ю.Н.Захаруком⁶.

Актуальность потребности решения проблемы археологической культуры связана с практической деятельностью археологов. АК выступает как основная единица исторического анализа, как определенная социально-историческая целостность и, естественно, что неопределенность, нерешенность многих вопросов, связанных с этой категорией, порождает острую потребность ее разрешения. Проблемные ситуации, как правило, охватывают широкий круг вопросов, которые нередко выделяют в качестве самостоятельных проблем. Так, в проблемной ситуации в целом наиболее актуальна так называемая проблема выделения конкретных археологических культур, поскольку это связано с практикой работы очень многих исследователей и от решения этой проблемы зависят все дальнейшие изыскания. Причем здесь главный вопрос — какими методами следует осуществлять эту процедуру. Эта ситуация сложилась в результате незнания закона отражения социальных формирований различного уровня и типа в предметном, вещном мире. Поэтому то сходство археологических источников, которое служит основой объединения в комплексе археологической культуры, не получило до сих пор однозначного, достаточно аргументированного социологического истолкования. А поскольку не определено социологическое содержание категории АК, невозможно выработать ни критерии, ни методы практической процедуры ее выделения⁷. Таким образом, центральным вопросом в данной проблемной ситуации является социологическое содержание категории АК.

Проблемная ситуация, конечно, возникает не только на почве логико-методологического незнания. Чаще всего истоки этой ситуации

лежат именно в эмпирических данных, в появлении новых фактов. Кстати, описанная выше проблемная ситуация в археологии имеет своим истоком в первую очередь накопление огромного количества новых фактов.

Проблемная ситуация может возникнуть и в результате сугубо внутренней логики развития познавательной деятельности в конкретной науке как в целом, так и в отдельных ее разделах. Интересны высказывания известного физика Луи де Бройля: "Мы никогда не должны забывать (история наук это доказывает), что каждый успех нашего познания ставит больше проблем, чем решает"⁸.

В понимании проблемной ситуации в науке существуют некоторые расхождения. По мнению одних ученых, проблемная ситуация составляет условие и пути решения любой научной проблемы. Нам представляется, что в отличие от обнаружения и постановки проблем, поисков их решения, что является обычной формой развития научного познания, возникновение проблемной ситуации в науке — не ординарное событие, оно связано со сложением остроконфликтной ситуации, когда не могут получить разрешения фундаментальные цели научного поиска, оказывающие решающее воздействие на прогресс науки в целом. Поэтому проблемные ситуации такого порядка выливаются в научные революции, затрагивающие основания науки — ее фундаментальные теоретические концепции и методологические установки. Подобная ситуация возникла, например, в советской археологии начала 30-х гг., а в дальнейшем в 60–80-е гг., что составляет два этапа научной революции современного археологического знания⁹.

Для раскрытия содержания научной проблемы как категории познания необходимо рассмотреть ее структуру. Научная проблема — это знание о незнании каких-то объектов, свойств объектов, их связей и отношений, поэтому она включает высказывания, в которых центральное место занимает "научный вопрос", содержащий и главную идею проблемы "о незнании". Но сам вопрос о неизвестном может возникнуть только тогда, когда уже что-то известно, поэтому непременным компонентом проблемы всегда будут определенные данные об известном, с которым связано неизвестное¹⁰.

Проблема, как отмечалось выше, отличается от обычного вопроса тем, что требует поиска его решения, следовательно, должна содержать указания на способы (методы) разрешения проблемы, хотя последнее и не всегда можно сразу достичь, а поэтому превращается в самостоятельную проблему.

Обратимся в качестве примера к рассмотрению вопроса об имущественной дифференциации населения катакомбной культуры Нижнего Поднепровья. В первую очередь необходимы исходные данные и представления о целях исследования, которые формируются на основе определенной теоретической конструкции (схемы), отображающей социальную сущность имущественной дифференциации в общественной

структуре, а также концепцию выражения этой сущности в погребальном обряде. В целом эти представления обычно формируются в виде определенных теоретических моделей или схем. Далее необходимо определить круг источников, на базе которых будет рассмотрена проблема, оценить их репрезентативность в решении данной проблемы, представительность в количественном (необходимый минимум количества погребений и территории их распространения) и качественном отношении (качество фиксации при раскопках, случайность выборки и т.п.).

Обрисовав исходные посылки, определяют метод решения поставленной задачи: какие операциональные процедуры позволяют преобразовать исходные данные о погребениях таким образом, чтобы получить выводы, которые возможно интерпретировать в соответствии с поставленной задачей.

Лишь при наличии всех этих исходных данных может быть четко сформулирован центральный вопрос проблемы и указаны методы его решения. В нашем примере это может быть установление наличия имущественной дифференциации в обществе катакомбной культуры Нижнего Поднепровья. Кстати, это лишь установление факта исторической действительности, который требует в соответствии с задачами социально-исторического исследования *объяснения*. Но это новая проблема.

Следовательно, в самом общем виде проблема, как и проблемная ситуация, должна содержать три основных компонента: указание на то, что требуется найти и доказать; высказывания по поводу исходных данных, из которых вытекает "научный вопрос" и на которых должен основываться поиск искомого, ответ на центральный вопрос проблемы; изложение метода (или способа), с помощью которого необходимо вести исследование поставленной проблемы для получения ответа на центральный вопрос.

Из этой структуры ясно, что основная суть проблемы, ее описание, содержатся в первом компоненте, который и формулируется как центральный вопрос, или собственно проблема. Поскольку проблема возникает прежде всего на почве недостаточной информации или ее противоречивости, то эта неопределенность порождает стремление исследователя получить исчерпывающую информацию, достичь знания. В процессе поиска может не только изменяться представление о проблеме, но даже оказаться, что проблема мнима или уже решена в принципе или даже конкретно для данной ситуации. Отсюда и обычное требование в науке при постановке проблемы — дать обзор состояния (историографию) проблемы.

Поиск в обзорном и сущностном аспектах рождает множество вариантов решения, вероятность истинности которых еще не ясна. Эта альтернативность решения и составляет главный функциональный смысл проблемы¹¹.

Данная гносеологическая структура проблемы рождается далеко не сразу. Сама постановка ее уже представляет собой исследовательский процесс. И в этом аспекте процесс познание проблемы развивается в двух направлениях:

1) как отражение познания проблемы, что в конкретно-научных археологических исследованиях обычно заключают в раздел историографии. К сожалению, в таких разделах чаще всего фиксируется перечень высказываний и концепций различных исследователей в порядке их публикации. Здесь уже выработан штамп, и весьма редко встречается анализ по отдельным проблемам, вопросам, подпроблемам, методам их решения и т.д. В этом аспекте проблема носит гносеологический характер, ибо главный упор делается на то, как изучался объект.

2) как познание неизвестного объекта или его свойств, как собственно познание истины или нового, что представляет собой онтологический аспект, ибо в центре будет исследование объективной реальности.

Процесс познания проблемы рассматривается как динамика становления проблемы¹² или как критерии истинности в оценке научной проблемы¹³. Скорее всего здесь можно вести речь о трех последовательных этапах развития проблемы. Прежде всего зарождение проблемы в целом. На этом этапе необходимо ответить на вопрос: существует ли в данной области знания что-либо еще неизвестное — предмет, его свойство, отношение и т.п. Главное в этом вопросе — истинно ли заключение исследователя об обнаружении неизвестного? Для ответа на подобные вопросы необходим тщательный анализ существующего современного знания, экскурсы в область истории науки.

Далее идет этап становления проблемы — проверка идеи центрального вопроса, уточнение того, какое неизвестное проявляется в исследуемой ситуации — предмет, свойство или отношение. Действительно ли предположение, что в данной сфере действует закономерность, неизвестная в науке, или предположение о возможности приложения какого-то теоретического положения? На данном этапе происходит конкретизация сферы поиска, ограничивается и уточняется искомое неизвестное.

И третий этап — постановка проблемы — четкое формулирование центральной задачи и, что связано уже с постановкой конкретной задачи, поиск путей решения проблемы.

Установив истинность сделанных предположений о незнании, появляется возможность сформулировать центральную задачу и тем самым поставить проблему. В этой последовательности отражается четкое развитие внутренней логики проблемы, и только положительное решение на каждом этапе обуславливает решение следующего этапа.

При формулировке задач и проблем выработаны уже некоторые общетеоретические требования¹⁴, которые могут обеспечить научно-философскую состоятельность их постановки. К таким требованиям относятся:

а) учет конкретно-исторических обстоятельств, в которых возникает проблема в данной сфере науки;

б) семиотическая определенность компонентов проблемы, формулировка задачи должна отражать осмысленную связь искомого и исходного знания;

в) указание на то, что данная научная проблема должна быть доступна для решения в смысле истинности и ложности;

г) в постановке проблемы должны содержаться идеи, которые предполагают решение многих проблем;

д) практическая значимость проблемы — ее включение прямо или косвенно в систему существующего научного знания.

В целом логические правила постановки проблемы позволяют вести поиск более целенаправленно, чтобы проблема выполняла свои функции¹⁵. Среди этих правил наиболее существенно строгое отграничение известного от неизвестного, что достигается ознакомлением с новейшими достижениями науки и ее истории, позволяющими дать действительную оценку значимости поставленной проблемы, ее новизны. История науки свидетельствует, что большинство открытий было совершено на переднем крае науки, на наиболее перспективных направлениях. Актуальная задача исследования общественно-экономического развития древнего населения по археологическим источникам, поставленная в советской археологии 30-х гг., привела к исследованию яркой раннеземледельческой культуры Триполья, раскрытию роли ремесленного производства в развитии Древней Руси, открытию палеолитических жилищ, позволившему поставить проблему общественной структуры родового общества и многих других.

Поскольку проблема является формой организации научного познания, поскольку рассмотрим ее в данных узкой функции с точки зрения общих принципов постановки проблемы, достаточно подробно разработанных в монографическом исследовании Е.С.Жарикова¹⁶.

Конечно, эта структура предполагает уже достаточно обширное ознакомление не только с материалами, но и самой постановкой и решением проблемы. В этом отношении примечательны слова К.Маркса: "Размышления над формами человеческой жизни, а следовательно, и научный анализ этих форм, вообще избирает путь противоположный их действительному развитию. Оно начинается *post festum* (задним числом), т.е. исходит из готовых результатов процесса развития"¹⁷. Именно готовые решения проблемы, прошедшие свое развитие, и позволяют обрисовать общие принципы их постановки.

Когда наступает момент **формулирования проблемы**, необходимо сосредоточить внимание на выдвигании центрального вопроса, фиксации основного противоречия, которое порождает проблему, описание ожидаемого результата.

Так, если в качестве проблемы выдвигается определение формационного типа кочевнических обществ, то центральный вопрос, исходя из марксистского учения об общественных формациях, должен быть сформулирован как исследование сущности экономического базиса обществ, в которых основной отраслью хозяйства является кочевое скотоводство.

Поскольку экономический базис — это система производственных отношений, постольку противоречия следует искать именно здесь. Не останавливаясь на подробном анализе существующих высказываний и характеристик, отметим, что в данном случае эти противоречия между коллективным характером производства (совместный выпас скота), частично коллективной собственностью (общественное владение пастбищами) и частичной собственностью на средства производства (владение скотом) и частнособственническим характером распределения продуктов производства (приплод и выращенный скот принадлежит частным лицам). Отсюда следует, что изучение хозяйственной деятельности и собственности в их конкретно исторических формах раскроет сущность функционирования этих обществ и позволит определить их формационную структуру.

Следующий шаг анализа — **построение проблемы**, представляющее собой в известном смысле дальнейшую разработку структуры проблемы. В данном подходе выделяются два основных аспекта. В один из них объединяются вопросы, которые Е.С.Жариков называет стратификацией проблемы, т.е. выделение вопросов, подпроблем, необходимых для решения самой проблемы, и композиция — определение порядка, последовательности решения этих вопросов и подпроблем. В описанном выше примере оба эти момента выделяются достаточно хорошо, но сформулируем эти задачи в порядке их разрешения:

1. Исследовать структуру производства в кочевом хозяйстве: организацию труда, распределение труда, способ получения необходимого и прибавочного продукта и т.д.

2. Исследовать формы эксплуатации, т.е. принципы распределения продукции кочевнического хозяйства.

3. Исследовать формы собственности у кочевников как системообразующий фактор социальной структуры и т.д.

Другим аспектом постановки проблемы является **локализация не только неизвестного**, но и поля исследования в реально обозримых пределах, так как это конкретизирует поиск неизвестного в определенной области знания и позволит наметить определенные пути решения проблемы. Это правило имеет также большое значение в том смысле, что в сфере неизвестного всегда содержится масса вопросов и если не

ограничить, не локализовать искомое, то едва ли можно будет приступить к его решению. В приведенном выше перечне локализацию необходимо произвести в каждой подпроблеме.

Особый подход составляет **оценка проблемы**, в которой главное внимание сосредоточивается на определении возможных условий для решения проблемы, что в значительной мере находится в зависимости от характера проблемы. Среди общих задач здесь необходимо определить тип проблемы в соответствии с принятыми принципами их классификации, а также метод решения, зависящего как от характера, так и типа проблемы; установить предельный уровень анализа тех отношений, которые связаны с решением проблемы и формы описания результатов решения проблемы.

В этом же подходе решаются вопросы, связанные с выяснением степени проблемности, нахождением аналогии в уже решенных проблемах т.д.

Специфический подход реализуется в процедурах **обоснования проблемы**, включающих несколько разделов, среди которых особо следует выделить четыре процедуры.

1) Процедуры **экспозиции**, устанавливающие ценностные, содержательные и генетические связи данной проблемы с другими. В нашем примере без определения формационной структуры едва ли возможно оценить перспективы развития кочевнических обществ и понять их социальную сущность. С гносеологической точки зрения решение проблемы позволит создать теоретико-методологическую модель, необходимую для разработки вопросов изучения конкретно-исторических обществ кочевников и т.д.

2) Процедуры **актуализации** должны обосновать реальность проблемы, ее постановку и решение. Необходимы также реальные потребности развития научного знания. Потребность решения изложенной выше проблемы вызвана непосредственным исследованием археологических источников, в частности необходимостью изучения социальной структуры общества причерноморских скифов по раскопкам и публикациям многих сотен курганов и тысяч погребений различного размера и содержания начиная от незранных, еле заметных насыпей и погребений с весьма скудным инвентарем и кончая грандиозными остатками погребальных сооружений имеющих еще сейчас высоту до 20 с лишним метров, с могилами, изобилующими золотыми изделиями в захоронениях царствующих особ и почти безинвентарных — "убитых слуг", множеством захороненных коней и т.д.

При этом необходимо стало не только констатировать подобные факты, систематизировать их и выделить соответствующие группы или типы. Необходимо **объяснить**, каково социальное содержание этих фактов исторической действительности¹⁸.

Социологическое осмысление этого материала стало возможным только в рамках построения концепции социальной структуры скиф-

ского общества, для чего и потребовалось в первую очередь выяснить формационную сущность кочевых обществ¹⁹.

3) *Компроматация*, как процедура обоснования, предполагает в ходе разработки проблемы выдвижение какого угодно числа возражений по любому вопросу, который необходимо отвести, опровергнуть, доказать его неприемлемость.

4) *Демонстрация* — синтезирующие процедуры, особенно двух предыдущих, позволяющие дать достаточно обоснованную постановку проблемы и необходимость поиска ее решения.

Наконец, особый подход — *обозначение* — включает разработку понятий и терминов научного и быденного языка, достаточно однозначно передающих весь смысл и содержание проблемы. Этот вопрос решается в соответствии со значимостью проблемы, уровнем ее разработки и с учетом специфики каждой конкретной науки.

Постановка проблемы в целом, практически представляет собой процедуру ее логико-методологического анализа, обогащающего понимание проблемы, раскрывающего новые аспекты ее решения и эффективную организацию исследования, которые и содействуют ее коректному решению и общенаучной культуре оформления.

Решение научной проблемы в ходе ее осмысления — одна из наиболее подвижных, быстро меняющихся частей в системе научного познания. Это вполне логично, так как главная сторона проблемы — научный поиск. Начиная от первых смутных проблесков чего-то нового и фиксации этого явления как научного факта до постановки проблем предпринимаются попытки всестороннего подхода к решению и объяснению неизвестного, попавшего в поле зрения ученого.

К этому процессу научно-творческой деятельности вполне приложима ленинская характеристика познания: "Сначала *мелькают* впечатления, затем выделяется *нечто*, — потом развиваются понятия *качества*... (определения вещи или явления) и количества. Затем изучение и размышление направляет мысль к познанию тождества — различия — основы — сущности — *versus* явления — причинности etc. Все эти моменты (шаги, ступени, процессы) познания направляются от субъекта к объекту, проверяясь практикой и проходя через эту проверку к истине"²⁰.

Если постановка научной проблемы связана с предположением об обнаружении действия каких-то закономерностей, еще не известных науке, то решение ее должно заключаться в объяснении этих закономерностей, что, в свою очередь, составляет основу научной теории. Таким образом, решить проблему — значит в конечном итоге *создать теорию*. Но сам познавательный процесс обычно не проходит столь прямолинейно. Между проблемой и теорией находится еще одно звено — *гипотеза*. Вопросам гипотезы и теории будут посвящены отдельные разделы, поэтому остановимся лишь на рассмотрении того, как ставится вопрос о решении проблемы.

Таблица 9. Сравнительная схема содержания основных элементов проблемы и теории

Проблема	Теория
<p>1. <i>Центральный вопрос проблемы</i> Какую категорию общественной структуры отображает обшность остатков предметного мира, объединяемых в АК?</p> <p>2. <i>Возможное проявление еще не открытого закона в области археологии</i> Массовое сходство вещей, объединяемых в археологическую культуру, есть результат обшности творцов предметного мира</p>	<p>1. <i>Центральная идея теории</i> Отдельная археологическая культура как категория познания соотносится с отдельным обществом — СИО</p> <p>2. <i>Закон социальной развития, включенный в теорию</i> Отдельное общество формируется на базе выделения автономного общественно-экономического организма; осознание обществом своей отдельности, автономности рождает представление об этносе</p>
<p>3. <i>Вопросы, направленные на поиск информации для доказательства центрального вопроса проблемы</i> а — Результатом действия каких социальных факторов является массовое сходство форм предметного мира? б — Чем обусловлено постоянное общение людей и выделение их автономных обшностей?</p>	<p>3. <i>Аргументация теории</i> а — Массовое сходство форм предметного мира является результатом постоянного общения людей в пределах отдельного общества б — Постоянное общение и выделение отдельной обшности людей является результатом формирования отдельного относительно автономного социально-исторического организма</p>

Поскольку проблема в процессе решения трансформируется в теорию, постольку можно ожидать, что основные компоненты теории уже должны присутствовать в проблеме. Приводимая выше табл. 9 сравнения содержания основных элементов проблемы и теории с иллюстрацией этого сравнения на конкретном примере решения проблемы социологического содержания категории АК показывает достаточно высокую степень их структурного изоморфизма. Конечно, сама проблема теоретического истолкования археологической категории познания — АК в общей формулировке и в отдельных элементах проблемы и теории — в значительной степени схематизированы и огрублены. Следует помнить, что между проблемой и теорией находится еще звено — гипотеза, которое здесь опущено, чтобы упростить иллюстрацию основной мысли о трансформации в процессе исследования основных элементов проблемы в соответствующие компоненты теории.

Эта схема позволяет наметить и основные направления развития процесса решения проблемы. Первым этапом в развитии научной проблемы мы будем считать предварительный анализ, отбор исходных данных и формулировку центрального вопроса — все то, что позволяет в итоге поставить проблему в ее окончательном виде. На этом этапе необходим тщательный отбор исходных данных — т.е. всего того, что известно об искомом (неизвестном объекте и системе его отношений

в соответствии с поставленной целью). В ходе этого отбора уточняется и сама цель. Кстати, в самой формулировке проблемы почти никогда развернутая характеристика исходных данных не приводится. Они вводятся по ходу раскрытия системы доказательств центрального вопроса проблемы в дополнительных вопросах, направленных на поиск аргументации основной идеи. Так, в использованном нами примере проблемы социологического содержания понятия АК сама постановка проблемы о соотношении этого понятия с какой-либо категорией общественной структуры отнюдь не нова. Еще у истоков рождения самого этого понятия его отождествляли с понятием народа в весьма расширительном и произвольном толковании²¹. А.Я.Брюсов пытался соотносить АК с племенами²², другие — с союзом племен, а некоторые авторы склонны соотносить общность АК с любой общностью — религиозной, экономической, культурной и т.п.²³ Но во всех этих изысканиях, как правило, не была развернута не только система аргументации выказанной идеи, но и ее ясная постановка.

Именно в конкретизации, сужении или расширении рамок поиска, углублении в сущность объекта, изменяющих сами параметры проблемы, состоит ее важнейшая роль как логико-познавательного средства исследования. Развитие проблемы заключается в постановке все новых и новых вопросов, направленных на расширение и углубление поиска той информации, которая уточняет саму проблему и приближает ее решение, т.е. вносит в название элементы нового знания и продвигает его от менее глубокой сущности к более глубокой. Эта постановка происходит по принципу цепной реакции — один вопрос рождает другой и так все ближе к решению проблемы.

Новизну и особенно конкретность в постановке проблемы АК вносит вопрос, направленный на выяснение социальных факторов (причин) массового сходства форм вещей (предметного мира), объединяемых обычно в АК. В этом вопросе содержатся и уже известные указания на метод решения проблемы — объяснение действий социальных факторов может выявить только социологический анализ. Получив ответ на один вопрос (фактически проведя исследование) о том, что массовое сходство форм вещей есть результат постоянного общения людей в пределах отдельного общества²⁴, возникает новый вопрос: какими социальными факторами порождено само общение и отдельное общество? Поиск в этом направлении показывает, что истоки формирования постоянного общения и отдельного общества людей заключены в его развитии как автономной организации, способной на самопроизводство с биологической и социальной сторон.

И последний вопрос в разрешении проблемы связан с соотношением отдельного СЮ и этноса. Развиваясь, отдельный автономный СЮ достигает степени самоосознания, которое выражается в самоназвании, отнесении себя к данному обществу каждым членом — что и будет являться главным признаком этноса — народа.

Таким образом, есть полные основания (аргументы) считать, что АК как категория познания есть адекватное (или стремление к адекватному) отражение СЮ или древних народов, исследуемых по археологическим источникам. В основе этой теории лежит закон формирования отдельного общества и народа²⁵.

На протяжении разрешения проблемы при каждом новом вопросе, естественно, появляется несколько вариантов ответа. Выбор альтернативных решений и представляет собой фактически второй этап разрешения проблемы. При этом, конечно, подразумевается, что уже есть план решения с соответствующей гипотезой. Кстати, гипотеза с гносеологической точки зрения также представляет собой альтернативу — один из вариантов решения.

Завершающий этап решения проблемы — проверка результатов решения²⁶. Но когда найдено решение и проверена истинность ее выводов, то соответственно и построена теория. Поэтому проверка результатов решения — это практически проверка достоверности теории.

Ю.Н.Захарук при описании проблемной ситуации в археологии иллюстрирует ее примером по разрешению проблемы так называемых трипольских "площадок"²⁷, когда одни исследователи предполагали, что это остатки жилищ, а другие — погребальных культовых сооружений. На начальном этапе, в конце XIX — начале XX в., проблема не могла быть решена вследствие несовершенства методики раскопок и фрагментарности материала. Лишь обширные полевые исследования в начале 30-х гг., проведенные Е.Ю.Кричевским и Т.С.Пассек, позволили получить бесспорные доказательства того, что это остатки жилищ и хозяйственных построек. Однако при этом возникла и новая проблема — реконструкция жилищ.

Для разрешения проблемы Ю.Н.Захарук пользуется формулой, заимствованной у К.Поппера, и все процедуры ее выполнения называет "сдвигом проблемы", понятием, заимствованным К.Поппером у другого представителя современной западной "философии науки" И.Лакатоса.

Попперовская схема разрешения проблемной ситуации претендует на логическую реконструкцию всеобщего хода развития научного знания, и со стороны логической отвлеченности от "реального, творчески активного субъекта познания", не признающего социально-исторических и других факторов, была подвергнута критике советскими философами²⁸. Но сама схема, отвлекаясь от ее философских основ, довольно наглядно показывает процесс решения проблемы, через последовательные постановки вопросов, разрешающих ее поэтапно.

В символах формула разрешения проблемы выглядит следующим образом:

$P_1 \text{ --- } TT \text{ --- } EE \text{ --- } P_2$, где P_1 — исходная проблема; TT — предполагаемое решение (фактически это гипотеза. — В.Г.); EE — критический анализ и проверка решения с устранением ошибок; P_2 — новая проблема.

В описанном выше примере решения проблемы социологического содержания понятия АК каждый вопрос, направленный на поиск информации для доказательства центрального вопроса проблемы, разрешен в общем по данной формуле и представлял собой "сдвиг проблемы". Если сдвиг способствует объяснению, разрешению проблемы, то он является прогрессивным и ведет к постановке следующего вопроса, требующего нового сдвига. Если же получена теория, ничем не отличающаяся от ранее существовавшей, или в процессе ее разрешения обнаружен тупик, то это "регрессивный сдвиг".

Кстати, "регрессивные сдвиги" — нередко явление в разрешении проблем, которые заставляют вернуться назад и найти то звено, в котором альтернативное решение было выбрано неверно. Отметим также, что в процессе выбора альтернативных решений рождаются не только "ложные пути", но и совершенно новые идеи, которые открывают проблему в другом аспекте, в данной ситуации уводящем решение в другую от цели сторону, но содержащем весьма перспективные для науки новые идеи и направления.

Нередко в практике исследования решение проблемы заходит в тупик или не удовлетворяет ученого. В таких ситуациях может быть осуществлено **перерешение проблемы**²⁹ целиком или в какой-то ее части. В одних случаях складывается ситуация, когда проблема не может быть решена средствами данной науки и необходимо перевести ее на уровень другой науки. Приведенную выше проблему интерпретации археологической культуры на протяжении многих лет пытались разрешить средствами и методами самой археологии, оставаясь на эмпирическом уровне ее познания³⁰. И лишь при переводе проблемы на более высокий теоретический уровень социологического анализа были получены более или менее обнадеживающие результаты.

Весьма плодотворными при затруднениях в решении проблемы является перевод ее в рамки философских проблем частной науки³¹. В одном направлении перспективно перевести основные стороны объекта, их свойства и отношения в философские категории и наиболее фундаментальные понятия науки, которые будут выступать как родовые понятия, а они "есть" "сущность природы", есть **з а к о н**³², и будут относиться как к известным, так и к искомым явлениям. В подобных ситуациях философские категории и фундаментальные понятия науки становятся "программой" изучения искомого явления, так как позволяют в новом аспекте поставить вопросы проблемы.

В другом направлении обращение к философскому уровню преследует цель дать интерпретацию нерешенной проблемы в методологическом отношении, т.е. выяснить, что именно с точки зрения метода не позволяет получить желаемый результат. Подобный перевод и обращение к философии, в которой обобщены все методы частных наук, позволяет увеличить шансы эвристических предсказаний путем решения проблемы. Кроме того, философская интерпретация, поскольку

она осуществляется в пределах науки, изучающей познание, дает необходимый масштаб для сравнения, что позволяет найти какой-то аналог ситуации в истории познания, применявшейся для решения проблемы, поднятой на уровень философии³³.

Следовательно, данное направление поиска решения проблемы увеличивает вероятность нахождения метода, средств ее решения, хотя и не гарантирует их.

III.3. НАУЧНАЯ ГИПОТЕЗА

Наука концентрирует знания, которых нет в обыденности, поэтому сам процесс научного познания есть цепь открытий, направленных на реализацию главной функции науки — познание сущности объективной действительности. Эту сущность выражают законы, которые, однако, не лежат на поверхности, не даны в непосредственном восприятии ученому. "... Если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, — метко заметил К.Маркс, — то всякая наука была бы излишней..."³⁴

Следовательно, главное в научном познании состоит, во-первых, в отыскании новой, скрытой от обыденности сущности явлений объективного мира. Это новое в знании первоначально может возникнуть только в виде *догадки, предположения, идеи*, причем по поводу одной и той же сущности может быть высказано множество различных суждений. Поэтому установление, *доказательство истины* как объективного отражения сущности составляет вторую главную особенность научного познания.

Если предположение содержит вероятностное знание, то в истине это знание достоверно. **Вероятностное знание науки** и составляет **основную суть гипотезы** как категории в системе познания. В научной проблеме концентрируются в основном вопросы и некоторые поясняющие высказывания, которые, отражая в знании незнание о какой-то предметной области, не содержат еще ничего позитивного о ней. Переход от проблемы к новому знанию (теории) совершается тогда, когда между проблемой и теорией появляется научная гипотеза — предположительное решение проблемы — в виде ответа на вопросы, содержащиеся в проблеме. Это предположение и составляет системообразующий элемент при построении научной гипотезы, которая является первым шагом в рождении и формировании нового знания науки³⁵.

Еще в "Диалектике природы", в период, когда эмпирико-индуктивный подход господствовал в науке и считался чуть ли не равнозначным методологии науки, Ф.Энгельс писал, что "формой развития естествознания, поскольку оно мыслит, является *гипотеза*"³⁶. В этих словах ясно выражена суть начала любого научного знания, причем почти на всех уровнях, ибо выдвижение гипотезы является

неотъемлемой частью научного знания. Для достижения нового необходимо вначале предположить наличие еще неизвестного, т.е. высказать гипотезу.

Гипотезы появляются уже на самом начальном этапе накопления научных знаний, когда производятся обобщения исходных данных, устанавливающих эмпирические закономерности, и выдвигаются гипотезы для их объяснений. Начальный этап развития теоретического мышления особенно наглядно демонстрирует, что это творческий процесс, в котором ученый должен опираться на воображение, научную фантазию. Массовые накопления эмпирических обобщений и гипотез ставят задачу установления взаимосвязи как между отдельными фактами, так и логической связи между гипотезами и эмпирическими законами. "Гипотеза, — пишет А.В.Славин, — это предположительное новое знание (его истинность или ложность требуется доказать), полученное путем экстраполяции старого знания и в тоже время порывающего с ним. Сохраняя определенную преемственность в отношении прошлого знания (она должна быть по крайней мере сопоставима с ним), гипотеза должна содержать принципиально новую информацию"³⁷. Новизна информации — центральное звено гипотезы и в этом его главная эвристическая функция, которая двигает вперед научное познание, особенно в период качественных скачков, когда выдвигание и разработка новых гипотез является центральной задачей развития знания.

"Гипотезы, — писал Д.И.Менделеев, — дают стройность и простоту, каких без их допущения достичь трудно. Вся история науки это показывает. А потому можно смело сказать: лучше держаться такой гипотезы, которая может оказаться со временем неверной, чем никакой. Гипотезы облегчают и делают правильной работу — отыскание истины, как плуг земледельца, облегчает выращивание полевых растений"³⁸.

Хотя по поводу определения гипотезы существуют и некоторые разногласия в литературе, но в одном исследователи едины: гипотеза — это выход за пределы имеющегося знания и знание вероятностное, проблематичное, предположительное.

Гипотеза — неперемнная ступень в научном познании, но она отличается от простой догадки или научной теории не предметным содержанием, а уровнем и характером знания, которое она выражает. В.Н.Карпович считает, что "некоторое утверждение представляет собой гипотезу только тогда, и только тогда, когда оно, во-первых, непосредственно или опосредованно относится к пока или в принципе наблюдаемым фактам, и, во-вторых, может быть уточнено и исправлено при наличии нового знания"³⁹. Кроме того, гипотеза по сравнению с данными, на которых она возникает, обладает гораздо большим содержанием и логической силой, способностью предсказать больше, чем в данной конкретной ситуации.

Хотя гипотеза и представляет собой в основном форму теоретического осмысления знания, накопленного наукой, но немало гипотез,

особенно в археологии, встречается и в эмпирическом познании. Рассмотрение гипотез с таких позиций позволяет выделить в археологическом познании два их основных типа.

1. Гипотезы, в которых преобладающую роль играют индуктивные обобщения эмпирических, первичных артефактов, обобщения, направленные на выведение эмпирических закономерностей. К этому типу относятся разнообразные предположения — гипотезы — в области историкоисследования о взаимосвязях различных категорий артефактов в памятниках, об их стратиграфических и планиграфических соотношениях, о возможности обнаружения каких-то явлений и т.п. Одна группа этих гипотез соотносится с полевой практикой археологических исследований, а другая, еще более многочисленная, — с первичной обработкой артефактов, введением их в систему исследования. Основное, на что устремлены гипотезы этой группы, — поиски эмпирических закономерностей взаимосвязи артефактов в структуре памятников.

Следует, однако, иметь в виду, что сами по себе эмпирические данные еще не дают гипотезы и даже недостаточны для выдвигания гипотез. Взаимосвязь артефактов, выявляющая эмпирические закономерности, позволяет высказать определенные гипотетические суждения лишь тогда, когда они опираются на уже имеющиеся знания, на теоретический базис знания. Поиски эмпирических закономерностей "вслепую" приводят лишь к формальной систематизации артефактов.

В археологии гипотеза рассматриваемого типа возникает при выявлении связей различных категорий артефактов, подтверждающих принадлежность к одному временному, производственному, культурному и т.п. комплексу. В этих ситуациях необходимо подтвердить гипотезу артефактами.

Первым этапом в решении такой задачи является установление категорий артефактов, составляющих исследуемый комплекс. Следующий шаг — доказательство связи артефактов. Для этого обычно используются свойства связи артефактов, установленных при полевых исследованиях: нахождение в одном погребении, в однослойном поселении (или предварительно доказанная принадлежность к одной культуре, одному времени и т.д.). При единичности артефактов ограничиваются их перечислением, а при использовании массовых категорий применяются матрицы взаимовстречаемости (или корреляции), позволяющие получить меру взаимосвязи в виде определенной величины. При обнаружении соответствующей высокой связи в массиве анализируемых данных она может выступать как основание для гипотезы об эмпирических закономерностях.

К другой группе относятся многочисленные гипотезы-реконструкции, связанные с определением функции артефактов (функции индивидуальных объектов, предметов, сооружений и т.п.) и артекомплексов, в которых концентрируются предметы, связанные с конкретным актом деятельности, на уровне обыденного проявления. Это предмет-

но-технологическая реконструкция деятельности и для того, чтобы ее воссоздать, и служат гипотезы, в которых воображение ученого (мысленный эксперимент), опираясь на общее представление о структуре и технологии деятельности в той или иной сфере жизни, реконструирует ее конкретно-исторически, соотносясь с имеющимися в его распоряжении артефактами и артекомplexами, домысливая гипотетически недостающие элементы.

2. Второй тип представляют гипотезы теоретического знания, с помощью которых объясняются факты и эмпирические закономерности, выведенные из гипотез предшествующего типа. Они содержат главным образом обобщения социальных фактов и предположения о социальных явлениях и процессах на базе исследуемых артефактов. Это предположение о структуре общественной организации или экономике, происхождении и этническом составе населения, взаимоотношении его отдельных групп и т.п., словом, те многочисленные проблемы, которые раскрывают картину социально-исторического развития древнего населения, его социологический анализ и особенно результаты синтеза отдельных разделов знания в исторических концепциях. По мнению некоторых философов и историков, историческое, в том числе и археологическое знание, по своей природе в целом гипотетично, так как не является описанием результатов непосредственно наблюдения социально-исторических фактов, а результатом реконструкций их на основании источников. Кроме того, одни и те же социальные сущности в археологии исследуются по различным категориям артефактов и каждая из них вскрывает сущность в своем ракурсе и с определенной достоверностью. Конечно, идеально, если все источники позволяют получить одни и те же суждения, но могут быть и иные результаты. В целом, историко-археологическое знание о прошлых обществах следует рассматривать, вероятно, как относительную истину, как ступень в познании абсолютной истины.

Выдвижение гипотезы, как предположение о решении научной проблемы представляет собой достаточно сложную категорию в системе познания, поэтому небезинтересно проследить ее рождение и структуру.

Догадка — исходная ступень в формировании гипотезы, причем сама природа рождения догадки, предположения, как и большинство актов научного творчества, пока мало объяснима не только логиками и методологами науки, но и самими учеными-авторами научных гипотез⁴⁰. Конечно, это результат работы мысли ученого, накопившего и знание об определении предметной области, интуицию и опыт исследования. Первые догадки чрезвычайно смутны и, как правило, отрывочны, но именно в них содержится обычно главная идея нового знания. Идея играет роль системообразующего фактора в построении гипотезы. Догадок и идей в науке выдвигается чрезвычайно много, поскольку научная фантазия ученых достаточно богата. Но только тогда,

когда догадки и идеи ставят в определенные рамки и превращают в гипотезы, они становятся истинно научными и полезными.

Формирование собственно гипотезы предшествует обычно не только идее, но и временные предположения или "рабочая гипотеза", выдвигаемая, как считает А.П.Хилькевич, "прежде всего для придания исследованию организационного, целеустремленного характера... Рабочие гипотезы позволяют избежать хаотичности в исследовании, позволяют систематизировать накапливаемую информацию, придать самому исследованию определенно направленный характер"⁴¹.

В практике научных исследований выдвигается обычно несколько гипотез, которые проверяются последовательно или параллельно, пока ученый не обнаружит более или менее, по его мнению, приемлемую.

Гипотеза — это научно-обоснованные предположения и идеи, обосновываемые посредством аргументов, получаемых при анализе фактических данных уже познанных закономерностей, но этого пока еще недостаточно для доведения знания до теории, до утверждений о закономерностях⁴². По мнению П.В.Копнина, гипотезами вообще следует считать лишь гипотезы — теории, содержащие определенные системы суждений, понятий, умозаключений, где центральное место занимает предположение — "фокус" всей системы, выражающее идею, как отражение закономерности определенных отношений⁴³. Поэтому при разработке гипотезы основной упор делается на обоснование вероятности основной идеи, что требует уже анализа фактических данных с учетом знаний закономерностей, накопленных наукой. Для этого обращаются к логическим рассуждениям, которые при достоверных посылах позволяют получить некоторые вероятностные заключения, и к мобилизации фактологического материала. Этот этап в разработке гипотезы — своеобразный эвристический рычаг, толкающий ученого на усиленный поиск подкреплений выдвинутой идеи.

Выдвижение гипотезы начинается с проблемы, когда в исследовании ученый ясно осознает, что для решения возникшей задачи недостаточно средств и знаний, имеющихся в науке.

Поиск путей решения проблемы порождает новые идеи, построение в воображении новых моделей и формулировку законов. Но в гипотезе всегда параллельно с объяснением сущности искомого явления, которое должно трансформироваться в теорию, разрабатывается как ее неотъемлемая сторона и метод доказательства этой идеи.

Гипотеза представляет собой уже в известной степени упорядоченную систему знаний, поэтому в логике установлены и определенные "правила, ограничивающие произвол ученого при построении гипотезы", — по выражению А.В.Славина⁴⁴, или требования к гипотезе, чтобы именоваться научной гипотезой, как пишет А.П.Хилькевич⁴⁵. Кратко эти требования можно свести к нескольким основным положениям, которые проиллюстрируем на формировании концепции понятия АК,

гипотеза которой зародилась у автора еще в период работы над пьяноборской АК Прикамья в конце 50 — начале 60-х гг.⁴⁶

В толковании археологических памятников Прикамья рубежа нашей эры уже давно наметились некоторые разногласия. А.А.Спицын выделил эти памятники под названием "культура типа Пьяноборского могильника", ориентируясь на находках в этом могильнике, расположенном на Каме в районе устья Белой, частично изученном им еще в конце XIX в.⁴⁷ В это же время в Верхнем Прикамье у г.Перми был раскопан оригинальный памятник — Гляденовское костыще⁴⁸. В 20-х гг. известный археолог Прикамья А.В.Шмидт высказал мнение о существовании в Прикамье двух АК — пьяноборской и гляденовской, хотя и не провел в этом направлении широких изысканий⁴⁹. В дальнейшем по данной теме работали М.Г.Худяков⁵⁰ и А.П.Смирнов⁵¹, безоговорочно поддерживавшие точку зрения А.А.Спицына о единой пьяноборской АК III в. до н.э. — V в. н.э., хотя практически это не аргументировали.

В начале 50-х гг. совместно с В.А.Оборинным мы попытались обосновать идею А.В.Шмидта о гляденовской АК, используя главным образом данные о различном характере памятников этих двух районов⁵².

В то время об археологической культуре чаще всего говорили как о понятии, которое, по выражению А.П.Смирнова, "имеет в значительной мере служебный характер"⁵³, поэтому основное внимание сосредоточивалось на выделении сходного археологического материала в отдельные культуры. "В основу выделения культур, — резюмировал А.П.Смирнов в специальной статье, посвященной этой проблеме, — берутся различные признаки, определяемые самим материалом, эпохой и взглядами исследователей"⁵⁴ (курсив мой. — В.Г.). Естественно, что такая постановка проблемы, с одной стороны, ограничивала ее практически эмпирическим уровнем исследования, с другой — вводила большой элемент субъективизма, поскольку не раскрывалось, что имеется в виду под "взглядами исследователей".

Нельзя сказать, что в понимании АК не присутствовало социологическое содержание, но эти вопросы всегда оставались на втором плане, не вносились в определение.

Дальнейшие исследования в 50—60-х гг., предпринятые на могильниках пьяноборского типа в Среднем Прикамье, а также на нескольких могильниках по р.Вятке (Азелинский, Суворовский), которые также относили к пьяноборской АК, наряду с широкими разведочными обследованиями всей территории Прикамья выявили ряд принципиально новых фактов⁵⁵.

Археологические памятники III в. до н.э. — II в. н.э. концентрируются в Прикамье в четырех сравнительно небольших районах, между которыми расположены незаселенные пространства.

В каждом из этих районов находятся памятники, специфические по топографии, размерам и типам поселений, конструкции жилищ, погребальному обряду, характеру вещевых остатков, в том числе по до-

статочно хорошо различающимся наборам женских украшений, керамики и т.д.

Памятники в бассейнах р.Вятки относятся по времени лишь к III—V вв., когда фактически прекращают свое существование памятники Среднего Прикамья типа Пьяноборского и Чегандинского могильников.

Истолковать эти факты в свете имевшихся в то время концепций об АК было невозможно. И тогда для их объяснения была выдвинута гипотеза, что АК — отнюдь не "служебная категория", а отображение в археологическом знании объективно протекавших социально-исторических процессов*, поэтому и концепция ее должна строиться на основе материалистического понимания исторического процесса. АК — отображение в археологическом материале истории отдельного общества прошлого (этноса) на определенной ступени его общественно-экономического развития⁵⁶.

Каким образом формировалась эта гипотеза и как она иллюстрирует те основные требования, которые ей предъявляются?

Гипотеза должна объяснять новые факты, ранее не известные или не объясненные наукой. Она должна объяснять все достоверные факты, относящиеся к той предметной области, которой посвящена гипотеза. В свете гипотезы о том, что категория АК — отражение социально-исторического процесса в археологическом знании, перечисленные выше факты получили следующее истолкование. Предшествующий период в развитии прикамского населения (ананьинская АК) ознаменовался формированием устойчивых племен и их обособленным расселением друг от друга на расстояние 30—50 км вдоль реки. Но в экономическом развитии усиливалась тенденция к объединению отдельных небольших племен, что было ускорено и военной угрозой со стороны. Так на базе единой ананьинской культуры в Прикамье III в. до н.э. — II в. н.э. дифференцировалось четыре четко локализованные АК (чегандинская, осинская, гляденовская, карабазская), в основе которых лежало формирование постоянных племенных союзов, обособившихся территориально-политически, что в свою очередь привело к быстрой дифференциации внешнего облика всей материальной культуры. В свете этого получил объяснение еще один факт — размещение по окраинам территории чегандинских памятников небольших городищ — крепостей — форпостов, охранявших территорию всего союза племен.

Памятники на р.Вятке были выделены в особую азелинскую АК III—V вв. н.э., хронологически следовавшую за пьяноборской (чеган-

* Социологические мотивы и ранее соотносились с АК, но они выступали обычно как истолкование оформленных АК. Так, А.Я.Брюсов и М.Е.Фосс соотносили их с племенными группами. Позднее к выводу, близкому к нашему, пришел Ю.Н.Захарук, который указывал, что комплексы памятников археологической культуры "отражают территориальное распределение и этапы исторического развития группы родственных племен" (Захарук Ю.М. Проблемы археологической культуры // Археология. 17, 1964. — с. 24).

динской) и генетически с ними связанной. Это обосновывалось тем, что азелинская АК отличается не только специфическим набором вещей, но и уровнем общественно-экономического развития населения, представляя собой качественно новую ступень, что подтверждается многочисленными находками изделий из железа, и, следовательно, должна быть выделена как новая АК.

При построении гипотезы ее основания должны соответствовать достоверно известному знанию и закономерностям объективного развития. Этот критерий хорошо иллюстрируется соответствием четырех районов концентрации археологических памятников и идеи формирования постоянных союзов племен – вполне закономерного этапа развития населения в период окончательного распада первобытно-общинного строя. Кроме того, этот процесс был подтвержден и рядом других фактов. Выделение АК в качестве этапов развития, опирается на марксистскую концепцию закономерности, поступательного хода исторического развития и принципы социально-исторической периодизации.

Построение гипотезы предполагает соблюдение принципа преемственности со старым знанием, которое включает как составной элемент в качестве предельного случая, но границы его обычно строго очерчиваются. В рассматриваемой здесь гипотезе АК старый принцип ее построения – на основе близкого сходства предметных остатков – был полностью соблюден и использован, но было введено понятие выделение системы эмпирической закономерности артефактов, формирующих эмпирическую модель АК. Особо подчеркивалось, что сами по себе артефакты не могут дать социально-исторического решения проблемы⁵⁷.

Одно из требований к гипотезе состоит в том, что она должна объяснять гораздо более широкий круг фактов, чем те, которые использованы при ее создании. Гипотеза должна обладать определенной эвристической предсказательностью, предсказывать еще не наблюдавшиеся ранее явления.

В процессе построения гипотезы могут быть и такие ситуации, при которых новые идеи противоречат всем ранее выдвинутым теориям. Так, введение общественно-экономических критериев в качестве определяющего фактора выделения АК вызвало недоумение и возражение И.С.Каменецкого, вводившего в свое определение этой категории сугубо эмпирические данные⁵⁸. В таких случаях предъявляется требование сопоставления гипотезы с эмпирическим базисом. И только тогда, когда не обнаруживаются противоречия, новые идеи могут быть приняты. Однако в науке часто подчеркивается, что нельзя этот принцип абсолютизировать, ибо новое всегда в той или иной мере противоречно и даже на первый взгляд парадоксально. А.В.Славин приводит по этому поводу интересный пример из области физики. В редакции одного известного журнала большинство статей, ниспровергающих основы наук, как правило, отклонялись "не потому, что их нельзя понять,

а именно потому, что их можно понять. Те, которые понять нельзя, как правило, печатаются. Великое открытие, когда оно только что появляется, почти наверняка возникает в запутанной, неполной и бессвязной форме. Самому открывателю оно понятно только наполовину. Для всех остальных оно – полная тайна"⁵⁹. Поэтому новые идеи, которых в принципе не так уж много, требуют внимательного отношения, глубокого анализа.

Наконец, к гипотезе предъявляется требование, чтобы она была логически проверяемой и достаточно простой, без загромождения излишними дополнительными рассуждениями.

В отношении концепции АК приведем лишь один пример логической проверяемости философско-социологического уровня. Переход от одного этапа к другому в социально-историческом развитии отдельного общества может рассматриваться как переход количества в новое качество. Количественные изменения, эволюции во всех сферах жизнедеятельности, в том числе и в экономике, социальных отношениях, в форме вещей, орудий, сооружений и украшений, накапливаемых на протяжении развития одной АК, приводят на определенном этапе к качественному скачку – к формированию во всех перечисленных сферах нового, отличающегося от предшествующего, что и фиксируется эмпирически в новой АК⁶⁰.

III.4. РОЛЬ ГИПОТЕЗЫ В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

Научная проблема и гипотеза в развертывании исследовательской деятельности представляют собой, как уже отмечалось, две стороны единого процесса. В проблеме концентрируется все то, что еще остается в области незнания, не выясненного и на чем следует сосредоточить внимание исследователя, в то время как в гипотезе содержатся предполагаемые решения вопросов, поставленных в проблеме. Но сама гипотеза содержит лишь временное (предположительное, вероятностное) решение проблемы, хотя подобная "временность" в науке нередко продолжается не одно десятилетие! Поскольку гипотеза представляет собой вероятностное знание, основная задача в ее разработке, совершенствовании – превращение в научную теорию, содержащую достоверное знание. В практике научных исследований чаще всего можно услышать призыв ученых к доказательству гипотезы как пути ее разрешения. Нет слов, доказательство, аргументация – чрезвычайно важная сторона превращения гипотезы в теорию. Но это далеко еще не все, что может обеспечить успех гипотезе в деле ее перевода в теорию. Гипотезу необходимо также представить в виде системы обоснованного знания и соответствующим образом разработать, продвинуть к решению главной проблемы, к превращению в научную теорию.

Поэтому обоснование гипотезы как ступени познания также содержит некоторые общие задачи, которые направлены на ее систематиза-

цию и приближение к научной теории как конечному пункту достижения нового знания. Таким образом, если у истоков — "на старте" нового знания — гипотеза выступает в неразрывном единстве с проблемой, то "на финише" она становится научной теорией. Поэтому естественно, что в гипотезе должны быть заложены все основные элементы научной теории.

Обратимся к рассмотрению задач, решаемых в процессе разработки гипотезы и превращения ее в научную теорию, процедуре, которой в логике научного познания уделяется немало внимания, хотя чаще всего ее и анализируют при рассмотрении проблемы построения научной теории, на примере уже описанной выше гипотезы о сущности АК⁶¹.

Гипотеза в процессе ее разработки развертывается в систему знания, призванного в первую очередь как можно полнее раскрыть основную идею, содержащуюся в ней. При этом, как и в любом исследовании, на начальном этапе рождения гипотезы далеко не всегда эта идея получает ясные и обоснованные формулировки. Поэтому в процессе разработки гипотезы поиски корректных формулировок, переформулирование, поиски более точных определений в целях адекватного выражения мысли, заложенной в центральной идее гипотезы, — один из путей трансформации гипотезы⁶².

Впервые (1959) обращаясь к гипотезе о новом определении понятия АК, основная идея была сформулирована нами следующим образом: "В понятие одной археологической культуры... объединяются археологические памятники на определенной территории, которые отражают историю этнически единой группы населения, постоянно связанного между собой в хозяйственных, родственных и военных отношениях на определенном этапе общественно-экономического развития. Первая часть этого определения решает вопрос о территории распространения той или иной культуры, вторая о периоде ее существования"⁶³.

В этом определении, особенно в добавлении, сделанном в конце, — дан традиционному подходу к АК, в котором главная задача состояла в определении круга памятников, выделении территории их распространения и хронологии, а вся новая гипотеза разрабатывалась и обосновывалась на конкретно-археологическом материале пьяноборской (чегандинской) АК Среднего Прикамья⁶⁴ и азелинской АК III—V вв. в бассейне р. Вятка⁶⁵.

В дальнейшем при разработке гипотезы о том, что АК в системе археологического познания должна рассматриваться как определенная социально-историческая категория, был внесен уже элемент всеобщности — предпринята попытка определить данную категорию исходя из закономерности исторического развития отдельных обществ прошлого, которые в первобытности были представлены этническими общностями (этнотам). Поэтому в определении вместо "этнически единой группы населения" — понятия, недостаточно конкретного с точки зрения этнической номенклатуры, — было внесено дополнение и изменение⁶⁶.

И, наконец, после проведения специального исследования, в котором гипотеза была развернута в теоретическую систему, было дано следующее определение: "археологическая культура это комплекс сходных археологических памятников, расположенных на одной территории и отражающих состояние отдельного этноса на определенном этапе социально-экономического развития"⁶⁷. В этом определении наиболее ясно выражена основная идея гипотезы: АК это остатки — памятники, оставленные одним этносом на каком-то определенном этапе (ступени) его социально-экономического развития.

При разработке гипотезы одна из основных задач — развить основную идею в относительно замкнутую систему знания, в которой каждый элемент вытекал бы из предыдущего, чтобы все они находились в определенной логической взаимосвязи, составляя гипотетико-дедуктивную систему.

На начальном этапе разработки гипотезы о социологическом содержании понятия АК, как уже упоминалось, исследование проводилось на уровне анализа конкретного археологического материала пьяноборского времени Прикамья, поэтому и в систему были включены два основных положения — о выделении территории распространения одной АК и ее границах во времени⁶⁸.

Проблема территории распространения одной АК решалась исходя из принципа единства, сходства материальных остатков (керамики, набора специфических женских украшений, обряда погребения, типа жилищ, хозяйственного уклада и культурных вещей), принадлежащих этнически единой группе населения. Обобщение материала для определения АК и сравнительный анализ с соседними территориями давали конкретную возможность очертить территорию изучаемой АК.

Временные границы в социальном смысле начала и завершения развития одной отдельной АК решались исходя из представления, что на протяжении существования одной культуры, если ее развитие не нарушалось извне, происходят, как правило, лишь количественные изменения в экономике (накопление новых технических приемов, увеличение производительности труда во всех отраслях хозяйства и т.д.) при сохранении более или менее неизменной структуры общественной организации.

Постепенные изменения в экономике подготавливают развитие новых общественных отношений, победа которых приводит к резкому качественному скачку в развитии материальной культуры и содействует новому расцвету экономики. Отсюда и начинается развитие новой археологической культуры⁶⁹. Эта посылка давала возможность проследить количественные и качественные изменения на конкретном археологическом материале путем составления эволюционных рядов вещей, количественного анализа находок, в том числе связанных с производством, что и позволяло очертить пределы одной АК с точки зрения выделения конкретного вещного материала.

В таком виде данная гипотеза характеризуется двумя основными чертами. Во-первых, здесь ясно выражена гипотетико-дедуктивная система ее построения, когда состояние эмпирического базиса гипотезы об АК должно быть подведено под законы общественно-экономического (формационного) развития, особенно в отношении понимания АК как этапа (ступени) этого развития. Во-вторых, главная цель в разработке гипотезы была направлена на выведение из гипотезы таких следствий, которые бы давали непосредственный выход на эмпирический материал, на практическое использование гипотезы в исследовании археологических источников.

Последнее обстоятельство является одной из важнейших задач в разработке гипотезы — построения системы таким образом, чтобы она была доступна проверке путем опровержения ее с эмпирическим материалом, а главное — применению в практике исследования⁷⁰, ибо только этим путем гипотеза в конечном итоге может быть принята или опровергнута.

Гипотеза АК в этом аспекте имела, однако, весьма слабое общетеоретическое обоснование, поэтому в дальнейшем автором и было осуществлено специальное исследование в этом направлении. Цель его заключалась в том, чтобы разработать категорию АК как определенное социологическое понятие, опираясь на основную идею, выдвинутую ранее. При этой более или менее детальной разработке были подвергнуты отдельные компоненты, входящие в систему гипотезы.

Важнейшим компонентом АК является ее эмпирический базис. Исследование в этом направлении показало, что в практике археологов стихийно-эмпирически найдены в большинстве те критерии, которые позволяют выделять категорию АК при конкретных исследованиях. Обобщение этого опыта позволило ввести понятие эмпирических закономерностей в археологии⁷¹, лежащих в основе формирования категории АК. Кратко их можно свести к следующему.

1. Ближайшее сходство форм остатков предметного мира выявляется в археологических материалах среди тех его элементов, которые имеют массовое распространение и фиксируются как многократно повторяющиеся в различных видах археологических памятников — поселениях, могильниках, культовых и производственных местах и т.д.

2. Элементы предметного мира, объединяемые в одну АК, образуют специфическую систему сочетания устойчивых форм, которая отличается от подобных систем других АК. Специфика системы АК также в устойчивом количественном и качественном соотношениях различных элементов, в том числе специфической комбинации простейших ее элементов, которые могут встречаться за пределами данной АК, но в других комбинациях.

3. Сходные памятники одной категории в комплексах каждой АК более или менее синхронны в пределах определенного отрезка времени.

4. Комплекс одной АК локализуется на определенной территории, которая чаще всего сплошная, реже — чересполосная, с четкими или размытыми границами, что зависит от конкретных исторических обстоятельств.

5. В системе остатков АК можно проследить постепенные изменения, причем эволюция отдельных элементов — артефактов относительно независима друг от друга. Для отдельных элементов внутри АК всегда может быть построен эволюционный ряд. Хорошо прослеживается как медленное, эволюционное развитие для многих элементов в определенный момент нарушается или даже обрывается и тогда появляются новые элементы. Массовое нарушение эволюции и появление новых элементов приводят к зарождению новой системы, что и принято считать рубежом АК (концом одной культуры и началом другой).

6. Одновременные комплексы различных АК, особенно расположенных на соседних территориях и в одних природных зонах, обнаруживают наибольшие различия в тех элементах, которые связаны по происхождению со сферой идеологии и быта (украшения, посуда, орнаментика, погребальные обычаи, культовые вещи и т.п.) и гораздо в меньшей степени — в остатках производственной деятельности и военного дела (орудия труда, оружие, формы хозяйства и строительные приемы и т.д.).

Если остатки предметного мира АК рассматривать в системе технологии культуры (как социального понятия), то специфичность формы как отличительная черта АК позволяет отнести ее к локально-историческому типу культуры.

Вторым компонентом в разработке гипотетической системы АК является категория этнос. Разработка этой категории как в общесоциологическом аспекте, так и в конкретном проявлении в первобытно-общинной формации была проведена в монографическом исследовании⁷², поэтому в дальнейшем был лишь выделен вопрос о характере и типе культуры (в социальном значении) каждого отдельного этноса и тех этнических функциях, которые выполняет культура. Последняя позволяет из общей массы вычленить специфически этническую культуру, в которой выделяется отличительность различных предметных остатков по своей форме. В целом же культура каждого этноса представляет собой локально-исторический тип культуры.

Исходя из того, что как конкретная АК, так и культура отдельного этноса представляет собой один и тот же социальный тип локально-исторической культуры, был проведен сравнительный анализ их сущностей, позволивший дать историко-социологическую интерпретацию категории АК и соотносить ее с категорией этноса.

В данной разработке гипотезы социологической трактовки понятия АК все основные ее компоненты были увязаны в единую систему, что составляет одну из главных задач развития гипотезы в познавательной практике⁷³.

Выше уже упоминалось, что в число задач разработки гипотезы входит выведение из нее следствий, которые можно бы было соотнести с достоверным знанием как на уровне теории, так и с конкретными исследованиями эмпирического материала. О последнем уже говорилось, поэтому приведем пример из теоретических следствий. Если категория АК соотносится с этносом, то и все параметры, характеризующие этнос, присущи категории АК. Каждый этнос обладает определенным самосознанием и самоназванием, создает свою специфическую по форме культуру. Последнее может быть проверено эмпирически по археологическим данным. Этнос — это и экономическое единство, поэтому все группы населения, входящие в этнос, находятся на одном уровне хозяйственно-экономического развития. Последнее опять таки имеет выход на эмпирическую базу археологии для проверки.

И еще одна задача разработки гипотезы — согласование основных положений и компонентов гипотезы с другими системами знания, законами науки, проверенными практикой. В этом отношении анализируемая гипотеза АК согласуется с общей теорией этноса, теорией формационного развития и др., т.е. она не противоречит основным закономерностям социального развития.

В целом, как видно, гипотеза как определенная категория познания играет чрезвычайно важную роль в развитии исследовательского процесса и раскрытия сущностной стороны объективной реальности, что является главной целью научной теории — основного компонента познания научного познания.

Проверка гипотезы — заключительный этап, который должен вынести решение о ее истинности или ложности, достоверности или вероятности. Если в гипотезе содержится истинное знание и доказана его достоверность, то гипотеза становится научной теорией⁷⁴.

В значительной степени проверка гипотезы зависит, конечно, от степени ее разработанности, а также от того, к какому типу она относится. Гипотезы из сферы источниковедения и предметно-технологических реконструкций всецело зависят от интенсивности археологических исследований, поисков как самих памятников и артефактов, так и эффективных методов, которые позволяют выявить те или иные необходимые закономерности.

Исследуя проблемы возникновения пашенного земледелия в Закавказье, К.Х.Кушнарева и Г.Н.Лисицына⁷⁵ отмечают, что достоверные находки, свидетельствующие о применении плуга с железным наконечником, относятся только к эпохе Ванского царства. Авторы высказывают гипотезу о значительно более раннем его зарождении и распространении в Закавказье. В качестве посылок, подкрепляющих это предположение, они приводят довольно обстоятельный обзор данных о распределении на Ближнем Востоке уже с IV—V тыс. до н.э. плужного земледелия. Территориальная близость Закавказья к странам Ближнего Востока позволяет предполагать, что данное техническое новшество

в земледелии на каком-то этапе проникает и в Закавказье. Далее авторы используют некоторые этнографические факты о ранних формах пашенного земледелия и приводят перечень ряда косвенных данных: возможное существование орошаемого земледелия на поселениях IV—III тыс. до н.э., находки разнообразных зерен злаков, модели колес (использование тяговой силы животных), изогнутых вкладышевых серпов, примитивных сох из рогов оленей, увеличение площади поселений, культовые изображения и т.п. Все это, по мнению авторов, позволяет выдвинуть гипотезу о зарождении пашенного земледелия в Закавказье не позднее второй половины III тыс. до н.э. Авторы совершенно правы, когда именуют свои изыскания "К постановке проблемы", так как проблема и гипотеза относятся к тому классу, который может получить проверку и тем самым решение только в результате обнаружения непосредственных остатков орудий пашенного земледелия, а пока еще таких находок нет.

Другой класс гипотез проверяется путем подведения основных положений гипотезы под достоверное знание более общего закона. Это обычный путь дедуктивной проверки, но в данном случае имеется в виду, что первоначально была высказана гипотеза о каком-то закономерном явлении, а затем уже устанавливается более общий закон, к которому и дедуцируется гипотеза⁷⁶.

Типичный пример подобной проверки — когда устанавливается близкое сходство погребального обряда групп могильников и предполагается принадлежность их к одной АК, а в дальнейшем комплексное исследование артефактов — приводит к выделению и обоснованию новой АК. Такова была гипотеза об оригинальности и самостоятельности Азелинского и Суворовского могильников, выделенных впоследствии в азелинскую АК⁷⁷.

Наиболее распространенный путь проверки гипотезы — дедуктивное выведение из гипотезы следствий, которые могут быть сопоставлены с эмпирическими наблюдениями. В основе данного приема проверки лежит постулат, что если гипотеза верна, то кроме сущностей, которые уже отражены в ней (составляющие причину); должны иметь место и другие проявления, присущие данной сущности (следствия)⁷⁸. В археологии этот прием проверки гипотезы имеет широкое распространение в нескольких типичных вариантах. В одних из них в качестве основного следствия принимается закономерность эмпирической повторяемости. Допустим, гипотеза о том, что выделяются памятники N-АК, которые древнее памятников M-АК, проверяется тем, что во всех случаях, когда обнаруживается совместное их залегание, остатки N-АК занимают стратиграфически нижнее положение.

Если предполагается синхронность всех памятников P-АК (основа выделения в АК) то, следовательно, они будут обладать свойством диахронности по отношению к памятникам другой АК, в частности той, для которой хронология установлена.

Гипотеза о социологическом содержании понятия АК, подробно разобранный выше, целиком подводится в своей проверке под данный класс.

Проверка гипотезы и перевод ее в разряд достоверного знания научной теории — процесс достаточно сложный и длительный, в основе которого лежит научная практика, которая не ограничивается ни "контрольными проверками", ни набором эмпирических фактов, ни даже единичными исследованиями. Практика науки — это то, что охватывает весь опыт научно-познавательной деятельности в каждой конкретной предметной области (науке)⁷⁹. И только тогда, когда гипотеза не только превращается в аргументированную теорию, но и входит в практику исследования ученых как составной элемент научной системы, тогда можно считать, что гипотеза выполнила свою функцию.

В заключение отметим, что в описанных выше примерах анализа категории "гипотеза" развивались две различающиеся стороны археологического познания. В одном направлении развертывалась гипотеза, связанная с построением археологического теоретического знания (АТЗнание) о конкретно-исторической ситуации в Прикамье. А в другом рассматривалась гипотеза построения теории АК, выполняющей определенные познавательные функции как археологическая логико-методологическая теория (АМтеория), выступающая в качестве средства достижения нового в АТЗнании. Подробный анализ соотношения этих категорий будет дан в главах IV, V.

ГЛАВА IV ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ЗНАНИИ

IV.1. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ И НАУЧНЫЕ ТЕОРИИ

Понятие "теория" и "теоретическое" употребляется в науке весьма широко и многогранно. В научной лексике можно выделить два основных смысловых значения, наиболее кратко выраженных в Энциклопедическом словаре: "Теория (от греч. *theōgia* — рассмотрение, исследование), система основных идей в той или иной отрасли знания; форма научного знания, дающая целостное представление о закономерностях и существенных связях действительности. Критерий истинности и основа развития Т. — практика"¹.

Обычно эти два толкования рассматриваются как широкое и узкое значения термина "теория", которое в дальнейшем изложении нами будет обозначаться: широкое значение — теоретическое знание, а узкое — научная теория. Необходимость подобного разграничения в нашем исследовании будет очевидна из дальнейшего изложения.

Научная теория как категория познания находится в настоящее время в центре внимания философов, и анализу ее гносеологических и методологических функций посвящена обширная литература². В этих работах встречается немало определений понятия "научная теория". Так, И.Д. Андреев понимает под теорией "обширную отрасль знания, раскрывающую закономерности функционирования и развития определенной совокупности явлений материального и духовного мира, описывающую и объясняющую эти явления и направленную на прогрессивное преобразование природы, общественных явлений и самого человека"³.

А.И. Ракитов дает такое определение. "Теория — совокупность истинных высказываний, связанных между собой логическими отношениями выводимости и выражающих знания о законах соответствующей онтологической системы"⁴.

Г.И. Рузавин в специальном исследовании научной теории хотя и не дает дефиниции, но достаточно всесторонне характеризует ее и отмечает, "что научная теория, будучи системой абстрактных понятий и

утверждений, представляет собой не непосредственное, а идеализированное отображение действительности"⁵. О.С.Разумовский считает, что "теория представляет собой концептуальную систему, с помощью которой отображаются определенные закономерности функционирования и развития соответствующих реальных систем"⁶.

Приведем еще два оригинальных определения ученых из ГДР. "Теория, — по заключению Г.Герца, — это объяснение объективно-реальных процессов с помощью внутренне взаимосвязанного изложения познанных-сущностных отношений и законов в некоторой системе законов и соответствующих условий их реализации"⁷.

Э.Деллинг со ссылкой на Г.Весселя дает более пространное определение: "Теория выражается, во-первых, на некотором языке, во-вторых, она состоит из совокупности логически упорядоченных и сформулированных на данном языке высказываний, среди которых имеют место некоторые (по крайней мере одно) высказывания, имеющие форму закона, и, в-третьих, из некоторых правил вывода (правила логики, математики и т.п.), в соответствии с которыми из данных высказываний получают новые"⁸.

Количество подобных определений можно бы было намного увеличить, однако уже приведенные позволяют достаточно четко уловить общие положения. Важнейшим составным элементом теории является категория *закон* (часто пишут о закономерности) исследуемого объекта. Вторым непременным компонентом теории выступают *существенные связи и отношения*, которые в описаниях иногда заменяются указанием на функционирование и развитие объекта или то, что законы (высказывания) логически упорядочены или связаны логическими отношениями. В качестве третьего элемента научной теории необходимо указать, что это *система знания* (высказываний, истинных высказываний, понятий, абстрактных понятий, высказываний определенного языка и т.д.), содержащая идеализированное отображение действительности. И последний элемент, который, пожалуй, наиболее слабо сформулирован и выражен в приводимых высказываниях, включает положение, что каждая научная теория содержит твердые *правила выводимости одного понятия из другого* и, что весьма существенно, получения нового знания. Мы пока останавливались только на самых общих моментах, определяющих научную теорию как конкретную логическую категорию, поскольку вопросы структуры и функции научной теории будут освещены отдельно.

Научная теория — это итог большой поисково-исследовательской деятельности ученого, концентрирующий в сжатой форме знания в виде законов и их существенных связей о свойствах явлений (объектов) позволяющих объяснить другие явления аналогичного или близкого характера. В научной теории всевозможные понятия, высказывания, проблемы, гипотезы, законы сведены в непротиворечивую целостность, которая составляет исходный концептуальный базис, связывающий по определенным правилам все остальные элементы теории.

А.И.Ракитов считает, что теория может быть представлена как своего рода математическая машина (не следует отождествлять, однако, с техническими устройствами типа станков или компьютеров и т.п.). Это машины типа дискретных автоматов, служащих для переработки информации, которые после совершения определенного операционального цикла приходят в исходное состояние. В естественных науках эти "машины" выступают как система взаимосвязанных уравнений. "После подстановки эмпирических данных (количественно выраженных фактов) и решения уравнений (работа машины) получают новые количественные данные (выходная информация), которые подлежат предметно-практической проверке ("отладка машины", проверка гипотез) или технологическому внедрению"⁹. В этом образном сравнении внимание сосредоточено на выходе новой информации, ибо теория должна не только констатировать закономерности в объективном мире, но в еще большей мере дать выход на открытие нового знания.

Как уже отмечалось выше, научная теория — это теория в узком смысле. Более широко понимается теоретическое знание. У.А.Раджабов поэтому пишет, что "все научные теории представляют собой развитую и организованную систему теоретического знания"¹⁰, а Г.И.Рузавин замечает, что к "важнейшим теоретическим рациональным формам познания наряду с понятиями, суждениями и умозаключениями... относятся гипотезы"¹¹.

Проблема теоретического знания в широком смысле привлекала гораздо меньше внимания философов. А.И.Ракитов отмечает, что каждая научно-познавательная система (частная наука) создает свои специфические формы теоретического знания, которые далеко не полностью укладываются в научные теории или могут быть отождествлены с понятием научной теории, а в некоторых науках, что еще важнее отметить, научные теории как четко организованная категория научного познания вообще еще не выработаны. К таким наукам, в частности, относятся и археология.

"Теоретические знания, вообще говоря, — замечает А.И.Ракитов, — не обязательно выступают как строгая дедуктивная система... Более того, в отличие от теорий в строгом смысле, включающих в свой состав лишь логически взаимосвязанные законы, теоретические знания, понимаемые в широком смысле, содержат гипотезы различных уровней, допущения, ограничения, принципы, условия и т.д., отличительная черта которых состоит в том, что они не эмпирического происхождения, по крайней мере в рамках данной формы познания"¹².

Теория — это наиболее развитая, высшая, организованная ступень теоретического знания, поэтому, как справедливо отмечает И.Д.Андреев, включает предшествующие более простые формы выражения теоретического знания: принципы, законы, суждения о свойствах предметов и явлений, понятия, категории, предположения, гипотезы, науч-

Таблица 10. Общая структура

Уровень	Стадия	Познание	Логико-методологическая часть		
			Ступень	Познавательные цели и установка (проблемы, гипотезы)	Основные теоретические схемы и модели АМ теории
Философский и общесоциологический уровень		Теория диалектического и исторического материализма – мировоззрение исследователя – научная картина мира			
Теоретический	Социально-историческая	Формационно-социологическая	Логический анализ формационных закономерностей эпох. Теоретическое воспроизведение исторической действительности	Общая теория эпох социальных формаций. Теория региональных и стадийных разновидностей формационных структур. Модели формаций	Метод восхождения от абстрактного к конкретному. Метод построения региональных и стадийных моделей общественных структур
		Системно-историческая	Исторический синтез (объяснение). Конкретно-историческая структура социальной системы отдельного общества. Закономерности исторического развития общества	Теория социально-исторической структуры общества и сфер социальной деятельности. Модель общества как целостности социально-исторического организма (СИО-АК)	Методы исторических объяснений. Методы исследования общественной структуры (целостности) и сфер социальной деятельности
	Эмпирический	Реконструктивная образ жизни	Аналитическое описание образа жизни, на основе предметно-технологических реконструкций. Функциональная систематизация и анализ источников (формирование эмпирического базиса исследования)	Теория опредмечивания социальной деятельности и структуры образа жизни в различных сферах. Предметно-технологические модели жизнедеятельности	Методика предметно-технологических реконструкций различных уровней и сфер образа жизни
Исходная	Ориентационная	Хронология и культурно-стадиальная принадлежность артефактов	Теория археологических культур, веков, стадий и культурных ареалов	Методы культурно-хронологического членения археологических комплексов	
	Источниковая	Фиксация и описание структуры исследуемых археологических объектов	Теория структуры археологических объектов всех категорий	Методика полевых исследований. Методы первичного описания археологических объектов	
Абстракция нулевого уровня		Стиль научного мышления. Археологическая научная картина мира. Основные принципы социально-исторического познания в археологии			

системы археологического знания

Конкретно-историческая часть			
Экономическая сфера	Общественная сфера	Духовная сфера	Этническая сфера

риализма – мировоззрение исследователя – научная картина мира

Экономическая структура – способ производства в пределах СИО-АК	Социальная структура СИО-АК и система общественных отношений СИО-АК	Мировоззрение в СИО-АК	Структура этнических отношений СИО-АК
---	---	------------------------	---------------------------------------

То же на уровне региональных обобщений (сумма СИО-АК)

Система хозяйства СИО-АК (палеоэкономика). Культурно-хозяйственные типы	Система общественной организации СИО-АК	Система идеологических воззрений и культура	Этническая автономная система общества (АК-ЭСО)
---	---	---	---

Виды хозяйственной деятельности населения	Общественный статус индивидов, групп и коллективов	Положительные знания, поверья, обычаи, элементы культуры	Этническая характеристика групп населения
---	--	--	---

Быт населения

Пространственно-временное определение исследованных памятников (первичная культурно-хронологическая классификация)

Описание археологических объектов всех видов как комплексов остатков и следов опредмеченной жизнедеятельности древних коллективов людей

Конкретно-археологические (в том числе социально-исторические) знания, накопленные наукой

ные выводы¹³. Интересно в этом плане мнение О.И.Кедровского, который считает, что с точки зрения абстрактно-логической формы "теоретическое может быть определено как *система* научных знаний, выводимых логически из осознанно полагаемого начала"¹⁴. Начала, по О.И.Кедровскому, представляют собой множество первичных категорий, принципов, постулатов, аксиом, общих законов.

Теоретическое знание — это тот базис, на котором формируется научная теория, когда наука достигает соответствующего уровня развития. Следует также отметить, что теоретическое знание в исследовании выполняет те же функции, что и научная теория, но естественно, что здесь это не организовано в достаточно строго упорядоченную систему. Поскольку теоретическое знание и научная теория в познании выполняют одни и те же функции, вполне правомерно провести и общее рассмотрение компонентного состава данных категорий, которые были уже намечены выше.

Проблема теории и теоретического знания в археологии разработана еще очень слабо¹⁵, поэтому само приложение этих понятий ставится многими археологами под сомнение. В целом для археологии необходимо иметь в виду наличие двух типов знания, различающихся по содержанию и функции в научном исследовании — это конкретно-археологическое и логико-методологическое знание (табл. 10).

Конкретно-археологическое знание, охватывающее пока большую часть, включает историко-этнографический раздел и различного рода описания истории прошлых обществ. Вопросы теоретизации этого знания частично уже затрагивались (гл. I.3), и этому будет уделено основное внимание в дальнейшем. Поэтому здесь изложим лишь кратко наши исходные позиции в понимании данной проблемы.

Научная теория в той форме как она существует и понимается в естественных науках — как четко (и даже кратко!) сформулированные положения о знании законов или закономерностей развития тех или иных сторон объективной реальности, в собственно конкретно-археологическом знании, по-видимому, нет и едва ли найдет себе место. Дело, очевидно, в том, что естественнонаучные теории отображают гораздо менее сложные объекты, чем исторические, в которых отражением является одна из наиболее сложноорганизованных систем — общество, деятельность людей, наделенных волей и сознанием. Отражение познанных закономерностей исторического развития этих обществ и должно быть содержанием научной теории. Но в силу сложности структуры объекта — СИО здесь почти невозможно вычленишь отдельные простейшие стороны и сформулировать закономерности их развития в теории. В конкретно-историческом знании переплетается множество "элементарных теорий" различного характера, и теоретическое знание исторического типа более размыто, не имеет столь четких формулировок, как в естественнонаучных теориях. Поэтому конкретно-археологическое знание о социально-исторических закономерностях разви-

тия различного уровня отдельных СИО—АК и предлагается обозначить как конкретно-археологическое теоретическое знание (*АТзнание*). Научные теории более близкие естественнонаучным должны разрабатываться в археологии в ее логико-методологическом разделе. Особо стоит вопрос о научных теориях типа проблем антропогенеза, периодизации первобытной формации, становления производящего хозяйства¹⁶ и т.п. Это безусловно научные теории, но все они не только созданы на междисциплинарном уровне, но и являются принадлежностью многих наук. Кроме того, они освещают проблемы всемирно-исторического процесса и в этом смысле не относятся к знанию конкретно-археологического типа, имеющего четкую привязку к истории определенных конкретных СИО—АК прошлого. По-видимому, подобные теории могут быть выделены в особый слой теоретического знания, могут быть как общие теории социально-исторического процесса (гл. VII.3). По отношению к конкретно-археологическому знанию теории этого типа выполняют чрезвычайно важную методологическую функцию, выступая в качестве обоснования их знания.

В собственно археологическом знании функцию научной теории выполняет АТзнание в тех формах и содержаниях, которыми характеризуется вообще категория "теоретическое знание" в широком смысле. Кроме того, следует иметь в виду, что теоретическое всегда выступает в сопоставлении с эмпирическим и в этом смысле они могут рассматриваться по отношению к уровням знания, уровням познания и уровням развития науки.

Поясним последнее. Археология, безусловно, находится пока на эмпирической стадии своего развития¹⁷, поскольку под теоретической понимается такая ступень, когда в познании "реализуется способность научного мышления к воспроизводству теоретического знания на своей собственной основе, способность построения и совершенствования развивающихся теоретических систем, воспроизводящих целостные и внутренние дифференцированные картины "теоретического мира"¹⁸.

Эмпирические и теоретические уровни познания и знания взаимно обусловлены и рассматриваются обычно в единстве. Эмпирическими исследованиями являются все работы историко-этнографического характера (раскопки, описания их, описания вещей, а также их культурно-хронологическое определение).

В системе социально-исторического познания к эмпирическим исследованиям¹⁹ относятся все те операции, которые связаны непосредственно с формированием артефактов, поскольку основаны на наблюдениях, измерениях, анализах и т.д. Более высокую ступень составляет эмпирическое познание, когда предшествующие данные подвергаются логической обработке путем обобщения, типологии, классификации, систематизации, установления эмпирических закономерностей. Результаты всей этой деятельности и формируют слой эмпирического знания, в котором преобладают описания археологических объектов в виде

артефактов и различных процедур, выполненных с ними. Специфика этого знания состоит в том, что оно дает представление лишь о внешней стороне объекта познания, доступного созерцанию (П.В.Копнин), т.е. имеющего всегда более или менее прямой предметный коррелят.

Переход к теоретическому уровню исследования в археологии начинается, по нашему представлению, там, где происходит "отрыв" от артефактов, и предметом познания становятся логические (социологические) конструкции — абстракции, идеализации, понятия, которые в той или иной мере вскрывают сущностную сторону социально-исторических явлений и процессов. Результатом этой познавательной деятельности являются разнообразные по глубине раскрытия социальной сущности картины исторического развития древних СИО—АК. Это и есть то, что в археологии понимается как изучение социально-исторического процесса, результаты которого оформляются в виде больших или меньших социально-исторических концепций²⁰. Именно эту форму знания предлагается рассматривать как конкретно-археологическое теоретическое знание (АТЗнание) в качестве аналога научной теории, но отличающейся большей "размытостью" ее структуры и формулировок понятий.

В дальнейшем понятие АТЗнание мы будем употреблять именно в смысле конкретно-археологического теоретического знания. Это знание всегда *выводное*, поскольку базируется на различных первичных социологических категориях, принципах, посылах, законах и т.п.

Конечно, теоретичность данного раздела зависит в первую очередь от уровня исследования социальных систем, а на значение этого подхода уже обращалось внимание (гл. I.3) и более подробно будет сказано ниже. Но на одной проблеме — характеристике уровня образа жизни — здесь необходимо остановиться. С точки зрения познавательных процедур здесь вполне может идти речь о теоретическом уровне, ибо здесь уже оперируют обобщениями, абстракциями в процессе реконструкции, особенно когда это относится не к элементарным явлениям типа определения функций отдельных предметов, а более сложных картин жизнедеятельности. Но с точки зрения общей структуры социально-исторических систем уровень образа жизни несомненно образует совокупность, как писал К.Маркс, "эмпирически данных обстоятельств"²¹, которые в процессе исследования выступают как научные факты и образуют эмпирический базис АТЗнания. Поэтому в системе социально-исторического знания археологии уровень образа жизни соотносится с эмпирическим знанием. На двойственный характер этого уровня уже обращалось внимание. Исследованию структуры и содержания АТЗнания будет посвящен следующий раздел (гл. IV.3) и глава VI.

Выше уже упоминалось, что в археологии, как и в других науках, теория и теоретическое знание выполняют определенные логико-методологические функции, т.е. служат средством обеспечения обоснова-

ния и достижения нового знания. Эта часть достаточно сложна и требует самостоятельного анализа (гл. V), поскольку именно она формирует основы системы познания археологии.

Соотношение в археологическом знании конкретно-исторического и логико-методологического было подробно проанализировано в одной из наших публикаций²². Общее представление об этом дает также табл. 10.

Кратко остановимся на вопросе о структуре научной теории. Учитывая то огромное многообразие конкретного содержания, форм и типов научного знания, которое в них концентрируется — это достаточно сложная проблема. В философии отмечается, что между структурой объекта теории и структурой исследуемого объекта, отражаемого ею, отсутствует изоморфное подобие. Объект исследования обнаруживает полиструктурность, отображающую богатство его содержания, что находит отражение в археологии в виде концептуальных построений (описаний) познанных исторических процессов в АТЗнании. Хотя оно и выражено в достаточно размытом виде, обнаруживаются обычно два основных компонента — исходные фактологические данные и их теоретическое описание, объяснение (истолкование). В наиболее фундаментальных исследованиях разрабатывается также система аргументации теоретических выводов, а в последние годы в археологии нередко стали излагать и развернутую систему операциональных процедур над преобразованием эмпирических данных. Кстати, именно на последних двух моментах в разработке методов археологического исследования концентрируется основное внимание в зарубежной новой археологии. Нет слов — логическая структура построения АТЗнания играет большую роль, но в советской философии особенно акцентируется внимание на том, что структурная сложность теоретического знания обуславливает включение в нее не только перечисленных выше элементов, но и всей совокупности методологических и, особенно для общественных наук, мировоззренческих понятий и принципов, имеющих здесь решающее значение в формировании оснований теоретического знания.

В логическом аспекте в структуре научных теорий выделяется обычно несколько основных компонентов, по-разному формируемые и группируемые различными исследователями, но содержательно достаточно близкими. Приведем несколько примеров. Г.И.Рузавин рассматривает теорию как некоторый результат познавательной деятельности и в таком виде главным становится выявление ее основных элементов и их логической связи. Как и ряд других авторов, он считает, что в любой развитой научной теории можно выделить четыре компонента: эмпирические предпосылки, исходный теоретический базис, логический аппарат и следствия, или выводы теории²³.

Более дифференцированный перечень элементов структуры развитой теории дает О.С.Разумовский, выделяющий основания теории (ядро теории), включающей по-видимому, и философские принципы,

на которых базируется теория; затем следуют законы теории; факты, вытекающие как следствие из законов, и новые факты, доступные проверке и эмпирической интерпретации; все термины данной теории и излагаемые естественным языком семантика и содержание теории; правила операций — регулятивные принципы и правила вывода²⁴. Далее автор отмечает, что за пределами оснований теории всегда остаются некоторые фундаментальные утверждения.

В области исторической науки встречаются более разнообразные подходы к определению структуры исторической теории. В.В.Косолапов, например, считает, что ее необходимо строить соответственно с функциями исторической науки в обществе и дает достаточно детализированный перечень, который объединяет затем в четыре основных части: аксиологическую, методологическую, методическую, феноменологическую, а также правила установления истинности исторических высказываний, входящие в состав всех частей²⁵.

А.И.Уваров обстоятельно описывает в структуре реальных теорий исторический факт, историческое объяснение и реконструкции, исторический метод. Касаясь структуры исторической теории в гносеологическом разрезе, дает краткую характеристику таких элементов: категории — как основы исторической теории, связывающие ее в единое целое; концептуальный аппарат теории, включающий основные понятия, выводы, главные положения, выражающие специфическое содержание теории; эмпирический материал как исходный фактологический базис; и, наконец, исторические реконструкции²⁶.

Автор почему-то упускает методологическую организацию теории. Особенно интересно замечание А.И.Уварова по поводу того, что не в каждой исторической теории ее отдельные элементы находятся в должном, пропорциональном сочетании и что теория как форма мышления развивается через совершенствование своей оптимальной структуры.

Проблемы исследования природы теории в археологии очень мало привлекали внимание археологов²⁷. Поэтому наряду с общенаучной характеристикой основных компонентов теории в дальнейшем попытаемся наметить и некоторые специфические особенности их отображения в археологии.

В функционировании каждого отдельного общества реализуются общесоциологические законы общественного развития, высший уровень которых формулируется в историческом материализме. По отношению к нему более частной теорией является общенаучная картина исторической реальности — это материалистическое понимание истории как систем общих представлений о содержании и сущности исторического процесса, включающая в себя исторические понятия, принципы партийности, историзма, объективности, основные идеи исторической науки построенные на основе марксистско-ленинской философии²⁸. Этот уровень формирует исходный теоретический базис или основание теории — основное структурное подразделение исторической те-

рии²⁹, ее главные абстракции, категории и законы, на которых строится все познание. Система категорий социального познания, объединяющая ее в целостную теорию, заимствуется, таким образом, из исторического материализма и других наук, к которым история обращается при изучении различных сфер социальной жизни (социология, экономика, этнография, культура, искусство и т.д.).

Все эти общие методологические положения необходимо адаптировать к специфическим потребностям археологии. Решающее значение в формировании теоретического базиса или оснований теории имеют общие принципы социально-исторического познания в археологии, изложенные выше (гл. I.4). Именно на их основе формируется исходный теоретический базис как важнейший элемент, регулирующий построение всего знания, фактически определяющий общее направление исторического познания. Следовательно, исходный теоретический базис выполняет в исследовательской процедуре основную методологическую функцию, поэтому, как правило, не включается явно в АТЗнание и составляет основу той АМтеории, которая определяет развертывание всего исследовательского процесса.

Главным, центральным звеном в структуре АТЗнания является историческое объяснение, формирующее конкретно-историческую концепцию, исходя из принятого теоретического базиса. В узком смысле объяснение соотносится обычно с выявлением закономерностей, законов изучаемого объекта. "Закон — необходимое, существенное, устойчивое, повторяющееся отношение между явлениями. З [акон] выражает связь между предметами, составными элементами данного предмета, между свойствами, а также между свойствами внутри вещи"³⁰. Эта категория достаточно ясна с точки зрения содержательного подхода ее смысла, о котором В.И.Ленин писал, что "закон есть отношение... Отношение сущностей или между сущностями"³¹ и далее: "закон и сущность понятия однородные (однопорядковые), или, вернее, одностепенные, выражающие углубление познания человеком явлений, мира, etc."³² Отсюда ясно, что если главная цель науки — познание сущности исследуемого объекта, то это в конечном итоге должно выражаться в формулировании закона.

В широком смысле объяснение выступает в значении всего того выводного знания, которое получает наука в процессе исследования. Но и в этом значении получение знания в конечном счете базируется на знании определенных законов, причем, отметим особо, закономерностей различной общности. Поэтому в историческом знании объяснение следует брать в широком смысле, характеризующем все выводные знания, которые, однако, надо располагать в определенной соподчиненности (иерархии) в соответствии с уровневой структурой способа жизнедеятельности и общностью отражаемых закономерностей. Исходя из этого в системе исторического, в том числе АТЗнания, ставящего своей целью социально-историческое познание прошлого, выделяются

три ступени объяснения (табл. 10): формационная (или социологическая), системно-историческая, образа жизни (называемая обычно реконструктивной).

Особое место занимает описание эмпирических артефактов. Здесь следует отметить, что сами археологические факты, составляют основу познания, в том числе теории (иногда они характеризуются как эмпирические предпосылки теории). Но чаще их как артефакты рассматривают в качестве внутреннего элемента в структуре теории, как ее эмпирическое основание. Таким образом, в любую теоретическую конструкцию включаются данные, содержащие результаты и теоретического, и эмпирического уровней исследования, позволяющие воспроизвести богатое содержание объекта познания в его социальной целостности.

Наконец, любая теория в том или ином виде содержит всегда элемент, указывающий на метод получения объективной истины, т.е. достижения поставленной цели. Методологическая часть теории формирует ее логический аппарат, правила получения знания и в этой своей функции она включается в АМтеорию.

Таким образом, при гносеологическом анализе теоретических разработок археологии необходимо иметь в виду, что здесь разворачиваются параллельно две системы: АТзнание — раскрывающее закономерности изучаемого объекта (онтологический аспект) и АМтеория — выполняющая в процессе исследования различные методологические функции, обеспечивающие получение АТзнания (гносеологический аспект). Каждая из этих систем будет подвергнута самостоятельному рассмотрению (см. гл. VI).

Гл. 2. ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ, АБСТРАКЦИИ И ИДЕАЛИЗАЦИИ КАК ЭЛЕМЕНТЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Научные теории чрезвычайно разнообразны, они могут содержать самые различные логические типы, пользоваться весьма отличными друг от друга методами и логическими средствами, иметь неодинаковый теоретический уровень, выполнять различную роль в научном познании и служить различным практическим целям³³. Вероятно, именно потому неудачны пока попытки найти единую, общую схему, отражающую структуру любой научной теории³⁴. Но одна черта присуща им всем. Теоретическими системами, включающими и собственно теории, признается "такой вид гносеологических схем систем, элементами которых являются абстракции, определенным способом логически между собой связанные"³⁵. Широкое использование абстрактных форм мышления и абстрактных конструкций — это характерная черта теоретического познания. В первом случае — это суждения, понятия, проблемы, гипотезы, концепции, законы и т.п., а во втором — результат соответ-

ствующим образом обработанных знаний об объектах, связях и отношениях той конкретной области реального мира, которая исследуется данной наукой. Для археологии это такие абстракции, как поселение, погребальный обряд, хозяйственная деятельность, общественная структура, этническая принадлежность и т.п. На основе абстрактных конструкций создаются идеальные объекты и идеализированные отображения, в которых выделены только отдельные стороны изучаемого объекта.

Конечная цель каждой теории — раскрыть сущность той предметной области, которой она посвящена, и создать единую систему знаний о ней. Поэтому она представляет собой известную концептуальную модель, с помощью которой описываются наиболее существенные, всеобщие явления в реальных системах объективного мира³⁶. При этом, однако, любая теория как частная теоретическая система должна отвечать следующим двум основным требованиям, которые считаются необходимыми и достаточными для системы.

1. Абстракции, входящие в теорию, должны принадлежать единой предметной области, отражать один объект познания. Эти абстракции составляют категории теоретической системы, поэтому категории в теории — не случайное скопление, а строго отобранные, отражающие наиболее существенные стороны объекта познания, составляющие предметную область данной теории.

2. Абстракции, включенные в теорию, должны составлять определенную целостность, а ею "считается лишь логическое образование, которое выполняет логическую функцию, невыполняемую составляющими ее элементами в отдельности до вступления в эту взаимосвязь"³⁷.

Так, если выдвигается какая-либо гипотеза (преобразуемая в АТзнание) о структуре земледельческого хозяйства, то, вероятно, здесь неуместны такие абстракции, как категория наконечников стрел или представления о потустороннем мире и т.п.; но едва ли можно исключить категорию "орудия обработки земли", "урожайность" и т.д. Однако всего этого еще недостаточно, поскольку оно не образует той целостности, которая необходима для данной предметной области. Сюда следует включить также людей с их знанием, трудовыми навыками, обусловленными степенью исторического развития, природные условия и знания о технологии возделываемых культур и т.п. Перечисленные категории опять-таки еще не составляют какую-либо целостность. Для этого необходимо поставить категории в определенную логическую связь, т.е. придать им логическую структуру, которая бы указывала "метод построения теоретической системы, форму систематизации ее элементов"³⁸. Эту функцию выполняют определенные концепции типа законов и закономерных связей, сконцентрированные в АМтеории. Отметим также, что теоретические законы, или принципы теории, как правило, содержат дескриптивные (описательные) термины, которые в принципе не могут быть терминами непосредственного

наблюдения, т.е. содержат также *абстрактные термины и понятия*³⁹. В приведенном примере с АТзнанием земледельческого производства необходимо ввести закон обусловленности технических возможностей земледельческого хозяйства природными условиями и законами соответствия форм хозяйственной деятельности общему уровню социального развития. Сюда же следует отнести и структуру общественной организации, которая обуславливается уже не собственно технологией земледелия, а хозяйственной деятельностью людей в целом. Таким образом, на данном очень огрубленном примере формирования категориального состава АТзнания и придания ей определенной логической структуры⁴⁰ видно, что это достаточно сложный и ответственный этап исследования, от которого зависит, какова будет сама предметная область, глубина проникновения в сущность объекта и уровень теоретического познания. Здесь же необходимо отметить еще одно свойство теории — ее *непротиворечивость*, означающую, что на основе данной теории невозможно получить взаимоисключающие выводы. Правда, в системе археологического познания, где большинство АТзнаний носит вероятностный характер, довольно часто обнаруживаются элементы противоречивости главным образом за счет недостаточности источников, или, что еще чаще, недостаточной глубины раскрытия сущностных сторон эмпирического базиса, включенного в предметную область данного АТзнания. Но это в целом можно считать все же временным состоянием теоретических конструкций.

Рассмотрим, далее, вопросы, связанные с предпосылками теоретизации научного знания.

Абстракция и идеализация в системе теоретического знания.

Эмпирический уровень исследования, как и само эмпирическое знание, связываются в археологии с оперированием или непосредственно предметными остатками, или представлениями (описаниями) их в виде артефактов. Эти операции осуществляются как с индивидуальными явлениями (предметами), так и с определенными обобщениями их, достигаемыми путем классификации, когда создаются эмпирические понятия. Отличительной особенностью эмпирических понятий и категорий археологии, как, впрочем, и всего эмпирического знания археологии, состоит в том, что они всегда имеют более или менее четко обнаруживаемый предметный коррелят в археологических фактах (см. гл. II.1). Основная особенность теоретического уровня познания в науке состоит в том, что здесь оперируют понятиями и категориями, которые являются результатом определенной обработки первичных данных и обобщений (не простое суммирование). Тем самым это всегда *выводное знание*, не имеющее конкретно-чувственной корреляции в реальной действительности и выступающее в качестве определенных абстракций и идеализаций. По словам Г.И.Рузавина, "научная теория, будучи системой абстрактных понятий и утверждений, представляет собой не непосредственное, а *идеализированное* отображение действительности"⁴¹.

Абстракция, абстрагирование — это процесс отвлечения от многообразия качества объекта и выделение в нем в чистом виде тех сторон, которые необходимы для целей данного исследования. В абстракциях находят сущностное выражение явления, свойства, отношения и т.п. Абстракции вводятся с целью *систематизации фактов*, упорядочения знания⁴².

Поскольку теория выступает в роли концептуальной модели или теоретической схемы, описывающей наиболее существенные, всеобщие черты объектов реального мира, в процессе создания теории эти общие, существенные черты необходимо выделить и соответствующим образом вывести в процессе исследования⁴³. Эту задачу можно решить за счет операций упрощения, выбора существенных свойств и схематизации действительности.

1. Значительно упростить изучаемое явление, выделив в его сложной структуре лишь те свойства и отношения, которые необходимы для решения данных исследовательских задач.

Исследование этнических процессов, которые представляют собой весьма сложные явления, детерминированные очень многими сторонами общественно-экономического развития, в археологии осуществляются фактически по нескольким этническим параметрам "в чистом виде", анализируя сходство форм предметов АК (орнаментация керамики, погребальный обряд и т.п.), отвлекаясь от побочных факторов, что, по существу, и представляет собой упрощение изучаемого объекта.

2. Выбор существенных свойств и отношений из всех возможных ведет к созданию *абстрактных и идеализированных объектов*. Абстракция, как уже упоминалось, — это процесс отвлечения от тех или иных свойств познаваемого объекта и выделение некоторых свойств — признаков в чистом виде. В научных теориях абстракции вводят в наиболее концентрированном виде, обобщенном, "чистом виде" сущностные параметры исследуемого объекта.

Абстрактные и идеализированные объекты весьма распространены в научном знании и встречаются во всех формах рационального познания. Они представляют собой понятия или рациональные представления, которые получаются путем четырех последовательных операций⁴⁴.

Первый этап представляет собой выбор определенной группы объектов, процессов, свойств, ситуаций, отношений и т.п. В археологической практике подобные процедуры осуществляются в массе. Развивая далее использованный выше пример исследования этнической истории, можно достаточно хорошо проследить данную процедуру, когда выбираются массовые виды источников — керамика, погребальный обряд, женские украшения и т.п., которые анализируются по формальным признакам, ибо последнее — форма изделий — является основным этническим показателем предметного мира АК.

Следующий этап — обработка каждой категории предметов по избранному признакам, отражающим этнические показатели. Здесь в

полной мере используется широко распространенный в археологии формально-типологический метод классификации. Типологические группы отражают те вариации или компоненты, которые должны описывать этнический процесс изучаемого общества.

Предельный переход — собственно абстрагирование в узком смысле, введение абстрактных понятий — упрощение состояния, начавшееся еще на первом этапе, продолжается в том, что преодолеваются объективно существующие характеристики и утрируются, абсолютизируются особенности явления, которые описывают исследуемую сторону объекта. Орнаментация керамики становится показателем этнических групп, различия в погребальном обряде — свидетельством различного этнического происхождения индивидов и т.д.

Заключительный этап сводится к введению в исследование принципиально неосуществимого условия, для того чтобы рассмотреть поведение, изменение и т.п. тех свойств и отношений, которые были выделены в результате абстрагирования — предельного перехода. Эта ситуация создается в так называемом мысленном эксперименте⁴⁵, когда выведенные абстракции и отдельные свойства и отношения рассматриваются в динамике (естественно, мыслимой!) взаимосвязи и взаимоотношений, подобным живой функционирующей действительности. Именно при рассмотрении таких процессов в лексиконе археологов "оживают" практически "мертвые" предметные области, остатки, которые начинают "развиваться", "двигаться", "расти", "уничтожаться", "ассимилироваться" и т.д. Так, сравнительный анализ хронологически последовательных групп погребений по заданным "этническим параметрам" дает представление о процессе "этнической интеграции или ассимиляции" населения на протяжении определенной АК. В процессе мысленного эксперимента исследователь действительно "видит" объект своего исследования как живое функционирующее общество. Причем сила воображения во многом влияет на плодотворность научных изысканий, ибо именно здесь абстракции и идеализации обретают плоть исторической действительности.

3. Абстрагирование и идеализация составляют важнейший момент в схематизации действительности для получения о ней более четких представлений об исследуемых ее сторонах. В действительности явления и предметы находятся в постоянной взаимосвязи, и теория должна отображать эти связи в своих утверждениях, которые строятся путем установления связи абстрактных элементов. Живая историческая действительность представляет собой теснейшее переплетение и взаимодействие различных сфер социальной действительности. Но как сами эти сферы, так и любые частности социальной действительности и действия, исследуемые в науке обычно в отрыве, отвлечении от всех других, представляют собой схематизацию процесса, что позволяет выявить основные — ведущие, системообразующие компоненты и генеральную тенденцию его развития. Описанный выше пример изучения

этнического процесса — наглядный пример научной схематизации действительности.

А.И.Ракилов, исследуя природу исторического познания, отмечает некоторые черты, свойственные лишь историческим абстракциям:

"1. Исторические абстракции всегда фиксируют целенаправленную деятельность людей.

2. Они выделяют социально значимую деятельность и социально значимые действия, определяя значимость по уже известным историческим последствиям.

3. Они фиксируют соответствующие ситуации, события и процессы в конкретных пространственно-временных координатах, в объективном времени и пространстве, в общезначимой и принятой на данном этапе научного развития шкале отсчета"⁴⁶.

— Перечисленные особенности исторических абстракций относятся в определенной мере и к АТзнанию как разновидности исторических концепций. Однако своеобразие и тем самым самостоятельность археологии как науки обусловлено наряду с другими факторами и специфическим характером абстракций и идеализаций, вводимых в теоретическое знание.

Цель археологического познания — раскрыть конкретно-исторический процесс социального развития отдельных обществ прошлого через исследование предметных остатков различных сфер их социальной жизнедеятельности. В таком понимании задач археологии, вероятно, и само изложение истории отдельных обществ представляет собой описание различной степени глубины раскрытия процессов их общественно-экономического развития, которые в значительной мере освещаются как результат исследования отдельных социальных сфер, будь то на уровне систематизации артефактов или анализа общественно-экономической системы. Практика исследования советской археологии всецело подтверждает это положение⁴⁷. Можно выделить две специфические особенности процесса выделения абстракций в археологии.

Во-первых, на теоретическом уровне исследования, когда вводятся абстракции в систему познания, в археологии исследования проводятся в категориях и понятиях социологии. Конечно, абстракции и идеализации археологического знания, формирующиеся из исходных эмпирических данных, достаточно специфичны для социологии, поэтому они реально существуют только в языке АТзнания как смысл соответствующих терминов, принятых в археологии. Так, если в АТзнании речь идет об этнической специфике какого-либо населения, то эта абстракция — этническая специфика, обусловленная здесь тем, как формируются вообще в археологии этнические параметры. В социологии этническая специфика — прежде всего этническое самоназвание, язык и ряд других внешних проявлений, а в археологии представления об этническом дают весьма опосредованные данные — орнаментация керамики, система погребального обряда и т.д. Содержание сущности

социологических понятий не изменяется, но за этим содержанием стоит особое археологическое значение. Исследование закономерностей исторического развития древних обществ в археологии осуществляется в социологическом ключе, поэтому и вся терминология здесь социологическая. Необходимость введения новых терминов и понятий должна проводиться с достаточным обоснованием их содержания и смысла.

Во-вторых, археологические абстракции и идеализации связаны с различными сферами дифференцированной социальной деятельности и должны быть в конечном итоге сопоставлены с исходным эмпирическим базисом. Но сама процедура такого сопоставления представляет собой сложную исследовательскую задачу, фактически центральное звено при построении АТЗнания. В археологии исследование социальной деятельности возможно в той мере, в какой она получила предметное воплощение, будь то в виде непосредственных предметов, сооружений и т.п., являвшихся компонентами этой деятельности, или в виде каких-либо опосредованных побочных объективных явлений. Определенность социальной деятельности — исходный момент археологического познания⁴⁸. Но прямая, непосредственная информация предметного мира достаточно ограничена и выражается, как правило, в обыденных понятиях (типа топор, стрелы, остатки котлована от захоронения и т.п.), которые и составляют исходный эмпирический базис для формирования абстракций и идеализаций. Для того чтобы осуществить этот качественный скачок от предметного мира к социологическим абстракциям, необходимо исследовать закономерности опредмечивания различных сфер социальной деятельности. Для сфер, в которых предметный мир является основным компонентом деятельности, это исследование встретит меньше затруднений (сфера прямого производства, где налицо орудия труда и продукция деятельности и т.п.). В других сферах, где деятельность не имеет прямого, непосредственного выхода на предметный мир (сферы общественных отношений, духовная жизнь и др.), показателем их являются опосредованные явления предметного мира — предстоят еще большие изыскания.

Таким образом, формирование абстракций и идеализаций в археологии — это, в основном, процедура, связанная с изучением закономерностей опредмечивания социальной деятельности, и без этого звена теоретизация археологического знания — исследование социально-исторического процесса — практически не может быть выполнена.

В заключение остановимся на нескольких общих замечаниях по поводу введения абстракций в систему АТЗнания.

Абстрактные объекты при построении теории вводятся, как правило, не единично, а в определенном логическом наборе, образуя микросистему. Так, вводя понятие земледелие, скотоводство, охота, рыболовство, соблюдается принцип отбора явлений, связанных с добыванием средств питания.

Вновь вводимый в систему объект должен вступать в непротиворечивые отношения с объектами, уже существующими в АТЗнании. Так, например, если создается АТЗнание о социальной структуре какого-либо общества, то вполне естественно здесь будут фигурировать абстракции "социальная группа", "социальное неравенство", "владение имуществом" и т.п., но явно неуместно будет "изобразительное искусство" или "керамическое производство". Если необходимо ввести понятие "земледелие", то оно должно быть взято в таком ракурсе, который дает выход на социальные отношения (например, продуктивность земледельческого хозяйства и количество прибавочного продукта).

Конструирование одних объектов из других должно осуществляться по логическим принципам данной науки (см. гл. I.4). В археологии большую роль играют структура и уровни общности сфер социальной деятельности, которые позволяют достаточно четко соблюсти здесь основной принцип целостности. Эта процедура проводится в виде мысленного эксперимента, когда конструируются элементы исследуемой системы, устанавливается их взаимосвязь от уровня предметно-технологического способа деятельности в соответствующей сфере до уровня социально-исторического способа исследуемых в системе АТЗнания.

Абстрактные объекты АТЗнания имеют достаточно сложную связь с исследуемой реальностью и источниками познания. Здесь могут быть прямые и косвенные корреляции, а еще больше в археологии сложных опосредованных связей. Так, этническая сфера в археологии в массе рассматривается по комплексам керамики, система производства — по орудиям труда и готовой продукции и т.д. И в то же время встречается немало опосредованных цепочек. Пример такого рода взаимосвязи при изучении социальной структуры общества: социальное положение групп — социальный статус индивида — материалы погребального обряда — корреляция количества и качества предметов в погребении с размерами и конструкцией могильных сооружений и т.д.

Каждое АТЗнание охватывает достаточно обширную и сложную область социально-исторической деятельности, и для того чтобы представить ее в виде концептуальной целостности, необходима соответствующая логико-методологическая конструкция, которая служила бы средством логического оперирования всеми элементами данной теории, в том числе и операциями абстрагирования и идеализации. Такую функцию для каждого АТЗнания выполняет специально конструируемая АМтеория.

IV.3. ПРОБЛЕМА УРОВНЕВОЙ СТРУКТУРЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

В предыдущих главах уже неоднократно задавался вопрос об уровнях археологического знания и соответственно об уровнях исследования в археологии, который для социоархеологии приобретает первостепенное

значение, поскольку она не только позволяет упорядочить исследовательскую систему, но и четко сформулировать проблему глубины познания социальных явлений прошлых обществ, изучаемых по археологическим источникам. Это и породило проблему типологии уровней познания в археологии.

Основной принцип выделения уровней — степень общности и специфики законов, характеризующих каждый уровень. Проблема уровней познания может рассматриваться в различных подходах, отражающих специфику сложноорганизованных объектов исследования. В дальнейшем наше внимание необходимо сосредоточить на двух аспектах: во-первых, на общей логико-гносеологической структуре археологического познания и, во-вторых, на характеристике трех основных уровней типов исследования социально-исторических проблем в археологии, соответствующих трем уровням археологического знания: образа жизни, системно-историческому и социологическому⁴⁹. Второму вопросу будет посвящена следующая глава, а здесь кратко остановимся на характеристике первого.

В проблеме уровней познания и знания философы выделяют центральный вопрос — разграничение эмпирического и теоретического, что не исключает, конечно, и другие аспекты его анализа. Автор обстоятельной монографии анализа проблем уровней знания В.С.Швырев пишет, что в философии и методологии науки понятие о теоретическом и эмпирическом возникло и развивалось "как понятие двух уровней научного знания и соответственно — о двух типах научного исследования. Таким образом, с одной стороны, определенная типология знания, с другой стороны, определенная типология видов исследовательской, познавательной деятельности, *познания*. Естественно, между тем и другим существует соответствие: с эмпирическим знанием связаны эмпирические методы исследования, а теоретическое знание является результатом применения теоретических методов"⁵⁰.

При конкретном определении этих понятий, по мнению философов, наиболее приемлема характеристика типов знания по виду выявляемого в них содержания. "В эмпирическом познании, — писал П.В.Копнин, — объект отражен со стороны его внешних связей и проявлений, доступных живому созерцанию... Эмпирическим путем постигаются явления, а не сущность... Теоретическое познание отражает объект со стороны его внутренних связей и закономерностей движения, постигаемых путем рациональной обработки данных эмпирического знания"⁵¹. В.С.Швырев полагает, что эту характеристику эмпирического и теоретического необходимо дополнить и конкретизировать методологическим анализом тех познавательных средств, приемов и условий, которые обеспечивают деятельность на различных уровнях, анализом специфики познавательных процессов, лежащих в основе исследования, а также процессов перехода от одного уровня знания к другому и диалектического взаимодействия эмпирического и теоретического иссле-

дования в научном познании в целом⁵². Такое дополнение вполне логично и позволяет при анализе частнонаучной познавательной системы яснее представить решение проблемы уровней знания и познания исходя из специфики своего объекта и особенностей исследовательской деятельности (гл. I.2).

Логико-гносеологическая структура археологического познания должна обрисовать общенаучную картину представлений об уровне подходе к познавательной деятельности в абстрактно-логической форме, не связанной с конкретными исследовательскими процедурами. Собственно, главное в ней состоит в том, чтобы показать *внутреннюю логику* деятельной системы археологического познания.

Общие, наиболее существенные параметры этой системы сведены в прилагаемой таблице, которая как и всякая схематизация, значительно упрощает и огрубляет структуру и не может вместить всего содержания. Понятийный аппарат и терминология общенаучных компонентов заимствованы из специальной науковедческой литературы, а специально-научные, собственно археологические понятия и термины, как и в предшествующих случаях, вводятся для того, чтобы оттенить специфику археологического исследования и, естественно, предлагаются как один из возможных вариантов.

С позиций анализа логико-гносеологической структуры в археологическом познании выделяются, как и в любой науке, два основных уровня — эмпирический и теоретический, определяющие специфику научного знания и виды научно-познавательной деятельности — познания, а отсюда и все остальные элементы познавательной системы. В таблице 11 в этом же разделе выделен философско-мировоззренческий аспект, что отнюдь не следует понимать как противопоставление его теоретическому. Бесспорно, это также теоретическое знание, но оно не входит в предмет специального исследования археологии в конкретно-археологических работах, не присутствует в них в качестве явного элемента. Этот пласт знания определяет всю систему археологических исследований, является ее методологическим базисом, теоретическим основанием социального знания археологии. Еще раз отметим, что предлагаемый анализ относится только к сфере социально-исторического познания археологии, поэтому не затрагивает многие актуальные вопросы источниковедческой и других сторон археологического познания.

Эмпирический уровень археологического познания социально-исторических проблем отличается прежде всего тем, что здесь каждое понятие и термин, используемые в исследовании, имеют свой эмпирический коррелят в археологических источниках, т.е. всегда может быть указан конкретный материальный объект — вещь, остатки сооружений, культурный слой, территория и т.п., которые послужили исходной базой их построения. Исходя из этого можно утверждать, что отправным моментом археологического исследования являются объективные

Таблица 11. Логико-гносеологическая структура уровней социально-исторического познания археологии

Уровень познания	Уровень познаваемой объективной реальности	Археологическая категория исследования	Исследовательская процедура	Методологическая категория познания	Логическая категория	
Эмпирический	Источниковедческие исследования	Предмет—свойство—связь	Артефакт	Фиксация, описание, типология	Фактофиксирующее суждение о свойствах предметного мира	Эмпирический факт
		Совокупность функционально однородных предметов	Артекласс	Классификация	Концептуальные конструкции о функции предметов	Эмпирический конструкт
		Совокупность предметов однородного социального действия	Артекомплекс	Систематизация, эмпирическая закономерность	Эмпирическая схема предметного компонента социального действия	Эмпирический объект
Социально-историческое познание	Социально-историческое познание	Социальная деятельность в образе жизни	Социально-археологический факт	Предметно-технологические реконструкции опредмечивания	Частные теоретические модели образа жизни	Теоретический факт
		Социальная сфера	Социально-археологическая структура	Структурно-функциональный анализ сфер деятельности	Частные теоретические модели и концептуальные схемы социальных сфер	Теоретический конструкт
		Социально-исторический организм (СИО)	Археологическая культура (АК)	Системно-структурное изображение СИО	Фундаментальная теория формирования и функционирования СИО	Теоретический объект
Теоретический	Философско-мировоззренческий аспект в познании	Исследуемая реальность общества прошлого	Археологический мир	Онтологизация на теоретические схемы и изображения	Обобщенная модель объекта познания археологии	Специализированная археологическая картина мира
		Историческая объективная реальность	Исторический мир	—	Теория общественно-экономических формаций	Общая научная картина мира
		Социальная форма движения материи	Социальный мир	Абстрагирование социальных категорий	Диалектико-материалистическая философия	Философские идеи и принципы мировоззрения

археологические факты (гл. II), на базе которых формируются артефакты. Но в системе социально-исторического познания фиксация артефактов осуществляется особым способом. Прежде всего археологические факты рассматриваются как остатки, связанные с индивидуальными актами социальной деятельности, и в этом смысле являются элементарными эмпирическими фактами. Для того чтобы ввести их в систему знаний в качестве артефакта, необходима определенная концептуальная схема о социальной сущности исследуемой предметной области (объекта). На основе такой концепции возможно составить определенное *фактофиксирующее суждение*, которое, конкретизируя концепцию, позволяет в результате наблюдения над множеством свойств археологических фактов (гл. II.3, 4) выделять те, которые необходимы для решения познавательной задачи, поставленной данной концепцией. Эти фиксированные свойства и будут составлять *признаки*, формирующие артефакт как исходный эмпирический факт археологического исследования. Следовательно, логическое начало в этом процессе заключено не в артефакте, а в социальной концепции, сформулированной в познавательной задаче, проблеме и гипотезе.

Поскольку свойства в археологических фактах — отражение сознательной конструктивной деятельности древних индивидов и коллективов, в них сохранилось богатство индивидуальной творческой деятельности и прогресса ее развития. Поэтому качественно одинаковые свойства воплощены в материальных объектах в огромном многообразии форм, размеров, конструкций, свойств материалов и т.п. Эти объективные свойства, фиксированные в качестве признаков артефактов, служат основанием для выполнения процедуры *типологии* — разделения социально однородных свойств (признаков) по их вариативности. Эта сторона археологам достаточно хорошо известна, так же, как и то, что она требует определенной упорядоченности в процессе исследования. Основание этой процедуры в социально-историческом познании задает концептуальная схема, содержащая идеальные модели различной степени общности от отдельного простого социального акта до функционирования целых отраслей хозяйства, общественной организации и т.п. Эта первая ступень упорядочения производится путем классификации артефактов, выделяющей (объединяющей) *артеклассы* — совокупности артефактов, однородных (гомогенных) по социальной функции. В логике познания данная процедура связывается с формированием *эмпирических конструктов*, которые могут быть сопоставлены с реальными объектами. Так, в качестве артеклассов могут выступать совокупности жилищ или железных ножей, но могут быть и отдельные конструктивные детали сложных сооружений, например дверные или оконные проемы, в технологии производства керамики — форма сосудов или состав глиняного теста и т.п.

Принципы классификации и ступени их определяются через содержание познавательной задачи в качестве набора критериев определен-

ных археологических признаков (свойств). Хотя артеклассы и выделяют в археологическом исследовании социально-гомогенные группы, имеющие однофункциональную значимость, но сама эта функция еще чрезвычайно элементарна, фиксирует лишь социальные свойства "как таковые". Внутри артеклассов производится обычно типология на основе выделения фиксированных признаков. Так, класс, допустим, "топоров" содержит различные вариации по весу, форме лезвия, обуха и т.п. Но в целом класс "топоры" — это лишь элементарная функция — рубящее орудие, и для того чтобы получить представление хотя бы о простейшем социальном действии (акте) или объекте, необходимо привлечение эмпирической схемы, раскрывающей концептуальную конструкцию через фактофиксирующие суждения на уровне эмпирической реальности в технологическом отношении. Главное в этой схеме то, что она фиксирует взаимосвязь двух компонентов — предметного мира и технологию их взаимодействия (связи) в зависимости от конкретных функций, выполняемых этими предметами. Эмпирическая схема позволяет собрать функционально разнородные артеклассы, которые составляют логические звенья определенной целостности — артекомплекса — совокупности, которую в логике познания обычно выделяют как эмпирический объект. В качестве артекомплекса, например, могут быть выделены все артефакты, упорядоченные в артеклассы, связанные в той или иной мере с подсечно-огневым земледелием (топоры как орудия подсеки; мотыги как орудия обработки почвы; серпы как орудия уборки урожая и т.д.). Так, на основании концептуальной конструкции формируются эмпирические объекты познания, а их корреляция, взаимосвязь строятся на базе эмпирической схемы⁵³.

Эмпирические объекты не тождественны археологическим источникам. Это уже некоторая абстракция, выделенная в идеальном виде как смысл знаков эмпирического языка науки. В качестве эмпирических объектов рассматриваются только некоторые определенные свойства реальных объектов — артефактов, которые через классификацию и типологию выделены в артеклассы, необходимые для решения данной конкретной задачи, абстрагируясь от всех остальных свойств. Так, если в систему классификации и типологии включены только формы, допустим, топоров, то в известной мере отвлекаемся от их массы, химического состава железа или бронзы и т.д. В этом отношении вся система классификации и типологии в археологическом познании составляет процедуру, которую в гносеологии характеризуют как процесс абстрагирования и идеализации изучаемых объектов — одно из основных условий построения теоретических конструкций в системе познания (гл. IV.2).

Поскольку элементы эмпирической схемы ставятся во взаимосвязь с артеклассами, в которых выделены только свойства, необходимые для решения данной задачи, то в целом эмпирическая схема обрисовывает определенный тип ситуации, характеризующей и объяс-

няющей функциональную связь элементов предметного мира в исследуемой области реальной действительности прошлого. Для этого, по-видимому, необходимо, чтобы эмпирическая схема содержала представления обо всех существенных свойствах элементов, включенных во взаимодействие в рамках исследуемого объекта. В системе археологического познания это может быть достигнуто, если эмпирическая схема будет являться отображением предметно-технологической структуры социальной деятельности (гл. I.4).

Абстрагирование, схематизация и идеализация исходных объектов, выделение в них определяющих свойств и установление их корреляции — все это процедуры, в ходе которых выясняются эмпирические закономерности и устанавливаются элементарные простейшие определения или, как говорил К. Маркс, характеризуют данный этап исследования, "все более или более тощие абстракции"⁵⁴. В целом все это будет составлять эмпирический базис теории, формирование эмпирического объекта социально-исторического исследования как определенной целостности предметного мира — компонента социальной системы. Каждый из этапов этой процедуры достаточно специфичен по своим задачам и заслуживает того, чтобы быть предметом специального методологического анализа, который бы очертил необходимые требования первоначально с формальной стороны, позволяющей унифицировать исследовательские процедуры для отдельных категорий артеклассов или в целом для объекта.

Необходимо в связи с этим разработать в археологии основные методологические категории познания эмпирического уровня — фактофиксирующие суждения, концептуальные конструкции и эмпирические схемы и соответственно связанные с ними артефакты, артеклассы и артекомплесы. Все эти категории в той или иной мере используются в практике археологических исследований, но на их ясное методологическое обоснование не обращается должного внимания.

Уровень теоретического познания. Положение теоретического уровня исследования в средней части таблицы 11 хорошо отражает его место и цели в познании: переработать и осмыслить эмпирический базис науки, чтобы вскрыть его историко-социальную сущность, что выполняется в свете научно-научных и философских принципов и взглядов исследователя.

Теоретический уровень познания содержит три ступени⁵⁵, на которых социальное значение все больше абстрагируется от своей обыденности, прямого отображения жизнедеятельности, и все глубже вскрывает социальную сущность исторического процесса.

Переход к теоретическому уровню начинается на этапе реконструирования социальной деятельности в форме образа жизни, когда в процессе познания артекомплес преобразуется в социально-археологический факт, представляющий собой теоретический факт в системе познания, поскольку он уже не имеет прямой корреляции с предметным

миром. На этом уровне по данным артекомплекса и эмпирической схемы реконструируется социальная жизнедеятельность в своей обыденности. Основой для таких реконструкций являются *частные теоретические модели*, отражающие структуру самых разнообразных участков многоликого человеческого бытия со стороны технологии ее деятельности. Особо в этих моделях должны быть выделены процедуры перехода деятельной сущности человека в предметный мир — процесс опредмечивания социальной деятельности.

Сама жизнедеятельность достаточно сложна не только разнообразием видов, но и уровнем общности. Поэтому внутри этого уровня могут быть выделены свои подуровни, а социально-археологический факт может выступать как факт I, II и т.д. уровней. Социально-археологические факты через частные теоретические модели задают программы эмпирическим схемам, формирующим артекомплексы, составляющие эмпирический (фактологический, источниковый) базис социально-исторических исследований. При этом социально-археологические факты могут быть также весьма разнообразны по широте и степени охвата социальной деятельности, что и будет в конечном итоге определять объем эмпирического базиса.

Познавательная значимость социально-археологического факта в изолированном виде, по-видимому, невелика. Например, даже такие далеко не элементарные реконструкции, как погребальный обряд, жилище и поселение, костюм и т.п., сами по себе содержат весьма ограниченную информацию, но ее полнота и достоверность будут играть решающую роль в установлении корреляции, взаимосвязи при восстановлении отдельных компонентов системы социальной деятельности как определенных целостностей.

Данный уровень еще не представляет собой социально-историческое теоретическое исследование в полном смысле, поскольку ограничивается описаниями реконструкций социальных явлений, не производя достаточно широких обобщений социальных структур или структурно-функциональной характеристики социальной системы. Это описание прошлой исторической действительности в обыденности ее протекания. Картины реконструированного образа жизни со всеми подробностями технологии его протекания в различных сферах составляют исходную базу социально-исторических теоретических исследований в археологии и в этом смысле образуют их *эмпирический базис* (гл. IV.1), для которого наиболее характерны операции типологии, систематизации, классификации. На данном уровне исходная концептуальная схема теории выполняет в основном систематизирующую функцию (гл. V.4).

Специфика археологического познания социально-исторического процесса предопределена уже на начальном этапе реконструированием технологии различных видов социальной деятельности. Поэтому и последующая ступень познания — это фактически классификация социально-археологических фактов и их группировка в пределах отдельных соци-

альных сфер жизнедеятельности (экономика, общественная структура, духовный мир, этническая и бытовая сферы). Этот этап восхождения на новый уровень познания приведет к объединению артекомплексов на основе частных теоретических моделей функционирования отдельных социальных сфер в *социально-археологические структуры*. Как сами социальные сферы составляют достаточно сложные конструкции, так и в археологическом познании частные теоретические модели каждой сферы представляют собой множество автономных моделей функционирования отдельных отраслей, участков, видов и т.п. внутри каждой схемы социальной сферы. Познавательные операции на данном уровне содержат в основном *структурно-функциональный анализ социальных сфер* на базе социально-археологических структур, объединяющих подготовленные на предшествующем этапе социально-археологические факты. Но эти факты должны быть преобразованы в соответствии с познавательными задачами данной ступени познания, а главное — со спецификой структуры каждой сферы социальной деятельности. В общем виде данный уровень археологического познания синтезирует знания по отдельным сферам в их качественной и количественной конкретности для каждого общества. Поэтому *частные концептуальные схемы функционирования социальных сфер* как основной тип теории данного уровня выполняют здесь главным образом описательные функции (гл. V.5), что и позволяет получить для каждого отдельного общества прошлого (отдельной АК) достаточно полное представление о качественном и количественном состоянии отдельных участков исторической действительности.

Следует отметить, что если в современной археологии уже достаточно хорошо освоены приемы синтезирования и описания качественных сторон отдельных сфер, то проблема выявления и введения в системы познания количественных параметров и их ассимиляция в единстве с качественными — одна из наиболее слабо разработанных и актуальных проблем.

Конечным итогом археологического исследования при полном цикле его выполнения является, с одной стороны, воссоздание определенной целостности — *социально-исторического организма (СИО)* в его социально-историческом развитии, что предполагает раскрытие закономерностей прежде всего его функционирования в рамках определенной общественной формации. СИО — это всеобщий теоретический объект познания исторических наук. В археологическом познании эта целостность имеет аналогом категорию "археологическая культура", в которой синтезируются все знания о каждом конкретном обществе прошлого, поэтому данная категория и является центральной в археологическом познании⁵⁶, а теория формирования и функционирования СИО должна выступать в этой системе познания как *фундаментальная теоретическая схема*, как методологическая основа исследовательских процедур данного уровня познания.

Основной задачей данного уровня является исследование общества во взаимосвязи и взаимообусловленности всех сфер социальной системы как целостности, что и определяет основной подход — системно-структурное исследование АК.

Социальные целостности данного уровня в конкретных исследованиях, конечно, могут быть ограничены отдельными частями СИО—АК. Причем такое ограничение может быть выбрано с точки зрения пространственного охвата и осуществляться как исследование локального варианта данной АК. Или как ограничение внутренней структуры целостности, выбор лишь отдельных ее компонентов (сферы деятельности, уровни социально-экономического развития и т.п.). Главное, что должно характеризовать данный уровень, — это не столько систематизирующий, реконструктивный, описательный характер исследования, сколько *объясняющий* характер, раскрывающий внутреннюю логику социально-исторического развития отдельных СИО—АК или его компонентов.

Фундаментальная теория формирования и функционирования социальных систем и СИО выступает на данном уровне археологического познания прежде всего в роли объясняющей функции (гл. VI.3), раскрывающей сущность, закономерность исследуемого прошлого конкретных обществ, а это и есть конечная цель любого археологического исследования.

Философско-мировоззренческий аспект археологического познания составляет ту часть системы, которая непосредственно в археологической практике не исследуется и в археологическое знание явно не включается, но играет решающую роль в формировании его содержания и в определении направления познавательной деятельности археологов. Причем это влияние и зависимость пропорциональны расстоянию каждого этапа познания эмпирического и теоретического уровней от философского, что наглядно видно по приложенной таблице 11.

История науки уже на множестве конкретных примеров показала, что над частными науками "властвует философия" и что наиболее революционные изменения в научном знании являются в первую очередь результатом изменения философских структур мышления. При этом философия не является внешним фактором в развитии науки, а имманентно, внутренне присуща знанию, и философские идеи выступают в научно-познавательном процессе как важнейший структурно-образующий компонент наряду с эмпирическим материалом и логикой развития конкретной науки⁵⁷.

Историки науки, исследуя роль философских идей в формировании науки, отмечают два существенных момента. Во-первых, при формировании частной науки как особой отрасли знания недостаточны только эмпирические наблюдения, какими бы тонкими они ни были. Для построения научного знания необходимы обобщенные представления и принципы, лежащие в основе данной области знания, но доведен-

ные до уровня общенаучных философских идей. Аналогичным образом в процессе развития научного знания принципиально новое, революционное содержание в научном знании рождается не из эмпирических наблюдений. Новые идеи, как правило, генерируются в мировоззренческой области общественного сознания, где они включены в философские концепции. Наглядный пример активного воздействия философских идей на развитие всей археологической науки дало внедрение в практику исследования идей исторического материализма в советской археологии 30-х гг.⁵⁸, что привело к перестройке всей системы эмпирических исследований, в том числе полевых, постановке перед исследователями новых познавательных задач и главное — конечной трактовке археологических источников как источников социально-исторического знания.

Другой аспект касается самих философских взглядов, которые обычно выступают как результат профессионально разрабатываемых философских концепций или "в виде стихийно вызревающих и шлифуемых в культуре духовно-мыслительных форм и всеобщих систем представлений, принципов, категорий, предугаданных общих закономерностей, основных принципов рационального мироуяснения и т.д."⁵⁹ Именно последние взгляды чаще всего включены в процесс формирования специально-научных знаний, они формируют общее мировоззрение исследователя в частных науках.

В археологии "фундаментом" специально-научного мировоззрения являются представления о *социальном мире* как особой социальной форме движения материи. В нашей науке эти взгляды формируются в результате усвоения марксистской диалектико-материалистической философии, категориями которой и мыслит исследователь, конечно, проецируя их чаще всего на свою сферу научного познания. Но именно отсюда у исследователя берут истоки понятия, идеи, представления о логике социального развития, категориях социальной детерминации и т.д. и т.п. Не следует, конечно, представлять себе слишком упрощенно весь этот сложный механизм опосредованности конкретно-научного и философского знания, оно многослойно и в конечном итоге иерархично, что и позволяет в системе философско-мировоззренческого уровня археологического знания выделить по крайней мере три подуровня.

Средний уровень философско-мировоззренческого знания составляют представления об *историческом мире*, отождествляемом с прошлой исторической действительностью, с историей "общества как такового", с историей общества как некоей научной абстракцией, что и составляет вместе с представлениями о социальном мире наиболее *общую научную картину мира* для исследователя⁶⁰.

Представление об этой картине исторического мира складывается под сильным воздействием основных, лидирующих наук каждой эпохи, определяющих стиль мышления (парадигмы) эпохи. Таковы были в

прошлом веке идеи эволюционизма, в современной эпохе — идеи системности и т.д. В советской науке основой формирования исторической картины мира является концепция материалистического понимания истории, выраженная в марксистском учении об общественных формациях. Именно формационные идеи определяют расстановку основных социальных реперов в историческом развитии, основных особенностей общественно-экономического развития на различных ступенях всеобщего социального прогресса и т.д.

Нижний философско-мировоззренческий уровень в системе археологического познания формируется на базе исследуемой по археологическим памятникам ископаемой реальности — отдельных обществ прошлого. В представлении исследователей эта реальность образует особый *археологический мир* как специфический вариант исторического мира, обусловленный способом его познания. Археологический мир выступает как обобщенная идеальная модель объекта науки и формирует *специализированную археологическую картину мира*. В этой модели гораздо меньшая степень обобщенности, чем в фундаментальной теории формирования и функционирования СИО—АК, входящей в верхний теоретический уровень археологического познания, так как эта модель отражает интегрированную совокупность — отдельные общества прошлого в специфике их предметной деятельности, в своеобразии самовыражения в отдельных социальных сферах деятельности, в совокупности остатков предметного мира, наконец, в конкретности разнообразия археологических памятников.

В обобщенной модели объекта — научной картине мира познания археологии, по-видимому, наиболее четко проявляется одна из специфик научного мышления — создавать особые *"научные образы"*, охватывающие чувственно воспринимаемые объекты — археологические памятники и археологические факты и различные концептуальные (понятные) формы мышления — этническая принадлежность, занятия населения, обряд погребения, социальные отношения и т.п. "При этом, — пишет философ А.В.Славин, — предметы и процессы материальной действительности, отражаясь в сознании человека, получают как бы свое второе существование в виде идеальных субъективных образов объективного мира"⁶¹. По мере накопления нового знания эти образы постоянно претерпевают изменения, пополняясь не содержащимися в них ранее данными, поэтому археологическая картина мира как модель обладает способностью *онтологизации*. Это процедура, когда на археологическую картину мира проецируются концептуальные и теоретические схемы при конкретных теоретических исследованиях, и она может обслуживать, таким образом, теоретические построения этих схем конкретными представлениями о СИО—АК (как и его части) в их системно-структурном изображении в соответствии с уровнем, достигнутым наукой и нашедшим отображение в специализированной археологической картине мира.

В процессе познания специализированная научная картина мира непосредственно целенаправляет эмпирические исследования и во многом обеспечивает интерпретацию их результатов. Подобная ситуация характерна для наук типа археологии, которые изучают свой объект эмпирическими средствами и в которых еще слабо разработана общая теория⁶².

IV.4. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ СХЕМЫ В ПОЗНАНИИ. ПРАВИЛА СООТВЕТСТВИЯ

В процессе теоретизации научного знания археологии важнейшую роль играет "стиль мышления" и формирование "теоретического мира", в которых онтологическую схему реальности (или теоретическую онтологию) общественного развития представляет материалистическое понимание истории, выраженное в марксистско-ленинском учении об общественных формациях, в теории исторического материализма.

Из основных положений этой онтологической схемы, фиксирующей наиболее существенные свойства, структуру и соотношения компонентов общественной системы, необходимо извлечь исходные принципы, которые следует взять в основу разработки теоретической системы познания в археологии. При этом ясно, что необходимо не только методологически ее разработать, но применить в конкретных исследованиях, сделать практикой археологического познания отдельных обществ прошлого на всех уровнях.

Философы считают, что "методология генезиса знания на теоретической стадии науки может и должна разрабатываться в первую очередь как методология построения новых теоретических моделей на основе конструктивного творческого применения в новой ситуации уже имеющихся в арсенале научного мышления онтологических схем реальности"⁶³.

Однако для построения новых **теоретических моделей** (схем) и их реализации в конкретно-археологических исследованиях необходимо представить себе их роль в исследовательском процессе и некоторые общие контуры построения. Процесс конструирования теоретических схем и развитых теорий, по мнению философа А.И.Ракитова, предполагает *концептуализацию*⁶⁴, в процессе которой упорядочиваются иерархические ряды методологических категорий (в археологии — от фактофиксирующих суждений до фундаментальной теории функционирования общества) и категорий археологического познания (от артефактов до археологической культуры), увязывая их в единую систему.

Как уже отмечалось, ряды категорий археологического познания эмпирического уровня можно рассматривать как известные ступени абстрагирования и идеализации объектов познания. Эти ряды продол-

жаются и на теоретическом уровне познания: чем выше мы поднимаемся от эмпирического уровня, тем больше абстрагируемся от социальной чувственно-конкретной действительности и имеем дело с более высоким уровнем социальной организации. При построении теоретических схем и моделей эти категории археологического познания — абстракции, с одной стороны, выполняют роль элементов, из которых строятся модели, и, с другой — "выступают как понятия об абстракциях первого рода (абстрактных объектах и абстрактных связях), входящих в состав соответствующей теоретической схемы или модели"⁶⁵.

Проиллюстрируем это на примере. Реконструкция хозяйственной деятельности какого-то конкретного общества прошлого позволила прийти к заключению, что основы его хозяйства — скотоводство и земледелие. В данной схеме скотоводство, земледелие, хозяйство являются элементами — объектами утверждения об определенной области жизнедеятельности данного конкретного общества. Здесь в качестве объектов выступают элементы социально-археологической структуры — определенная категория археологического познания теоретического уровня. Этот же пример можно рассмотреть и на эмпирическом уровне: совокупность находок (артекомплекс) костей домашних животных и различных орудий, связанных с земледелием, а также зерен злаков позволяет судить о хозяйственной деятельности населения какого-то определенного поселения. И здесь абстракции — артеклассы (кости, орудия, зерна и т.п.) выступают в роли объектов — элементов определенной логической конструкции (модели) конкретного общества.

В то же время сами понятия "скотоводство", "земледелие", "орудия", "кости", "зерна" и т.п. — также абстракции, не являющиеся объектами и элементами данных схем и моделей, они шире, более высокого уровня абстрагирования, это общесоциологические понятия.

На основании разграничения функциональной роли абстракций, по мнению А.И.Ракитова, можно выделить два типа теоретических конструкций, построение которых и составляет процесс концептуализации.

1. **Теоретические схемы (модели)**, являющиеся *абстрактными заместителями реальных системных объектов*, в которых образующими элементами выступают абстракции, моделирующие и замещающие реальные внезнаковые объекты. Эти объекты представлены в эмпирических схемах, которые отображают наиболее типичные черты конкретно-исторической действительности, в том числе предметный мир. Поэтому каждой теоретической схеме может быть поставлено в соответствие некоторое количество эмпирических схем, а сама теоретическая схема, с одной стороны, может рассматриваться как инвариантное содержание эмпирических схем, а с другой — как модель, обобщающая наиболее существенные черты социальной действительности⁶⁶. Теоретические схемы этого уровня в дальнейшем будем называть *теоретическими моделями* как понятие с четко фиксированным, заданным со-

держанием, отражающим конкретный уровень теоретического познания. В археологическом познании эти схемы-модели лежат в основе конкретно-исторических реконструкций и описаний социальных систем и закономерностей развития отдельных обществ прошлого, в которых в качестве образующих элементов фигурируют различные категории археологического познания. Иерархия этих схем отражает и иерархию уровней познаваемой объективной реальности, начиная от отдельного предмета, свойства, связи и вплоть до отдельного СИО-АК. Эта процедура в целом уже наметилась в практике советских археологов в социально-исторических исследованиях по истории конкретных обществ прошлого. В данном случае мы имеем в виду лишь принцип подхода к формированию теоретического знания различной степени общности, оставляя пока в стороне проблемы, связанные с глубиной раскрытия социальных процессов и особенно степенью аргументированности отдельных построений.

2. **Концептуальные схемы** описывают теоретические схемы (модели) первого типа. В них образующими являются абстракции, моделирующие и описывающие абстракции теоретических моделей. Таким образом, концептуальные схемы выступают как схемы более высокого уровня обобщения в виде обобщающих моделей развития социальной организации и сфер деятельности, которые в археологии составляют компонент *основания* теоретических построений (гл. IV.3), то есть тот отправной пункт, с которого вообще начинается теоретизация или социально-историческое познание в археологии. В этом значении — как исходное основание — в дальнейшем и будет употребляться термин "концептуальная схема" или "концептуальная конструкция" и т.д. В системе археологического познания концептуальные схемы должны найти выражение в методологических категориях познания, главные из которых соотносятся со схемами образа жизни и частными теоретическими моделями функционирования сфер социальной деятельности, а также фундаментальной теорией формирования и функционирования СИО-АК. Для построения каждой из них необходима как основная исходная концептуальная схема, которая будет задавать основные принципы и контуры этих теоретических конструкций. Для их построения понадобятся и исследования по методологическим категориям эмпирического уровня познания: фактофиксирующим суждениям о предметном мире общества, концептуальным конструкциям и эмпирическим схемам предметного мира социальной деятельности, чтобы составить единую систему в методологии археологического познания.

Построение концептуальных схем — один из важнейших этапов теоретизации археологического знания, подведение под него прочной теоретико-методологической базы. Отсюда должно начаться совершенствование археологического знания на современном этапе. Историческая концептуализация в конкретно-археологических исследованиях окажется достаточно эффективной и корректной лишь тогда, когда

она будет базироваться на прочном фундаменте марксистских принципов методологического историзма⁶⁷.

Таким образом, центральной методологической задачей теоретизации знания является *конструирование теоретических моделей и концептуальных схем*. Теоретические разработки в науке в конечном итоге создаются для объяснения эмпирических данных, и поэтому они всегда должны в той или иной мере сопоставляться с ними.

Как уже отмечалось, "теоретические схемы не могут быть выведены из опыта чисто индуктивным путем. Они вначале конструируются как бы "сверху" по отношению к эмпирии, а затем накладываются на данные опыта и проверяются ими"⁶⁸. А.Эйнштейн назвал эту специфику "методологическим уроком", который ученые должны извлечь из истории науки"⁶⁹, поскольку длительное время многие ученые относились пренебрежительно к этой истине.

Но почему концептуальные теоретические схемы должны и могут быть основой для объяснения эмпирических данных? В.С.Степин считает, что здесь ключ к пониманию *методов построения* теоретических знаний⁷⁰.

Предшествующее развитие науки уже на ее эмпирической стадии накопило немало концептуальных конструкций, которые выступали в роли теоретических моделей и схем, используемых для объяснений и предсказаний исследованных объектов. В археологии таких конструкций также было немало, и именно с анализа их роли в уже существующей системе знаний и должен начинаться процесс теоретизации. В практике исследования существующие теоретические схемы социальной организации соотносились с изучаемыми археологическими явлениями, и это позволяло реконструировать историческую действительность соответствующего уровня с известной степенью достоверности, что проверено многолетним опытом исследований в археологии. Поэтому анализ роли теоретических моделей и схем в археологическом познании, с одной стороны, гарантирует выявление объективной ценности этих схем, а с другой — может стать отправной точкой объяснения генезиса теории.

В связи с этим необходимо обратить внимание на зарождение и развитие некоторых предшественников "теоретических схем" в археологии в виде фактофиксирующих суждений, объясняющих факторов, описательной теории и ряд других конструкций. Все это должно показать, что переход к теоретической стадии, как и сам процесс теоретизации, — весьма длительный и сложный процесс. Но когда данная проблема уже становится предметом исследования, то это вызвано, надо полагать, объективными потребностями внутреннего развития науки, накопившей достаточно большой опыт, который необходимо обобщать. Именно такая ситуация сложилась в современной археологии.

Анализ роли концептуальных конструкций, теоретических моделей и эмпирических схем в археологическом познании показывает,

что главная функция их состоит в том, чтобы артефакты, выступающие в качестве исходного источника познания, ввести, во-первых, в канву описания реконструкций исторической действительности (или жизнедеятельности) древних обществ, а во-вторых, использовать для исследования закономерностей социально-исторической динамики этих обществ. Учитывая, что описание исторической действительности представляет собой социологическую характеристику общества (отвлекаясь пока от уровня и глубины раскрытия ее сущности), можно сказать, что концептуальные конструкции выполняли в археологическом познании функцию преобразования вещной, предметной информации в социологическую информацию. Эта проблема продолжает оставаться главной целью и в процессе теоретизации современного археологического знания, но с задачами более глубокого раскрытия социального содержания предметного мира, распознавания в нем отраженной информации о закономерностях социально-исторического развития прошлых обществ. Поэтому, опираясь именно на опыт и знания, накопленные археологией в области применения концептуальных конструкций и начальных теоретических моделей и схем, и следует вести построение теоретического знания археологии. Конечно, было бы намного легче, если бы мы уже располагали обобщающими исследованиями, которые показали бы, какими путями в археологии производятся реконструкции различных сторон образа жизни или описания отдельных видов и сфер социальной деятельности и т.д. Однако подобные исследования пока единичны⁷¹.

Наконец, необходимо акцентировать внимание еще на одной из важнейших сторон, характеризующих роль теоретических схем в системе археологического познания.

Концептуальные схемы и теоретические модели в процессе познания выступают в качестве системно-структурного изображения изучаемой реальной исторической действительности отдельных обществ прошлого. Эта особенность теоретических моделей воспроизводит изучаемую реальность связана с *процедурой онтологизации*, когда "абстрактные объекты теоретической схемы "проецируются" на картину мира, которая вводит идеализированное представление о структурных характеристиках действительности, изучаемых в данной отрасли науки на определенном этапе ее развития"⁷². Исследователь, принимая определенную *концепцию специализированной "картины мира"*, отождествляет ее в археологии с "обществом как таковым". Исходя из этого, "отображение абстрактных объектов теоретической схемы (модели) на объекты картины мира как бы переносят это видение на теоретическую схему, придавая ей онтологический статус"⁷³.

Именно в этой процедуре особенно активную роль в формировании конкретно-теоретического знания начинает играть философский слой познания, который выражен в специализированной археологической картине мира. Поэтому научная рефлексия этой картины — также актуальная задача современной археологии.

В процессе теоретизации археологического знания уже на протяжении почти всей истории археологи обращались к самым различным областям научного знания. Вначале уповали на этнографию, полагая, что этнографические параллели — это ключ к объяснению археологических материалов. Но опыт показал, что здесь положение гораздо сложнее и прямые экстраполяции приводят нередко к существенным ошибкам. Связи с естественными науками были типичны для археологии, еще начиная с развития эволюционного направления⁷⁴, когда широко привлекались данные географии, геологии, зоологии, ботаники, антропологии и т.д. В новейшее время широко попытались применять разнообразные естественные, главным образом физико-химические, методы для исследования археологических материалов. Несомненно, привлечение естественных наук внесло большой вклад в развитие археологических знаний.

С внедрением в советскую археологию марксистских основ стали широко привлекать социологические схемы для раскрытия сущностной стороны исторического процесса. Это была, пожалуй, одна из радикальных перестроек археологического знания, когда наука впервые получила "сверху" достаточно развитую теорию, позволившую рассматривать собственный объект познания в развитии.

В современной археологии наступает время для привлечения также идей системности, методов кибернетики, математического моделирования и статистики, которые уже дали ряд обнадеживающих результатов. Но вместе с тем настало время и потребность теоретизации самого археологического знания, а это означает, что археология должна аккумулировать знания и методы других наук и синтезировать их с той огромной эмпирической базой, которую она накопила для создания самостоятельных теоретических схем и моделей. В пределах этих моделей научные теории археологии будут уже относительно независимо развивать свои теоретические концепции. Это не исключает, конечно, а стимулирует дальнейшие междисциплинарные изыскания.

И, наконец, нельзя не отметить еще одну особенность перехода теоретизации науки, которая характеризуется прежде всего тем, что вся система ее научного знания строится на собственно *фундаментальной теоретической (концептуальной) схеме*. Пока что такой схемы в археологии нет, поэтому, как и в других науках, на этой стадии до того, как будет выработана такая фундаментальная схема, должны функционировать частные теоретические схемы, которые будут интегрированы фундаментальной теорией, войдут в нее как частные субтеории. Поэтому наряду с поисками в области фундаментальной теории одна из ближайших задач теоретизации археологии — построение частных теоретических схем. Фундаментальная теоретическая схема науки должна составлять *ядро общей теории археологии*.

Правила соответствия. В соответствии с многоуровневой организацией объекта познания и задачами исследования его на каждом таком

уровне, которому соответствует и определенный уровень познания, встает *проблема связей, перехода от одного уровня к другому*.

В гносеологическом аспекте при построении теоретического знания эта проблема находит отражение в процедуре *эмпирической интерпретации теоретических схем или теоретическом истолковании эмпирического базиса*, что понимается как приписывание построенной теории эмпирического базиса в рамках данной теоретической схемы⁷⁵. Это наиболее ответственная, сложная процедура во всем процессе исследования, требующая максимальной мобилизации творческих усилий исследователя. Главная функция этой процедуры состоит в том, чтобы связать в цельную картину концептуальное содержание теории и ее эмпирический базис, т.е. решить центральную проблему теоретизации научного знания⁷⁶.

Объективной предпосылкой, позволяющей применять метод эмпирической интерпретации теории или теоретического истолкования эмпирии, служит принятие положения о сложной иерархической структуре организации объекта исследования, каким, бесспорно, является человеческое общество или отдельные его сферы, а также множественность теоретико-познавательных задач в изучении общественной жизни⁷⁷, составляющие цель археологического познания.

Функцию установления связей различных уровней познания выполняют правила соответствия, или, как их иногда характеризуют, операциональные определения, которые входят в состав теории и описывают способ редукции теоретических объектов к объектам нижележащего уровня⁷⁸. При этом каждый объект вышележащего уровня выступает как инвариантное содержание корреляций объектов, соответствующих ему на нижележащем уровне. Описание этих *корреляций и составляет задачу операциональных определений, или правил соответствия* в системе построения теории.

Исходя из изложенного и представляется возможным в эмпирической интерпретации теории (гипотезы) с помощью ряда переходных концептуальных схем соотнести ее с определенным образом подготовленным к анализу эмпирическим базисом⁷⁹. Переходные схемы должны дать теоретическое обоснование конкретным операциональным процедурам с эмпирическим материалом, поэтому они входят обычно в круг конкретных задач, с помощью которых решается проблема эмпирической интерпретации теории.

В социально-историческом познании археологии выделение уровней структурной организации общества и исследование закономерностей их развития на каждом уровне становится одной из главных гносеологических проблем теоретизации научного знания, так как четкая характеристика уровней исследования, выявление особенностей их изучения и формирование правил соответствия — перехода от одного уровня к другому — позволяет получить целостное представление об объекте,

в чем и должно проявиться адекватное отражение законов развития реальности в познании.

Правила соответствия имеют содержание и значимость только в пределах определенной системы научного знания. В целом же как категория познания археологии рассматриваются в общем виде в разрезе выделения пяти слоев системно-организованных объектов, образующих смысл высказываний эмпирического и теоретического уровней знания, которые в общем содержании соответствуют пяти блокам, выделенным в схеме построения теоретических объяснений (гл. IV.5).

Первый слой — фундаментальные теории, содержащие основные законы (или постулаты). В археологии это *основания теории* (науки), заимствованные в марксистской археологии из исторического материализма, социологии, экономических учений и т.д. Из этого слоя формируются обычно общие идеи концептуальных схем, на базе которых развивается новое знание.

Ниже лежат два слоя частных теорий и законов. Один составляют закономерности развития конкретно-исторической действительности, исследование которой и является основной целью познания археологии. В этом слое концептуальные схемы вышележащего уровня конкретизируются исходя из специфики исследования данного конкретного СИО—АК и строится определенная теоретическая модель объекта познания. Особый слой частных теорий включает закономерности опредмеченности, играющие главную роль в ассимиляции всего ниже лежащего знания в археологии. Это базируется на свойствах *ассоциативности опредмеченности*⁸⁰ и служит исходным соединением теоретической модели с эмпирическим базисом. Именно в этом слое абстрактные концептуальные схемы и теоретические модели, заложенные в гипотезах, наполняются конкретно-историческим содержанием.

Слой эмпирических схем, соответствующих эмпирическим зависимостям в исторической действительности, в системе археологического познания позволяет реконструировать прошлое на уровне образа жизни. Этот слой базируется на фундаментальном свойстве *функциональности*, опредмеченности артефактов.

Слой наблюдений над реальными объектами — археологическими фактами и формирование источников исследования основан на фундаментальном свойстве *археологичности в опредмеченности*⁸¹ артефактов.

Каждый из этих основных слоев может, в свою очередь, иметь внутриуровневое членение в соответствии с конкретными формами организации объекта и задачами его познания. При этом, однако, в переходах основных и внутриуровневых слоев схемы верхнего слоя всегда отображаются на нижележащих в нескольких схемах (по "принципу вилочки" — расхождения из одной точки в нескольких направлениях, каждое из которых при переходе к новому уровню вновь расходится и т.д.).

Правила соответствия как основа перехода от одного уровня абстрагирования к другому требуют в каждом конкретном исследовании разработки методов, соответствующих этому переходу, поскольку, как уже отмечалось, правила соответствия имеют содержание и значение только в пределах определенной системы знания, конкретной задачи. Наряду с этим можно выделить и более общие принципы и методы, характеризующие переходы между основными уровнями археологического познания. В свое время они были в общем виде охарактеризованы нами как *межструктурные специально-научные методы археологии*⁸².

В итоге при построении АТзнания образуется сеть системно организованных идеальных объектов, уходящих корнями в непосредственную жизнедеятельность конкретных обществ прошлого, содержащую в качестве неперемного компонента предметный мир, который в конечном счете стал источником познания археологии.

В каждый из уровней научного знания вводятся свои представления об исследуемой реальности, свои основания формирования научного знания, свой понятийный аппарат, свой язык, свои схемы отображения реальности, что и ставит в центре построения теории проблему перехода от одного уровня к другому, т.е. разработку правил соответствия. Эти правила обосновывают вхождение каждого объекта исследования в состав более общего, вышележащего объекта, что должно быть обусловлено законами их существования в соответствующей системе. Выполнением этой процедуры и достигается фактически научное объяснение фактов, явлений, событий, процессов, объектов и т.д., причем основной принцип этого объяснения — взаимобусловленность объектов в рамках системной организации исследуемой целостности. Таким образом, *сформулировать правила соответствия — значит дать основание для научного объяснения в системе построения теории*.

ГЛАВА V ФУНКЦИИ ТЕОРИИ В СИСТЕМЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

V.1. ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ТИПЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ АРХЕОЛОГИИ

Главная функция теории в научном познании состоит в упорядочении и концентрации знания, сведении его в единую логически связанную систему, которая вскрывает сущность исследуемой объективной реальности. Гносеологическая функция теоретических понятий определяется их способностью отражать в знании эмпирически невоспринимаемые свойства и отношения реальных объектов, составляющих, как правило, их внутреннюю сущность, причем это не представляет собой что-то внешнее по отношению к их содержанию и выражается в том наиболее общем типе исследовательских задач, которые решаются ее содержанием. Но вместе с тем теоретические понятия и конструкции выполняют в системе познания важные методологические функции¹.

При создании целостной системы знания в теорию включаются разрозненные, отдельно возникшие суждения, которые при объединении претерпевают обычно значительные изменения, становятся более глубокими по содержанию, выясняется их взаимосвязь и т.д. В теории объединяется большое количество фактов, накопленных наукой, но это не простое суммативное знание, а интегрированное с качественно новой информацией², значительно более глубокого содержания, раскрывающей сущностную сторону исследуемых объектов. Поэтому эмпирия и теория в системе познания соотносятся как явление и сущность. Достижение качественно новой научной информации представляет собой генеральную функцию научной теории.

Познание объекта своей науки начинается в археологии с фиксации различного рода артефактов, их эмпирического обобщения и выведения определенных закономерностей. Объяснить их и использовать для вскрытия социально-исторической сущности развития древних обществ (СИО-АК) — основная функция археологического теоретического знания социархеологии. Эти конструкции всегда должны быть

логически более сильными, чем эмпирические обобщения и закономерности, т.е. они должны содержать элементы знания, отражающие различные стороны закономерностей социального развития. Если нет ничего нового по сравнению с эмпирическими обобщениями, то такие конструкции вообще нельзя признать теоретическими.

Археологическое теоретическое знание — золотой фонд науки, который играет важнейшую роль в ее развитии. Изменения общего направления научных исследований, основных концептуальных схем, связанных с формированием предмета познания, знаменуют собой основные этапы развития науки. В развитии дореволюционной русской и советской археологии именно по этим критериям выделяются четыре основных направления — классическое, эволюционное, палеоэтнологическое и социологическое³. В каждом из этих направлений получает дальнейшее развитие понятийный аппарат, одни стороны его модифицируются, другие отбрасываются, формируются новые принципы познания и т.д.

В теоретических построениях происходит постоянное расширение научного знания за счет введения новых понятий в качестве теоретических посылок, которые предоставляют возможность объяснить не только факты и закономерности, уже зафиксированные в науке, но и обнаружить новые, ранее неизвестные законы развития объекта, получить ряд новых логических выводов. Наглядный пример этой функции АТзнания в археологии дает процедура изучения отдельной АК, исследование которой первоначально в целом позволяет установить основные закономерности распространения ее опредмеченных остатков, а в дальнейшем и изучить общественно-экономические параметры данного конкретного СИО-АК.

Теория и теоретическое знание, конечно, в первую очередь — отражение знания о сущности объективной действительности — истории СИО-АК. Но это в то же время весьма специфический феномен. Возникнув, теория приобретает совершенно новую функцию, она становится средством познавательной деятельности, средством получения нового знания. Эта сторона характеризует теорию в ее методологической функции. Теория дает возможность обоснованно систематизировать накопленное знание, описать и научно объяснить открываемые факты истории. Методологическая функция теории — пожалуй, наиболее ценное качество, ибо определяет прогресс в развитии всего научного знания.

Наконец, среди методологических функций теории необходимо также отметить ряд эвристических и прагматических факторов. Теоретические понятия и конструкции позволяют выразить многообразие знания в концентрированном и удобном для использования виде, выделить в знании главное, существенное, отделив его от второстепенного. Без четкого понятия о структуре общества и его общественно-экономических показателях археология "утонула" бы в море разроз-

ненных фактов, отражающих многоликую историческую действительность отдельных обществ прошлого. Именно благодаря теории материалистического понимания исторического процесса мы имеем четкие критерии в разделении и оценке значимости многочисленных артефактов, фиксации и хранения информации для исследования и т.п. Так, АК в онтологическом аспекте выступает в системе познания как аналог социальной целостности — отдельного общества — СИО, структура которого — отдельные сферы социальной деятельности позволяют систематизировать и связать между собой основные социологические понятия (например, различные социальные сферы или элементы — виды деятельности) и их эмпирические корреляты (артефакты) в единую систему.

Когда говорится, что теория выполняет систематизирующие или объяснительные функции, то, строго говоря, имеются в виду два несколько различающихся аспекта — онтологический и гносеологический. В онтологическом аспекте теоретическое знание выступает как отражение сущности исследуемого объекта. Так, в концепции АТзнания классовой структуры какого-либо СИО—АК содержатся результаты познанной закономерности классового расслоения данного общества, изученной по материалам погребальных памятников. Или в каком-либо СИО—АК описаны все остатки, связанные с ремесленным производством и реконструированы способы его функционирования и т.д.

Но, с другой стороны, ясно, что для получения этого знания (АТзнания!) необходимо было использовать определенные теории в качестве средства, обеспечивающего познание сущностей объекта (в упомянутом примере — классовой дифференциации конкретного СИО—АК), необходимо было привлечь и теорию классов, и их отображение в археологическом материале. В этом аспекте — гносеологическом — и была использована *методологическая функция теории*. В исследовательской деятельности онтологический и гносеологический аспекты выступают в органическом единстве, ибо невозможно построить новое теоретическое знание, не используя имеющиеся теории, а теория только в методологической функции без указания на объект познания и его сущностную сторону — бессмысленна.

И все же это не исключает того, что каждый из аспектов при исследовании структуры археологического познания может быть объектом самостоятельной характеристики для более четкого выяснения его роли и значения в системе познания. Это обычный прием в науке. Исследуем же мы, допустим орудия земледелия, отвлекаясь от того, как они сами произведены, или, наоборот, сосредоточим внимание на производстве всевозможных ювелирных изделий, абстрагируясь от их дальнейшего употребления!

Поставим вопрос для первого шага в расчленении теоретического знания — идентичны ли теории в тех случаях, когда они выступают в

качестве компонента в системе археологического теоретического знания (АТзнания) и в качестве компонента, выполняющего методологическую функцию в исследовании (АМтеории)?

Логико-методологическая часть археологического знания (имея в виду "знание" в широком смысле как все, что содержится в данной науке) — это ее *познавательная система*, выполняющая в практической научной деятельности *нормативно-регулятивные функции*, определяющие правила и логику исследования, поэтому она, по-видимому, должна иметь и специфическую организацию. Возьмем в качестве сравнения АТзнание, что АК — это социально-исторический организм или народ со своей культурой, конкретным хозяйством и т.д. Данная абстракция настолько обща, что не указывает ни на какие правила и не дает предпринять какие-либо новые операции с археологическими материалами. Для того чтобы эта теория стала средством познания, т.е. приобрела методологические функции, ее нужно некоторым образом препарировать в АМтеорию. АК — это СИО, который характеризуется также сходством предметных форм, для доказательства чего существует особая концепция, и исходя из этого данное АТзнание можно использовать как средство группировки археологических источников по сходным формам и т.д. и т.п.

По этому упрощенному и огрубленному примеру видно, что АТзнание и АМтеория объединяются лишь одинаковым сущностным содержанием об объекте познания, а по форме, построению и главное — по функции в исследовании они совершенно различны. И это заставляет каждый из данных аспектов функции теории рассматривать самостоятельно, обрисовав их специфические особенности в познании.

V.2. АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ (АТзнание) КАК ОТРАЖЕНИЕ ПОЗНАННЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВ ПРОШЛОГО

Теоретическое знание в системе социально-исторических исследований археологии отражает познанные закономерности в развитии древних СИО, которые представлены в АК. Как и во всей исторической науке, это знание по форме сильно "размыто" описательностью изложения основных концепций и этим внешне отличается от кратких и четко формулируемых теорий естественных наук. Но это не исключает того, что структура АТзнания содержит те же компоненты, что и теории в других науках. Для АТзнания остановимся на характеристике его основных элементов: оснований, эмпирического базиса и объяснений.

Основания научной теории составляют ее фундамент, ее ядро, определяющее содержание и структуру всех остальных частей теории. "Под основаниями научных теорий, — пишет О.С.Разумовский, — понимается совокупность утверждений об идеализированных объектах, прежде всего фундаментальные понятия, характеризующие эти объек-

ты, философские и социально-научные высказывания (или утверждения), т.е. такие теоретические конструкты, каковы принципы или аксиомы теории, гипотезы, фундаментальные факты, которые входят в теорию из эмпирии или другой теории как истинные, исходные, но в рамках данной теории специально не обосновываемые и принимаемые как интуитивно ясные. Они могут быть обоснованы как истинные в другой теоретической системе⁴ (курсив мой. — В.Г.). Итак, главная особенность компонента "основания теории" состоит, во-первых, в том, что здесь концентрируются исходные логические принципы (включая и некоторые другие категории), во-вторых, в том, что эти принципы, как в каждой частной теории, так и в науке в целом, заимствуются из другой теоретической системы; в-третьих, поскольку исходные теоретические основания в данной науке (теории) принимаются как интуитивно очевидные и ясные, они, как правило, явно и не формулируются, не вводятся в создаваемые теории.

Обращаясь к рассмотрению системы АТзнания, прежде всего должен быть решен вопрос о ее теоретических основаниях. Актуальность данной проблемы становится особенно очевидна в свете все более широко распространяющегося процесса теоретизации археологического знания не только советской, но и зарубежной археологии. Определение оснований археологических теорий — это водораздел между марксистской археологией и всевозможными иными течениями.

На предшествующем этапе в археологии в качестве оснований при построении АТзнания брались различные культурно-исторические концепции (эволюционизм, культурных кругов, диффузионизм и т.п.), что и характеризовало специфику эпохи культурархеологии. Научная революция 30-х гг. в советской археологии утвердила марксистскую теорию социального развития в качестве основания ее теоретических концепций. Этим было положено начало развитию социологического направления в археологии (социоархеологии)⁵. В западной археологии лишь в 60-х гг. некоторые археологи выступили с идеями рассмотрения исторического процесса с позиций социального развития, однако продолжали использовать для объяснения по-прежнему категории культуры (социокультурные концепции)⁶.

Такая постановка в корне противоречит марксистскому материалистическому пониманию исторического процесса и его ядру — учению о социальных формациях, согласно которому в конечном итоге процесс исторического развития общества детерминирован развитием его способа производства (социальных структур), а не развитием его культуры. Неудивительно, что в наших исследованиях по соционистическим проблемам категория культуры не используется или данный термин употребляется традиционно только для обозначения источников.

Кроме того, философско-мировоззренческая позиция западных археологов исходит из различных эклектических посылок позитивизма, неопозитивизма, бихевиоризма и других модных философских "теорий" социального развития.

Главная задача научного познания — адекватное отражение в знании объективной реальности. В познании социальных систем это может быть достигнуто лишь тогда, когда в основание построения АТзнания будут взяты положения марксистского учения об общественных формациях.

Исходный теоретический базис как основание АТзнания объединяет вводимые в него теоретические конструкции, термины и понятия, необходимые для получения объяснения. В археологическом познании представляется целесообразным выделить в теоретическом базисе две группы понятий. Одна из них содержит все абстракции, идеализации, вводимые в теорию на основе содержащейся в ней главной идеи, выраженной в проблеме и гипотезе и в соответствии с эмпирическим базисом. Так, при исследовании социальной структуры общества на основе анализа погребальных памятников такими абстракциями будут понятия: индивид, социальная группа, социальная дифференциация, социальный статус (в этом примере, в целях наглядности и краткости изложения все положения будут сильно упрощены и взяты в самом общем виде). Перечисленные элементы образуют категориальный состав АТзнания, достаточный для описания реальной системы, связанной с социальной структурой общества. Как видно, все эти абстракции не составляют специфики археологии, а заимствованы из социологии или других социальных наук, поэтому смысловая трактовка их должна проводиться в соответствии с тем, какое содержание им придается в этих науках. В большинстве своем категориальный аппарат АТзнания уже задействован в разработанной ранее гипотезе (гл. III.3) по исследованной проблеме.

Другая группа понятий включает фундаментальные законы, принципы и главные допущения, на базе которых формируются основные исходные логические принципы, позволяющие теоретически конструировать главные объекты АТзнания и развивать систему ее понятий. В основе этих абстракций лежат знания главным образом закономерностей, накопленные всей предшествующей наукой, но основу составляют общие законы социального развития общества. Эта группа понятий включается в систему АМтеорий. Логические принципы вместе с эмпирическим базисом определяют характер и сущность АТзнания. Когда в качестве логических принципов выступают фундаментальные законы данной реальной области, то в этом варианте они служат стержнем, вокруг которого разрабатываются все основные высказывания теории, или методом, позволяющим конструировать ее объекты.

В другом варианте, когда логические принципы в системе АМтеории будут являться утверждениями, выражающими закономерные связи между абстракциями теории, они "будут обеспечивать перенос значения истинности из достоверных высказываний на высказывания, получаемые из них"⁷. В рассматриваемом примере АТзнания социальной структуры общества отправным логическим принципом будет

фундаментальный закон материалистического понимания истории — детерминированность общественных процессов в конечном итоге развитием общественного производства, в котором основу составляет материальное производство. "Способ производства материальной жизни, — писал К.Маркс, — обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще"⁸.

При формулировании логических принципов, непосредственно лежащих в основе рассматриваемого АТзнания, как уже отмечалось, характер и сущность его определяются также эмпирическим базисом — той конкретной областью, которую он должен охватить. Поэтому здесь необходимо вспомнить, что социальная структура общества (по материалам могильников) рассматривается в аспекте дифференциации индивидов (социальных групп) по месту их и роли в общественной жизни. Это и позволяет сформулировать основные логические принципы рассматриваемого АТзнания социальной структуры конкретного общества: дифференциация социального положения отдельных индивидов, образующих социальные группы, происходит в соответствии с их ролью в материальном производстве и отношению к средствам производства.

Именно логический принцип, в основе которого лежит закон общественного развития, будет являться тем стержнем, который позволит развивать все основные положения данного АТзнания.

Отметим в связи с примером, приведенным здесь, что окончательное формулирование логических принципов потребовало введения еще целого ряда дополнительных абстракций в общий категориальный состав исследуемой предметной области в АТзнания и логических принципов в АТтеории.

Необходимо также отметить, что логические принципы в теории приобретают функцию смысловых границ. Они становятся критериями, определяющими принадлежность утверждений АТзнанию, если они вытекают из ее принципов, или исключают их, если такой связи нет. Далее, логические принципы определяют истинность и ложность утверждений в зависимости от совместимости с ними. Все дополнительно введенные абстракции и утверждения в АТзнание социальной структуры находятся в полном соответствии с ее логическими принципами и признаются поэтому истинными утверждениями.

В исторических теориях, впрочем, как и в естественнонаучных, исходные логические принципы и законы, особенно на начальном этапе их формирования, обычно явно не описываются, и не выделяются, хотя и подразумеваются как сами собой разумеющиеся.

Эмпирический базис (предпосылки) включает основные археологические факты, которые должны получить объяснение в АТзнании. Естественно, что в ходе исследования они должны быть описаны в виде артефактов и обработаны в соответствии с познавательными задачами. Эмпирический базис АТзнания обрисовывает предметную область и

тем самым определяет границы области значений для ее высказываний⁹. Каждая теория в конечном итоге ставит задачу объяснения эмпирических фактов, извлекаемых из объективной реальности, и тем самым раскрытия их сущностной природы.

Если в археологическом исследовании развивается АТзнание о социальной структуре некоего-либо общества (АК), то для этого необходимо прежде всего определить исходный эмпирический базис, специфика которого будет определять предметную область АТзнания и значение ее высказываний. Разработка АТзнания социальной структуры общества при наличии достаточно обширных материалов могильников позволяет подойти к нему с позиций анализа положения индивидов и их группировки в общественной системе. Если же материалы (археологические факты) ограничены лишь данными о размерах поселений и жилищ, то АТзнание социальной структуры общества приобретает совершенно иной тип. Здесь будут иные абстракции, иные высказывания, значения высказываний. В этом и состоит роль эмпирического базиса АТзнания — очертить конкретно ее предметную область и границы значений ее высказываний. Таким образом, в АТзнании, получая тот или иной результат социального характера, необходимо *всегда указывать конкретно круг артефактов, который составляет эмпирический базис, — предметную область данного АТзнания.*

Проблема эмпирического базиса АТзнания (как и исторического) не сводится к отождествлению с археологическими фактами или артефактами. В большинстве наук исследователь использует лишь элемент изучаемой реальной действительности, непосредственно наблюдая его в природе или адекватно воспроизводя в эксперименте, для формирования суждения об этом элементе как научном факте, как отражении в научном мышлении познанный реальности. Этим проверяется правильность суждения и сама объективная природа факта реальной действительности. Научные факты неотделимы от теории и только в ее контексте получают определенное содержание и описание в эмпирическом базисе.

По-видимому, если строго корректно подойти к определению эмпирического базиса археологического (или исторического) теоретического знания, то фактами для его разработки и построения должны быть факты исторической действительности. Но эти факты в науках о прошлом практически недоступны для восприятия, непосредственного изучения. От этих фактов сохранились лишь остатки, следы, документы и т.п., которые образуют специфическую категорию познания — источники археологические или исторические. В археологии их также называют археологическими фактами, которые, однако, весьма далеки от своего первоначального состояния — фактов исторической действительности (см. гл. II). Здесь на помощь ученым приходит особая исследовательская процедура — *способ реконструирования фактов исторической действительности*, что и представляет собой специфический способ

отражения исторической действительности в познании в виде мысленного ее воспроизведения. Таким образом, не сами по себе единичные археологические факты или артефакты, а лишь комплексы, позволяющие реконструировать факты исторической действительности, формируют эмпирический базис АТзнания.

Реконструкция как специфический способ познания действительности характеризуется несколько по-разному отдельными учеными¹⁰. А.И.Уваров, например, полагает, что исторической реконструкцией воссоздаются социальные явления, в первую очередь "их сущности в эмоциональной форме"¹¹. Художественное воображение в реконструкциях, конечно, необходимо, но все же основой их являются остатки реальности, и переоценивать эмоциональные начала едва ли правомерно. Главная задача состоит в адекватном воспроизведении исторической действительности.

В археологии как исторической науке реконструкции имеют специфический облик, обусловленный характером источников. Прежде всего можно, однако, отметить, что сам термин "реконструкция" приобрел в последние десятилетия чрезвычайно широкое распространение и в связи с этим семантическую и функциональную размытость в системе археологического познания. Отметим лишь несколько крайностей смысловой нагрузки из специальных работ: от "реконструкции несохранившихся частей" отдельных предметов¹² до "реконструкции экономических, общественно-идеологических структур древних обществ", а отсюда выделение реконструктивного уровня в системе археологического познания, противопоставляемого источниковедческому¹³. И, наконец, реконструкции как совокупность всего процесса археологического исследования, если в нем присутствуют элементы социально-исторического знания¹⁴.

Наряду с этим некоторые археологи как за рубежом (И.Роуз и др.), так и у нас в стране выносят реконструкции вообще за пределы археологии (Е.Е.Кузьмина, Л.С.Клейн и др.). "На уровне выделения археологической культуры, — пишет, например, Е.Е.Кузьмина, — собственно археологические исследования заканчиваются. Реконструкция по археологическим материалам хозяйства, социального строя, идеологии, политических событий и этнической принадлежности носителей археологической культуры относится уже к области истории и палеоэтнологии"¹⁵ (курсив мой. — В.Г.).

Особенно большую путаницу внесли в понятие "реконструкция" В.А.Башилов и Э.Н.Лооне. Философ Э.Н.Лооне решил ввести в систему исторического познания, кроме теоретического и эмпирического уровней, еще и равноположенный с ними реконструктивный уровень, исследования которого заключаются в реконструкции конкретных событий и явлений прошлого на основании письменных источников¹⁶. Такое выделение, по нашему мнению, является принципиально неверным. Понятие о теоретическом и эмпирическом возникло как понятие о

двух альтернативных уровнях научного знания и соответственно о двух типах научного исследования и представления, "один из которых непосредственно или, если сказать осторожней, более непосредственно связан с познанием реальных объектов в наблюдении и эксперименте, а другой предполагает исследовательское движение в теоретических концептуальных конструкциях"¹⁷. По-видимому, третьего здесь, как полагает Э.Н.Лооне, не дано. Историческая реконструкция построена на историческом источнике, но ведь источник — результат фиксированного наблюдения! И эмпирическое здесь достаточно очевидно.

Археолог В.А.Башилов, стремясь подтвердить схему своего соавтора, придумал для археологии реконструктивный уровень: на первой ступени познания — раскопки и фиксация археологических объектов, а на второй — "систематизация раскопанного материала и реконструкция конкретной картины жизни поселения и захоронения умершего"¹⁸, после чего следует эмпирический уровень со ступенями — выделение археологических культур и реконструкция древней истории. Но ведь археологи в массе систематизируют археологический материал после раскопок без всяких реконструкций! Так же, как и выделяют археологические культуры по этой систематизации. Неудивительно, что реконструктивный уровень не содержит исторических реконструкций и наоборот. В целом же схема, предложенная авторами в пределах эмпирического и теоретического уровней, практически не отличается от того, что предложено нами в 1982 г. в структуре археологического знания (см. табл. 10).

Проблему содержания понятия "реконструкция" в археологии следует рассматривать и решать в аспекте общей структуры АТзнания. Реконструкции, как уже отмечалось, по нашему мнению, составляют элемент его эмпирического базиса.

Эмпирический базис образуют научные факты, которые в естественных науках составляют "совокупность высказываний, фиксирующих результаты экспериментов и наблюдений"¹⁹ над объектом непосредственного исследования, каковым служат отдельные явления природы. В исторических науках, в том числе археологии, это должно быть наблюдение над явлениями исторической действительности, от которого сохранился один из непреходящих компонентов этой действительности — предметный мир социальной системы. О нем К.Маркс писал, что "именно в переработке предметного мира человек впервые утверждает себя как родовое существо... Предмет труда есть поэтому опредмечивание родовой жизни человека"²⁰. Исходя из этого в археологическом познании признана возможность адекватного отражения прошлой исторической действительности на основе изучения остатков предметного мира, которые становятся источниками исследования²¹.

Но в этом заложена и специфика археологического познания в отличие от других наук: здесь четко различаются объект непосредственного исследования, каким являются источники — остатки предметного

мира, и предмет познания — индивидуальные события, явления — объекты прошлой исторической действительности, которые могут выступать только как *реконструктивные объекты* исторического знания²² и в таком виде фактически формирующие эмпирический базис АТзнания. Конечно, этот базис в археологических исследованиях строится на основе артефактов и лишь тогда он приобретает статус достоверного знания.

Эмпирический базис в естественных науках составляют научные факты, формируемые на основе наблюдений и экспериментов, устанавливающих взаимосвязь отдельных наблюдений с помощью специальной аппаратуры и по плану, намеченному исследователем. В археологии научные факты также формируются на основе наблюдений (раскопки, фиксация сооружений, наблюдения над предметами и т.п.), а взаимосвязь для получения определенной целостности осуществляется как путем наблюдения в процессе раскопок, так и еще больше путем мысленного эксперимента, что и составляет процесс реконструирования — получения реконструктивного объекта (события, явления) прошлой исторической действительности. Теоретическим основанием для реконструкций служат концептуальные и эмпирические схемы — наше общее идеальное представление об объектах и способах социальной деятельности, в первую очередь на уровне ее обыденности — образа жизни (об этом подробнее см. гл. I.4, V.1).

В таком содержании реконструкции как элемент эмпирического базиса АТзнания могут быть разделены на два основных типа, отражающих определенные уровни исследования: 1) функциональные реконструкции — распознавание непосредственной, прямой функции отдельных остатков предметного мира (предмет — выделение основного свойства — артефакт); 2) технологические реконструкции — установление взаимосвязи артефактов для воспроизведения определенного процесса — технологии протекания исторической действительности в виде отдельных актов жизнедеятельности. Подобные реконструкции выполняются как по единичным объектам, так и в виде обобщенных картин. Совокупность технологических реконструкций и дает картину образа жизни древних обществ.

Каждый из этих уровней реконструкции составляет эмпирический базис в теоретических конотрукциях определенного уровня, но каждый вышележащий уровень включает в качестве составного элемента ниже лежащий.

Объяснения как основной компонент теории. Выводы и следствия теории. Объяснение, как уже отмечалось, венчает научную теорию, ибо именно здесь концентрируется все то новое, что достиг исследователь в историческом исследовании сущности, закономерности изучаемых явлений и процессов прошлой действительности. В этой же части теории с наибольшей яркостью проявляется талант и мировоззренческая позиция ученого. "Как объясняет историк то или иное явление, — резю-

мирует И.С.Кон, — зависит и от характера его методологии, и от специфики предмета, и от масштаба, в котором этот предмет рассматривается"²³. Из содержательных особенностей научной теории как теоретической системы важнейшая состоит в том, что для множества ее высказываний характерно их разделение на два подмножества: "первое, небольшое подмножество включает в себя все исходные положения системы, а второе — все остальные высказывания, выводимые из первых. Те теоретические системы, для которых такое подразделение высказываний осуществить невозможно, представляют собой обычные ассоциации теоретических положений и теориями не являются. Знания, содержащиеся в научных теориях, таким образом, являются по существу *знаниями выводными*"²⁴ (курсив мой. — В.Г.).

Отмеченная особенность позволяет также и для АТзнания иметь достаточно ясный критерий истинных, новых научных идей и кажущихся — ассоциаций теоретических положений.

Как уже отмечалось, в основе логического построения теории лежат ее основные логические принципы, которые позволяют, во-первых, связать все утверждения и понятия данной теории в единую систему и, во-вторых, основываясь на логике развития принципов, построить цепочку выводимых друг из друга высказываний, которые касаются как выводов, непосредственно сформулированных теорий, так и в еще большей мере тех потенциальных следствий, которые можно вывести из нее. Эта "цепочка" выводов, особенно конечного, и составляет в теории то, что принято понимать как компонент ее — объяснение. "В самом широком смысле, — пишет по этому поводу Г.И.Рузавин, — объяснением называют процесс рассуждения или умозаключения, продукты которого содержат информацию, необходимую для обоснования определенного факта, гипотезы, закона или отдельных теорий"²⁵. При этом важно объяснить сущность исследуемого объекта, раскрыть его *обусловленность системой*, к которой он относится.

Главное положение основания АТзнания социальной структуры отдельного общества в нашем примере в соответствии с возможностями исследования избранной предметной области в самых общих положениях формулируются следующим образом. Социальную структуру общества образует совокупность социальных групп, положение и роль которых в общественной жизни (их социальный статус) определяются местом этих групп в общественном производстве, отношениями к средствам производства и распределению продуктов производства.

На основе этой теории общественного развития представляется возможным получить две серии следствий — одна, которая будет больше ориентирована на обоснование методов исследования (поэтому они включаются в АМтеорию), позволяющих получить новое знание и аргументировать основные положения АТзнания и его следствий. Другая — это та цепь выводного знания, которая позволяет получить новые знания в соответствии с главной задачей АТзнания.

Приведем несколько следствий из теории социальной структуры.

1. Принадлежность к социальной группе отдельных индивидов обуславливается владением имуществом и средствами производства.
2. Отношение общества к индивиду определяется его принадлежностью к социальной группе.
3. Различные социальные группы играют различную роль в военной организации и т.д.

На базе этих следствий из основных посылок АТЗнания и был в конечном итоге получен основной вывод: доказана социальная дифференциация общества как результат развития определенной формы способа производства и тем самым раскрыта закономерность развития этого общества.

Следствия, выводимые из теории, — наиболее ценное ее содержание, так как позволяют подвести под данную теорию широкий круг исследуемых явлений. Кстати, чем шире этот круг, тем выше познавательная ценность теории, т.е. ее методологическая функция. В данном разделе был лишь схематически обрисован важнейший компонент научной теории — объяснение, поскольку ему будут посвящены следующие главы. Подведем итог.

Археологическая теория (АТЗнание) — это такая организация археологического знания о конкретной истории прошлых обществ (АК), в которой реконструируемая по артефактам и описанная историческая действительность осмысливается (объясняется) как закономерное явление и процесс развития социально-исторической сущности этих обществ (СИО-АК). Поскольку археологическая теория фактически венчает весь процесс изучения конкретных явлений прошлого, то естественно, что в ней находит отражение вся познавательная деятельность археологов, независимо от того, получили те или иные ее проявления прямое или опосредованное выражение в самом АТЗнании. Причем опосредованное, не явно выраженное в теоретическом знании исторических наук имеет как раз решающее значение при формировании его содержания и сущности.

У.3. МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ТЕОРИИ КАК СРЕДСТВО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ (АМтеория)

Проблема классификации и систематизации методологических функций научных теорий в археологии, как, впрочем, и в других науках, неразрывно связана с разработкой общих вопросов методологии археологического познания и должна быть увязана с проблемами соотношения эмпирического знания и теории, уровней знания и познания, систематизации и классификации эмпирического и теоретического знания, описания и объяснения научных фактов и законов²⁶. Все это сами по себе задачи, которые требуют дальнейшего специального исследования.

Недостаточно еще разработана и типология задач, решаемых научными теориями²⁷, а в археологии этот вопрос пока что даже не поставлен.

В логике научного познания чаще всего перечисляются следующие методологические функции научной теории: информационная, систематизирующая, описательная, объяснительная, предсказательная или прогностическая. Каждая из них в методологическом аспекте исследована в различной степени, больше работ посвящено объяснительной и предсказательной функциям теории, остальные освещены значительно слабее. А.А.Печенкин, например, считает, что необходимо выделить вообще только предсказательную, описательную и объяснительную функции теории²⁸. Для археологии В.В.Радилюковский к этому перечню добавляет еще и синтезирующую функцию, которая выражается в тенденции к принципиальной простоте и максимальной общности основных теоретических положений. В естественных науках подобный подход к классификации функций теории, может быть, и оправдан. Но учитывая, что в археологическом познании оперируют огромным количеством исходных данных и что любое исследование, как правило, в значительной степени зависит от того, как систематизирован его эмпирический базис, нам представляется, что в археологии можно выделить отдельно и систематизирующую функцию научной теории наряду с описательной и объяснительной функциями. Конечно, по уровню абстрагирования теоретического знания и тем самым глубине проникновения в сущность исследуемых явлений в АТЗнании перечисленные функции не равнозначны, а скорее всего выступают как последовательные этапы развертывания теоретического знания.

В системе археологического знания познавательная сторона, т.е. деятельность, обеспечивающая функционирование процесса исследования и достижение главной цели — нового знания, объединяется в логико-методологический базис археологии. Он выполняет основную нормативно-регулятивную функцию, которая обеспечивает логику исследовательского мышления, правила оперирования различными понятиями и фактическими данными, получения выводов, объяснений и обеспечивает построение всей системы научного знания как некоторой автономной целостности знания об объективной реальности. Особенно важная роль и необходимость рефлексии познавательной системы обнаруживается в археологии при исследовании социально-исторических процессов СИО-АК, результаты которого оформляются в виде различных АТЗнаний (см. табл. 10).

Логико-методологический базис археологического познания включает три основных взаимосвязанных компонента.

1. Познавательно-целевые установки, в которых центральной является формулировка познавательной задачи в широком смысле этого понятия, использующего в основном компоненты "проблема", "гипотеза", описанные подробно в гл. III.

2. Теоретические схемы и модели, обосновывающие процесс познания на всех этапах. Здесь сосредоточиваются научные теории, призванные выполнять все необходимые в исследовании методологические функции. Этот компонент в дальнейшем и будем называть АМтеория.

3. Методы исследования — способы, правила, регулирующие практическую научную деятельность, направленную на решение определенных познавательных задач. Все методы строятся на основе установок, вытекающих из АМтеорий.

Главным звеном в этом познавательном блоке, несомненно, являются АМтеории, основным содержанием которых выступают общетеоретические (социологические) положения об объектах, явлениях, процессах, исследуемых при построении АТЗнания. АМтеория, чтобы выполнять методологическую функцию по отношению к АТЗнанию, должна охватить более обширную область знания, а главное — более высокий уровень абстрагирования. Тогда теоретическое содержание АТЗнания будет выступать как частное проявление законов более высокого уровня, заключенное в АМтеории.

В структуре АМтеории можно наметить три различающихся по содержанию слоя (гл. I.2). Верхний формирует наиболее общие теоретические конструкции, отражающие, с одной стороны, мировоззренческие аспекты научной деятельности, в частности ту "научную картину мира", которая характеризует идеальное видение своего объекта познания у каждого ученого. В марксистской археологии это складывается на базе исторического материализма, материалистического понимания исторического процесса и теории общественно-экономических формаций. Под воздействием мировоззренческих факторов формируется и общетеоретическое представление об историческом процессе, в котором конкретизируются общесоциологические категории, реализуясь в отдельных типах социально-исторических структур в зависимости от пространственно-временного положения. Теоретические концепции этого слоя заимствуются из других социальных (социология, политэкономия, культурология, этнография и т.п.) и естественных (общая экология, антропология, металлургия и т.п.) наук. В самом этом слое в зависимости от уровня абстрагирования от социальной действительности могут выделяться несколько ступеней, или подуровней (см. табл. 11). Еще раз надо подчеркнуть, что данный слой в АМтеории составляет тот общетеоретический каркас (обоснование теории), на котором базируются методологическая функция теории и разработка конкретно-исторической концепции (концептуальная схема АТЗнания), поскольку здесь обосновываются структура и общие закономерности социально-исторической деятельности, которые в дальнейшем и составят основания построения различного рода АТЗнаний при исследовании СИО—АК. Конечно, основные положения данного слоя уже были использованы при постановке проблемы и формировании гипотезы.

Следующий, второй слой АМтеории составляют теории опредмечивания²⁹, в которых жизнедеятельность рассматривается с точки зрения закономерностей ее перехода в предметные формы в зависимости от сферы и уровня деятельности. Теория опредмечивания обосновывает переход от социологических теоретических конструкций к предметным остаткам (археологическим фактам), составляющим эмпирические предпосылки любого исследования в археологии. Следовательно, теория опредмечивания в системе археологического знания составляет основное содержание правил соответствия в переходе от теоретического к эмпирическому уровню при построении АТЗнания. Теория опредмечивания — специфический компонент АМтеории, характеризующий только археологическое познание, поскольку здесь источниками являются остатки предметного мира прошлых СИО—АК. К сожалению, разработке теорий этого слоя уделяется пока недостаточно внимания.

Наконец, в структуре АМтеории выделяется третий слой, формирующийся на базе конкретно-археологического знания, накопленного наукой. Своеобразие данного компонента и даже кажущаяся противоречивость включения в АМтеорию состоит в том, что, с одной стороны, познание направлено на построение АТЗнания, а с другой — оно рассматривается в качестве средства познания, т.е. выполняющего определенную методологическую функцию. Действительно, само по себе каждое конкретное АТЗнание непосредственно не может выполнять методологическую функцию. Здесь следует, по-видимому, выделить два уровня. Верхний включает фундаментальные обобщения по отдельным сферам и видам предметно-технологической деятельности (см. гл. I.4), как это выполнено, например, в нескольких работах С.А.Семенова по первобытной технике, земледелию и т.п. По-видимому, в этом уровне используются и теоретические разработки типа антропосоциогенеза, "неолитической революции" и т.п. Подобные обобщения необходимы для всех социальных сфер, так как служат основанием для построения общих технологических схем деятельности, дающих четкое представление о его содержании, структуре. Подобные обобщения позволяют моделировать исследуемый объект или процесс в СИО—АК.

Нижний уровень конкретно-археологического знания включает обобщения, накапливаемые в процессе исследования различных сфер в каждой АК, оформляемые в виде АТЗнания. Оба эти уровня синтезируются и тем самым дают представление о состоянии изученности объекта исследования в данной конкретной АК, которое и служит отправным пунктом к открытию нового (ранее неизвестного в данной АК!) знания, получающего оформление в конкретном АТЗнании.

В АМтеории все три слоя должны быть так синтезированы в единую концепцию (при создании которой будут использованы также идеи, заложенные в "проблеме" и "гипотезе"), чтобы на базе ее иметь возможность построить теоретическую модель исследуемого объекта, т.е. дать проект АТЗнания (см. гл. VI.) и смоделировать процесс исследова-

дования, заключающийся в обосновании логической структуры исследования и разработке всего комплекса ее методов.

Наконец, в каждой АМтеории, чаще всего в неявной форме, присутствует еще одна функция, которая может быть выделена в качестве компонента "методологические установки", являющиеся основными факторами в выполнении АМтеорией нормативно-регулятивных функций. Методологические установки направляют, ориентируют, контролируют деятельность ученого при решении каждой проблемы и науки в целом. Причем это относится как к теоретической, так и эмпирической области исследований. По содержанию методологические установки — это система представлений, во-первых, об общих свойствах объекта познания, во-вторых, о методах, применяемых для решения различных задач, и, в-третьих, о том, каким по форме должен быть конечный результат исследования. Методологические установки, формирующиеся на основе АМтеории, играют в познавательной деятельности каждой науки определенную стабилизирующую роль³⁰.

Если первые два слоя АМтеории — общесоциологический и определенения — выступают в общей структуре АМтеории как константы, постоянные составляющие ее собственный теоретический базис, то третий слой — конкретно-археологическое знание — это переменная, накапливающаяся в зависимости от степени, достигнутой в изучении данной сферы, данной АК и т.д. В общей структуре АМтеории этот слой составляет ее эмпирический базис, и ясно, чем совершеннее этот базис, чем больше в нем накоплено знания, тем большую эвристическую силу будет иметь АМтеория.

Общая АМтеория при выполнении своей основной методологической нормативно-регулятивной функции в ходе построения АТзнания каждый раз должна быть осмыслена (перестроена) в соответствии с конкретными методологическими задачами, решаемыми в ходе исследования, поскольку она служит их исходным теоретическим основанием. В каждом исследовании содержится, кроме главной познавательной задачи, множество подзадач различного уровня, которые и формируют в целом исследовательский процесс, регулируемый АМтеорией.

Для выполнения этих функций основную исходную концепцию, содержащуюся еще в гипотезе, а затем в АМтеории, необходимо осознать в таком ракурсе, который бы позволил построить исследовательскую программу, выделив в ней основные этапы, или циклы, исследования, составляющие относительно автономные процессы исследования, которые, однако, должны быть поставлены в строгую логическую связь, обосновываемую АМтеорией. АМтеории на первоначальном этапе содержат настолько общие постулаты, понятия, законы, что осуществить на их базе исследование невозможно. Здесь требуется введение опосредованных специальных теоретических положений, позволяющих выработать методы перехода к исследованию в области поставленных познавательных задач. Завершающим звеном на первом этапе теорети-

ческой разработки методологической функции АМтеории является построение теоретической модели исследования, которая должна представлять собой каркас будущего АТзнания, непротиворечиво наполняемого данными из анализа эмпирического базиса, т.е. приобрести логически завершенную концепцию АТзнания.

Решающим звеном в этом направлении становится переход от теоретических понятий и конструкций к эмпирическому базису. В этой процедуре происходит движение мысли от общих понятий к уровню конкретных понятий, которые имеют операциональные определения, т.е. указания на правила процедуры, с помощью которой могут быть зафиксированы соответствующие факты, относящиеся к содержанию понятия. В целом эта процедура обосновывается в особых правилах соответствия (см. гл. IV.4).

Продолжая наш пример, приведенный ранее с исследованием социальной структуры, через ряд промежуточных понятий выходим на понятие распределения продуктов производства в соответствии с социальным статусом человека в общественном производстве. Количество и качество присваиваемых продуктов (непосредственно или символически отображенные в погребальном обряде) могут быть зафиксированы в конкретных исследованиях в виде артефактов и составить эмпирический базис исследования.

На основе теоретических моделей и правил соответствия разрабатывается методика операциональных преобразований (действий) артефактов, главным образом с их признаками, которые должны выявить определенные эмпирические закономерности артефактов и организовать их таким образом, чтобы стало возможным дать ответ на вопросы, поставленные в гипотезе (теории). При изучении социальной структуры общества эта задача решается путем группировки погребений на основании наличия в них инвентаря различного качества и количества, а также с учетом размеров погребального сооружения. Корреляция различных исходных данных позволяет выявить определенную эмпирическую закономерность в распределении инвентаря и размеров могильных сооружений, выделить группы погребений, соотносимые с определенными социальными прослойками (классами) общества и установить их количественное отношение. Такое исследование было выполнено по материалам погребений скифов IV—III вв. до н.э.

Наконец, в заключение, на базе АМтеории следует найти концепцию-метод, который позволил бы соединить результаты эмпирической обработки артефактов и основные теоретические положения — гипотезу, выдвинутую в начале исследования, в единую картину, отражающую сущность исследуемого социального процесса. Это процедура эмпирической интерпретации теории (гипотезы), или теоретического истолкования эмпирического базиса, которая и формирует в конечном итоге теоретическое объяснение — концепцию исследуемого процесса в АТзнании.

Социальная дифференциация скифского общества была обусловлена его экономическим базисом — соответствующим уровнем развития общественного производства, при котором основной структурной ячейкой являлась кочевая община с коллективными пастбищами и коллективным уходом за скотом при частном владении скотом и его приплодом. Это позволило зажиточным слоям, владевшим большей частью скота, эксплуатировать своих общинников, ухаживающих за скотом в общем стаде³¹.

При построении АТзнания интегрируются исследовательские задачи различного типа, что и придает ему в целом достаточно сложную логическую конструкцию, которая призвана отражать богатство сущностей конкретно-исторического развития СИО—АК. Кроме того, большинство археологических работ построено по принципу "интересного изложения материала" и крайне редко формулируют методологические установки. Поэтому методологическую четкость для различных функций АМтеории можно показать лишь в элементарных примерах или значительно упрощенных изложениях результатов конкретно-археологических исследований. В нашей литературе проблема разработки АМтеории и ее задач в исследовательском процессе пока еще не получила должного освещения. Первым опытом, в какой-то мере отвечающим потребности в познавательной деятельности выделения методологических функций теории, можно считать монографию Б.М.Массона "Экономика и социальный строй древних обществ" (1976), хотя она и не имеет четко организованной методологической направленности и выделения компонентов, как это было описано выше.

Остановимся далее лишь на некоторых основных методологических функциях АМтеории.

У.4. РОЛЬ АМтеорий В СИСТЕМАТИЗАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

На раннем этапе развития науки, к которому относится и современная археология, деятельность ученых связана преимущественно с изучением и накоплением отдельных фактов, которые так или иначе необходимо определенным образом упорядочить и систематизировать, что относится к сфере эмпирических обобщений и выявления эмпирических закономерностей. Естественно, что эта задача выполняется в свете определенных теоретических посылок. Одним из путей процедуры систематизации является обобщение фактов, сведение их к определенным социальным категориям и понятиям эмпирического типа. Дальнейший процесс в исследовании приводит к выявлению взаимосвязей и взаимозависимостей различных категорий между собой и установлению эмпирических закономерностей или регулярности, поскольку они

основаны на регулярной повторяемости явлений при известных обстоятельствах.

В естественных науках, где начальный этап познания в большинстве случаев связан с экспериментом, опытными данными, такие закономерности называют экспериментальными, и для них характерны, по мнению А.А.Печенкина, две отличительные черты. Первая: "...для каждого дескриптивного (нелогического) термина экспериментального закона можно указать по крайней мере одну выполнимую экспериментальную процедуру, реализация которой позволяет определить этот термин в терминах непосредственного наблюдения..."³² Когда закон выражен в каких-либо формулах или уравнениях, то данные о составных частях можно получить путем измерения, которые в эксперименте получают с помощью различных приборов — показания напряжения в цепи, силы тока, сопротивления воздуха и т.п.

"Вторая черта состоит в том, что экспериментальные законы могут быть подтверждены непосредственным сопоставлением с данными опытов"³³. В этой особенности выражена возможность многократной проверки исходных данных экспериментального закона. Обе эти черты фиксируют особенность данных законов по сравнению с теоретическими, для которых такие процедуры принципиально невозможны.

В археологии до недавнего времени не было сформулировано положение об эмпирических закономерностях, хотя ими, безусловно, уже давно широко пользовались. В работах 70-х гг. при анализе проблемы АК нами было отмечено, что различные стороны проявления сходства или даже идентичности элементов культуры внутри АК выявляются эмпирическим путем и позволяют установить ряд общих эмпирических закономерностей³⁴. Эмпирические закономерности, описанные в этих работах, послужили основой для построения АМтеории систематизирующих и вычлняющих функций АК, а социологическое истолкование показало, что АК является в археологии категорией, описывающей отдельное общество (СИО — этнос) прошлого.

Систематизирующая функция АМтеории в социально-исторических исследованиях заключается прежде всего в том, что в соответствии с положением гипотезы (идеи) и познавательной задачей конструируется сфера жизнедеятельности (явления, объекта и т.п.), в которых особое внимание обращается на развертывание в содержательной области ее предметного мира как неперемного компонента функционирования сферы. Именно эта содержательная конструкция и служит *основанием для отбора и систематизации артефактов* в процессе исследования, которое реализуется через методы типологии, выяснения статистических закономерностей, картографирования, построения эволюционных рядов и т.п., выявляющих эмпирические закономерности артефактов, вводимых в исследуемую проблему.

В основе формирования эмпирических закономерностей лежит несколько исходных принципов (методов) обработки артефактов, среди которых наибольшее значение имеют следующие.

1. **Типология** выступает в археологии как способ обобщения артефактов и объединения их определенных вариаций в артеклассы (гл. II.5). В основе типологического разделения всегда лежат заданные параметры. Это может быть разделение по форме предмета, сооружения и т.п. (формально-типологическая классификация), по функции тех же объектов (функционально-типологическая классификация), по материалу изделий и т.п. Типология в археологии дает основу для обобщений, которые выявляют элементарную закономерность эмпирического типа. Естественно, что качество типологии находится в прямой зависимости от тех познавательных задач, которые она призвана решить, и принципов, на которых она базируется. Типология в археологии основывается на фиксируемых в артефактах в качестве признаков определенных объективных свойствах археологических фактов (гл. II.3), причем сложность самой типологии пропорциональна числу свойств-признаков, привлекаемых для ее построения.

2. **Статистические зависимости** между артефактами и особенно артеклассами в пределах артекомплексов играют в археологии первостепенную роль в установлении эмпирических закономерностей, так как они выявляются в первую очередь в массовом археологическом материале. Систематизация количественных отношений — единственный рациональный путь использования массовых артефактов в археологическом исследовании, поскольку установление их количественных зависимостей представляет собой достаточно надежный метод выявления эмпирических закономерностей. Конечно, пока эти методы не доведены еще до высококачественного уровня, но в данном случае не имеет принципиального значения, то ли это результат простого количественного подсчета различных типов предметов, или их процентное распределение, или коэффициент корреляции и т.п. Конечно, чем точнее выражена зависимость между количественными распределениями, тем надежнее используются ее результаты. Но и здесь это зависит в первую очередь от того, как сформулированы потребности в познавательной задаче.

3. **Сопряженность в комплексе артефактов** — один из старейших методов решения многих проблем археологии (находки в одном поселении — хронологически одновременные, вещи из однослойного поселения — относятся к одной АК и т.п.). Эмпирическая повторяемость подобных фактов, основанных на объективных свойствах связей (гл. II.4), предоставляет надежный путь к заключениям об их закономерном характере. К этому же типу эмпирических закономерностей следует отнести результаты, получаемые путем построения различного рода диаграмм, графиков, графов и т.п., иллюстрирующих сопряженности признаков в отдельных артефактах³⁵.

4. **Картографирование**, включая сюда также стратиграфические и планиграфические приемы анализа артефактов, позволяет выявить

достаточно хорошо многие эмпирические закономерности. Хорошо известен прием картографирования находок керамики, могильников, поселений и вообще памятников или типов вещей для установления территории распространения данной АК. В.В.Седов широко использовал результаты картографирования гидронимов, типов жилищ, различных типов керамики, разнообразных категорий вещей, в том числе этнически определяющиеся украшения, типы курганов и т.п. в исследовании по этнической истории балтского и раннеславянского населения Восточной Европы. Закономерности распространения памятников различного характера и их совмещение позволили автору получить надежные и важные результаты территориального размежевания отдельных племенных группировок³⁶.

Стратиграфия артефактов на многослойных поселениях — один из проверенных способов установления эмпирической закономерности относительной хронологии вещей, сооружений и т.п. Планиграфический анализ поселений, могильников или размещения каких-либо остатков и вещей на них практикуется для выявления определенных закономерностей различного типа источниковедческого и социологического характера.

5. **Эволюционные ряды** как принцип, лежащий в основе построения типологических рядов предметов или сооружений применяется в археологии почти с момента ее рождения как науки. Эволюционно-типологические построения базируются в общем на диалектическом принципе развития, поэтому вполне правомерны. Археологи чаще всего понимают этот принцип как развитие от простого к сложному, забывая, что он включает и обратное — от сложного к простому. Необходимо также оговорить и пределы его применения в археологии. Если в анализе внутрикультурных явлений предметного характера этот прием себя вполне оправдал и достаточно надежен, то гораздо осторожнее следует подходить к межкультурным построениям, ибо здесь меняется сама система взаимосвязи и отношений артефактов, поэтому отдельно взятое явление в новой системе может утратить значение и тем самым деградировать, а исследователь будет воспринимать это как показатель начального, простого этапа развития. Эволюционно-типологические ряды выявляют эмпирическую закономерность, когда они строятся в комплексе и в пределах определенной системы.

Описанные здесь приемы систематизации для выявления эмпирических закономерностей не исчерпывают всех методов, встречающихся в археологии. Здесь даны лишь наиболее общие, на которых чаще всего базируются исследования на уровне обобщения и систематизации артефактов. Каждый из таких приемов позволяет получить представление об определенной зависимости, которая становится надежнее, когда сочетаются различные приемы выявления эмпирических закономерностей.

В целом для эмпирических закономерностей в археологии харак-

терны те же особенности, что и в экспериментальных науках: во-первых, они представляют собой результаты наблюдений, фиксированных в виде определенных признаков артефактов, для которых может быть осуществлена проверка — наблюдение над объективными свойствами археологических фактов; во-вторых, эмпирические закономерности, выведенные на основе анализа артефактов, могут быть проверены в ходе накопления новых археологических фактов, которые подтверждают или отвергают, а может быть, и вносят коррективы в установленные закономерности. Эмпирические закономерности в археологии чаще всего строятся как обобщения эмпирических фактов на основе визуальных наблюдений над внешней формой, материалами, условиями нахождения и т.д. Поэтому в таких обобщениях трудно отличить основное от малозначимого или случайного, избыточную информацию от необходимой и т.п. при освещении сложных социальных явлений, на которые оказывают воздействие различные факторы. Выявление эмпирической закономерности более надежно, когда она получена дедуктивным путем из АМтеории, т.к. она более обоснована и систематизирована. Так, если обобщение артефактов при решении этнических проблем основывалось исключительно на традиции и некоторых прямых этнографических параллелях (керамика, украшения женского костюма, погребальный обряд), то, основываясь на посылах АМтеории АК, возможно ввести более универсальный критерий — специфику формы предметов, сооружений и т.п. как этнический показатель, поскольку АК является аналогом СИО—ЭСО³⁷.

В.М.Массон в публикации поселения Джейтун пишет о различных системах классификации, в том числе по материалу, из которого изготовлены предметы. Преимущества этого способа — в удобстве и простоте, позволяющих разделить материал уже на стадии обработки, не прибегая к лабораторным исследованиям. Однако для того чтобы показать "общую картину жизни и быта обитателей изучаемого поселка, могут быть предложены категории более высшего порядка". Такие категории В.М.Массон выделяет исходя из общесоциологических теоретических представлений о структуре социальной жизни. В классификации археологического материала он поэтому выделяет:

1. Орудия труда и побочные продукты их производства.
2. Бытовой инвентарь, в первую очередь глиняная посуда.
3. Украшения и предметы особого назначения, связанные как с идеологическими представлениями, так и просто с развлечениями древних людей.³⁸

Эмпирические закономерности должны сыграть важную роль в процессе теоретизации археологического знания, причем здесь в равной мере плодотворны как путь простых обобщений, основанных на традиции, подтвержденных опытом археологии, так и дедуктивные обобщения на основе разработок отдельных АМтеорий. В обоих случаях будет достигнута определенная систематизация артефактов, выявлены

эмпирические закономерности, ведущие к созданию тех или иных концепций.

При обработке материалов того же поселения Джейтун, содержащего остатки 30 домов, В.М.Массон произвел картографирование всех основных орудий труда, связанных с различной производственной деятельностью (изготовление кремневых орудий, обработка шкур, дерева, изготовление керамики, украшений и т.п., в том числе и основного орудия земледельческого производства — жатвенных ножей)³⁹. Эмпирически установленная планиграфией закономерность почти равномерного распределения всех предметных остатков во всех жилищах позволила сделать весьма важное заключение социального характера (а это и есть АТзнание): производство в данной общине было еще чрезвычайно архаично и носило децентрализованный характер⁴⁰.

Систематизация эмпирических закономерностей — одна из функций АМтеории, но главное в ней все же в другом. Оптимальная цель систематизации научного знания — сведение до минимума тех основных понятий и принципов, которые будут лежать в основе теоретических построений.

Первой АМтеорией археологии, сыгравшей большую роль в систематизации археологических материалов и представлений о древнейших этапах исторического развития общества, несомненно, была концепция трех веков — каменного, бронзового, железного, выдвинутая еще в первой половине XIX в. Х.Томсеном и Й.Я.Ворсо.

Большое значение для археологии имело проникновение идей эволюционизма в середине XIX в., сыгравших решающую роль в разработке эволюционно-типологического метода классификации археологических материалов. К сожалению, и до сих пор нет специально разработанной теории приложения типологии к потребностям археологических исследований⁴¹.

Наконец, генерализующую идею в систематизации археологического знания, несомненно, внесла АМтеория АК, которая первоначально использовалась лишь как средство упорядочения источников, а с развитием марксистской археологии позволила выйти также на формирование социологического содержания как отдельный СИО.

В современной археологии, хотя разработка явных АМтеорий значительно отстает от практики, очень многие систематизации базируются на интуитивных концепциях, причем, как это ни парадоксально, производятся они безусловно дедуктивным методом на основе представлений, в которых основанием служат общесоциологические концепции самого различного уровня, составляющие верхний слой АМтеорий.

В дореволюционной русской археологии систематизация артефактов осуществлялась зачастую по материалу, из которого они изготовлялись (каменный, костяной, металлический инвентарь и т.п.). С развитием социологического направления в 30-х гг. широко стали введ-

ряться систематизации артефактов по сферам социальной деятельности, подразделяемым на виды хозяйственных занятий, связям с социальной структурой, видам духовной деятельности и т.п. Эти систематизации базировались на общесоциологических представлениях о структуре той или иной сферы или какого-либо ее подразделения. Н.Н.Гурина, например, при публикации неолитического Оленеостровского могильника классифицирует огромный инвентарь этого уникального комплекса по следующим группам: орудия охоты и рыболовства, орудия обработки кожи, кости, дерева, украшения⁴². Но наряду с этим в публикациях встречаются и "традиционные" описания по материалу — изделия из глины, изделия из стекла, изделия из камня, изделия из кости и т.п.⁴³

Систематизация материала по сферам деятельности создавала эмпирический базис для разработки теории функционирования отдельных видов социальной деятельности, однако сама АМтеория с точки зрения ее организации не разрабатывалась. В большинстве своем исследования завершались реконструкциями и описаниями технологических процессов в конкретно-исторической ситуации или отдельной АК.

Лишь с конца 50-х гг. появляются первые исследования, в которых обобщаются, создаются теоретические построения по отдельным видам социальной деятельности. Наиболее фундаментальные работы в этом направлении выполнил С.А.Семенов⁴⁴ по развитию техники в каменном веке и ранним этапам земледельческого хозяйства. В этих работах описан огромный фактический материал и уже четко просматривается определенная теоретическая концепция исследуемого предмета, и под этим углом зрения систематизированы не только эмпирические данные, но и весь технологический процесс. Так, технологические процессы автор анализирует в одном аспекте как приемы обработки различного сырья — камня, дерева, а в другом — как технологию различных видов хозяйственной деятельности — добычи и обработки кожи, освоения и добывания огня, строительство жилищ, освоение средств передвижения. Особое внимание уделяется анализу отраслей хозяйства — охоте, рыболовству и земледелию.

Появились и исследования подобного рода регионального характера, в которых теоретические разработки проблем технологии отдельных отраслей производства базируются не столько на общесоциологических концепциях, сколько на подробном анализе конкретно-археологического материала⁴⁵. Эти исследования позволяют создать общие теории развития отдельных сфер производства и специфику их рассмотрения на археологических материалах, которые и будут формировать третий слой в АМтеории и служить основанием систематизации при построении АТзнания.

К сожалению, нет пока подобных обобщающих исследований по другим сферам социальной жизни — ремеслу, общественному устройству, этническому развитию, духовной культуре и т.п. Первые опыты

в этом направлении выполнены В.М.Массоном, подпимающим и такие вопросы, как обмен, торговля, палеодемография и др.⁴⁶ Систематизирующая роль этих исследований в создании теоретического базиса археологии вполне очевидна.

В археологии наиболее общие принципы, которые определяют подход к систематизации в АТзнании, будут основываться на законах структуры общественной жизни и выделении различных социальных сфер, а также на законах опредмечивания социальной деятельности⁴⁷.

Г.И.Рузавин в логико-методологическом исследовании научной теории приводит обстоятельные аргументы, показывающие основные преимущества и рациональность теоретической систематизации⁴⁸, среди которых такие моменты, как выявление четких границ применения гипотез, эмпирических законов, обобщений, уточнение ранее найденных обобщений и законов, которые при включении их в теорию подвергаются значительной модификации. Главное преимущество систематизации и упорядочения — это все же получение нового знания и то, что из теории можно извлечь множество следствий.

У.5. ОПИСАТЕЛЬНАЯ И ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИИ АМтеории

Проблема описательной функции научной теории в историческом познании, как считает А.И.Ракитов, почти совершенно не исследована⁴⁹.

Прежде чем обратиться к анализу описательной функции теории в археологии, рассмотрим некоторые общие вопросы⁵⁰.

Описание, как определяет его А.А.Печенкин, — это "сообщение о некотором данном в наблюдении предмете, выполненное с такой степенью точности, которая позволяет отличить этот предмет от других"⁵¹. По определению А.И.Рузавина, "понятие "описание" подчеркивает наличие определенным образом зафиксированных формулировок, а в области физики — математических формул, графиков, таблиц, числовых записей"⁵². Оба определения, как видно, достаточно близки, хотя акцентируют внимание на различных сторонах. В.В.Радиловский связывает описательную функцию с проблемой разработки отраслевых дескриптивных языков или описания различного вида археологических источников⁵³, т.е. фактически и здесь речь идет о выработке строго определенного понятийного аппарата археологии, который позволил бы вводить однозначные артефакты, формируемые по определенным правилам на базе археологических фактов, в систему эмпирического базиса. Особую ответственность и значимость данная функция приобретает в исследованиях социально-исторических вопросов.

Описания в археологической практике встречаются повсеместно. Когда вводится в систему исследования какой-либо объект (предмет, явление, связь и т.п.), будь то единичного или массового характера,

то, как правило, приводится его обстоятельное описание, которое основывается, конечно, не только на данном (или данных) объекте, а на всей совокупности данной категории объектов, т.е. на понятиях о них. Это хорошо видно по тому, как подчеркиваются отличительные признаки, причем нередко указывается и на отсутствующие.

В системе познания понятие "описание", особенно в естественных науках, употребляется в несколько более расширенном значении, чем в обыденности. А.И.Ракитов приводит несколько таких примеров: "Квантовая механика описывает состояние атомной системы" или "Закон Ома дает количественное описание взаимосвязи напряжений и силы тока"⁵⁴. Как видно из примеров, здесь термин "описание" равнозначен утверждению, что в теориях что-то рассматривается и т.п. А.А.Печенкин считает, что определение научного описания состоит из двух частей — *основания* и *результата*. Основанием описания, по А.А.Печенкину, выступает накопленное опытом знание, а результатом — знание об объекте, с которым впервые пришлось столкнуться. В таком определении описание предстает как *мысленная модель* для тех объектов (явлений), которые необходимо описать, и в этом виде описание синтезирует накопленное знание, содержащееся в основании с познанием нового, содержащегося в результате наблюдения или исследования. Основание фактически и есть то, что в более широком смысле было выделено как исходная АМтеория. Заслуживает внимания замечание в этой связи В.В.Радилюловского о том, что в археологии образование выводных понятий из основных не подчинено законам логики, а строится почти исключительно на интуиции исследователя. Поэтому такие понятия не имеют ясной содержательной однозначности⁵⁵. В.Н.Орлов и В.В.Косолапов обращают внимание на то, что историческое описание является промежуточной формой между эмпирическим и теоретическим знанием, и хотя оно непосредственно связано с фактами, но в значительной мере опосредовано теорией, поскольку в нем употребляются различные социологические термины и понятия⁵⁶.

В описаниях знание в обобщенном виде включается по определенным логическим правилам в систему теории, поэтому описания и объяснения — это две части единого целого в структуре научной теории, и в этом смысле описание — не только результат фиксирования фактов, но и определенная историческая закономерность, выступающая в качестве эмпирического основания исторической теории. Поэтому следует подчеркнуть, что выделение описания и противопоставление его свойств объяснению как функция науки правомерно лишь в одной и той же теоретической системе, за пределами которой это деление условно. Таким образом, *описания как эмпирическое основание АТзнания систематизируют и придают определенный порядок (и связи) в расположении научных фактов, обобщая и вводя их в определенную теоретическую систему.* "Если на первых двух уровнях эмпирического познания (данные и факты), — резюмирует В.В.Косолапов, —

каждый элемент относительно *равноценный и равноправный*, то на уровне описания производится *отбор* фактов на основе эмпирических понятий, а иногда и законов науки и устанавливается *место и роль* отдельных фактов, их *существенность* в контексте данной теоретической системы"⁵⁷.

Описание в системе теоретического познания — это такая совокупность утверждений, которая выражает особые знания об определенном объекте исследования, позволяющая различать и разграничивать подсистемы и элементы объекта, различать и разграничивать в объекте свойства, связи, отношения, взаимодействия и взаимопреобразования. Но все это может быть выполнено и иметь силу только в соответствии с содержанием определенной АМтеории познавательной задачи и должно быть строго соотнесено с определенным аспектом рассмотрения объекта, результаты познания которого вводятся в АТзнание.

АМтеория, выполняющая описательную функцию, состоит в выделении, обособлении и различии отдельных систем или их элементов. При этом не имеет значения, как осуществляется эта функция, поскольку здесь проявляется специфика каждой науки, но важно указать, на каком уровне осуществляется описание.

А.И.Ракитов выделяет для системных объектов эмпирические описания и теоретические (логические) описания. К эмпирическим описаниям относятся такие, в которых предложения, устанавливающие связь между отдельными элементами системы, зависят от наблюдений над объектом⁵⁸. Эмпирические описания в археологии — чрезвычайно распространенное явление в силу специфики археологического познания, объектом которого выступают СИО—АК, исследуемые по специфическим опредмеченным остаткам их жизнедеятельности — источникам, преобразуемым в артефакты. На базе последних создаются эмпирические описания фактов прошлой исторической действительности. Объект непосредственного исследования археологии с точки зрения логики науки — сформулированные исследователями различные предложения, описывающие материальные остатки прошлого. На базе описаний устанавливаются системы признаков и связей эмпирических объектов, используя наблюдения, сделанные при полевых исследованиях (стратиграфия, планиграфия, комплексы, памятники и т.п.) и камеральной обработке (чертежи, таблицы, фото, описания, размеры и т.п.), которые являются составной частью описаний. Такие описательные конструкции широко применяются в археологии для обоснования взаимосвязи и взаимозависимости артефактов, доказательства правомерности привлечения тех или иных данных при построении АТзнания и т.д. Эмпирические описания, кроме того, служат средством выполнения исследовательских процедур, связанных с формированием артефактов на основе археологических свойств (гл. II.3) и анализа археологических фактов по свойствам принципа ориентации (гл. II.4).

Вопросам эмпирического описания археологических объектов посвящена значительная часть коллективной монографии по анализу археологических источников⁵⁹. Это пока единственная обобщающая работа в нашей литературе, но и она ориентирована преимущественно на вопросы формализации исходных данных.

Большой раздел в своей монографии посвятил проблемам описания французский археолог Ж.К.Гарден, объединяя эти процедуры под названием "компиляция"⁶⁰. В этот раздел автор включает описания объектов и классов, описания обстоятельств их открытия и современного состояния, описания поселений и среды, в которых они появились и существовали. "Компиляция, — по определению Ж.К.Гардена, — это любая последовательность взаимосвязанных высказываний, предназначенных для описания предметов материальной культуры, которые нужно объединить в одном своде, чтобы облегчить изучение связанных с ними исторических проблем"⁶¹. Последние определяют фактически весь подход к решению проблемы. Автор полагает, что можно создать универсальную схему для описания свойств источников, которые удовлетворят потребность любой познавательной задачи, т.е. зафиксируют *все свойства*, присущие любому археологическому факту. Организация таких свойств у автора сведена к решению технических проблем и форме организации информации, совершенно не касаясь содержательной стороны, необходимой при социально-исторических исследованиях. Так, одним из главных вопросов Ж.К.Гарден считает необходимость договориться о введении в действие международной системы информации, которая нацелила бы составителей компиляций на использование доступных и общепринятых терминов, не ограничивая свободу выбора относительно содержания⁶².

В целом автор анализирует лишь формальные стороны организации описаний, что также необходимо разрабатывать и исследовать, но это должно быть в тесной связи с решением проблем, которые и будут содержаться в АМтеории, иначе вся разработка исследовательской деятельности остается на позициях логического позитивизма, т.е. сугубо процедурных изысканий. Кстати, эту позицию признает и сам Ж.К.Гарден⁶³. Эмпирические описания в социоисторических исследованиях направлены на включение в него таких свойств (признаков) артефактов, которые необходимы для развертывания системы доказательства вопросов, поставленных в проблеме и гипотезе, т.е. для построения АТзнания. Обоснование правомерности привлечения артефактов различного содержания и должно быть дано в АМтеории, рассматриваемой в ее методологической функции. Описание в таком плане всегда жестко связано с содержанием АТзнания.

Теоретические описания, по А.И.Ракитову, — это логические системы, где входящие в них "предложения организованы по соответствующим законам логики, обуславливающим их последовательность внутри данной системы"⁶⁴. В несколько ином плане определяет теоретические

описания А.А.Печенкин, исследующий функции теории по их отношению к экспериментальному исследованию: теоретическим описанием он называет "установление с помощью теории нового экспериментального закона, резюмирующего некоторую совокупность уже известных экспериментальных данных"⁶⁵. Это определение, по нашему мнению, является необходимым дополнением, особенно для археологического познания, в котором именно подобные теории имеют классическое выражение и весьма широко распространены.

Теоретические описания этого типа представляют собой в археологии обычные *реконструкции* (гл. V.3) различных сторон *образа жизни*, когда необходимо воссоздать, представить для исследования историческое прошлое в его повседневном бытии, как бы реконструировать весь технологический процесс определенного вида социальной деятельности. Понятие "технология" в данном случае наиболее точно выражает ту процедуру, которую реконструируют археологи, стремясь представить историческое прошлое в форме описания образа жизни. Процедура реконструкции создает для социально-исторического исследования идеальные объекты которые в его структуре составляют *эмпирическое основание — наглядную картину прошлой исторической действительности*.

В этих реконструкциях — отображение огромного, многоликого и богатого проявления человеческой жизни, которое требует описания, причем не сумбурного, хаотичного, а с теоретически обоснованных позиций. И здесь приходит на помощь описательная функция АМтеории, которая позволяет четко различать, разграничивать отдельные конкретно-исторические объекты, сохраняя в археологических описаниях их специфику и своеобразие.

Первая ступень реконструкции связана с распознаванием эмпирических функций остатков предметного мира. Теоретические реконструкции начинаются там, где мысленно восстанавливаются сложные объекты, включающие множество более простых, односложных явлений или когда проводится реконструкция на базе более широких обобщений массовых фактов. В этом варианте реконструкции как теоретические описания наиболее четко выполняют функции перехода от эмпирического к теоретическому познанию в археологии.

Наконец, в собственно теоретических социоисторических исследованиях реконструкция как полное мысленное восстановление процесса обычно не производится, но подразумевается, а для исследования выбираются лишь элементы, необходимые для разработки конкретных положений АТзнания.

Проиллюстрируем все это на нескольких примерах. Допустим, имеются некоторые уже накопленные ранее эмпирические наблюдения: на поселениях открыты остатки печей для варки железа и рядом с ними крицы, шлак, уголь, находки наковален, молота, некоторых изделий из железа; на могильниках той же культуры или синхронных культу-

рах соседней территории обнаружены мужские захоронения, в которых находился набор кузнечных инструментов — клещи, молоток, зубило и др., и еще здесь найдены клады, содержащие массу изделий одного типа из железа⁶⁶. Все это — разрозненные артефакты. Выдвигается задача описания технологии ремесленного производства железа, в котором физическая (металлургическая) теория производства железа выступает в АМтеории в качестве модели для установления эмпирических закономерностей. Здесь приходит на помощь мысленный эксперимент, о котором шла речь выше. Опираясь теоретическими описаниями и общими понятиями о технологии железоделательного производства (знания, накопленные наукой), обнаруживают определенную форму связи между эмпирическими данными, соединяя их в необходимую систему данной предметной области, которая и описывается как определенная целостность — ремесленное железоделательное производство. По этому образцу фактически строятся все исследования по ремесленному производству, в том числе и первая монографическая работа, посвященная истории черной металлургии Восточной Европы⁶⁷.

Приведем еще один пример из области создания описательных теоретических построений в археологии. В работе по генезису раннеславянских племен В.В.Седов формулирует четко свою общетеоретическую концепцию, что "археологическая культура или группа родственных археологических культур соответствует этнической общности" и что показателями этнической специфики отдельных групп населения являются своеобразия в погребальном обряде, типах жилищ, некоторых женских украшениях⁶⁸. На основе этой АМтеории автор находит возможным вывести определенную эмпирическую закономерность в каждой из перечисленных категорий археологических материалов как отдельных подсистем этноса, а взаимная корреляция их и логическая увязка в целостность позволяют описать отдельные общности, соответствующие, по мнению автора, этноплеменным образованиям.

Структура описательных АМтеорий в археологии достаточно хорошо отрабатана в практике исследований, хотя и явно редко описывается. Теоретические построения проводятся в связи с некоторым накоплением артефактов, которые, по мнению исследователя, могут быть отнесены к какой-либо сфере социальной деятельности или любого ее подразделения. Определив сферу социальной деятельности, создается АМтеория как идеальная модель ее развития, структуры, технологии и т.д. в зависимости от познавательной задачи, поставленной при построении АТзнания. Путем мысленного эксперимента воссоздается ситуация исследуемого объекта, явлений, процессов, в которых особое внимание обращается на компонентный состав и взаимосвязь его частей. Большую роль играет состав предметного мира компонентов, ибо именно он и должен дать выход на эмпирические данные — комплекс артефактов. В этом переходе важны качественные соответствия,

которые и позволяют в конечном итоге ввести в АТзнание те или иные эмпирические факты. В описанном выше примере, допустим в теории компонент орудия обработки металлических изделий (или просто кузнечный инструмент) позволяет включить в анализ достаточно широкий набор конкретных предметов из археологических раскопок, а также использовать различные косвенные данные — провести анализ готовой кузнечной продукции с точки зрения технологии производства, источников сырья, следов сработанности самих изделий или следов работы на вещах, сделанных этими орудиями, и т.д.

АМтеория, следовательно, является базой любой реконструкции в виде каркаса — схемы — модели, наполняемой конкретным содержанием. Большую роль в формировании базовой теории тех сторон, которые позволяют представить технологический процесс, играют различные аналоги, главным образом этнографические, а также талант исследователя, благодаря которому можно найти косвенные, опосредованные факты, позволяющие соединить артефакты в единое целое с большей силой доказательности. Все это в совокупности и составляет логическую структуру описательных теорий.

Описательная функция теории, как уже отмечалось, ставит своей главной задачей дать объект исследования в таком изложении, которое позволяет достаточно полно выделить, различить, обособить как сам объект, так и его элементы и их свойства.

В таком виде описательные теории относятся к феноменологическому типу⁶⁹, особенностью которого является то, что они ставят главной целью описание и систематизацию взаимосвязи явлений и ограничиваются лишь объяснением эмпирически наблюдаемых фактов. Именно в таком стиле выполнены уже упомянутые выше монографические исследования С.А.Семенова по технологии каменного века и происхождению земледелия⁷⁰. Теории этого типа представляют собой обобщение огромного количества фактов, накопленных наукой, которые могут выступать как модели в дальнейших исследованиях.

Но задача познания не ограничивается такими исследованиями. Подобный подход характеризует начальные этапы научного познания, и в современной науке описательная функция АМтеории является одним из составных элементов ее структуры. Теории ставят задачи объяснения сущности, предсказания их и т.п. Но сами по себе описательные теории играют немаловажную роль в археологическом исследовании. Современная теория АК, хотя она до сих пор и не изложена достаточно ясно, носит пока четко обозначенный описательный характер. Выделение АК строится на использовании нескольких эмпирических закономерностей встречаемости и сходства предметных остатков, которые позволяют строить всю систему исследования исторического прошлого создателей таких АК. Однако эта теория пока еще не объясняет, почему существуют такие закономерности, что и придает теории описательный характер.

Феноменологический характер носят и все проводимые в археологии так называемые социологические реконструкции, которые и в процессе дальнейшего развития науки, когда будут все более возрастать задачи теоретизации и историзации археологического знания, останутся таковыми, т.е. будут давать первичное социологическое толкование артефактов во взаимодействии, в комплексе социальной деятельности на уровне образа жизни. Этот тип теоретических описаний позволяет отражать в археологическом познании исторический процесс в многообразии его внешних проявлений и избежать чрезмерное схематизирование и штампы.

Описательное АТзнание в современной археологии все чаще играет вспомогательную роль, подготавливающую и тем самым обосновывающую эмпирический базис исследований сущностных сторон социально-исторического развития древних обществ.

Естественно поэтому, что задача состоит не в том, чтобы преодолеть или ликвидировать описательное АТзнание, а совершенствовать его на базе разработки описательных функций АМтеорий и наряду с ними развивать и углублять теоретическое познание социально-исторической сущности изучаемых явлений, которые вскрываются артефактами, обобщаемыми в соответствующем описательном АТзнании. В таких исследованиях центральное место занимает уже теоретическое объяснение как главная функция социоисторических исследований.

Прежде чем обратиться к исследованию объяснения как функции теории, необходимо еще раз рассмотреть, что вообще понимается в познании под научным объяснением (см. гл. IV.3).

Объяснение как элемент научно-исследовательской деятельности понимается в нескольких различающихся значениях. Крайняя точка зрения в определении, что объяснение — это функция науки, и все познавательные процедуры составляют лишь элемент этой категории⁷¹. В другом варианте в объяснении видят одну из функций науки наряду с систематизацией, описанием, предсказанием и т.д. Основное, в чем совпадают мнения, что функция объяснения состоит в раскрытии сущности, обусловленности описанных наукой объектов, явлений, связей и т.п., поэтому данная функция несомненно имеет приоритетное значение в научно-познавательной практике⁷².

А.И.Ракитов пишет, "что объяснение есть процедура, фиксирующая причины, факторы, основания или, в особых случаях, способ образования данной ситуации, события или процесса"⁷³. Это определение более ориентировано на конкретно-историческое познание, в котором объяснение большинством историков понимается ближе по смыслу к обывденному. Аналогичную точку зрения высказывает А.Н.Елсуков⁷⁴. Обстоятельно описана категория исторического объяснения в книге А.И.Уварова, который понимает под ним "установление существенных связей между фактами, входящими в ту или иную теорию, с целью раскрытия сущности исследуемого объекта, относящегося к социально-

му прошлому, причин его возникновения и законов развития"⁷⁵. Таким образом, через научное объяснение историческая теория выполняет свою основную функцию — познает законы развития исследуемых явлений и процессов прошлой исторической действительности.

В археологии В.В.Радилюковский, отмечая, что объяснительная функция связана с решением основных исследовательских задач, выделяет лишь два вида объяснительной функции: один основан на интуиции, а другие связаны с применением методов точных наук, особенно математической статистики, которые автор связывает с проверкой статистических гипотез⁷⁶. Но это во многом обедняет функцию объяснения, которая, безусловно, гораздо шире и в археологии.

А.И.Ракитов обращает внимание на необходимость строго различать близкие по своему виду объяснения и причинные описания. Сравнение объяснения и причинного описания на конкретно-археологическом примере позволяет четко очертить и границы объяснения. В предложении "глиняные женские статуэтки, найденные на Конецгорском селище, относятся к ананьинской культуре"⁷⁷, имеются и причина (найденны на селище) и следствие (относятся к ананьинской АК). Но такое причинное описание отнюдь не является научным объяснением, ибо содержит элементарную информацию, не раскрывающую само явление, его социально-историческое содержание, даже в самом простом виде. Для того чтобы данное описание выступало как научное объяснение, необходимо сформулировать некоторые общие закономерности.

1. Находки в одном культурном слое относятся к одной АК (Конецгорское селище, однослойный памятник ананьинской АК).

2. На некоторых ананьинских поселениях вместе с другими типично ананьинскими изделиями находили и глиняные женские статуэтки⁷⁸.

Если мы теперь соединим причинное описание и сформулированные закономерности, то получим уже причинное объяснение. В этом объяснении артефакт — находки глиняных женских статуэток — подведен под эмпирическую закономерность (однослойность — однокультурность; регулярность находок статуэток в ананьинских комплексах) и получен ответ на вопрос, почему глиняные женские статуэтки относятся к ананьинской АК. В этом объяснении приведена система доказательств и имеется информация, значительно более широкая, чем простая причинная связь, в том числе о регулярности находок статуэток, возможности их нового обнаружения (предсказание) и т.п. Этот достаточно схематизированный пример иллюстрирует общий подход к построению научного объяснения. Объяснение всегда тесно связано с описанием, которое вскрывает объект лишь поверхностно, с отдельной стороны. Объяснение же рассматривает его в связи с другими объектами, как целое, и тем самым условия его существования.

Объяснить научные факты, обобщения и описания можно лишь путем установления определенной логической связи, введя их в систему уже накопленного знания. Эта процедура и выполняется с помощью

объяснительной функции АМтеории, в которой содержится слой знания, ассимилировавшего ранее известное АТЗнание, в том числе данной конкретно АК. Собственно, вся структура построения АМтеории с самого начала была ориентирована именно на выполнение этой функции — введение нового знания, высказанного в виде гипотезы в концептуальную систему теоретического знания об исследуемом объекте, процессе и т.п. Это введение должно быть непротиворечивым, через систематизацию, классификацию, описание, сравнение, синтез и т.п., опирающееся на эмпирические данные. Объяснение, составляющее основной компонент любого АТЗнания, транслирует, следовательно, основную идею из гипотезы и АМтеории. Таким образом, объяснение представляет собой творческий процесс, а само знание в нем синтетическое.

Онтологической основой разработки познавательной категории объяснения служит диалектический принцип всеобщей объективной связи и обусловленности явлений материального мира. Исследование этих связей и взаимообусловленностей позволяет проникнуть в существо изучаемых явлений и тем самым объяснить те или иные проявления их в реальной действительности.

Объектом специально-научного анализа категория "объяснение" стала в основном с 40-х гг. нашего века в трудах западных логических позитивистов. По своей структуре научное объяснение, исходя из его гносеологической характеристики, состоит из двух логически связанных частей. "Мы разделяем объяснение, — писали лидеры логического позитивизма К.Гемпель и П.Оппенгейм, — на две большие части — *экспланандум* и *эксплананс*. Под *экспланандумом* мы понимаем предложение, описывающее то явление, которое подлежит объяснению (но не само это явление), под *экспланансом* — класс тех предложений, которые приводят для объяснения явления"⁷⁹. Для получения научного объяснения эти два компонента должны быть согласованы, соединены отношениями логического следствия, а для этого *эксплананс* должен содержать хотя бы один закон науки, который бы служил исходным основанием для рассуждения.

Следует отметить, что задолго до появления этой терминологии, которая в настоящее время широко входит в употребление⁸⁰, в логике научного познания уже рассматривалась подобная ситуация и *эксплананс* называли обычно "основанием", а *экспланандум* — "следствием" или "результатом", что встречается и в современной литературе.

Таким образом, объяснение всегда опирается на логический вывод, который, однако, не всегда можно признать объяснением. Хотя само объяснение выглядит как дедуктивное заключение, поскольку при рассуждении большая посылка служит основой для заключения и под нее подводится объясняемое явление, в самом процессе научного объяснения эта процедура фактически совершается в обратном порядке. Объяснения, как правило, требуют факты, обобщения, описания, поэтому ученый ищет и подбирает к ним исходную посылку, положение

и т.п., которые позволили бы с его точки зрения дать им удовлетворительное объяснение. Заключение дедукции — это *экспланандум*, который известен уже до построения логической связи, и задача при объяснении состоит в поиске *эксплананса* — большей посылки дедукции, которая должна поэтому обладать большей логической силой. Именно поэтому в качестве *эксплананса* обычно используют общие понятия, логические принципы, законы, даже целые теории или обобщающие понятия и т.п., которые и концентрируют в АМтеории. Таким образом, АМтеория — это логическая конструкция, необходимая как средство познания для выполнения наиболее ответственного и фактически главного этапа исследования — получения научного объяснения, что и представляет собой решение познавательной задачи.

Конечно, процесс научного объяснения элементарен только в иллюстрирующих примерах. В процессе исследования он применяется с другими категориями и сам выступает в виде многоступенчатой конструкции. Наглядно это можно показать на анализе конкретного объяснения уже использованных выше находок женских статуэток. А.В.Збруева писала о них следующее: "Доказательством почитания женского божества в Прикамье могут служить глиняные женские статуэтки... Эти фигурки были найдены во время раскопок двух городищ в Сарапульском районе и Конецгорского селища в районе устья р.Чусовой, очень отдаленных друг от друга. В последнем большая часть этих фигурок была обнаружена в жилище, поблизости от очагов. Вероятно, они являлись изображением покровительниц домашнего очага. У народов коми и удмуртов, а также манси и ханты исследователи обнаружили следы поклонения верховному женскому божеству..."⁸¹

Логический анализ этого отрывка выявляет типичное для археологии научное объяснение, которое выразим следующим образом.

Эксплананс: Большая посылка (общие понятия):

- Почитание женского божества;
- Покровительница домашнего очага.

Меньшая посылка (дополнительные данные)

- У народов коми, удмуртов, манси, хантов фиксировалось поклонение женскому божеству*.
- Женские статуэтки находили неоднократно на ананьинских поселениях.
- В Конецгорских жилищах женские статуэтки были найдены в жилищах у очагов.

Экспланандум: Глиняные женские статуэтки.

Объяснение: как факт социологического содержания глиняные статуэтки свидетельствуют о культуре покровительниц домашнего очага.

Но вся эта структура первоначально была сформулирована в виде АМтеории, которая в ходе исследования наполнялась конкретно-истори-

* Эти народы финно-угорской группы относятся к потомкам ананьинского населения или родственного с ним.

ческим содержанием. Обобщающим артефактом в этом примере были глиняные статуэтки, которым необходимо было дать социологическое объяснение. Как видно из схемы, кроме основной исходной большей посылки для объяснения потребовалось привлечение еще целого ряда дополнительных данных, которые объединяются в меньшую посылку, так как не имеют прямого отношения к содержанию объясняемого явления (социологическое содержание его), а лишь выводят объяснение, придают ему логическую доказательность. Уже на этом чрезвычайно простом примере видно, что в процессе объяснения объединяются в единое целое все компоненты научной теории: основание теории — большая посылка — заимствована из теории первобытной формации, меньшая — из этнографии и археологии; эмпирический базис в данном случае — отдельные артефакты (но здесь могут быть и реконструкции на уровне образа жизни), методы, примененные при исследовании — исторические аналоги, метод синхронизации комплексов с однотипными находками и т.д. И, наконец, выводное концептуальное значение — объяснение наличия женских статуэток как проявление культа покровительницы домашнего очага.

Научное объяснение в исторических исследованиях строится исходя из онтологической природы объекта этих наук, познающих общества прошлого как СИО, которые представляют собой одну из наиболее сложно иерархически организованных систем. Отсюда нетрудно представить, с какими сложностями приходится иметь дело историку и археологу при научном объяснении различных фактов прошлых общественных систем и какие конструировать сложные АМтеории для их познания.

А.Н.Елсуков считает, что в истории описание фактов и их истолкование (объяснение) настолько различны и специфичны, что могут быть рассмотрены как самостоятельные части исследовательского процесса⁸², причем фактографическую часть он считает более стабильной и устойчивой, а интерпретационную — подверженную постоянным изменениям и пересмотрам. Природу этой изменчивости автор усматривает в самом объекте науки — сложности и многомерности исторических явлений. Все это, конечно, верно, но не следует забывать, что изучение общества есть процесс познания общественных систем, в котором задача состоит в выделении существенных, необходимых явлений, раскрытие внутренней структуры процесса и его движущих сил. Отсюда может быть выведена первая особенность исторических объяснений в социально-историческом познании. В качестве большей посылки — эксплананса — в объяснении будут всегда использоваться положения, концепции, законы социологического характера, отражающие те или иные общие закономерности общественно-экономического развития социальных структур. Этот компонент в общей структуре теоретических построений выделяется в один из элементов основания теории, ее логические принципы (гл. IV.3).

Вторая особенность состоит в том, что подход к этим вопросам решается прежде всего с точки зрения тех логических принципов, которые будут положены в основу познания, определяемые, в свою очередь, мировоззрением исследователя. Поэтому изменчивость, постоянный пересмотр и новые объяснения научных фактов в истории — это не только и не столько изменчивость самой общественной жизни, а результат различия отправных позиций, с которых рассматривается то или иное явление, исторический факт и т.д. Отсюда в системе исторического объяснения решающее, принципиальное значение приобретает содержание общих больших посылок эксплананса, которые служат основой для объяснения, поскольку в них всегда будут использоваться философско-исторические концепции или обобщающие понятия социального развития. В марксистской исторической науке они формируются на базе материалистического понимания исторического процесса и, конечно, будут существенно отличаться от буржуазных концепций. Следовательно, различаться будут и научные объяснения, полученные на основе различных посылок. Именно поэтому справедливое заключение А.Н.Елсукова о том, что "объяснение исторических событий предполагает существование развитой теории социально-исторических явлений и конкретных эмпирических данных, синтез которых и позволяет построить научное объяснение исторических событий"⁸³, требует дополнительного указания на решающую роль мировоззрения в формировании научных объяснений социально-исторических явлений.

К аналогичному заключению приходит и А.И.Ракитов. "Рациональное историческое объяснение..., — пишет он, — оказывается, таким образом, процедурой "связывания" теоретического знания в форме закона истории с эмпирическим знанием в форме исторического факта"⁸⁴. Этот же автор обращает внимание еще на одну особенность исторических объяснений. Историю общества как динамической системы сложной иерархической структуры необходимо рассматривать в зависимости от ряда взаимосвязанных уровней ее организации, требующей объяснения различных по своей логической и гносеологической природе. Этой проблеме посвящен особый раздел одной из следующих глав.

ГЛАВА VI ТИПОЛОГИЯ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЯСНЕНИЙ

VI.1. ОБЩАЯ СТРУКТУРА ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОБЪЯСНЕНИЙ В АРХЕОЛОГИИ

Теоретические объяснения венчают познавательный процесс, поскольку раскрывают сущность изучаемых объектов, явлений. Теория как система объяснения нацеливает исследование на адекватное отражение в знании объективных процессов, раскрытие их сущностей — законов.

По своей общей структуре теоретическое объяснение состоит из двух частей: основания — эксплананса — АМтеории, содержащей законы, теории и логические принципы, и результата — экспланандума, требующего объяснения, где могут встречаться отдельные факты или обобщения, эмпирические законы и даже отдельные теории. Результатом теоретического объяснения должно быть установление некоторого определенного отношения логического следствия между теорией и эмпирическим законом (фактом, обобщением)¹. Схема объяснения Гемпеля—Оппенгейма была разработана в русле концепции логического эмпиризма, который ограничивал познание вопросами логического строения и обоснования уже имеющегося готового знания. Это придавало их схеме статическую, формальную структуру, в то время как объяснение — это еще процедура, направленная на получение определенного результата содержательного характера. Подобного рода недостатки схемы и были предметом критики в советской науке. Поэтому представляется продуктивным при создании модели структуры научного объяснения наполнение ее компонентами, ориентированными также на логическое обоснование содержательных результатов. В частности, одним из таких шагов является рассмотрение эксплананса в разрезе АМтеории, подробная характеристика которой была дана в предшествующих разделах. Кроме того, сама схема может быть развернута в дедуктивном плане, когда первоначально экспланандум или вообще не очерчен, или выявлен весьма приблизительно, и задача состоит в том, чтобы исходную социологическую гипотезу проверить с целью эмпирического подтверждения.

В теоретическом объяснении могут быть установлены два вида отношений эксплананса и экспланандума. В одном результат будет указывать на способ, каким можно получить объясняемое — экспланандум. Здесь теория выполняет методологическую функцию. В другом результат будет отражать сущность (закон) исследуемого объекта — экспланандума.

Так, В.М.Массон при изучении древних промыслов и ремесел по археологическим материалам первоначально разрабатывает общетеоретические положения. Составными элементами системы производственной деятельности автор считает "исходное сырье, орудия труда (средства труда) и профессиональные навыки человека, занимающегося трудом и включенного в систему определенных (производственных) отношений с другими индивидами. На выходе мы имеем результат трудовой деятельности, сам изготовленный объект, чаще всего обнаруживаемый археологами, по которому в определенной мере можно судить о трудовых процессах, приведших к его появлению"². Далее автор отмечает два качественных этапа развития этого вида производства: домашние промыслы и ремесло, с которыми связаны изменения в общественной структуре, в частности выделение ремесленников-профессионалов и их обособление от других видов хозяйственной деятельности (второе крупное общественное разделение труда, по Ф.Энгельсу) и, как следствие этого процесса, — возникновение регулярно обмена.

"Эта методологическая база исторического материализма, — отмечает В.М.Массон, — и является исходной теоретической основой при разработке археологической методики изучения домашних промыслов и ремесел, их взаимной связи и эволюции"³, которая позволяет наметить три основных методологических подхода, решающих поставленную проблему в необходимом направлении:

"1. Установление степени профессионализма, проявляющейся в технологических особенностях производства и в устойчивой связи мастеров-профессионалов с орудиями труда (погребения ремесленников).

2. Определение территориального расположения на поселении центров производств как отражение форм организации соответствующих промыслов.

3. Установление развитого обмена и торговли предметами домашних промыслов и ремесла, а не сырьевыми ресурсами и уникальными предметами..."⁴

Таким образом, в данной части исследования ясно очерчен способ, каким должен вестись анализ для получения теоретического объяснения, т.е. эксплананс здесь имеет выход на систему метода объяснения (АМтеория).

Большую роль приобретает объяснение, когда задача состоит в отражении объективных социальных процессов, исследуемых наукой.

В этих случаях АМтеория — эксплананс — выступает теоретической моделью экспланандума. В археологии, таким образом, строится связь между комплексом артефактов (эмпирический базис) и теорией социальных структур, что практически представляет собой установление социологического смысла изучаемых явлений, предметных остатков, т.е. познание их сущности в социальных системах конкретных обществ прошлого. Но объяснение с помощью построения теоретической модели — отнюдь не механическое совмещение двух элементов. В современной науке принято положение, согласно которому объясняемое явление — эмпирический закон — должен быть выведен из теории эксплананса⁵.

В структуре историко-археологических объяснений следует акцентировать внимание на содержании следующих отдельных компонентов. 1. В системе теоретического обоснования — выделение категорий — понятий социального содержания их характера и объяснения. Эта часть объяснения заимствуется из АМтеории, в которой особое внимание уделяется построению теоретической модели исследуемого объекта как его рабочего аналога. 2. Обоснование правил соответствия, обеспечивающих связь социологических понятий с артефактами (по существу, это процедура логического соединения теории с эмпирией). 3. Разработка операциональных процедур по правилам соответствия и логике связей понятий, особенно на уровне преобразования исходных данных и приведению их к виду, включаемому в качестве эмпирического базиса в АТзнание для объяснения.

Приведенная выше разработка В.М.Массона по домашним промыслам и ремеслу послужила теоретической моделью для анализа и объяснения под данным углом зрения и в соответствии с разработанной методикой материальных остатков раннеземледельческих культур Средней Азии и Ближнего Востока⁶. Автор показывает, как на втором этапе развития (этап ремесла) усложняется производство, выделяются новые отрасли (гончарство, металлургия, строительство), повышается профессиональное мастерство, появляются погребения с набором ремесленного инструмента, мастерские, а затем и особые ремесленные центры. Наряду с археологическими материалами автор приводит и данные этнографии, которые позволяют не только живо представить себе весь процесс, но и понять его социальное содержание. В исследовании В.М.Массона для объяснения артекомплексов, связанных в различной мере с ремесленным производством, автор пошел по пути первоначального построения теоретической модели в АМтеории эксплананса, и исходя из нее стало возможным дать обоснованное объяснение экспланандума — многим фактам из археологических раскопок путем установления их социологического смысла в конструкции теоретической модели. При этом хорошо прослеживается, как объяснение эмпирических закономерностей — допустим, выделение домов или кварталов ремесленников — логически вытекает из принятой автором АМтеории.

Таблица 12. Структура теоретических объяснений в археологии

ЭКСПЛАНАНС:

Большая посылка: I. Общесоциологические теории и концепции (логические принципы).

Меньшая посылка: II. Дополнительные социологические теории и концепции в соответствии с гипотезой. Данные смежных наук. Знания, накопленные археологией по исследуемой проблеме. Концептуальная схема.

III. Теория опредмечивания социальной деятельности.

Теоретическая модель объекта исследования.

IV. Археологические свойства. Эмпирические закономерности. Эмпирический базис теории.

V. Свойства принципа ориентации: культурно-хронологические определения.

ЭКСПЛАНАНДУМ:

1. Артефакты и артекомплексы, подлежащие объяснению. 2. Реконструкции на уровне образа жизни.

ОБЪЯСНЕНИЕ:

Установление социальной сущности (закономерности) экспланандума.

Попытаемся обрисовать структуру социоисторического объяснения, опираясь на общие принципы социального познания археологии (гл. 1.2—5). Конечно, это будет лишь статическая схема, ибо само объяснение — в высшей степени динамический творческий процесс.

Исходной ступенью к построению научного объяснения выступает познавательная задача и гипотеза объяснения, сформулированные исследователем (гл. III.3, 4), которые очерчивают конкретную предметную область будущей концепции АТзнания. Но на первоначальном этапе все это ассимилируется в АМтеории, которая выступает как средство исследования для обоснования и выполнения процедур преобразования, систематизации, описания фактов, объяснений, выводов и т.д.

Выше уже отмечалось, что в исторических объяснениях решающее значение имеет мировоззрение ученого, формирующее логические принципы его исследовательской практики и общие социально-исторические концепции, из которых черпаются идеи для построения научных объяснений⁷. Этот слой составляет большую посылку эксплананса (блок I, табл. 12), которая всегда будет включать теорию или концептуальное ядро из арсенала философии и общей социологии. Это и будет та часть основания АМтеории, которая формирует логические принципы познания.

Большая посылка содержит абстракции такого уровня, из которых прямо невозможно вывести объяснение эмпирических закономерностей, поэтому в системе объяснения в экспланансе выделяется меньшая посылка, в которую включаются законы и теории с меньшей абстракцией, уточняющие задачи объяснения, конкретизирующие и направляющие систему поиска объяснения для экспланандума (блок II). Особую роль в поиске теоретических объяснений играет подбор теорий в соответствии с принятой гипотезой, теорий менее общего характера, чем в теориях большей посылки, они оказываются наиболее плодотворны-

ми компонентами эксплананса в решении проблемы объяснения и именно здесь сосредоточивается исследовательский поиск⁸. В этом же блоке II концентрируются различные теоретические данные, привлекаемые в качестве разъясняющих, сравнительных из других наук — социальных и естественных.

В блоке II объединяются теоретические знания, которые позволили бы в конечном итоге сформулировать социологическую концепцию исследуемого объекта, обрисовав достаточно четко его положение в социальной системе, естественно, уже с определенными пространственно-временными коррективами, заданными в гипотезе. Поэтому здесь всегда присутствует компонент, включающий уже имеющееся знание, накопленное ранее в процессе изучения данной конкретной проблемы в археологии в целом и в данной конкретной АК в частности. В этой части концентрируется познавательная задача и исследование направляется уже по конкретно-историческому руслу.

Далее в АМтеории, как было отмечено выше (гл. V.3), включает теория **опредмечивания** социальной деятельности.

Одной из основных задач объяснения является прежде всего истолкование эмпирического базиса, который в археологии формируется из артефактов различного характера. В руки археологов попадают вещи, предметы, остатки сооружений и пр., которые в настоящем как явления социального характера "мертвы". Их "оживить", включить вновь в исследуемую социальную систему, воссоздаваемую идеально мыслью ученого, можно только через социологическое объяснение. В процессе этого объяснения необходимо не только установить функцию объекта — железная вещь определенной формы — топор — рубящее орудие; развал глиняного сооружения с сильным обожжением, с остатками шлака и руды — горн для варки железа — металлургическое производство и т.п., но, что еще важнее, включить эти описания в систему научного анализа социальной структуры или реконструировать определенный объект, явление и процесс, что может быть осуществлено только на основе *общих закономерностей опредмечивания социальной деятельности*. Действительно, едва ли можно определить предмет в качестве "топора", не имея представления о деятельности, связанной с рубкой леса или распознать остатки горна, не зная, как социальная деятельность в области железодобывающего производства включает "предметный мир" — создает предметы, необходимые для функционирования этого производства. Но это лишь первый шаг в социологическом объяснении артефактов, перед исследователем встанут задачи познания их в социальной связи с другими предметами, реконструкции технологии отдельных явлений и процессов, которые бы воссоздавали определенную сферу деятельности и т.п. Объясняя социальную функцию того или иного предмета — явления (артефакта) через подведение его под процесс опредмечивания в определенной социальной сфере, появляется возможность объяснить его в системе этой сферы, привлекая

другие артефакты на основе знания закономерностей опредмечивания данной сферы. Так, в нашем примере с горном для объяснения могут быть привлечены находки молотков, клещей, крич железа, запасы угля, флюсов и т.п. В объяснении артефактов и эмпирических закономерностей в качестве малой посылки в экспланансе всегда должны использоваться явно или неявно закономерности опредмечивания социальной деятельности: Эта часть меньшей посылки эксплананса выделяется в самостоятельный блок III как теория опредмечивания социальной деятельности, обрисовывающая тот предметный мир, который необходимо включить в систему данного исследования. Следовательно, задача блока III — довести разработку общей концепции (блок II) до уровня, когда для каждого элемента этой концепции может быть указан прямо или опосредованно его *предметный коррелят*. Именно это и дает возможность отбора артефактов и формирования эмпирического базиса объяснения. Отметим еще одну важную роль этого блока — здесь фактически осуществляется логическая связь между теоретическими и эмпирическими понятиями археологии, т.е. связь социологических терминов и артефактов в единую социально-историческую конструкцию.

На базе описанных трех блоков завершается процесс теоретико-методологической разработки процедуры объяснения — создается теоретическая модель объекта исследования, которая представляет собой каркас объяснения, но этот каркас требует проверки практикой — введения в него эмпирических данных (блок IV), которые вносят соответствующие коррективы и в конечном итоге позволяют выбрать оптимальный вариант, который и будет являться научным объяснением.

Блок IV — археологические свойства — формирует эмпирический базис объяснения, который несколько различается в зависимости от его содержания. На уровне образа жизни объяснение практически сводится к реконструкции социального явления (объекта), что составляет теоретическое описание. Выше уже обращалось внимание на некоторую относительность разграничения этих двух конструкций в истории — объяснения и описания. Для реконструкций привлекается как можно более широкий круг артефактов, связанных с данным явлением (объектом). Чем разнообразнее артефакты, тем полнее выглядит реконструкция.

На уровне исследования социально-исторических закономерностей подбор эмпирических фактов осуществляется несколько иначе. Здесь сами реконструкции уровня образа жизни могут полностью и не выполняться, а лишь предполагаться как таковые уже в экспланандуме. Решающее значение в этих исследованиях приобретает, исходя из теории опредмечивания, выбор таких свойств в археологических фактах, которые несут наибольшую информацию об исследуемой области. Допустим, для исследования общественного положения индивидов по погреб-

бальным остаткам из них выбираются лишь данные о размерах могильных сооружений, количестве и качестве инвентаря. Или для этнических исследований по керамике берется лишь орнаментация сосудов и т.д. Выбор артефактов осуществляется на базе анализа археологических свойств (гл. II.3), фактов, собранных в экспланандуме, т.е. подлежащих объяснению. При этом, как правило, вносятся постоянные коррективы, которые, исходя из теоретических положений вышележащих блоков, привлекают дополнительные, зачастую опосредованные данные. Это первая ступень в процедуре формирования блока IV — привлечение фактических данных.

Следующий наиболее обширный и ответственный шаг — разработка операциональных процедур от преобразования артефактов, которая также строится в соответствии с определенными концепциями АМтеории, объясняющей логику преобразования эмпирических фактов, получения эмпирических закономерностей, возможность их теоретического истолкования и т.д. Результаты эмпирической обработки артефактов образуют тот эмпирический базис, который вводится как компонент в теоретическое объяснение, но это должно быть выполнено логично, непротиворечиво, чтобы дать аргументированную эмпирическую интерпретацию принятой теоретической концепции, выраженной пока в теоретической модели. Именно в этой операции эмпирические данные в конечном счете наполняют концепцию (модель) конкретно-историческим содержанием, т.е. определяют результат социально-исторического исследования. Эмпирическая база в преобразованном виде, следовательно, включается как составной компонент АТзнания.

Последний, V блок эксплананса формируется на базе **принципов ориентации** (гл. II.4). Особенность этого раздела в том, что здесь используются факты при построении социальных объяснений исходя из опыта знания, накопленного наукой, — это данные о культурно-хронологической принадлежности артефактов, включаемых в эмпирический базис объяснения. Принципы ориентации обуславливают включение артефактов в исследование пространственно-временной системы, которую призвана объяснить теория. В примере с социологическим объяснением женских статуэток два пункта дополнительных данных — находки статуэток на ананьинских поселениях и в жилищах около очага — представляют собой именно сведения об объясняемых артефактах. В этом смысле блок принцип ориентации как использование качеств, уже получивших объяснение, будет употребляться далее в структуре эксплананса.

Таким образом, при построении историко-археологических объяснений эмпирических артефактов и обобщений в археологии, как и в исторической науке, находятся в тесной взаимосвязи эмпирическое основание и теоретические предпосылки (гипотезы, АМтеории и т.п.).

В целом структуру теоретического объяснения археологии можно представить в табличной форме (табл. 12).

По глубине проникновения в сущность исследуемых явлений теоретические объяснения можно разделить на два типа. В одном, отождествляемом с *феноменологическими объяснениями*⁹ или объяснениями в узком смысле¹⁰, анализу (объяснению) подвергается только результат — экспланандум, который представлен обычно фактами или эмпирическими закономерностями. В качестве эксплананса здесь используются теории с эмпирическими законами, не раскрывающими структуру и механизм изучаемого явления. Эти объяснения ограничиваются подведением факта или обобщения под общий закон, схему или логический вывод из закона, которые позволяют дать удовлетворительное объяснение явления, не вскрывая генезиса, глубоких причинных связей и т.п.

В качестве примера подобного рода объяснений используем следующий факт. При раскопках позднелолитического поселения Мезин в жилище № 1 было обнаружено скопление костей мамонта — лопатка, бедро, две челюсти, череп, орнаментированные узорам, нанесенными красной краской. Исследователи этого памятника И.Г.Шовкопляс и И.Г.Пидопличко, конечно, сразу обратили внимание на необычный характер как самих находок, так и их скопления в жилище. Поскольку эти находки не были связаны с производственной деятельностью, им, естественно, приписали культовый характер¹¹, рассматривая их так же, как произведения искусства. В этой трактовке ясно просматривается феноменологический характер объяснения — истолкование только самого артекомплекса (экспланандума), подведение его под общую схему — культовые изделия (эксплананс). В принципе такое объяснение верно, но насколько оно ограничено, показали дальнейшие исследования, выполненные С.Н.Бибиковым.

Теоретические объяснения в широком аспекте или объяснения нефеноменологического типа вскрывают сущностную сторону исследуемого факта или закона, чтобы дать им интерпретацию. Такие теории называют иногда *интерпретативными*¹².

Прекрасный пример теоретического объяснения интерпретативного типа дали дальнейшие изыскания С.Н.Бибикова по поводу описанного комплекса из Мезина. Автор явно не был удовлетворен объяснением, данным прежними исследователями, и поставил вопрос следующим образом: если данный комплекс не связан с производственной деятельностью, а это подтвердил и дополнительный анализ остатков из жилища № 1, то наиболее вероятно, судя по находкам, что это остатки идеологической сферы деятельности¹³. И далее, С.Н.Бибиков намечает первый существенно новый поворот в исследовании — для раскрытия сущности артефактов необходимо сформировать артекомплекс и изучить тщательнейшим образом ситуацию, в которой он находился¹⁴ (т.е. археологические свойства и свойства принципа ориентации комплекса). Это дало автору целый ряд совершенно новых фактов для интерпретации: дом, в котором находились кости, был отремонтиро-

ван, что необычно для палеолита, и использовался вторично, судя по планировке, только как хранилище; набор остатков в жилище неслучаен, кроме уже описанных предметов, здесь находились колотушки, шумящий браслет, проколки, игла, скопления охры, морских моллюсков и подвесок — все предметы могут быть четко взаимосвязаны в единый артекомплекс; как будет видно далее, соотносимый с обрядово-танцевально-музыкальным ритуалом.

Второй шаг, сделанный С.Н.Бибиковым — необходимость найти доказательства, функциональное объяснение раскрашенным участкам на самих костях. Кроме обычного археологического и палеонтологического анализа, автор привлек данные о состоянии поверхности костей, полученные путем судебно-медицинской экспертизы и трассологического анализа. На костях были обнаружены остатки повреждений естественной поверхности трех типов — повреждения от частых ударов твердым предметом, заполировка от соприкосновения костей с ладонями и стертости от трения по земле. Эти данные ясно показали, что раскрашенные кости — ударные музыкальные инструменты. По-видимому, на каком-то этапе работы с археологическим материалом у автора и появилась оригинальная гипотеза, которая затем выросла (явно или неявно — что уже несущественно) в АМтеорию, позволившую создать весьма аргументированную концепцию в виде АТзнания, обогатившего науку.

Окончательный ход рассуждений и выводов, полученных С.Н.Бибиковым в построениях АТзнания, достаточно ясны из прилагаемой схемы.

Схема-объяснение: интерпретация музыкально-танцевального артекомплекса из стоянки у с.Мезин (по С.Н.Бибикову).

ЭКСПЛАНАНС: I. *Большая посылка* (логические принципы).

В позднем палеолите завершается процесс формирования общества как социальной целостности. Одним из параметров социального мира является художественно-эстетическая форма освоения окружающей действительности.

II. *Меньшая посылка.*

1. Художественно-эстетическое освоение реального мира выражается в танцах, музыке, изобразительном искусстве, особых ритуалах.

2. Дополнительные данные из этнографии: у отсталых народов Севера известны ритуальные праздники, сопровождающиеся музыкой и танцами.

3. Археологические знания, ранее накопленные: некоторые находки (флейта) позволяли предполагать наличие музыки в позднем палеолите, широко известны были живопись и скульптура.

4. Концептуальная схема: в позднепалеолитическом обществе рождаются танцы, музыка, ритуалы как особые формы художественного освоения действительности.

III. *Закономерности опредмечивания.*

1. Для танцевально-музыкального сопровождения ритуальных обрядов употребляются различные музыкальные инструменты, украшения и т.п.

2. Уровень развития палеолитического производства был таков, что большинство предметов изготовлялось из костей.

3. Этнографические данные об употреблении у первобытных народов музыкальных инструментов ударного типа из крупных костей.

4. Ритуальные процедуры требуют определенного набора различного аксессуара и обособленного места их хранения.

Теоретическая модель объекта исследования.

Комплекс из Мезина — остатки музыкально-танцевального ритуала, что может служить доказательством качественного сдвига в общественном сознании — зарождении художественных форм освоения окружающего мира у людей позднего палеолита.

IV. *Археологические свойства.*

1. Ремонтно-реставрационные работы пришедшего в ветхость жилища № 1 и его вторичное использование как хранилища специфического артекомплекса.

2. Функциональный (в том числе эксперименты) анализ костей обнаружил следы ударов и стертости — свидетельства особого способа их употребления как музыкальных инструментов.

3. Кости и другие изделия раскрашены красной краской, что придавало им особый ритуальный смысл.

4. Охра, браслеты, кастаньеты, проколки — специфические предметы особого (ритуального) назначения.

V. *Свойства ориентации.*

1. Стоянка у с.Мезин относится к эпохе позднего палеолита.

2. Скопление артекомплекса (музыкально-ритуального типа) в одном месте — особом жилище № 1.

3. Отсутствие в жилище № 1 остатков производственно-бытового характера.

ЭКСПЛАНАНДУМ: Скопление раскрашенных костей мамонта, колотушек из костей, шумящего браслета, охры, проколочек, иглы — остатки единого артекомплекса в жилище № 1.

ОБЪЯСНЕНИЕ: 1. На стоянке в жилище № 1, пришедшем в ветхость, после ремонта устроили хранилище для реквизита, связанного с ритуальными действиями, во время которых раскрашивали, гримировали тела охрой, набрасывали шкуры и застегивали их проколочками, исполняли танцы с шумящими браслетами (кастаньеты) в сопровождении 6—7 ударных музыкальных инструментов, сделанных из костей мамонта.

2. Описанные предметные остатки — это реконструкция на уровне образа жизни, составляющем эмпирический базис теории.

3. В эпоху позднего палеолита в общественном сознании произошел качественный сдвиг — зарождение художественно-эстетической

формы освоения окружающей действительности, свидетельством чего являются остатки и следы ритуальных праздников (в сопровождении музыки, танцев), обнаруженные на стоянках этой эпохи (АТЗнание).

В целом данные реконструкции эмпирического базиса выполнены, конечно, уже в результате привлечения теоретической модели, хотя на начальном этапе, вероятно, никаких конкретно-теоретических концепций еще невозможно было предложить. Но именно построение гипотезы и разработка ее концепции определенной АМтеории, которая затем легла в основу всего исследования, показали, что полученные результаты вышли далеко за пределы простого обобщения и объяснения только музыкальных инструментов.

Это объяснение хорошо иллюстрирует процедуру установления социальной сущности археологических остатков, т.е. выход на получение АТЗнания. Автор объяснения не только достаточно детально реконструирует процесс использования музыкальных инструментов и совершения всего ритуального обряда. Используя результаты объяснения, он показывает, что аналогичным образом могли быть истолкованы и другие находки на других памятниках¹⁵; теоретические положения (гипотеза) о зарождении в палеолите искусства получает конкретно-историческую эмпирическую интерпретацию, раскрывающую также содержание и характер музыкального и танцевального жанров; описанный комплекс фиксирует определенный уровень развития художественного интеллекта людей позднего палеолита¹⁶.

В данном кратком и схематизированном изложении теоретического объяснения наглядно видна результативность задач широкого интерпретативного объяснения, его обстоятельная аргументация и глубина познания сущности исследуемого явления.

Объяснение в археологическом познании наиболее глубинных процессов социального развития представляет собой наибольшую сложность и носит сугубо теоретический характер, в основе которого лежат общие принципы социального развития. Здесь вся процедура объяснения распадается на две части — создание концептуальной схемы и модели и наполнение последней эмпирическим содержанием. Специфика заключается также в том, что гипотетико-дедуктивные приемы определяют не столько начальные условия построения теории, сколько устанавливают саму абстрактную теоретическую схему, которая в ходе построения объяснительной теории получает эмпирическую интерпретацию.

VI.2. СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД И ПРИНЦИПЫ ТИПОЛОГИИ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЯСНЕНИЙ

Объяснение — центральный компонент теории, его конечная цель, завершение процесса исследования, и этим фактически определяется характер всего процесса исследования. Это также определяет значи-

мость типологии объяснения, которая, однако, в первую очередь должна учитывать специфику археологического знания.

В общем виде типология объяснения может осуществляться исходя из различия экспланандума или эксплананса или их соотношений. О последнем уже писалось в предыдущем разделе.

По различию экспланандума выделяют три типа объяснений: фактологические, когда объяснению подлежат научные факты; номологические — законы; теориологические — научные теории. Для археологии в массе пока характерны, по-видимому, объяснения фактологического типа, хотя в отдельных случаях приходится обращаться и к другим типам.

Гораздо разнообразнее типология объяснений по экспланансу, различающихся по построению объясняющих рассуждений. А.И.Ракитов приводит классификацию, заимствованную в польской литературе, правда, без особых комментариев. Здесь предлагаются следующие типы "исторических объяснений": 1) посредством описания (дескрипционное); 2) посредством установления генезиса (генетическое); 3) посредством нахождения места в структуре (структурное); 4) посредством определений (дефинитивное); 5) посредством выяснения причин (казуальное)¹⁷. Нетрудно заметить, что в этом перечне собраны все подходы к исследованию содержания того или иного явления, своего рода "глобальный охват" его, в котором, однако, не выделены типы в зависимости от специфики познавательного процесса.

А.Н.Елсуков, анализируя проблему исторических объяснений, пишет, что в "зависимости от того, какую сторону объективной действительности призвано раскрыть то или иное объяснение, какие средства при этом используются, различают четыре гносеологических типа объяснений: причинное, генетическое, структурное, функциональное (два последних часто объединяются в единый тип — структурно-функциональный)"¹⁸. В.Н.Орлов выделяет "историческое объяснение — это объяснение в терминах причины и следствия", затем неполные генетические объяснения — через цели, мотивы, побуждения, осознанные действия и полные генетические объяснения — через закон¹⁹. В.В.Косолапов считает наиболее важными генетическое, структурно-функциональное, модельное и объяснение через систему законов²⁰.

Вопросы методологического анализа социально-исторических объяснений еще очень мало привлекали внимание советских археологов. Авторы коллективной монографии по формализации в археологических исследованиях не дифференцируют теоретические описания и объяснения, рассматривая все процедуры как интерпретацию. Они справедливо отмечают, что интерпретация заключается в переходе от языка археологических источников на язык истории и что между формализованной процедурой в исследовании и ее исторической интерпретацией нет прямой связи²¹. Интерпретацию в этой работе чаще всего рассматривают в виде прямой связи от археологического факта к его социологическому истолкованию. На этом пути возникает масса вари-

антов, выбор из которых проводится логическим анализом или привлечением новых фактов, ограничивающих число вариантов объяснения. Уровни объяснения сведены к "малой" интерпретации, означающей практически описание фактов, но, к сожалению, не раскрыто, что представляет собой в таком случае "большая" историческая интерпретация. Интересны постановки вопросов об измерении сходства, веса признаков, энтропии в процессе сравнения и интерпретации археологических источников, а также проблемы интенсивности формообразования и степень оригинальности форм артефактов.

В.М.Массон рассматривает научные объяснения так же, как операции интерпретационного или реконструктивного уровня археологического исследования, в пределах которого автор считает возможным выделять этнокультурную и социологическую археологии (реконструкции). "К сфере социологической интерпретации, — пишет В.М.Массон, — следует отнести вопросы реконструкции экономических, общественных и идеологических структур древних обществ, производимых на основе археологических материалов как в плане определения общих закономерностей, так и частных явлений и процессов"²². К этнокультурным реконструкциям относятся этнические связи, быт и образ жизни. Но почему они исключены из сферы социологии, и каково, допустим, различие между бытом и образом жизни — не ясно. Автор отмечает основные положения методологической функции исторического материализма в археологических исследованиях и особо акцентирует внимание на роли системного подхода, которые, по его мнению, "позволяют лишь ставить задачи общего упорядочивания и более строгой логической организации материала, что определяется степенью обработки имеющейся информации"²³.

Современное системное движение получило уже всеобщее признание как один из наиболее универсальных общенаучных методов познания²⁴. В основе теории системности лежит принцип целостности, согласно которому поведение и свойства целого детерминированы взаимодействием его частей. "Система есть множество связанных между собой компонентов, — пишет В.С.Тюхтин, — той или иной природы, упорядоченное по отношениям, обладающим вполне определенными свойствами; это множество характеризуется единством, которое выражается в интегральных свойствах и функциях множества"²⁵.

Ю.А.Урманцев, разрабатывая начала общей теории систем, считает, что представить изучаемый объект как систему — это значит представить его "как некое единство, образованное определенного сорта элементами, связующими их в целое некоторыми отношениями (в частном случае — взаимодействиями), ограничивающими эти отношения условиями (законом композиции)"²⁶.

В.С.Тюхтин, высоко оценивая общую теорию систем Ю.А.Урманцева, полагает, что его определение необходимо дополнить еще одним компонентом — основанием выделения элементов системы из более широкого множества подобных элементов²⁷. Одним из центральных

понятий в определении системы является представление "о целостности, несводимой к ее составным частям, поскольку ее изучение, во-первых, не может быть ограничено описанием этих частей, а во-вторых, вычленение компонентов (или подсистем), образующих эту целостность, должно представлять их как *необходимые и достаточные* для самого существования данной системы. Только при этом условии можно отличить органически присущие ей компоненты от случайно привнесенных извне"²⁸.

Хотя понятия "целостности" и "системы" выражают представление о тесной взаимосвязи внутренних компонентов целого, об интегральных свойствах, на основе которых объединяются части, но они не идентичны. В понятии "система" акцентируется внимание на структурном аспекте, иерархическом принципе организации внутренних компонентов системы и их относительной автономности и т.д., а в понятии целостности внимание сосредоточивается на целостных характеристиках в связи с интегральными свойствами и сторонами объекта²⁹.

Структура при системном подходе понимается как "определенный тип взаимосвязей элементов, выступающих как узловые точки в сети внутренних отношений предмета и определяющих эти отношения"³⁰. Структура, таким образом, является важнейшей частью системы, так как только при наличии определенных взаимосвязей между ее компонентами последние и образуют целостный объект. Отсюда и трудности в выделении компонентов системы, которые должны выступать как функциональные единицы целого. Вполне очевидно, что при исследовании вначале необходимо найти главные детерминанты целого, ибо именно они образуют его законы, определяющие связи и условия их действия. Все это и становится исходной базой для раскрытия как внутренней структуры явлений, так и их взаимосвязи с внешним миром³¹.

Среди общих методологических принципов системного исследования следует обратить внимание на два аспекта построения систем — онтологический и гносеологический, о которых уже упоминалось выше. Первый из них заключается в том, что в основу построения системы берется движение объективной действительности, развивающейся вне зависимости от нашего мышления, которая, однако, является объектом познания науки. Для археологии это социально-историческое развитие отдельных обществ прошлого СИО—АК³². При этом подходе в наших исследованиях происходит построение различного АТЗнания как отражение познания объективной реальности.

Гносеологический аспект построения систем берет в основу наше движение мысли в процессе познания объективной реальности СИО—АК, поэтому здесь основное внимание сосредоточивается на способах познания объективной реальности, достижения адекватности ее отражения в знании.

В первом случае система выступает как объект исследования, когда строятся модели конкретных систем, воспроизводящие СИО—АК

или их компоненты. Во-втором — задача состоит в разработке системы как инструмента организации знания, как средства построения и исследования моделей и объектов первого типа. В этом аспекте и конструируются различные АМтеории, позволяющие успешно вести исследования СИО—АК или их частей.

Нам представляется, что в историко-археологическом познании классификация объяснений при системном подходе должна основываться на выполнении главной цели познания — исследовании закономерностей социально-исторического развития общества или его элементов. Для осуществления этой познавательной задачи необходимо показать объект исследования как целостную систему, которая обладает определенной структурой взаимосвязанных элементов³³. Далее следует раскрыть процесс развития объекта исследования во времени, для чего требуется последовательное расположение явлений в их взаимообусловленности и связях. Процесс развития объекта — это качественное изменение общественной структуры всей системы во времени, отсюда выделение определенных этапов его развития. Наконец, изучение процесса исторического развития общества — не набор механических явлений и фактов, пусть даже взаимосвязанных, а раскрытие закономерностей перехода от одного исторического этапа к другому.

При исследовании социально-исторического развития общества прошлого ученый имеет дело с весьма сложно организованной иерархической системой, объяснение которой как в целом, так и отдельных ее элементов требует расчленения самой процедуры объяснения с точки зрения уровневой структуры объекта познания, позволяющего вскрыть исследуемые исторические процессы с различной глубиной сущностного проявления и в разной степени образности и обобщенности (абстрагированности) явлений исторического прошлого. Исходя из целей познания исторического процесса представляется необходимым выделение основных аспектов, внутри которых можно будет рассмотреть уже определенные типы научных объяснений. В самом общем виде здесь могут быть выделены структурный и уровневый подходы, раскрывающие объект познания и методологический подход, характеризующий способ объяснения.

Структурная типология основана на том, что каждое историческое явление отражает элементы, связанные с его генезисом (происхождением), входящим в определенную социальную структуру, в которой это явление выполняло заданную ему функцию. Исходя из данной структуры в историко-археологических объяснениях могут быть выделены два основных типа научных объяснений — генетические и структурно-функциональные.

Уровневая типология отражает прежде всего иерархичность сложно организованных социальных систем и базируется на том, что характер, главным образом уровень общности исторических явлений, их взаимодействие достаточно хорошо различаются по своей социальной природе,

а это требует и применения различных подходов в научном объяснении. В этом плане выделяются предметно-технологический, ситуационный и процессуальный типы объяснений.

Несомненно, проблема теории и анализа методологических приемов и типологии историко-археологических объяснений — одна из актуальных в современной археологии.

VI.3. СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ТИП АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЯСНЕНИЙ

Теории, в которых объясняемое историческое явление раскрывается в своей сущности через анализ его структуры (строения) и функции (основной роли) в системе, объединяются в структурно-функциональный тип научных объяснений. В известных пределах каждая из данных сторон может быть рассмотрена и самостоятельно, но тогда его возможности более ограничены, поэтому В.А.Смирнов называет "объяснение поведения изучаемого объекта его структурой, организацией... механическим принципом объяснения"³⁴.

В классической науке считалось, что любое явление требует прежде всего причинного объяснения. Н.Ф.Овчинников отмечает, что в современной биологии "любое объяснение явления природы носит структурный характер"³⁵. Причинные объяснения отвечают больше задачам эмпирического уровня познания, современная же наука видит главную цель в том, чтобы ввести исследуемое явление в определенную теоретическую систему, фиксирующую структурные черты некоторой целостности, в которой явление должно найти свое место и функцию.

В научном познании обращение к структурно-функциональному анализу³⁶ появляется там, где сложность и многосторонность постановки исследовательских задач требует расчленения объекта познания, временного абстрагирования от его целостности, где необходима *декомпозиция системы* для познания составляющих ее элементов и их связей³⁷. В самой процедуре декомпозиции важно соблюдение определенных принципов и способов расчленения системы.

С точки зрения абстрактно-логических категорий, которые позволили бы всесторонне характеризовать изучаемую научную систему "археологическое знание" или ее часть, необходимо рассмотреть

— со стороны *субстрата* — как состоящую из определенных элементов (компонентов), необходимых и достаточных для существования системы в целом;

— со стороны *атрибутов* — как имеющих некоторое имманентно присущее им свойство как в целом для системы познания, так и отдельных ее компонентов;

— со стороны *структуры* — как состоящую из взаимосвязанных

... объектов, имеющих специфическую организацию в своих частях и в целостности;

— со стороны *функции* — как имеющую определенные цели и стабильное поведение.

Каждый из этих подходов, в свою очередь, может быть расчленен вновь и т.д. Но во всех этих случаях важно фиксировать ступень декомпозиции и вхождение ее в более высокий уровень. Расчленение целого необходимо прежде всего для более детального исследования его составных элементов и особенно их взаимоотношений, что осуществляется при структурном анализе. Обращая на это особое внимание, некоторые исследователи усиливают ту или иную сторону. В.А.Звягинцев приводит определение слова "структура" французских исследователей Лаланда и Клайреда, согласно которому структура "в специальном и новом смысле слова..." употребляется "... для обозначения целого, состоящего в противоположность простому сочетанию элементов из взаимообусловленных явлений, из которых каждое зависит от других и может быть таковым только в связи с ними... Из этого следует, что форма существования каждого элемента зависит от структуры целого и от законов, им управляющих"³⁸.

Несомненно, что взаимообусловленность и отношения элементов системы археологического знания являются важнейшими показателями его структуры, однако нельзя забывать, что для выяснения этой стороны требуется установить, выделить сами элементы как носители определенных атрибутов. Эта процедура может быть выполнена при субстратном анализе, который будет рассматривать археологическое знание как состоящее из определенных компонентов, придающих ему целостность и заданные свойства. В современном познании в связи с определенными задачами, требующими выдвижения на первый план функционального анализа как наиболее эффективного средства решения сложных проблем, субстратный анализ зачастую не выделяется и рассматривается в составе структуры³⁹. Но исторически это наиболее ранний способ исследования объекта, начальный этап его познания. Самостоятельность его, конечно, в значительной мере уже мала, ибо он не позволяет проникнуть в сущность исследуемого. Как начальная ступень процесса познания в археологии субстратный анализ весьма широко распространен и играет исключительно важную роль, так как в конечном итоге именно его результаты определяют степень достоверности историко-археологического знания.

Главная задача "субстратного анализа", — по мнению Е.П.Никитина, — состоит в установлении относительно самостоятельных, целостных, повторяющихся единиц субстрата — компонентов — и их сравнительной характеристики. Целью последней является определение однородности (однородности) или гетерогенности (разновидности) субстрата, различение элементарных и неэлементарных компонентов

и т.д."⁴⁰ При этом важно, от каких принципов определения, "системы отсчета" будет вестись исследование.

Декомпозиция в структурном анализе не является самоцелью в познании, наоборот, это средство для достижения целостности представлений об объекте познания. Расчленив и исследовав объект в его отношениях, восстанавливается его целостность путем синтеза и познается структура системы. Важность исследования структурных отношений вытекает из того факта, что эти отношения обуславливают, детерминируют само существование системы, ее стабильность. Важно также отметить, как пишет В.С.Тюхтин, что компонентами системы, или "элементами соответствующих структур могут быть не только вещи, но также свойства и состояния, связи и отношения, фазы, этапы, стадии, циклы, уровни функционирования и развития. Это и обеспечивает универсальность структурного анализа объекта"⁴¹.

В структурном анализе особую важность приобретает внутренний аспект системы, выделение элементов системы и их соотношение, когда в известной мере абстрагируются от отношения системы с внешней средой. Если же встает задача необходимости исследования этих внешних связей и взаимодействий, то необходимо перевести изучение на более широкую систему, в которой внешние связи исследуемого явления становятся внутренними, и тем самым позволяют исследовать их со структурной точки зрения. Выделение в системе составляющих ее элементов и выявление их связей иногда называют также микроподходом.

Другая сторона в рассматриваемом анализе систем — функциональный подход — основан на представлении, что целое рассматривается как результат взаимодействия системы со средой, как органическое свойство целостного. Ю.Г.Марков считает, что "функцией, или поведением, системы можно назвать все то, что можно узнать о системе, не касаясь ее внутреннего содержания, абстрагируясь от него"⁴².

Функциональный подход в познании иногда характеризуют как макроподход, в отличие от микроподхода (структурного), а в некоторых работах называют методом "черного ящика". Б.В.Бирюков образно и достаточно точно характеризует функциональный подход, «на знамени» которого написано: овладеть процессом управления (сложным явлением) без полного раскрытия его "внутренней природы", как все шире распространяющаяся "нетерпеливая" черта в методологии науки: не ждать, пока будет познана "сущность" явления — его качественная, содержательная картина, а "моделировать" внешнее поведение объекта»⁴³.

В археологии функциональный подход с этих позиций распространен достаточно широко. Исследование хозяйственной деятельности любого населения нелегально без анализа того, как оно обуславливается и взаимодействует, особенно в отраслях, связанных с добычей пищи, с окружающей природной средой. Но эти отношения не абстрактны, они для каждой эпохи детерминированы определенным уровнем

развития средств производства и социальной организацией, которые и обуславливают возможности использования человеком природных богатств.

Функциональный подход имеет одну важную особенность. При рассмотрении взаимодействия системы со средой отвлекаются от внутреннего содержания системы, во внимание берется лишь ее внешнее проявление. Но само внутреннее содержание весьма сложно и многосторонне, а внешнее проявление — это результат интеграции внутренних процессов, равнодействующая, порожденная всей системой, комплекс внутренних движущих сил системы. В системе "научное исследование" эта сторона ее функции особенно наглядно видна и выступает как определенная целостность, как функция системы, в которой интегрированы ее элементы, связанные с осуществлением процесса познания, выявлением ранее неизвестных новых свойств и отношений в объекте исследования, который в качестве нового знания является внешней средой системы.

Можно привести примеры и с менее абстрагированными явлениями, рассматривая, например, процесс математической обработки исходных данных о размерах укрепленного поселения какого-либо региона для получения представления о группировках их согласно размерам, средней площади и т.д. В конечном итоге это интерпретируется как наличие различных по количеству населения и экономическому потенциалу центров. Такое конечное знание является внешним по отношению к системе исследования, и на определенном этапе ученый отвлекается от того, каким способом было получено данное знание, важным остается сам факт наличия различных центров.

Таким образом, если в структурном подходе главный акцент делается на внутреннем аспекте системы, то при функциональном этот акцент смещается на внешнее проявление системы как ее имманентное свойство отношения к среде. Но как бы ни был плодотворен тот или иной подход к познанию сложных систем, сами по себе они остаются односторонними, так как функция в конечном итоге может быть реализована лишь в структуре. При этом, однако, нет жесткой взаимозависимости между уровнем организации структуры и функции, особенно в социальных системах. Вещь, предмет могут иметь достаточно простую структуру, но вместе с тем выполнять весьма сложную функцию. Если рассмотреть в этом разрезе погребальный обряд как источник изучения социальной системы, то можно прийти к определенному выводу, что сам по себе обряд по структуре составляющих его элементов и их соотношению не представляет большой сложности. Здесь выделяют само погребальное сооружение, погребенного индивида в соответствующей одежде и сопровождающий его специальный инвентарь. Конечно, каждый из этих компонентов имеет свою структуру, и соотношение всех элементов в целом детерминировано для первобытности достаточно жестко той функцией, которую играет погребальный обряд

в социальной жизни людей. А эта сторона и является наиболее сложной, ибо здесь, в обряде, интегрированы как в единой системе (целостности) такие факторы, как половозрастной и социальный статус умершего, этнические традиции и идеология данной группы населения, хозяйственное занятие и, вероятно, еще многие другие стороны общественной жизни, что и осложняет до предела социологический анализ массовых материалов могильников.

Сущность функции элементов в иерархически сложных системах, как видно из данного примера, определяется не столько самой структурой элемента, сколько ролью, которую они выполняют во всей структуре системы. Но в одном случае — в реконструированном акте погребального обряда — структура самого обряда погребения (как особой подсистемы социальной организации) реализует обрядовую функцию захоронения человека как бывшего члена общества, а в другом выступает структура общественной системы в целом, которая позволяет понять (исследовать) социальную природу функции обряда погребения (как подсистему социальной структуры).

Структурные объяснения. Изучая какое-либо общество по археологическим источникам, мы выявляем, допустим, в экономической жизни определенную структуру, соотношения каких-то устойчивых форм и объемов в хозяйственной деятельности. Так, при исследовании нами ананьинской АК в Среднем Прикамье было показано, что переход от ананьинской АК VIII—III вв. до н.э. к чегандинской III—II до н.э. — II в. н.э. был обусловлен прежде всего структурными изменениями в экономике. Перестройка общественно-экономических основ структуры прикамского общества к III в. до н.э. (широкое освоение металлургии железа), и особенно общественной организации (формирование постоянного союза племен, разделение рода на патриархальные семьи), привела к формированию нового облика всего предметного мира местного населения и разделению прежней единой ананьинской СИО—АК (этнуса) на четыре вполне самостоятельные СИО—АК — чегандинской, кара-обызской, осинской и гляденовской. Естественно, не производя в исследовании расчленения не только всей ананьинской общности, но и внутри каждой новой АК отдельных сторон, характеризующих хозяйство и социальную организацию населения, едва ли можно было рассчитывать получить целостное представление об историческом процессе населения Прикамья на рубеже н.э.⁴⁴

Исследование структуры исторического явления, как уже отмечалось, включает в качестве начального этапа рассмотрение его субстратного состава и выделение элементов, образующих систему с определенными свойствами, для чего необходимо также установить их взаимосвязь.

В предыдущем разделе приведена схема анализа объяснения музыкального комплекса из Мезина, в котором достаточно четко просматривается его структурный характер, направленный вначале на выявление

ние и характеристику субстратного состава — жилища, набора ударных музыкальных инструментов и прочего аксессуара ритуала, а также их логическую взаимосвязь, составляющую основу компонентного состава предметного мира объясняемого явления.

Функциональные объяснения отталкиваются от раскрытия взаимосвязи определенных элементов, чтобы ответить на вопрос, для чего существует объясняемое явление, какую функцию оно выполняет в системе, что заставляет само явление рассматривать как известную целостность. Эти объяснения, как и структурные, ограничены, не раскрывают причины связи, не обнаруживают движущих сил процесса, поскольку обычно сама система рассматривается как нечто данное, неизменное⁴⁵. Функциональный подход рассматривает исключительно явление или даже систему с позиций внешних — отношение их как целостностей к другим объектам, т.е. отношение объекта со средой.

В объяснении мезинского артекомплекса эта сторона обозначена достаточно хорошо. Собственно, она и толкнула С.Н.Бибикова на новые поиски, главной задачей которых стали именно функциональные объяснения всего артекомплекса — найти не только место и функцию каждого артекласса, но и открыть новое АТзнание.

Как структурное, так и функциональное объяснения характеризуют лишь один из аспектов — внешний или внутренний, и тем самым не позволяют проникнуть в сущность изучаемого явления, поэтому они и применяются чаще всего в единстве, как структурно-функциональные объяснения. Главная задача при этом состоит в том, чтобы исследуемые артефакты, эмпирические закономерности и т.д. как субстрат системы "ввести" в функционирующую систему исторической действительности, рассматриваемую как в ее внутреннем строении, так и во внешнем взаимодействии. Здесь, конечно, необходимы мысленный эксперимент и моделирование. В структуре объяснения этот тип наиболее сложен, ибо здесь необходимо не просто совместить два типа, а синтезировать их в единстве, поэтому неизбежны постоянные взаимодействия от структурного к функциональному и наоборот.

Объяснение может строиться с преимущественно дедуктивных ("сверху") или индуктивных ("снизу") процедур, но, как правило, они тесно переплетаются, и в социоисторических исследованиях преобладающую роль играют первые.

В качестве иллюстрации построения структурно-функционального объяснения в археологии возьмем артекомплекс, связанный с земледелием и переработкой зерна, где познавательная задача — вопрос о структуре земледельческого хозяйства и его роли в формировании социальной структуры общества Н-АК. Допустим, нам представляется рациональным начать исследование "снизу". В экспланандуме будут объединены все артефакты Н-АК, в той или иной мере связанные с земледелием: железные наральники, мотыги, серпы, косы, каменные жернова, зернотерки, кости домашних животных, остатки обугленных

зерен злаков и т.п. Все это собрано исходя из знаний, уже имеющихся в Н-АК, где выполнены реконструкции на уровне образа жизни. Это первый шаг в использовании накопленного конкретно-археологического знания в системе получения нового знания. Для выполнения исследования весь артекомплекс экспланандума должен быть проанализирован на предмет установления свойств ориентации (блок V в схеме объяснения): археологической достоверности, отнесения к Н-АК, взаимовстречаемости различных предметов и т.п. Далее движение "снизу" уже встречает затруднения — какие выполнять операции и для чего? Можно, конечно, систематизировать все предметы-артефакты, опираясь на реконструкции на уровне образа жизни, как в структурном плане, разделяя на соответствующие артекомплексы с определенной функциональной направленностью. Дальнейший анализ явно упирается в необходимость использования общей концепции. Именно поэтому и представляется рациональным движение "сверху" — исходя из общего знания, накопленного по данной проблеме, создавать АМтеорию.

Для структурно-функционального объяснения в основании АМтеории концентрируются положения, переходящие затем в большую посылку эксплананса (таблица 12). Как могут быть конкретизированы эти положения в решении поставленной выше познавательной задачи? Перечислим некоторые из них, конечно, сильно упростив для краткости изложения. В познавательной задаче основная идея с выяснением механизма социальной детерминации — отношений экономической структуры к общественной организации. В этом направлении и строятся основания.

1. Логические принципы — система земледелия определяется как способ производства, элементами которого являются производительные силы и производственные отношения.

2. Закон соответствия производственных отношений ступени развития производительных сил.

3. Производственные отношения формируют экономический базис надстроечных структур, в том числе различных форм общественной организации.

4. ... и т.д.

Используя эти основания, в АМтеории разрабатываются концепции меньшей общности, которые общесоциологические закономерности переводят в конкретно-историческую плоскость исследуемого объекта (см. табл. 12, блок II).

В нашей проблеме здесь можно обозначить следующие тезисы.

1. Плужное земледелие в умеренной зоне в развитом виде связано с индивидуализацией труда на основе применения тягловой силы животных и тяжелых орудий обработки земли.

2. Плужное земледелие (по аналогиям с известными обществами) сопровождается внедрением каменных жерновов, наличием развитой ме-

таллургии железа и т.д., а также выделением малых семей как хозяйственных единиц.

3. Археологические данные по Н-АК на уровне технологических реконструкций: наличие плужного земледелия, преобладающего над мотыжным, металлургических центров, кузниц и т.д.

4. ...

Концептуальная схема: на базе плужного земледелия как ведущей отрасли хозяйства завершается экономическое обособление малой семьи, которая и становится основой формирования института частной собственности. Теория опредмечивания (см. табл. 12, блок III): здесь основное внимание уделяется доведению каждого положения блока II, выраженного в определенных понятиях, до уровня того, что они могут быть сопоставлены прямо или опосредованно с определенными остатками предметного мира — артекомплексами и артефактами. При этом главное в их характеристике — указать на структурные связи и функции в исследуемом объекте (проблеме).

В нашей задаче это следующее: обрисовать технологическую структуру и функции компонентов земледелия: пахоты, посева, уборки и переработки урожая, его хранения и т.д., продуктивность железодельного производства, структуру поселения — величина и взаиморасположение домов и хозяйственных построек в зависимости от организации хозяйственной деятельности и т.п.

Отметим, что на этапе разработки блоков II и III появились тезисы, требующие расширения эмпирических данных, которых первоначально не было в экспланандуме (артекомплекс о железодельном производстве, поселениях и т.п.).

Теперь необходимо сформулировать *теоретическую модель*, которая далее будет соотноситься с эмпирическим базисом.

Плужное земледелие в Н-АК достигло такого уровня развития, что привело к экономическому обособлению малой семьи и формированию частной собственности в обществе Н-АК.

Этим завершается первый, собственно логико-теоретический этап разработки АМтеории. Второй этап связан с тем, что, используя отдельные положения АМтеории, необходимые для решения того или иного вопроса, разрабатываются методы операционального анализа артефактов каждого структурного артекомплекса. В нашем примере это орудия обработки земли, уборки урожая, железодельного производства, структура поселения и т.д. В каждом артекомплексе проводится систематизация, классификация, описание тех свойств артефактов, которые после подсчетов, установления корреляции и других эмпирических закономерностей будут служить эмпирическим базисом для соответствующего теоретического понятия (утверждения). Приведем лишь один пример: анализ поселений показывает, что большинство жилищ (не все!) малого размера обеспечивают проживание лишь одной парной семьи. Кроме того, при каждом жилище находится хозяйствен-

ный комплекс — сарай для скота, кладовки, ямы-хранилища и т.д. и т.п. Это дает возможность дать эмпирическую интерпретацию положения теоретической модели о пространственном обособлении малой семьи. Далее следует показать таким же образом возможности ее экономического самостоятельного существования и т.д.

Еще раз напомним, что для краткости данный обзор сделан весьма схематично, с упрощениями многих звеньев как в АМтеории, так и построении операциональной схемы. Но если просмотреть весь ход рассуждений, то легко заметить, что постоянно происходит выделение структуры, определение компонентов и их связей, установление функций и т.п., что и требует соответствующего анализа. Результаты многих частных решений в заключение синтезируются в одной концепции АТзнания, которая и представляет собой решение поставленной задачи. Специфика структурно-функционального типа объяснения состоит в том, что здесь постоянно совершается переход от одного типа к другому, а это требует переключения с одного уровня структуры на другой. Так, основными компонентами теоретической модели были плужное земледелие, малые семьи, частная собственность (структурное объяснение их взаимосвязи), но выяснить их роль в развитии социальной системы как целостности может только функциональный анализ, для выполнения которого каждый компонент вновь должен получить структурное объяснение.

Структурно-функциональное объяснение при дедуктивном подходе рационально в тех ситуациях, когда чрезвычайно сложно, а порой и невозможно очертить конкретный артекомплекс, способный доказать определенные закономерности. Присутствие их, исходя из общесоциологических и археологических представлений, несомненно, а конкретизация, выделение без теоретико-методологической разработки — безуспешны.

Такая ситуация сложилась при попытках анализа социальной структуры скифского общества VI—III вв. до н.э. по материалам могильников. Могильники представляли собой сложный археологический комплекс, в котором нашли отражение самые различные стороны социальной жизни, но какие из тех признаков, которые выделяются в погребальном обряде, отражают социальную стратификацию общества и могут быть использованы для исследования данной проблемы? Ответ на этот вопрос не могут дать индуктивные обобщения, и объяснения их были явно недостаточны, поскольку не позволяли раскрыть динамику социально-исторического процесса, представить себе более четко социальную структуру скифского общества и функции отдельных социальных групп. В общем виде о наличии таких групп свидетельствовали известные царские курганы⁴⁶, но это лишь один социальный полюс. Для определения социального расслоения скифского общества необходимо было доказать развитие этого процесса в среде рядового населения. Эта задача была выполнена в исследовании Е.П.Бунятян⁴⁷,

Таблица 13. Структурно-функциональный тип объяснения (состав эксплананса)
ЭКСПЛАНАНС:

I. Большая посылка. Логические принципы и законы структуры и функционирования социальных систем (явлений):

- принцип структурной детерминации единства и внутреннего соответствия структуры и функции;
- общесоциологические концепции и законы функционирования социальных структур (систем, сфер, явлений и т.д.).

II. Меньшая посылка. Дополнительные теории в соответствии с гипотезой:

- концептуальная схема конкретно-исторической структуры (сферы, явления и т.п.), ее компонентный состав и функции в соответствии с гипотезой;
- установление закона функционирования социальной целостности – объекта познания;

– структурно-функциональный анализ и обобщения по отдельным компонентам исследуемой структуры с привлечением данных других наук и знания, накопленного археологией.

III. Закономерности опредмечивания социальной жизни:

- субстанциональный анализ структуры и ее компонентов;
- функции предметов – компонентов системы;
- реконструирование опредмечивания социальной деятельности (связь социальных понятий с понятиями предметного мира).

Теоретическая модель объекта исследования.

.....
.....

причем общая система объяснения была построена по дедуктивной схеме.

Исходя из общесоциологической посылки о социальной стратификации общества в эпоху перехода от первобытности к раннеклассовому обществу и тенденции в раннеклассовых обществах к яркому, подчеркнuto символическому выделению отдельных групп в социальной иерархии, была построена АМтеория, согласно которой перечисленные закономерности и тенденции находили отражение в погребальном обряде в следующих проявлениях. Чем выше при жизни был социальный статус умершего, тем больший почет оказывало ему общество при захоронении, что выражалось в величине и сложности погребального сооружения. Социальный статус умершего определялся той ролью, которую он играл в системе общественного производства и распределения материальных ценностей. Следовательно, символическая ценность предметов, сопровождающих умершего, может служить показателем социального статуса умершего.

В том и в другом случае мерилom социального положения выступают трудовые затраты – в первом в виде живого труда, затрачиваемого обществом при захоронении, во втором – опредмеченного, накопленного труда (закономерности опредмечивания). Все это дало возможность вести поиск конкретных артефактов и артекомплексов, отвечающих требованиям поставленной задачи. Затраты живого труда,

воплощенные в погребальных сооружениях, – это размеры погребальной камеры, входных сооружений, курганной насыпи и ее конструктивных деталей – кромлехов, ровиков и др. Затраты опредмеченного труда – набор погребального инвентаря, рассматриваемого с точки зрения его ценности и качества вложенного труда.

Таким образом, появилась реальная возможность не только вычлениить и сконструировать артекомплекс из сложной системы погребального обряда, фиксируемого по скифским курганам, но и провести операциональный количественный анализ, раскрывший динамику социального развития скифского общества.

Строение наиболее сложной части структурно-функционального объяснения–эксплананса, мы попытались представить в таблице 13.

VI.4. ГЕНЕТИЧЕСКИЙ ТИП ОБЪЯСНЕНИЙ В АРХЕОЛОГИИ

Этот тип применяется при изучении исторического процесса в динамике его развития – одной из главных сущностных сторон истории как науки. Исторические явления в этом подходе к объяснению процесса располагаются в их последовательности, при этом каждое последующее рассматривается как результат и закономерность развития предшествующего явления. Основная цель генетического объяснения состоит в раскрытии внутренних детерминаций возникновения и развития социальных явлений, из которых соткана историческая действительность. Способом раскрытия исторического движения является разделение его на основные, качественно различающиеся этапы, которые отражают специфику движения и требуют исторического объяснения⁴⁸.

Онтологической основой разработки генетических объяснений служит концепция развития марксистской диалектики. Развитие – это прогрессивные изменения, идущие по восходящей от простого к сложному, от низшего к высшему, которые составляют определяющие тенденции в изменении системы. Развитие – это диалектическое единство медленных, постепенных эволюционных изменений, сменяющихся резкими скачками, революционными преобразованиями в самих основах процесса. История человеческого общества – это восходящая линия развития социальной системы, выражающаяся в последовательной смене различающихся способов производства, которые играют определяющую роль в общественно-историческом движении, что не исключает также периодов упадка, регресса, связанных, однако, не только с отмиранием старого, но и вызреванием, рождением нового. Этот диалектический принцип развития нашел воплощение в марксистском учении о смене общественных формаций, которое легло в основу решения вопросов об общественном прогрессе и его объективных критериях.

Структуру и специфику генетического типа объяснений исторических явлений попытаемся раскрыть, сведя все содержание их в основные части эксплананса, как это было показано выше.

Таблица 14. Генетический тип археологических объяснений

ЭКСПЛАНАНС:

I. Большая посылка. Логические принципы генетических объяснений:

- определяющая тенденция развития — от простого к сложному;
- закон перехода количественных изменений в качественные;
- развитие как разрешение внутренних противоречий;
- развитие как единство прерывности и непрерывности.

II. Маленькая посылка. Дополнительные теории к гипотезе как основа концептуальной схемы:

- конкретно-историческое проявление общих законов развития;
- выявление новых качеств по сравнению с предшествующими;
- определение количественной динамики развития.

III. Закономерности опредмечивания социальной деятельности:

- преемственность форм опредмечивания как основы движения от низшего к высшему;
- эволюция социальной деятельности от простого к сложному (в том числе предметного мира и технологии деятельности);
- скачки в развитии предметных форм как проявление закона перехода количества в качество.

IV. Археологические свойства, связанные с экспланандумом, классифицируются на основе принципов последовательности и эволюции артефактов:

- определение временных рамок и последовательных точек развития изучаемых артефактов и артекомплексов;
- конкретно-археологическая эволюция (изменения) артефактов;
- массовость, повторяемость артефактов.

V. Свойства принципа ориентации артекомплексов, выделяемых и классифицируемых на основе последовательности археологических фактов, обусловленные социальной деятельностью и археологизацией:

- культурно-хронологические определения;
- стратиграфические и хронологические взаимоотношения явлений.

ЭКСПЛАНАНДУМ:

Генезис социально-исторического процесса (явления), отраженного в соответствующем артекомплексе.

Данная схема в каждом исследовании в зависимости от характера конкретно-исторического явления (процесса), который должен получить научное объяснение, наполняется конкретным содержанием, которое раскрывает общие законы развития через конкретно-исторические явления, показывая истоки их в предшествующем развитии и разделяя весь процесс на качественно специфические этапы.

В археологии обычно употребляется понятие "происхождение", приравняемое к понятию "генезис". Нередко описание остатков в хронологической или даже социальной последовательности принимается как происхождение того или иного явления. Скорее подобные работы можно характеризовать как *генетические описания*, которые, конечно, также представляют большой познавательный интерес и являются фактически элементом, необходимым при генетическом объяснении. Так выглядят, например, обстоятельные описания различных орудий и способов их употребления, связанных с ранними этапами земледельческого хозяйства лесной полосы Восточной Европы, выполненные Ю.А.Красновым. Автором собран большой фактологический материал

как по археологии, так и по этнографии, проведена его классификация и типология⁴⁹. В генетических объяснениях главное внимание уделяется раскрытию внутренней обусловленности развития, которое познается через установление определенных временных рамок, исходного пункта и этапов развития.

Н.Я.Мерперт, изучая характер миграций в эпоху неолита и энеолита, выделяет три различающиеся типа (модели), причем внутри каждой модели раскрывает основные причины перемещения больших масс населения через генетические объяснения⁵⁰. С одной стороны, это экологические изменения окружающей среды, а главное — процесс внутреннего развития экономики, где основным фактором выступала выскаязанная еще К.Марксом формула "давление избытка населения на производительные силы"⁵¹. Но этот фактор достаточно всеобщ в историческом развитии, и для того чтобы получить действительно историческое генетическое объяснение, автор исследует процессы переселения как в конкретно-исторической обстановке — в рамках эпохи неолита-энеолита, так и во взаимоотношенности с развитием экономики — освоением новых видов хозяйственной деятельности — земледелия и скотоводства, а также последовательных этапов их развития. Проследившая генетическую суть миграций, автор получает достаточно веские основания для суждения об их последствиях во всемирно-историческом развитии — распространении земледельческого хозяйства на широких территориях.

Интересный опыт применения в археологии генетических объяснений в области истолкования артефактов, связанных с духовным миром первобытного человека, предложен Л.В.Чижовой. Она исследует давно и достаточно широко известные оригинальные медные пластины с сюжетными композициями, которые истолковывались обычно в самом общем виде как культовые принадлежности, идолы, шаманские пластины и т.п.⁵² Среди них выделяется группа пластин Верхнего Прикамья, относящихся к ломоватовской культуре V—IX вв. н.э., которая типологически достаточно однообразна — это композиция в виде прямоугольной пластины, в которой наружное обрамление вверху — две головы лося, обращенные друг к другу мордами, сбоку — "столбики", а внизу — неопределенное четвероногое — "ящер" и в центральной части — основной мотив: человек (один или три) и человекообразные существа. Такие пластины — лишь одна из разновидностей различных изображений животных, птиц, людей, характерных для урало-сибирской зоны лесов в эпоху железа. Поставив исследуемую группу изделий в определенные территориально-хронологические рамки, автор выдвигает задачу проследить их генезис. Для более ранних этапов характерны те же мотивы, но только в виде отдельных изображений или изредка двусоставных фигур. Они рассматриваются как произведения духовной сферы деятельности, однако необходимо было уточнить, с какими конкретно ее проявлениями они связаны. Трехъярусное пост-

роение композиции наталкивало на отождествление ее с представлениями урало-сибирских народов о трех мирах: верхнем — мире божеств, ассоциирующемся у многих народов Сибири с небесными лосями (их положение на пластинах — мордами друг к другу — как бы охватывает небесный свод), нижним — миром загробной жизни, выраженным неопределенным подземным существом "ящером" и средним — миром людей, который в рассматриваемой группе изделий был наиболее сложен и требовал самостоятельного объяснения. Поскольку центральная композиция соотносена с "миром людей", было сделано предположение, что она связана уже не только с мировоззрением первобытного человека, а имеет определенную идеологическую функциональную нагрузку. В этой связи Л.В.Чижова совершенно верно отмечает, что "идеология как система идей и взглядов отличается от мировоззрения, религии и других форм общественного сознания в первую очередь тем, что функционально она связана с необходимостью утвердить развитие или изменение существующих общественных отношений"⁵³. Отсюда следует, что центральные композиции культовых поделок и, собственно, весь их социальный смысл необходимо объяснять, опираясь на анализ социальных отношений населения ломоватовской АК, причем рассматривая эти отношения в генезисе, следует уловить то существенно новое, что должно быть утверждено в сознании людей и что могло послужить поводом для создания столь оригинальных "идеологических" композиций в культовом литье.

В культовых поделках выделяются три основных типа центральных композиций. В одних главное место отведено человеку: одному, брачной паре или семейному (двум взрослым и ребенку). На других изображены человекообразные существа — человек с головой в виде лося или шапкой в виде головы лося, руками, иногда одной, в виде крылышек и ногами с копытцами. В третьих — человек с предстоящими фигурами человека-лося и т.п. Разнообразие этих композиций отражало, по-видимому, различные идеологические задачи, которые они должны были решать. Кстати, такие композиции характерны только для Верхнего Прикамья, что, очевидно, не случайно, ибо оно в общественно-экономическом развитии опережало все остальные области Урала и Сибири, где распространенно культовое литье более простых форм.

Ломоватовская АК — это время, когда на базе уже достаточно хорошо освоенного земледельческо-скотоводческого комплексного хозяйства юга лесной зоны оформилась экономически независимая патриархальная семья. Внутри этой семьи четко наметились тенденции к обособлению малой, моногамной семьи, выделение которой завершилось к X—XI вв. Эти процессы хорошо прослеживаются по планировке поселений, жилищ и хозяйственных построек, а также размерами жилых помещений. Утверждение моногамной семьи в качестве основной социально-экономической ячейки общества стало социально-исторической необходимостью, поэтому идеологическая функция группы

изображений, где в центре человек, мужчина или малая семья как реализация этой необходимости, — достаточно убедительное объяснение.

В развитии ломоватовского общества очень ярко проявляется и общий процесс социальной дифференциации — выделение социально-профессиональных прослоек как в производственной сфере (особенно выделение металлургов), так и в социальной — племенных вождей и служителей культов—шаманов. Для более ранних периодов эта тенденция выражена еще слабо, роль шамана здесь выполнял родовой старейшина, ремесло оставалось еще домашним.

Исходя из этого Л.В.Чижова объясняет композиции с человекообразными фигурами: фигуры с "шапками" в виде головы лося — изображение "черных" шаманов, посещающих небо, а фигуры с "масками" — головами лося — "белые" шаманы, прислуживающие высшему божеству. В целом же это отражение процесса выделения шаманов профессионалов, которые выступали как посредники между людьми и миром духов.

Наконец, композиции с человеком (или несколькими мужчинами) и человекообразным, преимущественно человеко-лосем, могут быть мотивами, утверждающими "социальную исключительность" племенных вождей, глав семей, ремесленников-металлургов.

Генетический характер этих объяснений достаточно очевиден. Во всех случаях основной акцент делается на рассмотрение социального явления в его развитии и социально-исторической обусловленности развитием всей общественной системы.

Классификация артефактов, подлежащих объяснению, также была проведена в первую очередь с точки зрения их хронологической последовательности и эволюции (структурных изменений композиции).

Генетические объяснения, так же, как и структурно-функциональные, строятся не на основе установления элементарных причинно-следственных связей, а являются результатом анализа всей системы и выражают определенную историческую концепцию. Неудивительно поэтому, что генетические объяснения, как правило, не выступают в чистом виде, они теснейшим образом переплетаются со структурно-генетическими. В современном познании, которое пронизано системным подходом, различные типы содержательных объяснений — лишь аспекты в сложном процессе познавательной деятельности ученого, основные ориентиры, направляющие работу его мысли.

ГЛАВА VII
АНАЛИЗ УРОВНЕЙ
СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ АРХЕОЛОГИИ

VII.1. ИССЛЕДОВАНИЯ НА УРОВНЕ ОБРАЗА ЖИЗНИ
(ПРЕДМЕТНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ РЕКОНСТРУКЦИИ)

В системе археологического исследования, как уже говорилось в предыдущих разделах (см. гл. I.3; IV.3), важную роль играют уровни познания, различающиеся как по глубине раскрытия исторической действительности, определяемой законами социального движения, так и особенно по специфике построения исследовательской деятельности. В данной главе приводится характеристика трех основных уровней археологических исследований: образа жизни, системно-исторического и социологического (формационного)¹, на примерах анализа конкретно-археологических работ, содержащих исследования соответствующего уровня. Для большей ясности и краткости круг работ, включенных в анализ, весьма ограничен, что позволяет не только всесторонне их рассмотреть, но и тщательно сравнить результаты анализа.

Археологические исследования на уровне образа жизни представляют начальный этап социально-исторического познания, специфика и выделение которого обусловлены, с одной стороны, общей структурой социальной жизнедеятельности, имеющей своим основанием предметно-технологический способ деятельности (подробно в гл. I.5), и, с другой — особенностями способа археологического исследования социально-исторического процесса отдельных обществ прошлого — через изучение остатков их предметного мира. Поэтому главная цель данного уровня исследования — *реконструкция фактов прошлой исторической действительности как исходной базы любых социально-исторических исследований*. Содержание исследования этого уровня состоит в мысленном восстановлении — реконструкции (см. гл. V.2) на основании археологических фактов социальной функции, а иногда и внешнего облика объектов, явлений, отдельных актов и процессов жизнедеятельности прошлого в обыденности ее протекания, что и составляет содержание предметно-технологических реконструкций (ПТРеконст-

рукции). Они дают социальным фактам в основном качественные характеристики на уровне образа жизни как конкретных фактов исторической действительности. В этой процедуре можно выделить два основных типа: статичные и динамические реконструкции, различающиеся по объекту реконструкции и по способу их выполнения.

Статичные ПТРеконструкции содержат мысленные (описательные, графические) восстановления материальных объектов — простых предметов, сложносоставных орудий или сооружений бытовых и производственных конструкций и ограничиваются определением *основной социальной функции* объекта реконструкции.

Динамические ПТРеконструкции включают восстановление путем мысленного эксперимента различных явлений и действий, воспроизводящих *технология выполнения* всевозможных актов социальной деятельности.

Оба типа реконструкций могут быть рассмотрены и как два уровня, причем динамические включают статичные как частный элемент. В общем ПТРеконструкции строятся по типу научных объяснений, путем создания АМтеории.

Для характеристики познания данного уровня необходимо выделить наиболее общие черты, определяющие специфику его познавательной деятельности. Предметом исследования в археологии первоначально выступают остатки явлений и процессов, непосредственно связанные с такими материальными объектами, которые переводятся в научно-понятийную систему. Исследования данного уровня — эмпирические, поскольку любое утверждение, понятие, вводимое в систему знания, всегда имеет свой чувственно воспринимаемый коррелят — археологический факт. Так, если речь идет о "ноже" или "жилище", то можно указать на конкретные физические, реально существующие объекты, или если говорить о совокупности жилищ какой-либо АК, то и здесь известны объекты, их составляющие. Если пишется об остатках "печи", то известно, что эти остатки были наблюдаемы как реальность во время раскопок и т.п. Словом, любая информация об источниках предметного мира прошлого и их реальном положении в пространстве (топография, стратиграфия, планиграфия, погребение и т.п.) составляет содержание уровня эмпирических исследований в археологии. В связи с этим можно выделить две особенности начального этапа археологического познания.

Во-первых, это археологический факт — остаток предметного мира и вещная предметная информация. Для того чтобы ввести ее в систему научного знания, необходимо преобразовать предметную информацию в словесную, понятийную, а поскольку предмет познания — социальная жизнедеятельность, то и получение новой информации следует рассматривать как формирование социальной информации — артефакта. Следовательно, формирование из археологического факта научного понятия — артефакта это уже исследовательская процедура, и артефакт не

адекватен археологическому факту (см. гл. II.1) и представляет собой фактически процедуру реконструирования образа жизни как начального этапа социально-исторических исследований. Когда же к реконструкции привлекается множество различных фактов — артекомплексы, то они характеризуются как социально-исторический факт в общей системе археологического познания (см. гл. IV.3).

Во-вторых, поскольку артефакты как основной элемент, характеризующий реконструкции, находится в прямой зависимости от археологического факта, то полнота, достоверность, значимость того или иного знания различных сторон образа жизни находится в такой же прямой зависимости от количества и качества археологических фактов. Приведем в этой связи один наглядный пример.

На протяжении долгих лет дискутировался вопрос о характере масовой застройки Древнего Киева: одни утверждали, что большинство рядовых горожан жило в жилищах полуземляночного типа, другие, что это были каркасно-столбовые дома, нередко с двумя этажами. И лишь обширные раскопки жилищных комплексов, проведенные в 70-х гг., и детальный анализ всех остатков, выполненный П.П.Толочко, позволили предложить достаточно убедительные реконструкции домов каркасно-столбовой конструкции двух типов: двухъярусные с подклетью, углубленной частично в грунт, и простые одноэтажные, также слегка углубленные в грунт и с земляной подсыпкой стен для утепления².

Рассмотрим специфику еще одной стороны исследования на уровне ПТРеконструкций — **основания знания**, на базе которого формируется **концептуальная схема**. В основе концептуальных схем исследований уровня образа жизни лежат наши общие представления о жизнедеятельности, человеческой организации и ее протекания на уровне общности, непосредственного выполнения различных социально-технологических актов. Это именно тот уровень, о котором Ф.Энгельс писал, что "люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т.д.", что составляет "производство непосредственных материальных средств к жизни"³.

Общее познание исторического процесса вносит, естественно, свои определенные коррективы и в представления об образе жизни каждой эпохи. Содержанием концептуальных схем и теоретических моделей данного уровня являются образы материальных объектов — предметного мира, поведения (деятельности) и знания — как непременных компонентов, необходимых для достижения конкретной цели. Взаимодействие этих компонентов в целостной системе — социальной организации (индивида) и составляет предметно-технологический процесс протекания образа жизни, специфика которого обусловлена конкретной конечной целью, выступающей как опредмеченная сущность человеческой деятельности. Теория опредмечивания является поэтому для

данного уровня познания источником **оснований** в АМтеории, на которых строятся теоретические модели и эмпирические схемы для объяснений, поскольку при исследовании на уровне образа жизни основное внимание сосредоточивается вокруг реконструкции технологии протекания деятельности, содержащей в качестве неперемного компонента предметный мир деятельности, направленной на достижение конкретных социальных результатов, удовлетворяющих общественные и личные потребности людей.

На этом уровне опредмечивания социальной системы соединение ее структурно-субстанциональных элементов — предметного мира, деятельности, знания — обусловлены **технологической схемой** каждого социального акта. Именно эта технологическая схема конструируется в АМтеории и выступает как теоретическая модель, позволяющая в процессе исследования обрисовать **эмпирическую схему**, воспроизводящую структуру исследуемого объекта, явления, действия и т.д.

Пока в археологии научная разработка теории опредмечивания на уровне образа жизни и ее функции как компонента АМтеории практически не осуществлена и заменяется стихийно-интуитивным накоплением знания и опыта каждого исследователя на основе здравого смысла, этнографических параллелей и знаниями, накопленными собственно археологией. Это, естественно, весьма слабая теоретико-методологическая основа научного исследования. Поэтому актуальность разработки общей теории опредмечивания и ее анализа как элемента АМтеории в исследовании уровня ПТРеконструкций образа жизни вполне очевидна.

Несколько конкретных примеров использования ПТРеконструкций уровня образа жизни. В археологии для самых элементарных статичных ПТРеконструкций отдельных предметов или даже сооружений используются чаще всего этнографические данные, но в качестве основания могут выступать и знания, извлекаемые из археологических источников, более сохранивших свою целостность, первоначальный облик. Так, для реконструкции ножен греческого меча из причерноморских городов, где найдены их отдельные детали, Е.В.Черненко использует изображения ножен мечей со всеми деталями на надгробных стелах, в вазовой живописи, на саркофагах и т.д.⁴

Накопление археологического знания формирует самостоятельную базу оснований археологических реконструкций, которая в дальнейшем используется при создании теоретических моделей и эмпирических схем в новых конкретных исследованиях. Особую ценность в накоплении таких знаний приобретают исследования, всесторонне обосновывающие реконструктивные построения. Еще большую значимость для статичных реконструкций имеют памятники, в которых хорошо сохранились сложные материальные объекты, практически не требующие реконструкции. Так, сохранность средств передвижения из Пазырыкских курганов была настолько хороша и описание их выпол-

нено С.И.Руденко с такой тщательностью⁵, что они могут быть использованы в других исследованиях в качестве оснований реконструкции. Кстати, следует отметить, что описание археологических фактов и реконструкция по ним социальных объектов далеко не тождественные процедуры, а многие археологи часто смешивают их, что значительно снижает ценность как той, так и другой стороны в публикациях.

В изучении каменного инвентаря для заключения об их функции использовали обычно наблюдения за формой изделий. Достоверность формально-функциональных определений была поставлена под сомнение, и С.А.Семенов разработал более объективный метод — трасологический анализ⁶, изучающий орудия по следам сработанности, изношенности и т.д. "Следы работы (изнашивания) на орудиях и изготовления на изделиях, — пишет С.А.Семенов, — отражающие характер обрабатываемого материала, степень физического усилия, установка орудия на предмет, направление движения, способ держания в руках, длительность употребления и другие признаки производственного действия раскрывают возможность увидеть не только процесс, но целую отрасль производства, а вместе с тем и достигнутый уровень технического прогресса"⁷.

Перспективность трасологического метода связана прежде всего с высокой степенью объективности его результатов по реконструированию техники изготовления различного рода изделий и с установлением функций и способа работы с орудиями труда, т.е. технологический процесс работы. В целом, трасологический метод позволил применить в практике археологического исследования новый функционально-типологический метод анализа⁸, который является наиболее эффективным и объективным в разработке объяснений на предметно-технологическом уровне исследования. Таким образом, трасологический метод фактически создает собственно археологические основания для реконструкций.

Использование в основании данных других наук особенно наглядно видно при крупномасштабных реконструкциях. Так, Б.А.Колчин при исследовании черной металлургии и металлообработки в Древней Руси в качестве основания для реконструкции использует схему технологии металлургического производства из общей металлургии, где научно обоснован не только процесс металлургического производства, но и методы его исследования⁹. На базе этого он строит различные АМтеории, обосновывающие исследование археологических источников.

Еще один пример. Касаясь оснований для объемных реконструкций жилых комплексов Ольвии, С.Д.Крыжицкий отмечает, что за последние пятьдесят лет не было предложено "ни одного научно обоснованного проекта" (курсив мой. — В.Г.), причем не только Ольвии, но и остальных городов Северного Причерноморья, что приводило к весьма ограниченному изучению архитектуры жилого дома¹⁰. "Обоснования архитектурных реконструкций, — пишет тот же автор в другой работе, —

выполнялись не с *единых общепринятых позиций* (курсив мой. — В.Г.). Это создавало условия для появления различных по степени обоснованности реконструкций, невозможности их сравнительного анализа и учета степени достоверности"¹¹. Из этого очевидно, что научно обоснованными, общепринятыми основаниями автор считает теории из области архитектуры и строительного дела, для которых эти вопросы являются предметом специального исследования. А в археологии подобные знания используются в АМтеориях и выступают в качестве оснований при построении концептуальных схем, теоретических моделей и реконструкций.

Логика построения исследовательской программы уровня образа жизни исходит прежде всего из познавательной задачи и наличного эмпирического базиса, в соответствии с которыми и принимается та или иная концептуальная схема объяснения. На основе этого строится теоретическая модель, в которой находит отображение предметно-технологическая структура деятельности (см. I.4) исследуемых объектов, явлений и т.п. Принятые концептуальная схема и теоретическая модель определяют компонентный состав, связи и законы построения (функционирования) объекта познания. На базе этого и разрабатывается эмпирическая схема как центральное звено в исследовании на уровне ПТРеконструкций, поскольку именно здесь уточняются предметные компоненты, определяется структурная сложность объекта реконструкции, функции компонентов и их структурно-функциональные связи. Поэтому создание звена "теоретическая модель — эмпирическая схема" требует основательной логической разработки при создании АМтеории, от которой во многом зависит конечный результат исследования.

Б.А.Колчин в упомянутой выше работе при построении исследования исходил из концептуальной схемы, согласно которой в технологии металлообработки выделяется собственно производственная деятельность, остатками которой являются кузницы, кузнечный и слесарный инструмент, и готовая продукция, которую он подразделяет на функциональные группы. В последнем автор исходит из посылки, что к рабочей части каждой группы "кроме формы предъявляются еще высокие, специфические в том или ином случае технические (механические или физико-химические) требования"¹² в соответствии с их функциональным назначением. Взяв это положение в качестве исходного постулата, он показал, что изучение различных видов продукции кузнецов позволит не только выявить отдельные элементы технологических операций, но, обобщив и сравнив их, в том числе произведя статистические сопоставления, выявить в целом процесс и уровень развития техники металлообработки.

Однако для получения таких социально-технологических выводов необходимо было каждое изделие древнерусских кузнецов исследовать индивидуально, рассмотрев его как самостоятельное произведе-

ние технического творчества, т.е. процесс его непосредственного изготовления.

В целом разработка исследовательской программы в системе АМтеории должна быть соотнесена со спецификой реконструируемого объекта и главное — получен конечный результат — наиболее аргументированные соответствующие задаче реконструкции отдельных объектов, явлений, процессов и т.д. При этом каждый из перечисленных элементов теоретической модели — эмпирической схемы в ходе исследования наполняется конкретным содержанием на основе имеющихся источников.

Поэтому вторая часть программы — это создание эмпирического базиса — подбор соответствующих археологических фактов, позволяющих выполнить задачу реконструкции объекта исследования. Объем привлекаемых источников, конечно, обусловлен познавательной задачей, но решающее значение, которое уже должно быть учтено в исследовательской программе, — общее состояние источниковой базы, а также изученности данной проблемы в археологии. Следует учитывать, что соединение концептуальной схемы и теоретической модели с эмпирическим базисом — это процедура, опирающаяся главным образом на правила соответствия (см. гл. IV.4). Здесь происходит качественный скачок — формирование нового научного знания — выдвинутая ранее гипотеза, которая создавалась на основе концептуальной схемы и еще недостаточно четко организованного эмпирического базиса, должна быть преобразована в ходе исследования в стройную, аргументированную теоретическую модель и эмпирическую схему, которые позволили бы реконструировать социальную действительность на уровне образа жизни. Естественно, что огромное многообразие жизнедеятельности в различных сферах обуславливает столь же огромное число различных концептуальных схем, которые, однако, чаще выступают в процессе исследования уже на уровне элементарных эмпирических схем, воспроизводящих строение отдельных эмпирических объектов или технологии конкретных действий. Лишь имея четкую эмпирическую схему, можно реализовать реконструкцию как научно-исследовательскую процедуру. В качестве эмпирических объектов подбираются прежде всего имеющиеся в наличии артекомплексы с соответствующими артефактами, а недостающие объекты или их детали замещаются реконструированными по аналогии с другими археологическими объектами подобного типа или заимствуются из других наук.

Методика выполнения ПТРеконструкций чрезвычайно разнообразна по конкретным операциям, но логически основана на достаточно простом принципе, связывающем последовательную цепочку рассуждений: археологический факт → разнообразие свойств → выделение главного (необходимого по познавательной задаче) функционального признака → артефакт → определение функций социального факта прошлого (гл. II.2). Основой этих рассуждений является теоретическая

модель, дающая представление о строении объекта и технологической схеме его функционирования. Данную процедуру можно характеризовать как метод *прямых предметных реконструкций* (предмет — функция).

При более сложных ПТРеконструкциях, особенно динамического типа, для воспроизведения определенного процесса или объяснения взаимодействия отдельных компонентов широко используются данные этнографии, обыденного опыта жизнедеятельности, некоторых технических и естественных наук (металлургия, строительство, стеклоделие, агрономия и т.п.), из которых заимствуются технологические схемы, необходимые в реконструкции. Естественно, что большую роль во всем этом играют и археологические наблюдения в процессе полевых исследований, фиксирующих часто элементы объекта в определенной взаимосвязи — "застывшем срезе" (положение украшений при погребенном, различных вещей в спешно покинутом жилище или горне для обжига керамики). Сколько подробностей, например, дали для реконструкции полевые наблюдения при раскопках Райковецкого городища или древнего Изяслава, погибших от разгрома, учиненного татара-монголами¹³.

Проблема реконструкции внешнего облика и приемов строительства палеолитических жилищ достаточно сложна и ее изучение затруднено плохой сохранностью их остатков. При исследовании позднепалеолитического комплекса Межиричи И.Г.Пидопличко обнаружил остатки трех жилищ, построенных из костей мамонта¹⁴. В первом из них было 390 костей, в том числе 46 черепов и 95 нижних челюстей, во втором — соответственно 610, 30 и 1, в третьем — 628, 15, 12. Тщательная и всесторонняя фиксация положения костей, а затем анализы и расчеты позволили автору дать не только убедительную реконструкцию объектов — жилищ со многими деталями, но и обрисовать (реконструировать) строительство каждого из них.

Таким образом, в формировании знания на уровне реконструкции образа жизни решающее значение имеют исходные эмпирические данные — их сохранность, полнота, тщательность фиксации и т.д., на базе чего формируется эмпирический базис и методы исследования.

Структура исследования на уровне ПТРеконструкций. Собственно творческий процесс исследования в структуре познания на уровне образа жизни начинается тогда, когда необходимо упорядочить эмпирические знания о каком-то объекте (процессе) в соответствии с гипотезой (познавательной задачей), возникшей на базе концептуальной схемы, соотносимой с эмпирическими данными. Синтезирование этих двух элементов — концептуальной схемы (теоретической модели) и эмпирического базиса — и составляет, в принципе, поиск научного объяснения в широком смысле этого понятия. Преобладает ли при этом индуктивный ход мыслей, когда больше внимания уделяется развитию знания об артефактах, или дедуктивный, предпочитающий разви-

Таблица 15. Структура объяснения в исследовании на уровне образа жизни

Теоретическое описание типа ПТРеконструкций

ЭКСПЛАНАНС:

I. Большая посылка. Общесоциологическая теория (концептуальная схема) образа жизни (предметно-технологического способа жизнедеятельности).

II. Меньшая посылка. 1. Концепция структуры объекта реконструкции (данные смежных наук, аналогии, собственные модели). 2. Установление функции объекта реконструкции.

III. Теория опредмечивания. 1. Закономерности перехода целенаправленной деятельности, согласно концептуальной схеме в предметный мир. 2. Эмпирическая схема объекта реконструкции.

Теоретическая модель объекта реконструкции

IV. Археологические свойства фактов, из которых формируется эмпирический базис. 1. Выбор признаков артефактов. 2. Правила соответствия для построения эмпирического базиса объяснения. 3. Операциональные преобразования.

V. Свойства ориентации: культурно-хронологическая принадлежность археологических фактов.

ЭКСПЛАНАНДУМ:

Артекомплекс, формируемый в соответствии с эмпирической схемой согласно познавательной задаче.

ОБЪЯСНЕНИЕ:

Предметно-технологическое (социологическое) описание (определение структуры и функции) реконструированного объекта исследования.

вать идеи концептуальной схемы и поиска эмпирических коррелятов, — существенного значения не имеет. Чаще всего мысли исследователей работают в обоих направлениях.

В целом научное объяснение на уровне реконструирования образа жизни по своей общей форме и структуре не отличается от общего типа археологических объяснений (гл. IV.4). Специфично будет лишь содержание отдельных компонентов и акцент на отдельные их части и с этой точки зрения подобные процедуры в строгом смысле являются *теоретическими описаниями* (гл. IV.4).

Основные подразделения такого объяснения также будут состоять из экспланандума — археологических фактов, требующих социологического объяснения (истолкования), и эксплананса — объясняющих факторов (табл. 15). Обе части имеют достаточно сложную структуру. Содержание отдельных блоков эксплананса, резюмированное в таблице, было в общем изложено выше, особенно I—III, что касается блока IV, то это также достаточно сложное образование, которое, собственно, и анализируется в археологическом исследовании, формируя эмпирический базис для объяснения. Блок V — свойства ориентации, включающий определение достоверности хронологии и культурной принадлежности археологических фактов (гл. II.4), — берется как готовое знание.

Рассмотрим вначале процедуры построения эмпирического базиса реконструктивных исследований. Первоначально определяется общая структура объекта (явления) реконструкции, степень его сложности, которая при необходимости расчленяется на подсистемы, подьекты

Схема VII. Структура эмпирического базиса в ПТРеконструкциях

и т.п. в соответствии с концептуальной и эмпирической схемами. Такое членение должно отражать уровневую структуру организации объекта, при которой каждая подсистема может реконструироваться в процессе исследования как самостоятельный объект и выступать как самостоятельные исследовательские процедуры, которые в конечном счете необходимо синтезировать в задаваемый целостный объект реконструкции.

Поэтому процедуры формирования эмпирического базиса данного уровня можно лучше всего проследить на элементарной схеме реконструкции. В логике познания в качестве исходной целостности берется *эмпирический объект* (гл. IV.3), состоящий из определенных *эмпирических конструктов*, объединяющих *эмпирические факты*¹⁵. Переход от одного уровня к другому совершается по правилам соответствия (гл. IV.4), общие принципы которых конкретизируются содержанием исследуемой предметной области.

В реконструкциях исходным пунктом служит познавательная задача (постановка проблемы, гипотеза и т.п.), которая через концептуальную схему, теоретическую модель и эмпирическую схему в АМтеории задает эмпирический объект и правила соответствия для каждого конкретного исследования, на основе которых обрабатываются археологические факты с использованием присущих им археологических свойств (гл. II.3). Археологические факты обладают множеством свойств, из которых фактофиксирующие суждения выделяют лишь те, которые как признаки необходимы для решения конкретной познавательной задачи, моделируемой в концептуальной и эмпирической схемах. Эти фиксированные признаки и формируют артефакт как исходный элементарный эмпирический факт в системе археологического познания.

Структура эмпирического базиса реконструктивного исследования представлена на схеме VII.

При построении данной структуры на всех уровнях для выделения различных подразделений используется набор археологических признаков: морфо-структурных, субстанциональных, технологических, функциональных, дизайнных и взаимосвязи (см. гл. II.3) с той или иной полнотой в зависимости от конкретной познавательной задачи. При

необходимости уровень археологических категорий (артекласс и артефакт) может быть также многоступенчатым, в данном случае это зависит от структурно-иерархической сложности реконструируемого объекта (процесса) и познавательной задачи.

Конкретно-археологическое содержание иерархической структуры задается эмпирической схемой объекта исследования как в статичных, так и динамичных реконструкциях. Артекомплекс — это та автономная система, которая как эмпирический объект становится самостоятельным предметом исследования. Формируется артекомплекс по принципам систематизации правил соответствия, которые должны позволить объединить все артефакты, в той или иной мере относящиеся к выполнению задачи реконструирования объекта исследования. Сам эмпирический объект обрисовывается на основе его предметно-технологической структуры, которая и позволяет выделить соответствующие уровни, компоненты и принципы правил соответствия для следующего уровня — *классификации*, основная цель которого — выделение артеклассов — однородных функциональных элементов — эмпирических конструкторов. Артеклассы — основные составляющие, неизменные компоненты системы, образующей объект исследования, и взаимосвязь (взаимодействие) артеклассов обусловлена его предметно-технологической схемой.

Археологические свойства, выявляемые и фиксируемые в археологических фактах, отображают сознательную конструируемую деятельность индивидов, коллективов, и в этом проявляется огромная степень свободы и многообразия прогресса творческой деятельности людей. Все это находит воплощение в разнообразии форм, материала, размеров, украшений и др. в функционально однородных объектах. Жилища людей могут быть полуземляночными и наземными, каменными и срубными, большими и малыми и т.д. Упорядочение и фиксирование многообразия однопорядковых свойств-признаков в соответствии с познавательной задачей основывается в правилах соответствия на *принципе типологии*. Типология, следовательно, — наиболее универсальная и широко распространенная процедура, которая позволяет однофункциональные категории дифференцировать на подгруппы, подвиды и т.п. В системе реконструктивных исследований типология играет более ограниченную роль — она должна выявить в артеклассах в соответствии с познавательной задачей определенные разновидности или совокупности разновидностей признаков артефактов, характеризующих определенную объективную тенденцию в предметно-технологической деятельности древних людей. Это и должно составлять главное звено в эмпирическом базисе при выполнении предметно-технологических или реконструктивных исследований.

Таким образом, типология артефактов оказывается конечным звеном в упорядочении эмпирического базиса, который должен получить *объяснение* в виде реконструкции объекта, процесса и т.д.

В качестве примера выполнения реконструктивного исследования используем изучение уникального сооружения — круглой ротонды в Киеве¹⁶. Раскопками 1975—1976 гг. в центре древнего города были обнаружены остатки фундамента и цоколя из плинфы и брусчатки круглого здания наружным диаметром более 20 м, толщиной стен 1,6 м, со следами от 16 пилястр и центральной квадратной базой (стороны 3,2 м) для колонны. Внутри здания и за его пределами зафиксировано множество деталей здания (остатки арочки, завершавшей блок упавшей стены, фрагменты штукатурки, в том числе с росписью, разноцветные поливные керамические плитки, декоративное оформление пилястр, фрагменты свинцового перекрытия крыши и т.п.).

С точки зрения построения эмпирического базиса для объяснения — реконструкции все остатки сооружения выступают как артекомплекс, в котором выделяются основные архитектурно-строительные части — артеклассы: фундамент, стены, конструкции перекрытий, внешнее и внутреннее оформление и т.п. Типологическая характеристика артефактов (отдельных деталей, например, характер кладки и величина фундамента — несомненные свидетельства существования крупного монументального сооружения высотой не менее 10 м; арочка — свидетельство арочного завершения декорированных пилястр и т.д.) — обрисовывает конкретное состояние эмпирического базиса данного объекта, который должен быть объяснен, реконструирован. Для создания концептуальной схемы авторы использовали общие данные о состоянии средневековой архитектуры, а теоретическую модель по аналогиям подобных круглых сооружений, известных по миниатюрам древних летописей, остаткам в романской архитектуре, описаниям византийских дворцовых сооружений, а также археологическим объектам, обнаруженным при раскопках в Смоленске и в Галицко-Волыньских землях. Все это в целом и позволило авторам заключить, что "Киевская ротонда" представляла собой башенный тип здания высотой свыше 10 м с купольным завершением и богатым украшением внутри, декорированного снаружи пилястрами¹⁷ и предложить довольно убедительную графическую реконструкцию ее внешнего вида¹⁸.

П.П.Толочко и Я.Е.Боровский не ограничились лишь статичной объектной реконструкцией ротонды. Анализируя ее архитектуру, топографию расположения в городском ансамбле (рядом с княжеским двором) и ряд находок, они приходят к заключению, что это здание светского характера, скорее всего служившее палатой для княжеско-боярских совещаний, государственных приемов. Все это составляет объяснение: реконструкция уже динамического, функционального типа, раскрывающая социальную динамику.

Другой пример простейшей динамической реконструкции, связанный с уже упомянутым выше железоделательным производством. Описание процесса исследования топора-клевец: "Микроскопическое исследование произведено на двух образцах, взятых со втулки и лезвия

топора. Проба, взятая на втулке, представляет собой ферритовую структуру с мелким равноосным зерном и мелким шлаковым включением: Микротвердость феррита 170 кг/мм². Проба, взятая на поперечном сечении лезвия, представляет структуру мартенсита (микротвердость 514–572 кг/мм²) с мелкими включениями шлака.

Вывод. Рабочая часть топора, откованная из кричного железа, была подвергнута операции сквозной цементации (науглероживанию) с последующей термообработкой (закалкой в холодной воде)¹⁹. Авторы не разъясняют, как само собой разумеющееся, что втулка топора была откована из кричного железа без дополнительной обработки.

Разберем структуру этого простого примера динамической реконструкции вначале с того, как организован эмпирический базис, а затем и его научное описание. В основу принципа систематизации, позволившего выделить артекомплекс, взято морфофункциональное свойство изделия, определенного как топор-клевец. Исходя из свойств взаимосвязей и функции отдельных частей артекомплекса выделены в качестве классов втулка и лезвие. Типология этих частей основана на определении субстанциональных свойств — типа состава металла. Полученные результаты типологии металла и явились эмпирической базой артекомплекса, который авторы объяснили с позиций технологии изготовления топора-клевца, основываясь на интерпретации результатов микроанализа, осуществляемых в металлургии.

По этому же типу, но с гораздо более широким применением еще и других методов, а также более полной характеристикой всего процесса кузнечного производства было построено первое обширное исследование металлообработки в Древней Руси, выполненное Б.А.Колячиным. Рассмотрим, как здесь построен эмпирический базис и объяснения, причем не во всем объеме черной металлургии, а лишь в познавательной задаче реконструкции технологии изготовления железных изделий²⁰. Не будем рассматривать также остатки непосредственной производственной базы — кузницы, кузнечного и слесарного инструмента, сведения о которых описаны автором. Обратимся к анализу эмпирической базы — готовых изделий кузнецов, в которых "скрыты" технологические приемы, отражающие уровень развития техники, что и составляет в данном исследовании познавательную задачу. Концептуальная схема, теоретическая модель и эмпирические схемы здесь, как уже отмечалось, всецело заимствованы из техники черной металлургии, и задача автора состояла в создании типологии технологических приемов, каждый из которых может рассматриваться как конкретный артефакт.

В основу принципа систематизации артекомплекса положено субстанциональное свойство археологических фактов — железные изделия как продукция кузнецов (286 экземпляров). В пределах артекомплекса автор выделяет артеклассы, для чего за основу классификации берет морфофункциональные и функциональные признаки, причем в двух уровнях: пять основных групп (орудия труда, оружие, инструмен-

ты, домашняя утварь, прочие изделия), в которых в общей сложности выделяет 41 класс (автор называет их видами). Последняя классификация основная, поскольку она выделяет четко функциональные артеклассы: ножи, топоры, серпы, напильники, сверла, мечи, стрелы, замки, удила, гвозди и т.д. Автор прямо подчеркивает, что функция изделия в конечном счете определяла технологию его изготовления. Все остальные свойства — дизайновые и взаимосвязи упоминаются, но не играют существенной роли.

Технология производства железных изделий находит отображение в дифференциации субстанциональных и функциональных свойств отдельных готовых изделий: различной структуре (составе) металла, из которого они изготовлены и дополнительно обработаны, что фиксируется функциональными следами. Для выявления всех этих свойств были использованы методы микро-, макро-, рентгено-структурного и спектрального анализов, измерения твердости и микротвердости, что и позволило получить представление о структуре каждого изделия. Именно эти данные послужили основой для формирования принципов правил соответствия типологии артефактов — выделение различных структур и приемов обработки, которые составили эмпирический базис исследования. Анализ выявленных типологических групп был проведен исходя из данных теории общей металлургии и результатов технических анализов, что позволило выделить девять технологических операций: свободнаяковка, сварка железа и стали, цементация железа и стали, термическая обработка стали, обработка металла на точильных кругах, холодная резка и опиловка напильником, полировка, паяние, покрытие и инкрустация цветными и благородными металлами. Последние операции проводились как по железу, так и по стали. Реконструкции — объяснения этих технологических операций — подробно описаны автором с привлечением общенаучных данных по металлургии и результатов эмпирических исследований²¹, что и позволило изучить уровень развития техники обработки железа в Древней Руси.

Итак, основная задача ПТРеконструкций — преобразовать вещную (предметную) информацию, содержащуюся в археологических фактах, в социально-понятийную и представить социально-историческое прошлое отдельных обществ (общин и т.п.) в виде описания социально-археологических фактов исторической действительности различной общности — от индивидуальных объектов, явлений, действий до массовых, обобщенных в процессе исследования. Все это представляет жизнедеятельность древних обществ в виде технологии, обыденности ее протекания на уровне образа жизни во всех сферах, но особенно многочисленны описания бытовой сферы, в которой преломляются в обыденности поведение, действия, создание предметных объектов, факторы социального развития общества в соответствии с особенностями этноисторических традиций, экологического окружения, уровня формационного развития и т.п. Это все и представляет начальную характерис-

тику специфически археологического социально-исторического исследования древних обществ — АК. Более глубокое раскрытие социальной сущности исторического процесса требует перехода исследования на более высокую степень исследования.

VII.2. СИСТЕМНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Исследования предметно-технологического уровня (образа жизни) отличаются изолированностью объектов реконструкции и рассмотрением их вне органической взаимосвязи с конкретно-историческими условиями своего существования. Поэтому данный уровень создает лишь условия, предпосылки социально-исторического познания, главная задача которого — выявление цельности и закономерности развития социальных систем. Как уже неоднократно отмечалось, эти системы одни из наиболее сложноорганизованных многоуровневых типов систем, поэтому для их всестороннего раскрытия требуется исследование с различных сторон и на различных уровнях. Естественно, что при этом начальный этап будет включать раскрытие отдельных частных компонентов, подсистем, которые позволили бы, во-первых, изучить взаимосвязь, взаимообусловленность фактов исторической действительности, полученных при ПТРеконструкциях, во-вторых, представить эту действительность в известной целостности — подсистемах, которыми, как это было показано в принципах социально-исторического познания, в археологии являются отдельные социальные сферы (гл. I.4).

Данное условие базируется на посылке, что способ жизнедеятельности раскрывается не только в технологии реализации деятельности, но и в условиях (системе), при которых она реализуется, и составляет это уже социально-исторический способ жизнедеятельности. Познание последнего требует новый подход, новый уровень его организации, цель которого — обобщение, конструирование отдельных качественно различающихся компонентов — социальных сфер конкретных обществ — СИО—АК. В историческом познании каждый такой компонент — это определенная историческая ситуация, которая, по А.И.Ракитову, "есть подсистема, выделенная в объекте как предмет исследования, фиксированный в некотором интервале времени"²². В археологическом исследовании в качестве таких основных ситуаций выступают отдельные социальные сферы (производственная, общественная, духовная, этническая), поскольку предметный мир каждой из них достаточно специфичен в пределах определенного интервала времени — одной СИО—АК.

Очертить, выделить археологические источники отдельных сфер позволяют результаты предметно-технологических реконструкций, но

теперь задача их исследования состоит в раскрытии гораздо более глубокого социального содержания сфер деятельности прошлых обществ. В целом, такой подход отражает специфику археологического познания, когда в качестве автономных объектов выступают отрасли хозяйства, отдельные стороны общественных организаций, структура отдельных видов производственной деятельности или военной организации и т.п., образующие *субсистемы или малые системы социальных сфер деятельности* в пределах большой суперсистемы СИО—АК. Таким образом, главная познавательная задача данного уровня — показать отдельные компоненты социальной суперсистемы в их автономной целостности, взаимообусловленности предметным миром и закономерностями внутреннего развития. Это та ступень, которая позволяет в дальнейшем перейти к исследованию каждого отдельного общества как целостности СИО—АК, развивающегося по своим законам.

Для анализа, иллюстрирующего исследование системно-исторического уровня, в дальнейшем будут использованы работы трех типов. И хотя в каждом из них ставится и решается конкретная познавательная задача по изучению различных социально-исторических проблем жизни определенных обществ на уровне сфер или их подразделений, главное в этом выборе состоит в различии формирования АМтеории и методического подхода к исследованию и конструированию АТзнания.

Уже неоднократно упоминавшаяся монография Б.А.Колчина посвящена исследованию кузнечного ремесла Древней Руси и базируется на широком применении металлографического анализа, что дало возможность получить весьма обстоятельную картину предметно-технологической реконструкции ремесла, которая и является базисом его изысканий на системно-историческом уровне для характеристики ремесленного кузнечного производства в целом²³. Далее использованы работы, выполненные по палеоэкономике С.Н.Бибиковым и В.М.Масоном²⁴, в которых решается проблема исследования хозяйственно-экономической структуры древних обществ со стороны их экономического потенциала в области пищевого производства, для чего широко привлекаются данные археологии и особенно этнографии и письменных источников. Исследования по структуре общественной организации кочевых скифов VI—III вв. до н.э., проведенные Е.П.Буятыя и В.Ф.Генингом²⁵, ставят задачу изучения степени социального расслоения данного общества как показателя, характеризующего процесс классовобразования.

Все эти исследования, безусловно, относятся к теоретическим, поскольку главная их задача — изучение социальных параметров более высокого уровня, чем реконструкция фактов исторической действительности. И хотя задача теоретического исследования в конечном итоге состоит в рациональном объяснении эмпирического базиса, но в исследовании оперируют в основном понятиями социально-исторического познания, не имеющими прямых эмпирических коррелятов. Однако

это порождает основные трудности: как перейти от эмпирических данных к теоретическому объяснению социальной системы.

Для получения наиболее полного представления о системно-историческом уровне исследования в археологии проведем анализ привлекаемых работ в двух аспектах: вначале с точки зрения логики структуры исследовательских программ, в которых главную роль играют АМтеории, поэтому выделим здесь такие компоненты: основания концептуальных построений, частные теоретические модели, методы и подходы, эмпирический базис. В дальнейшем необходимо рассмотреть исследовательские программы с позиций функций отдельных ее компонентов в исследовании.

Логика исследовательских программ системно-исторического уровня будет рассмотрена в субстратном плане.

Основания теоретических построений концептуальных схем малых систем определяются марксистской теорией общественно-экономического развития, в которой определена субординация различных социальных сфер и их внутренняя структурная обусловленность, хотя это далеко не везде и явно формулируется. Эти представления и соответствующий понятийный аппарат постулируют структуру исследования и развертывание уровня познания социальной действительности. Важнейшее значение здесь имеет теория социальной жизнедеятельности малых систем, которая позволяет раскрыть закономерности их развития, внутреннюю структуру и связь с остатками, сохранившимися в археологических источниках.

Концептуальная схема, примененная Б.А.Колчиным при исследовании древнерусского ремесленного производства, базируется на положении, что степень сложности технологического процесса кузнечного производства определяет структуру его социальной организации²⁶. Этот постулат в конечном итоге соответствует марксистскому закону о детерминированности социальных сфер. "Из определенной формы материального производства, — писал К.Маркс, — вытекает, во-первых, определенная структура общества, во-вторых, определенное отношение людей к природе"²⁷.

Концептуальные схемы исследований по палеоэкономике основываются на том, что каждое общество (община) имеет определенный численный состав, который для поддержания жизнедеятельности должен обеспечиваться минимумом пищевых продуктов. Производство этого минимума и определяет экономический потенциал общественно-го производства пищевых продуктов, которое организуется в каждом конкретном обществе соответственно формационному уровню его социально-экономического развития²⁸.

Концептуальная схема общественной структуры кочевых скифов исходит из понимания того, что на завершающей ступени первобытных и раннеклассовых обществ должна происходить значительная имущественная и социальная дифференциация, выделение общественных групп

(прослоек, классов), различающихся местом и ролью в общественном производстве, распределении общественного продукта и различных функций общественной власти и управления²⁹.

Частные теоретические модели. Как уже отмечалось, исследование социальных сфер, или социально-археологических структур, по нашей терминологии (гл. IV.3) — сложная многоступенчатая процедура. На базе творческого процесса рождается постановка проблемы, а затем и научной гипотезы (гл. III и IV), в которой центральное место должна занимать концептуальная схема, являющаяся первоосновой для построения теоретической модели исследуемой проблемы. "Под моделью, — пишет В.А.Штофф, — понимается такая мысленно представляемая или материально реализованная система, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает нам новую информацию об объекте"³⁰.

При системно-историческом исследовании главная задача построения теоретической модели состоит в том, чтобы указать, какие конкретно виды социальных элементов необходимо привлечь для решения поставленной задачи и в какой необходимой связи они должны находиться, причем именно с учетом конкретно-исторической ситуации самой действительности и условий ее изучения (источников). При этом естественно, что построение такой модели будет тем более адекватно реальности, чем глубже, полнее мы сможем использовать общие законы функционирования изучаемой системы (сферы, ситуации и т.п.). Именно это и заставляет привлекать к исследованию, а зачастую и строить концептуальные схемы более высокого уровня. Теоретическая модель как бы "конкретизирует" концептуальную схему исследуемой сферы, ограничивая всеобщие социальные абстракции конкретно-историческими условиями. Логика построения теоретической модели учитывает, с одной стороны, результаты достижений предшествующего уровня образа жизни, но берет из них только отдельные элементы, признаки артефактов, необходимые для создания социально-археологической структуры, которая отнюдь не тождественна реальным объектам (процессам, явлениям), как их выражает ПТРеконструкция или их сумма, а является структурой, в которую в определенную взаимосвязь поставлены некоторые качественные характеристики (свойства) различных ПТРеконструкций как предмет специального исследования. При этом исследование исходит из положения, что только эти свойства, фиксированные в артефактах, отображают сущность изучаемого явления (процесса) и закономерности его развития. А для последнего решающую роль приобретают количественные параметры данных о свойствах, их корреляция и т.п. Теоретические конструкции, как уже отмечалось, обладают способностью к онтологизации (гл. IV.4), т.е. проецированию на объективную реальность и видению не только ее социальных структур, но и через них необходимых для их изучения источников. Это и создает "стык" эмпирического и теоретического

в системе исследования, на базе чего строится эмпирическая схема изучаемой ситуации. Для создания ее привлекаются эмпирические объекты (артекомплексы) через процедуру систематизации, правила которой определяют круг, необходимый для решения познавательной задачи конкретных источников, что и формирует эмпирическую базу исследования.

Развертывание теоретической модели происходит преимущественно гипотетико-дедуктивным путем, т.е. от теоретической постановки социально-исторической задачи к абстракциям меньшего уровня и привлечению археологических источников. Однако в практике работы археологи еще очень редко идут сознательно по этому пути. Чаще всего их исследование строится с позиций индуктивного подхода. (Так, по крайней мере, им кажется и так они излагают поэтому результаты своих исследований, полагая, что достигают этим большей объективности.) В таких случаях за исходную основу изучения берутся не социальная сфера или ситуация, а категории археологических памятников — поселения, могильник и т.п. Конечно, допускается, что эти памятники несут в себе информацию о различных сторонах жизнедеятельности, но на этом не акцентируется внимание, а в первую очередь выделяются в памятнике основные компоненты, а затем и их свойства — признаки. При этом опираются обычно на общепринятую в археологии систему описания археологических объектов. На могильниках, например, выделяются различные признаки, объединяемые на основании предметно-технологических показателей в фазы, категории, совокупности признаков и т.п.³¹ Количественный учет и суммирование признаков позволяют получить общее представление об эмпирических закономерностях распределения признаков, их частоты и т.п. Конечно, формальный анализ дает элементарное (суммативное) представление (характеристику) о погребальном памятнике в целом. Но как только исследователь обращается к вопросам социально-исторического характера, он вынужден признать, что погребальный памятник есть отображение определенных (пусть он и не знает, каких конкретно!) реальных явлений в духовной сфере населения, от которого остался этот могильник, и для того, чтобы понять или объяснить, какие именно реальные явления оказали непосредственное влияние на те или иные формы обряда захоронения, исследователь должен соотнести их с определенной социальной сферой или ситуацией, знания о которой почерпнуты из социологии, этнографии, а в целом исходя из существующей научной картины археологического мира (гл. IV.3) и на базе этого дать **теоретическое истолкование** определенных закономерностей эмпирического базиса. Причем именно на этом этапе подбор артефактов для истолкования будет диктоваться социальной теоретической концепцией (схемой, моделью), которую примет исследователь, а не стихией эмпирического источника. Таким образом, при социально-историческом познании гипотетико-дедуктивный подход неминуем и наиболее рационален.

В качестве примера индуктивного построения укажем на хорошо организованную публикацию материалов могильника эпохи бронзы Тасты-Бутак I в Казахстане, выполненную В.С.Сорокиным. Скрупулезно и обстоятельно исследовав и описав по формальным признакам погребальный памятник, автор затем ставит ряд социально-исторических проблем об общественной организации — семейно-родовой структуре андроновского общества. Автор берет ряд общесоциологических категорий: патриархально-родовые отношения, семейную общину и др.³² — и привлекает для их исследования непосредственно данные об остатках захоронений и вещевом материале. И как бы ни были привлекательно и интересно описаны такие изыскания, без разработки АМтеории, особенно теоретической модели, как необходимого этапа обоснования выводов о социальных ситуациях они остаются на уровне интересных гипотез, лишенных научной аргументации.

В целом, в индуктивном стиле построено исследование (по крайней мере изложение его) Б.А.Колчина по черной металлургии Древней Руси. Но в нем везде просматривается, что в ПТРеконструкциях он опирается на общетеоретическую концепцию металловедения, и намного слабее да и по объему намного меньше — на социально-исторические изыскания.

Методы и подходы к исследованию социально-исторических проблем требуют, чтобы в принятой гипотезе содержалась такая идея, которая могла бы быть положена в основу АМтеории для построения конкретных методов решения поставленной задачи. Наиболее общим методом, определяющим специфику и основное направление системно-исторического уровня, является *метод теоретического моделирования* исследуемых сфер и ситуаций. Реализация его порождает, однако, различные исследовательские схемы (подходы, типы методов), поэтому остановимся на характеристике нескольких таких методов, примененных в археологии.

Исследования Б.А.Колчина по металлургии Древней Руси как отдельной отрасли общественного производства дают хороший пример построения **социально-технологической теоретической модели (тип СТТМ)**. Тщательное изучение многочисленных артефактов — изделий древнерусских ремесленников-кузнецов, по замыслу автора, дает возможность прийти к обоснованному заключению об уровне развития технологии кузнечного дела, а на этой основе судить о необходимой соответствующей общественной организации производства и его месте в социальной системе Древней Руси. Так, в частности, сделан вывод о двух этапах в развитии кузнечного производства на основе данных о технологическом прогрессе³³.

Первый этап отнесен к догосударственному периоду и связан с отделением кузнечного ремесла от сельского хозяйства, однако с сохранением кузнеца-универсала по обработке не только железных, но и других изделий. Второй этап отмечен новыми технологическими услож-

нениями процесса производства и увеличением ассортимента изделий, что привело к специализации внутри кузнечного дела, с одной стороны, на деревенское и городское и, с другой — городское по 15 специальностям.

Далее, исходя из сложности технологического процесса, Б.А.Колчин вполне обоснованно предполагает необходимость накопления большого индивидуального опыта через институт ученичества и подмастерьев. Интересны также построения автора по вопросам о работе на рынок — изготовление массовых изделий и работе на заказ — сложных по технологии производства и индивидуальным особенностям заказчика (предметы защитного вооружения и др.). И хотя ряд вопросов, таких, как развитие товарных отношений между городом и селом, сбыт городской продукции, специализация городских ремесленников и другие, не получили должного археологического обоснования (об этом ниже), но постановка их исходит именно из основных положений СТТМ, принятой автором. Конечно, в исследовании и при формировании СТТМ учитывалось знание условий развития производства (государственность, классовая структура общества, потребности в массовых изделиях кузнецов), так же, как и привлекались по возможности данные письменных источников и этнографии, но основа теоретической модели несомненно строилась на технологических посылах исследуемого объекта, хотя явно это автором и не везде высказывается. Тип СТТМ может получить широкое распространение в исследованиях, привлекающих данные, а иногда и целиком основывающиеся на использовании методов естественных наук при изучении археологических материалов. Результаты анализов, полученные методами естественных наук, дают надежные данные для построения эмпирического базиса и технологических реконструкций.

Другой тип теоретической модели — археолого-этнографический (тип АЭТМ) представлен в палеоэкономических изысканиях С.Н.Бибикова и В.М.Массона³⁴. Здесь во главу исследования авторы ставят взаимосвязь разнокачественных социальных компонентов (подсистем) в общественной структуре: состояние народонаселения исследуемого общества (общины, поселка и т.п. — демографический тип АЭТМ) и структуры общественного производства пищевых продуктов (хозяйственный тип АЭТМ). Но это особый вопрос, ясно, что успех исследования зависит от того, как будут строиться первичные, исходные АЭТМ.

Принцип построения АЭТМ можно свести к следующему: на основе общесоциологической концептуальной схемы (демографической, хозяйственной и т.п.) строится некая теоретическая модель для данного объекта исследования, скорректированная со знанием об общем уровне его общественно-экономического развития данными о природной обстановке и т.п. Главная задача при этом — обрисовать соответствующую систему (ситуацию), выделить в ней основные компоненты и наметить их взаимосвязь, взаимообусловленность. При этом оказывается, что

многие компоненты и связи или вообще не представлены в археологических источниках, или по какой-то причине отсутствуют. Поэтому данная модель предусматривает при выходе на эмпирический уровень исследования привлечение данных этнографии, письменных источников и т.п. (не имеет пока значения, насколько это правомерно, корректно и т.п.). Следует акцентировать внимание — это не традиционные этнографические и социологические сопоставления структурного плана, что соотносится с теоретическим познанием, а привлечение конкретных эмпирических данных (например, об урожайности посевов, затратах труда при выполнении конкретных производственных операций, размерах семьи и т.д.).

При переходе от АЭТМ к построению эмпирической схемы компоненты ее — эмпирические объекты или структурные связи — заполняются соответственно имеющимися артекомplexами и этнографическими данными. Так, демографическая АЭТМ и соответственно схема строятся на основании археологического артекомplexа — размеров жилищ, поселений, их площади и т.п. и нормы жилой площади на одного обитателя — по данным этнографии. Это позволяет получить сведения о численности народонаселения поселка или АК.

Хозяйственная АЭТМ и схема строятся на основе археологических данных об орудиях труда и других находках, а производительность и необходимые трудовые затраты для ведения данного типа хозяйства заимствуются из этнографии или письменных источников. Экономический потенциал общины или АК (еще одна АЭТМ) вычисляется на основе демографической ситуации, полученной при разработке ее АЭТМ — численности народонаселения и данных этнографии о минимальных потребностях в пищевых продуктах, производимых ведущей отраслью хозяйства. Община должна обладать соответствующим экономическим потенциалом, чтобы обеспечить свое биологическое воспроизводство.

В целом тип АЭТМ, по-видимому, перспективен, поскольку позволяет не только получить конкретное представление о тех или иных ситуациях (сферах) отдельных систем, но и установить их взаимосвязь и взаимопроверяемость, контролируемость различных компонентов (например, соответствующая форма хозяйственной деятельности и возможности обеспечения ее рабочей силой, необходимым временем для производства каких-то работ и т.п.). Однако это требует чрезвычайно тщательной теоретико-методологической разработки АЭТМ как особого метода исследования, чего, к сожалению, нет в выполненных работах. Поэтому выявляется множество слабых звеньев в построениях, среди которых отметим следующие:

а) правомерность привлечения различных этнографических данных (эта проблема в том или ином виде уже давно поставлена в археологии)³⁵;

б) предел вариации количественных величин исходных этнографи-

ческих данных (отличающихся иногда в 2–3 раза) и в связи с этим их влияние на конечные результаты исследования, дающие разброс, в 2–3 раза отличающиеся друг от друга.

Все это связано с привлечением большого количества цифровых данных и именно они делают реализацию таких моделей наиболее уязвимой, о чем будет сказано ниже при характеристике методики формирования эмпирического базиса и его операциональных процедур.

Иной тип построения теоретической модели принят в исследованиях по общественной структуре общества кочевых скифов, выполненных Е.П.Бунятян и В.Ф.Генингом³⁶. Моделирование здесь проведено с привлечением метода так называемой теоретической типологии³⁷ (назовем этот тип ТТМ, или ЗТ-М). Моделирование общественной структуры общества скифов, в частности процесса его социальной дифференциации, выделение прослоек, групп, классов было проведено исходя из достижений предметно-технологической реконструкции и общесоциологической концепции общественной структуры для обществ финала первобытности или раннегосударственного типа. Результаты исследования и должны были решить это "или". При этом ЗТ-М предусматривает формулирование задачи исследования таким образом, чтобы искомые *социальные характеристики* (параметры) выглядели как *мера*, в которой *возможно выделить качественные и количественные показатели* (параметры). Концептуальная схема общественной структуры скифов позволяла предполагать достаточно сильное имущественное и социальное неравенство отдельных индивидов (групп) вплоть до существования классов. Такую гипотезу можно было выдвинуть хотя бы исходя из факта наличия огромных курганов с большим количеством вещей из золота. Ясно также, исходя из марксистского понимания обусловленности данного фактора, что положение индивида (группы) зависит от того, какое место занимают они в системе общественного производства, распределении общественного продукта и власти. Все это должно было найти отображение в системе погребального обряда скифов. Таким образом, мера социальной дифференциации опосредовано выражена в определенных качественных и количественных свойствах погребальных памятников как источников непосредственного (эмпирического) исследования. Это и послужило основанием для построения эмпирической схемы, в которой были намечены соответствующие эмпирические объекты (артекомплексы), связанные с размерами погребальных сооружений (различные затраты живого труда на их сооружение) и инвентаря, дифференцированного по качеству (престижность и символика тех или иных категорий вещей) и количеству. Операциональный анализ массового материала (погребений) позволял путем применения специфических распределений и корреляций выделить группы, различающиеся по качественно-количественным показателям, которые затем интерпрети-

ровались согласно социальным идеям, заданным ЗТ-М: каждая группа являлась отображением определенной социальной прослойки – класса в общественной структуре скифов.

В целом этот метод называется "*теоретической типологией*"³⁸, поскольку подготовка эмпирического базиса – подбор, классификация и типология артефактов – производится в строгом соответствии с теоретической моделью (концепцией), согласно которой затем интерпретируются и результаты операциональных процедур. Особо следует подчеркнуть жесткую связь интерпретации с результатами обработки исходных археологических данных.

При эмпирической интерпретации ЗТ-М сами исходные данные со своей качественной стороны (погребальные памятники скифов) отступают на второй план, главными становятся сформированные по ним социальные понятия и характеристики – общественные прослойки – классы и степень их социальной поляризации.

Таким образом, если не считать ПТРеконструкции, которые практически являются предпосылками при построении любого типа теоретических моделей, в разработке метода ЗТ-М в качестве исходных предпосылок, а затем и решения познавательной задачи привлекаются лишь общесоциологические концепции и артекомплекс, что сводит к минимуму количество переменных, используемых в исследовании, а тем самым получение результатов, адекватно отражающих развитие прошлой исторической действительности.

Трудности в применении метода ЗТ-М состоят в необходимости достаточно глубокой теоретической и операциональной разработки исследовательской программы не только для каждой социальной сферы, но и для каждой более или менее различающейся качественно ситуации и соотношения ее с артекомплексами. Впрочем, эта задача стоит перед любым построением теоретической модели, которых описано здесь три, но применяется в археологии значительно больше.

Эмпирический базис и организация операциональных процедур исследования системно-исторического уровня представляют собой достаточно сложную методическую проблему. К.Маркс, характеризуя конкретно-исторический процесс, писал: "Один и тот же экономический базис, один и тот же со стороны основных условий – благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т.д. – может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств"³⁹.

Если проблема исследования конкретных историй СИО-АК состоит прежде всего в выяснении "бесконечных вариаций и градаций", чтобы они не потеряли своего "лица", то эту задачу можно решить только путем анализа "эмпирически данных обстоятельств" жизни этих

обществ, что и определяет значимость эмпирических данных в историко-археологическом исследовании.

Непосредственное представление об эмпирически данных обстоятельствах дают реконструкции образа жизни. Но это всего лишь познание явлений, а не сущности ситуаций или процесса, явлений достаточно противоречивых, в которых сущность не лежит на поверхности, ибо, как писал Ф.Энгельс, "история делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновения множества отдельных воль, причем каждая из этих воль становится тем, чем она есть, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств. Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа "параллелограммов сил", из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая — историческое событие"⁴⁰. Именно поэтому и привлечение "бесконечного количества перекрещивающихся сил" (а это и есть "эмпирически данные обстоятельства"), как и поиски равнодействующей, определяющей закономерности исторического развития, — сложная научная проблема. Методологическое содержание ее на уровне системно-исторических исследований можно свести к следующему: во-первых, как распознать археологические факты, необходимые для решения социально-исторических задач? И во-вторых, как использовать массовые археологические источники для проведения непосредственных исследований артефактов, как организовать их операциональную обработку? В самой постановке социально-исторических проблем на данном уровне нет того прямого зеркального отображения или связи предмет (артефакт) — явление (материальный объект), присущей ПТРеконструкциям. Для правильного понимания взаимосвязи предмет (артефакт) — явление (?!)... — сущность (ситуация, сфера) необходимо опираться на разработанную теорию опредмечивания социальных сущностей и ситуаций каждой сферы, которые позволили бы по правилам соответствия перекинуть логический мостик между эмпирией и теорией. Первое приближение этого достигается уже в ПТРеконструкциях, очерчивая в самых общих чертах круг источников изучаемой сферы. ПТРеконструкции составляют материальную основу для решения проблемы опредмечивания, ибо только на этом уровне происходит преобразование "мертвого", "безликого" археологического факта в систему реконструированного исторического факта, составляющего эмпирическую основу социальных исследований.

В социально-исторических изысканиях этот переход опосредованный и многоступенчатый. Так, при исследовании социальных проблем кузнечного производства Древней Руси Б.А.Колчин строит такой переход на дифференциация степени сложности технологического процесса, которая влечет за собой и соответствующее усложнение социальной организации. Сложность технологического процесса кузнечного ремесла раскрывается опосредованно изучением готовой продукции со сто-

роны ее технологии, что и дает выход на эмпирический базис — сохранившиеся в археологических памятниках железные изделия древнерусских ремесленников.

Общественная структура скифского общества в исследовании опосредована погребальным обрядом, а он представлен разнообразными материалами скифских могильников.

Постановка любой проблемы социально-исторического характера требует в АМтеории логического обоснования формируемого эмпирического базиса. Эта сторона в процессе познания решается на стыке двух компонентов структуры исследования — *теоретической модели и эмпирической схемы*, причем в данной связке определяющую роль играет первый компонент, ибо именно в нем в конечном итоге формулируется объем и содержание эмпирической схемы, так же, как и указание на специфику операциональных процедур, привлекаемых для анализа эмпирических данных. Исследовательские трудности в разработке данной связи обусловлены качественными различиями знания каждого компонента и соответственно различием понятий, терминов. Далее этот переход усложняется еще и тем, что уровень теоретических моделей (сущностей) обуславливает определенный минимум явлений (фактов) и их связей в эмпирической схеме. Однако далеко не все явления и связи сохранились в археологических источниках в силу различных причин, да и те, которые имеются, как правило, фрагментарны. Поэтому когда на эмпирической схеме, обрисовывающей конкретную структуру исследуемой реальности, формируется эмпирический базис, то в нем четко можно выделить две части, одна из которых включает археологические источники — это *объективное знание*, а другая — привлекаемые, вернее, заполняющие недостающие элементы и связи, по аналогии из этнографии, экономики, письменных источников, естественных наук и т.п. В данном контексте все это будет составлять *гипотетическое знание*. Подробно примеры такого подхода обрисованы выше (Методы) при описании исследований по палеоэкономике. Совершенно очевидно, что результат исследования будет в значительной степени зависеть от соотношения в эмпирическом базисе объективного (артефакты) и гипотетического (анalogии) знания, а адекватность получения социальной информации о конкретно-исторической ситуации будет прямо пропорциональна удельному весу в эмпирическом базисе источников того или иного вида.

Одна из существенных особенностей, присущая системно-историческому уровню, — это включение в исследование массовых археологических фактов и необходимость выхода на синтез качественно-количественных показателей тех или иных явлений и процессов для выяснения их социально-исторической меры. Решение данной проблемы ставит в гносеологическом плане перед археологами две кардинальные задачи: во-первых, проблему эмпирических закономерностей и, во-вторых, разработку методов количественного анализа археологи-

ческих источников. Обе эти задачи относятся к области операциональных процедур, поэтому всецело зависят от формулировки познавательных задач исследования.

Функциональная структура исследовательской программы системно-исторического уровня. Исследование социоисторической проблематики в археологии — достаточно сложный процесс, и эффективность его во многом обусловлена его организацией.

Исследовательская программа, под которой понимается упорядочение основных компонентов познавательной деятельности и разработка их содержания и логической взаимосвязи, в наиболее общем виде содержит обычно следующие компоненты:

- разработку исследовательской программы;
- постановку проблемы — познавательной задачи, гипотезы;
- создание АМтеории;
- разработку методов исследования и их реализации;
- формирование эмпирического базиса;
- операциональный анализ эмпирических данных;
- интерпретацию результатов анализа эмпирических данных;
- формирование концепции АТзнания;
- оформление результатов исследования.

Конечно, эта структура не жесткая, и позволяет вносить при необходимости коррективы, но здесь взят лишь тот необходимый минимум компонентов, без которого не может быть завершено любое исследование. В раздел разработки исследовательской программы включается весь подготовительный этап, предшествующий работе над решением научной проблемы.

Предпосылками выполнения археологических исследований социоисторического уровня является овладение изучаемой проблемой: а) историей вопроса, б) эмпирическим материалом — источниками, в) методологией социоисторических исследований, г) теорией объекта исследований, в наиболее общем виде выраженной в историческом материализме. Подготовительный этап завершается рождением новой идеи — проблемы, и гипотезы, которые и определяют задачи разработки исследовательской программы.

Постановка проблемы — познавательной задачи и создание АМтеории — первый шаг на пути исследования (гл. III, V.3). Здесь необходимо определить характер проблемы: к какой предметной области (к какой сфере социальной действительности) она относится и какова степень ее новизны. Как минимум — обработка новых источников по уже поставленной и частично исследованной ранее проблеме, тогда главная задача — совершенствование методов исследования и углубление знания. Как максимум — исследование ситуаций, которые еще не были предметом познания в археологии вообще, тогда главная задача — логико-методологическая разработка всей исследовательской программы, и в центр внимания ставится АМтеория и получение нового

теоретического знания о социально-историческом процессе — новое АТзнание. Особую эвристическую ценность имеет разработка логико-методологической части исследовательской программы, которая может быть применена для решения аналогичных по содержанию проблем другими исследователями для других эпох и культур. Характеристике всех этих процедур были посвящены предыдущие главы и нет необходимости повторять их здесь вновь. Напомним, что концептуальные схемы и теоретические модели четко обрисовывают основные разделы, циклы или части исследовательского процесса, которые рассматриваются в известной автономии, определенной последовательности, требуют разработки самостоятельных операциональных методов и т.д. Построением теоретической модели завершается этап подготовки проблемы, и исследование переходит в фазу практического решения познавательной задачи.

Создание эмпирического базиса, обеспечивающего фактологическую часть исследования, начинается с формирования эмпирической схемы, в которой категории теоретической модели по правилам соответствия (гл. IV.4) преобразуются в эмпирические объекты. Эмпирические схемы чаще всего имеют иерархическую структуру, охватывая весь объект исследования и отдельные его подсистемы (части, циклы). Здесь главное — конкретизация непосредственных элементов исследования, доведение их до уровня артефактов и четкого указания способа связей между собой (поэтому совокупность всего этого и расценивается как эмпирический базис исследования).

Эмпирическая схема и эмпирический базис можно представить в виде составления алгебраического уравнения, членами которого выступают эмпирические объекты (в своей археологической части представленные артекомплексами, артеклассами и артефактами), а отношения между ними определяются правилами соответствия и общей иерархической структурой — эмпирическими схемами деятельности. Поэтому эмпирический базис — наиболее подвижная, изменяющаяся часть исследования, в которой выделяются три уровня.

1) Исходный — связанный с формированием эмпирического базиса, включающего следующие основные разделы: а) сбор необходимого количества археологических фактов (причем само определение "необходимого количества" — самостоятельная проблема, почти совершенно не разработанная в археологии) для каждого эмпирического объекта, проверка корректности выборки; б) выделение свойств фактов, необходимых для адекватного решения задачи, определение способа фиксации их в виде признаков артефактов; в) определение способов взаимосвязи признаков и фактов по правилам соответствия: систематизации, классификации и типологии (гл. V.3).

2) Операциональный уровень, на котором проводятся различные преобразования с фиксированными данными в соответствии с принятыми методами и правилами соответствия (об этом ниже).

3) Конечный результат, когда в соответствии с операциями предыдущего уровня получаются *конечные эмпирические данные, вводимые в научную теорию как объективное фактологическое знание*, подлежащее интерпретации, что будет составлять собственно эмпирический базис АТзнания. Едва ли есть необходимость подробно останавливаться на важности конечного результата формирования эмпирического базиса, от которого зависят и социологическая интерпретация, и результат всего исследования.

При переводе эмпирической схемы на уровень эмпирического базиса выделение объектов и связей в социоархеологических исследованиях почти всегда привлекаются элементы, заимствованные из других наук: социологии, этнографии, экономики, природоведения и т.п. С одной стороны, они обеспечивают логическую связь между отдельными элементами эмпирической схемы и это неизбежно, поэтому требуют специально-научного обоснования. Но очень часто в археологических исследованиях в эмпирической схеме предусматриваются такие объекты, которые не сохранились в археологических материалах в силу различных причин, и тогда исследователь замещает их по аналогии данными, полученными из других наук. Естественно, они обосновываются, но при всем этом они не равноценны объективным данным артефактов и артекомплексов, а представляют собой гипотетические данные с различной степенью достоверности.

Не должно вызывать сомнения, что в социоархеологических исследованиях *должны преобладать археологические объективные данные* над всеми другими, иначе конечное АТзнание, полученное здесь, не будет достаточно адекватным отражением социально-исторических процессов, изучаемых средствами археологии.

В целом это породило особую проблему соотношения в эмпирическом базисе объективных (археологических) и гипотетических (привлекаемых по аналогии) данных, которые во многом зависят от типа теоретической модели, примененной в исследовании. Эмпирический базис исследований на основе типа СТТП кузнечного ремесла Древней Руси включал результаты металлографического анализа 286 экз. изделий из железа⁴¹, которые сведены к определенным эмпирическим закономерностям — 9 технологическим операциям. Но главным при формировании базиса для социологических исследований Б.А.Колчин увидел в формировании функциональной сущности орудий из железа — способе изготовления их лезвий. Это дало возможность выделить четыре качественных способа обработки сложных изделий наряду с существованием некачественных групп⁴². Несомненно, данные анализов с применением методов естественных наук составили прочную эмпирическую основу исследований, особенно при решении таких вопросов, как структура организации самого ремесленного производства, хотя и здесь привлечение иных археологических фактов намного расширило бы возможности социальной интерпретации кузнечного производства.

Например, в качестве подтверждения мысли о ведущей роли городского ремесла в производстве качественных изделий приведены лишь факты, открытые на Райковецком городище, в том числе и находки связок серпов — для сбыта в деревне.

Применение методов естественных наук при формировании эмпирического базиса социоархеологических исследований получило уже в современной археологии довольно широкое распространение. Приведем лишь еще два примера. Известны многолетние и чрезвычайно широкомасштабные исследования Е.Н.Черных по цветной металлургии с использованием результатов спектрального и металлографического анализов. Не касаясь здесь многих вопросов технологического и культурно-хронологического характера, необходимых для плодотворного решения многих задач, отметим лишь выход на главную проблему социально-исторического плана: выделение металлургических провинций и очагов, за которыми стоит уже не только технологическое, но и социально-историческое содержание — какие-то тесные связи между отдельными обществами прошлого и развитие между ними товарного обмена металлургической продукцией⁴³. Интересно в этом плане исследование древнего стеклоделия, выполненное Ю.Л.Щаповой. На основе технологических анализов стекла автор выделяет понятие "школа", где также технологические параметры позволяют выйти на определенную социальную организацию⁴⁴.

Результаты анализов методами естественных наук, как бы они ни были ценны и объективны, так как для их выполнения взяты археологические факты, сами по себе содержат довольно ограниченные возможности для социально-исторической интерпретации (в том же труде Б.А.Колчина поставлены вопросы о товарных отношениях города и деревни, сбыта городской продукции в сельской местности, внутренней специализации городского ремесла и т.д.), требуют широкого привлечения и увязки с иными сугубо археологическими фактами.

В исследованиях по палеоэкономике, выполненных на основе АЭТМ, основную роль в формировании эмпирического базиса играют этнографические данные. Для примера проанализируем земледельческое производство. Эмпирическая схема, принятая здесь, состоит в следующем: потребности в продуктах питания коллектива покрываются за счет продукции сельскохозяйственного производства, в котором основную роль играют зерновые, а дополнительную — продукты животноводства и охоты.

Для наглядности используем схему VIII.

Как видно, фактологические данные, которыми оперируют при исследовании палеоэкономики, далеко не равнозначны. Археологические источники используются лишь в трех компонентах из семи, а этнографические в шести из тех же семи. К этому можно еще добавить, что авторы привлекают сведения о климатической и почвенной ситуации, которые также относятся к гипотетическим данным.

Схема VIII. Состав эмпирического базиса исследований на основе археолого-этнографической теоретической модели (тип АЭТМ) сельскохозяйственного производства раннеземледельческих культур (Триполье, Джейтун)

Компонент	Источник	
	Археология	Этнография
Характер с.-х. производства	+	+
Объем потребностей коллектива в продуктах питания	+	+
Урожайность зерновых	-	+
Площадь с.-х. угодий	-	+
Животноводство:		
видовой состав стада	+	-
количество, продуктивность стада	-	+
Затраты труда на обеспечение функционирования хозяйства	-	+
Итого	3	6

Археологические источники в такой ситуации необходимо подвергнуть максимальному исследованию, но С.Н.Бибиков лишь ограничивается указанием на всеобщее признание земледельческого характера трипольского хозяйства и находкой глиняной фигурки бычков в упряжке⁴⁵. Для освещения животноводства им берется лишь видовой состав стада по находкам костей животных на поселении. Этим же путем идет В.М.Массон, правда, пытаясь расширить данные о земледелии (находки вкладышей серпов, составляющих 37 % всего кремневого инвентаря, отпечатки стеблей и зерен ячменя и пшеницы на глине, солома, необходимая для изготовления самана)⁴⁶. Объем потребностей в продуктах питания вычислялся, как уже отмечалось, исходя из количества населения, данные о котором получены на основе размеров и количества жилищ. И лишь видовой состав стада домашних животных составляет тугобо археологический источник.

Таким образом, в палеоэкономических изысканиях типа АЭТМ археологические материалы используются пока весьма и весьма ограниченно, и в этом, вероятно, слабая сторона данных исследований. Поэтому главная задача в совершенствовании исследований типа АЭТМ — максимизация удельного веса археологических данных как за счет более углубленной всесторонней разработки уже привлеченных источников, так и поиска новых, в той или иной степени позволяющих глубже раскрыть проблему.

Характеристика и правомерность привлечения и использования этнографических данных при построении исследований типа АЭТМ остается, очевидно, главным вопросом, который требует весьма основательного логико-методологического обоснования. Особенно это касается многочисленных конкретных цифровых выкладок о различных нормативах (урожайность, потребность в пище, трудовых затрат и т.л.).

Ведь в зависимости от величины вариации этих данных (даже в незначительной мере) конечные результаты подсчетов дают огромный вариационный размах, отличающийся в своих крайних точках в 2–3 и более раза.

Эмпирический базис исследований на основе типа три Т–М, которые иллюстрируются здесь по материалам кочевых скифов IV–III вв. до н.э., сформирован исключительно по археологическим источникам⁴⁷. Эмпирическая схема, как уже отмечалось, содержит указание, что погребальная обрядность отображает дифференциацию индивидов различных социальных групп (прослоек, классов) по трудовым затратам на производство захоронения и по количеству и достоинству инвентаря, сопровождающего захоронение. На основании этой схемы эмпирический базис предполагает использование массовых материалов (погребений), из которых выбираются данные, связанные с трудовыми затратами на производство захоронения (артекомплекс), включающие размеры могильных ям, сложность их конструкции, величину надмогильного курганного сооружения (артеклассы), а в каждом из них производится соответствующая группировка — типология артефактов. Вторую группу эмпирических данных составляет инвентарь (артекомплекс), подразделяющийся на функциональные категории (артеклассы): украшения, оружие, орудия и т.п., имеющие в погребальном обряде всегда социально-символическое значение. Поэтому разделение по количеству и качеству дает типологические группы (артефакты), отражающие социальную дифференциацию общества.

Основное значение в работах данного типа приобретают операционные процедуры — типология, статистические распределения и особенно корреляция, позволяющие множество исходных параметров (типов) свести к нескольким группам — комплексам — или наметить основную тенденцию группировки. Но все это связано только с артефактами, поэтому они всегда могут быть проверены с точки зрения их достоверности и правомерности применения тех или иных операций. Абсолютные величины (цифровые данные) при этом методе также получают только на базе обработки объективных данных артефактов. Поэтому они, как и другие стороны, достаточно адекватно отражают фактологическое содержание исследуемой проблемы.

Проверяемость — одно из неперенных условий в исследовательском процессе, и при использовании метода три Т–М эта сторона соблюдается весьма корректно. Решающее значение в исследованиях такого типа приобретает эмпирическая интерпретация теоретической модели тех данных, которые получены при анализе эмпирического базиса.

Итак, формирование и исследование эмпирического базиса в любом типе археологических исследований имеет решающее значение в познании закономерностей развития социально-исторического процесса, ибо именно благодаря "бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам" (К.Маркс), которые составляют содержание эмпи-

рического базиса, история не только выявляет общие закономерности, но и сохраняет свой богатый колорит, неповторимость в каждом конкретном обществе.

Разработка операциональных методов исследования и правил соответствия наряду с формированием эмпирического базиса занимает центральное место в исследовательском процессе социоисторического познания, поскольку здесь нет прямой связи или зеркального отображения между фактами и социологическим знанием, как это имеет место в ПТРеконструкциях. Любая социологическая проблема для своего решения требует не только привлечения конкретных фактов, но и их определенного преобразования, от которого, естественно, будет зависеть конечный результат исследования. Поэтому особенно важно отметить, что любые преобразования исходных данных эмпирического базиса должны быть логически обоснованы, вытекать из АМтеории и связаны с познавательной задачей, иначе все они будут формальными, бессодержательными манипуляциями, не продвигающими исследование в заданном направлении. Преобразование артефактов входит в функцию операциональных методов и правил соответствия, специфичность которых определяется содержанием познавательной задачи и своеобразием источников, на которых решается эта задача. Ученый в ходе исследования, как правило, экспериментирует. В археологии эти эксперименты сосредоточиваются на поиске связи между операциональными процедурами с артефактами и их социологической интерпретацией, пока, по мнению исследователя, в АМтеории не будет найдена такая модель — метод этих процедур, которая удовлетворяет решению задачи. Отсюда ясно многообразие конкретных операциональных методов в археологии.

Специфика операциональных методов системно-исторического уровня определяется тем, что они охватывают более или менее широкий аспект социально-исторической действительности, для характеристики которого привлекаются массовые факты, ибо только они могут выявить в море случайности и многообразия обстрельств всеобщее, закономерное. Все это может быть обеспечено только путем привлечения к исследованию массовых археологических источников, что и обеспечивает объективность данных эмпирического базиса. Массовость источников ставит в исследовательской процедуре первоочередные задачи — уловить, выявить эмпирические закономерности в различных свойствах и распределениях артефактов. Эта задача решается, во-первых, путем широкого применения процедуры формализации и, во-вторых, обработкой количественных данных методами математической статистики. В целом эти методы получили в археологии название формализованно-статистических⁴⁸.

"Формализация в философском определении — отображение результатов мышления в точных понятиях или утверждениях"⁴⁹. В археологии формализацию соотносят чаще всего с характеристикой археоло-

логических фактов, когда их свойства описывают строго фиксированными (в описании) признаками. Категории археологических свойств (описанные в гл. II) — это исходная ступень формализации, когда каждое свойство разграничивается по правилам соответствия, учитывающим вариации содержания конкретно фиксированных признаков. Формализация позволяет описывать объект путем перечисления признаков, в том числе в табличной форме (да, нет или +, —). Поэтому одной из первоочередных задач становится разработка специальных кодов для описания различных категорий археологических объектов: керамики, могильников, поселений, бус и т.д. Формализация описания археологических объектов позволяет легко перейти от качественных характеристик этих объектов (перечень признаков) к их количественному анализу и оценке путем применения методов математической статистики. Количественный анализ эмпирических данных⁵⁰, как уже отмечалось, — неременный компонент системно-исторического уровня познания археологии, что хорошо иллюстрируется теми работами, которые были рассмотрены выше. Однако общие принципы и методы практического применения количественного анализа в социоархеологических исследованиях пока еще не разработаны. Поэтому исследователи идут по пути введения различных количественных показателей по мере потребностей в решении той или иной частной задачи, как это осуществлялось при палеоэкономических изысканиях, или по пути создания исследовательских программ, определяющих лишь формализованно-статистические процедуры обработки определенного вида массовых источников (керамика, могильники)⁵¹. Такие программы более универсальны и адаптируются к решению различных социологических задач, что видно на примере исследования общественной структуры скифов. Довольно многочисленны формализованно-статистические разработки археологов при решении различных кладсификационно-типологических задач, реже встречаются поиски математических кодов в исследованиях непосредственно социально-исторических проблем, математическое моделирование исторического процесса и т.п.

Интерпретация результатов преобразования эмпирического базиса. Системно-исторический уровень археологического исследования — это начало реализации принципов социально-исторического познания (главная цель которых исследование закономерностей развития) различных сторон СИО—АК. Поэтому решение любой познавательной задачи предполагает сочетание, синтезирование двух подходов — субстратного, связанного с выделением основных компонентов социальной деятельности (люди, знания, опыт, предметный мир), и функционального, определяющего способ реализации целей деятельности, в котором также выделяются два компонента — технологический и социально-исторический. В целом, эта структура и формирует систему общественных отношений как основной системный показатель формационной струк-

туры, но это уже уровень следующей, социологической ступени археологического познания.

Основные принципы социально-исторического познания (гл. I.4) составляют теоретико-методологическую базу построения АТзнания системно-исторического уровня, наиболее общие цели которого можно свести к следующему:

1) исследование различных состояний исторических ситуаций в пределах отдельных сфер СИО—АК в богатстве конкретно-исторического многообразия сущностного проявления социального процесса. В этом отношении они близки уровню образа жизни, но это не просто сумма ПТРеконструкций, а качественно новое освещение социально-исторического процесса с более высоким уровнем абстрагирования и главное — выявления социальной сущности;

2) как ступень социально-исторического познания, характеристика конкретных обществ проводится в основном по малым системам — социальным сферам или их подразделениям, отличающимся качественными функциями в СИО—АК, а потому и набором одного из основных компонентов — предметного мира (и, следовательно, законов опредмечивания);

3) в операциональных процедурах исследований данного уровня главная задача состоит в ассимиляции количественных и качественных параметров археологических источников для установления меры социальных явлений и установления закономерностей ситуаций в конкретно-исторических условиях каждого СИО—АК.

Исходя из общих целей и формируется конкретно-научная проблематика системно-исторического уровня, чрезвычайно многообразная, отражающая сложноорганизованную, многоуровневую структуру социальных систем. Так, например, в области хозяйства — экономики — исследуются проблемы структуры отдельных видов хозяйственной деятельности по обеспечению продуктами питания, их удельный вес, продуктивность, организация производства, технический уровень и т.д. В этом же плане рассматривается ремесло как сфера пищевого производства, степень его развития и роль в прогрессе общественного производства и связи с изменением общественной структуры и т.п. Хозяйственно-экономические связи между отдельными обществами на уровне обмена опытом, продуктами и вещами — один из стимулов экономического прогресса — также еще слабо исследуется в археологии. Заслуживает внимания динамика сезонных видов хозяйственной деятельности и ее влияние на социальное развитие или влияние различных видов организации хозяйственного цикла на общий бытовой облик населения и т.д.

В области общественной организации необходимо исследовать выделения общественных групп и их функции, степень социальной самостоятельности и оформленности. Актуальны исследования различных структурных срезов общественной организации: половозрастной

и родственной, производственной, политической (которая тоже зарождается в первобытности) — структурной трансформации и функции рода и племенной организации; демографической (численность и расселение), этнической (этнические группы, этническая интеграция и т.п.) ситуаций. Особое внимание следует уделить характеристике общины — главного структурного звена первобытности, ее трансформации и роли в экономике, общественно-политической жизни и т.д. Уже этот краткий перечень проблематики двух основных социальных сфер показывает огромное многообразие познавательных задач системно-исторического уровня в области АТзнания. Но с гносеологических позиций любая теория направлена на объяснение *наличной объективной реальности*, которая в археологическом познании представлена чувственно-воспринимаемыми объектами — остатками предметной деятельности — археологическими источниками. Поэтому любая проблема, идея, гипотеза, теоретическая модель и т.п., чтобы получить статус позитивного археологического знания социально-исторического содержания — АТзнания, — должна содержать *непротиворечивую эмпирическую интерпретацию*, т.е. удовлетворительное *научное объяснение археологических фактов*, собранных и обработанных в эмпирическом базисе *проблемы (задачи)*. Исходя из обрисованной выше специфики системно-исторического уровня археологического исследования, научные объяснения этого уровня можно характеризовать как *ситуационные объяснения*, главная гносеологическая особенность которых — переход от понятий артефактов к понятиям и категориям социально-исторической действительности, от уровня описания исторической действительности (образа жизни) к уровню обобщений и исследования социально-исторической закономерности функционирования отдельных сфер СИО—АК.

Общая структура таких объяснений представлена в таблице 16, разъяснению которой посвящено фактически все содержание настоящего раздела. Здесь мы попытались обрисовать и логику рассуждений, и структуру исследовательской деятельности. Конечно, ни одно исследование не выполняется в строгом соответствии с пунктами плана или программы, поскольку это творческий процесс, но, например, интерпретация как одно из ответственных звеньев исследования легче и логичнее в тех программах, в которых четко разработана связь между социологическими схемами и предметными остатками, где содержание социальных понятий и категорий уже опосредовано миром артефактов и результатом их целенаправленного операционального анализа. Конечно, и здесь есть свои трудности, особенно, скажем, когда в ходе операционального анализа появляются неожиданные результаты, порождающие новые проблемы, не предусмотренные первоначальной программой. Это тот вариант, когда эмпирические данные вносят коррективы в теоретические модели и даже концептуальные схемы.

Таблица 16. Структура объяснений системно-исторического уровня археологических исследований. Ситуационный тип научного объяснения

ЭКСПЛАНАНС:

I. Большая посылка

Социологическая теория структуры и функции отдельных сфер жизнедеятельности (малых систем — объектов познания).

II. Меньшая посылка

1. Концептуальная схема малых систем согласно гипотезе.
2. Данные, привлекаемые из смежных наук (гипотетические элементы знания).

III. Теория опредмечивания

1. Законы опредмечивания сфер (малых систем) социальной деятельности.
2. Эмпирическая схема исследуемой сферы (объекта).

Теоретическая модель объекта исследования

IV. Археологические свойства фактов

1. Формирование эмпирического базиса — выбор признаков (свойств), заданных эмпирической схемой (разграничение на объективные — артефакты и гипотетические — аналогии).
2. Правила соответствия.

3. Разработка операциональных программ и обработка эмпирического базиса.

V. Свойства ориентации

1. Культурно-хронологическая принадлежность археологических фактов.

ЭКСПЛАНАНДУМ:

Артекомплексы, формируемые в соответствии с эмпирической схемой и эмпирическим базисом.

ОБЪЯСНЕНИЕ: Социально-историческая интерпретация, описание и объяснение причинно-следственных связей отдельных сфер социальной деятельности или их подразделений по данным эмпирического базиса (создание АТзнания).

В целом, конечно, эвристическая ценность исследовательских программ состоит не только в планировании исследований, но и в конечной проверке и упорядочении всего исследовательского процесса. Вопросам системно-исторического уровня познания уделено основное внимание в разработке уровневой структуры археологических исследований в связи с тем, что это наиболее актуальная проблема формирования археологического знания на современном этапе развития науки.

VII.3. ФОРМАЦИОННО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Как бы мы ни определяли предмет исторической науки в широком смысле, включающей и археологию, а один из авторов пишет, например, о тридцати новейших определениях понятия "история"⁵², историческое познание, безусловно, всегда будет включать в качестве центральной проблемы воссоздание развития целостной социальной жизнедеятельности отдельных обществ прошлого СИО—АК во времени и пространстве, причем во всем колорите специфичности для каждого из них. Все это в совокупности и образует конкретно-историческое в социально-историческом (в том числе и в археологическом) знании.

Однако это лишь одна сторона. Историю все же нельзя понимать как нагромождение фактов, явлений, событий и даже процессов. Другую сторону, причем решающую, формирующую именно научное знание социально-исторического процесса, составляет отбор и оценка фактов исторической действительности на основе исследования их взаимосвязи и взаимообусловленности, значимости в функционировании социальной целостности каждого СИО—АК, детерминированных законами социального развития. Исторический процесс — это движение одной из самых сложноорганизованных систем — социума, в котором существенное, отражающее законы развития данной системы, не лежит на поверхности. К.Маркс писал, что "общие законы осуществляются весьма запутанным и приблизительным образом, лишь как господствующая тенденция"⁵³. Поэтому само отображение данного процесса в социоисторическом знании — достаточно сложная задача, и достичь при ее решении максимума объективности, адекватности отображения "господствующей тенденции" можно лишь опираясь на истинно научную теорию — материалистическое понимание истории и учение о социальных формациях. Именно эта теория и позволяет в многообразии исторической действительности выявить главные, системообразующие факторы — критерии отбора и оценки исторических фактов (см. гл. I.3).

В социально-историческом исследовании археолог, как и историк, встречается с двумя видами объективных законов: общесоциологическими и историческими⁵⁴. Первые из них не исследуются в археологии, ибо это первичные законы, выражающие принципы всемирности, универсальности социально-исторического развития, которое нашло адекватное отражение в марксистском материалистическом понимании истории и его центральной категории — общественно-экономической формации.

Исторические законы выявляются и изучаются в процессе исторического и археологического исследования, они раскрывают действия общесоциологических законов в конкретно-исторических условиях. Знание общесоциологических законов служит в археологическом исследовании исходной посылкой формирования концептуального основания как в АТзнании, так и в АМтеориях, из которых черпаются основополагающие принципы объяснений и построения методов исследования. Сами эти концепции явно не включаются в состав теории и объяснений, очерчивая лишь предельную систему, выступающую как выражение принципа всемирно-исторического⁵⁵. Данный уровень отражает в познании совокупность общественно необходимых элементов и отношений, образующих общественно необходимую структуру, определяющую тип данной общественно-экономической формации⁵⁶. Социологические законы этого уровня различаются по степени охвата базисных и надстроечных явлений, по длительности действия (все формации, одна или часть формаций), но они универсальны в прост-

ранственным отношении, т.е. действуют одинаково во всех естественно-географических зонах, в любых странах, поэтому и составляют всеобщую основу в познании конкретно-исторического процесса. В большинстве вышеприведенных анализов конкретных работ было показано, что в основании их теоретических концепций или большей посылки эксплананса были положены законы именно этого уровня.

Звеном, соединяющим социологический и исторический уровни исследования, служит исторический аспект рассмотрения формационной структуры, в которой, как известно, концентрируются две стороны освоения исторической действительности: всемирно-историческая и локально-историческая. Если первый аспект включается в вышележащий уровень, то второй формирует уровень собственно историко-археологического исследования, а в структуре теоретического знания может быть выделен как уровень *формационного объяснения*. Всемирно-исторический аспект категории "общественно-экономическая формация" служит в исторической науке способом реализации ее методологической функции⁵⁷. Само это понятие — теоретическое идеализированное обобщение, образ, который никогда не совпадает с исторической действительностью. Еще Ф.Энгельс писал, что "понятия о вещи и ее действительность... движутся вместе, подобно двум асимптомам, постоянно приближаясь друг к другу, однако никогда не совпадая... Разве феодализм когда-либо соответствовал своему понятию?"⁵⁸ Поэтому каждый социально-исторический организм (отдельное общество) не есть прямое зеркальное отражение формационной структуры. Совокупность этих организмов выражает определенную амплитуду отклонений от идеального понятия, в котором выражены лишь общественно-необходимые отношения.

Отсюда очевидно, что исторический аспект общественно-экономической формации должен сосредоточить внимание на вопросах о *направленности, формах и величинах отклонения* отношений каждого социально-исторического организма от общественно необходимых отношений, что и будет раскрывать его сущностную специфику, его историческое своеобразие и место во всемирно-историческом процессе.

Определяющим в понятии формации является способ производства. Поэтому его компоненты и могут характеризовать амплитуду отклонения каждого общества от идеала⁵⁹. В историческом аспекте особое значение в системе производительных сил имеют такие факторы, как природная среда, выступающая элементом производительных сил и оказывающая в первобытности решающее воздействие на темпы их развития, далее — роль ведущих отраслей хозяйства (производства) в формировании системы экономических и общественных отношений и т.д. В археологическом познании особенно важно исследовать роль орудий и предметов труда в развитии производительных сил, эволюция которых отражает изменения в соотношении накопленного труда

(орудия труда) к труду живому (продукты потребления). Высота развития производительных сил определяется прежде всего прогрессом орудий труда. Не здесь ли, например, одно из объяснений застойности в развитии раннеземледельческих и скотоводческих узкоспециализированных обществ, в которых очень слабо был развит обмен?

Система производственных отношений, вторичный характер которых по отношению к производительным силам в первобытном обществе осложняется рядом других непроизводственных отношений (родственные, соседские, военные и т.п.), создает исключительное разнообразие общественных структур. В этом же направлении необходимо исследование роли распределения, обмена и потребления, не входящих непосредственно в общественно необходимые отношения. Особенно большое значение имеет выяснение степени несоответствия между уровнями развития производительных сил и производственных отношений в каждом конкретном обществе. Конечно, здесь еще немало больших и малых проблем, определяющих формационные особенности каждого общества.

В целом, в системе археологического исследования формационный уровень составляет тот предел, на который должно выходить историко-археологическое объяснение для раскрытия закономерностей социально-исторического развития СИО—АК. Уровень специфики формационного развития характеризуется, как правило, не одним обособленным обществом, а некоторой региональной совокупностью таких обществ. Поэтому процесс исследования формационного уровня включает обычно сравнительный анализ социально-исторического развития некоторой совокупности СИО—АК и выделения региональных структур на базе основных сходных параметров общественно-экономического развития. Если в качестве отдельного общества — СИО — в археологии выступает категория АК, то региональные структуры одного формационного уровня могут быть выделены в качестве отдельных культурно-исторических областей (общностей — КИО). Несомненно, в качестве региональных структур этого уровня могут рассматриваться раннеземледельческие АК нашего юго-запада, степные АК эпохи бронзы, АК лесной зоны Восточной Европы эпохи раннего железного века и т.п.

В другом аспекте эта же проблема приобретает характер генетического исследования. Уровень формационного развития — понятие относительное, поэтому выявление его возможно лишь путем сравнительного анализа предшествующих и последующих этапов социально-исторического развития, которые позволяют не только наметить рубежи отдельных уровневых ступеней, но и степень различия между ними. В этом плане результаты исследования соотносятся со всемирно-историческим аспектом формационной концепции, что служит критерием адекватности объяснения социальных процессов, изучаемых по археологическим источникам.

К формационному уровню исследований в археологии можно отнести, по-видимому, разработку таких проблем, как антропосоциогенез, крупные общественные разделения труда в отдельных регионах, "неолитическая революция" и т.п., которые вскрывают некоторые всемирно-исторические процессы в аспектах их исторического анализа. Но основная часть формационного анализа охватывает общие проблемы социально-исторического развития каждой СИО—АК, в котором критерием истинности и непротиворечивости их развития выступают положения общей теории социальных формаций.

Объяснения формационного уровня, раскрывающие сущностную сторону исследуемого процесса, составляют основу исторической концепции — итога всех изысканий; поэтому их можно отнести к типу **концептуальных объяснений**, в которых главная цель — соотнесение изучаемого процесса с общим социологическим законом и определение меры и причин отклонения от него в данном конкретном СИО—АК. Это и будет характеризовать специфику его конкретно-исторического развития с точки зрения формационной структуры.

Принципы универсальности социальных законов проявляются в главном, системообразующем, но чем ближе исследование к исторической реальности, тем шире становится сфера разнообразия проявления этих законов в конкретном обилии случайностей. Если на более высоком уровне археологического знания и соответственно объяснения внимание концентрировалось на раскрытии социальной сущности с позиций соотнесения с формационной структурой, то ниже лежащий уровень должен показать, как эта же сущность проявлялась в конкретно-историческом процессе. Так, например, соответствие развития производительных сил и производственных отношений — это общесоциологический закон, а действие этого закона в каждой формации — уже другой уровень, наконец, в каких конкретно-исторических условиях проявлялся этот процесс в каждом обществе прошлого — это уже третий уровень — исторический, исследующий закономерности конкретно-исторического развития отдельных обществ прошлого. Но вполне правомерен и вопрос, в каком аспекте и какие закономерности должны быть объектом познания на данном уровне? А.М.Барг и Е.Б.Черняк выделяют особую историческую структуру, под которой понимается "органическая совокупность исторически необходимых элементов и закономерных связей, определяющих историческую специфику данного общества"⁶⁰. Авторы подчеркивают, что данная структура неразрывно связана с двумя вышестоящими: социологической и формационной, составляя с ними полюсы одного и того же процесса. "Историческая структура сущностно выражается в первых двух структурах, а реально, чувственно, предметно — на уровне конкретно-исторических явлений"⁶¹. Но в то же время эту структуру не следует смешивать с конкретно-исторической реальностью, включающей не только общественно необходимые, но и случайные элементы, которые в таком виде

исследуются в археологии на системно-историческом уровне и раскрываются в ситуационных объяснениях, подробно описанных в предшествующем разделе.

Уровень, о котором пишут упомянутые авторы, в качестве исторической структуры в системе археологического познания лучше характеризовать как **социологический уровень**, поскольку именно здесь социологическая целенаправленность исследований становится главной задачей, которая может быть решена лишь при воссоздании функционирующей исторической целостности, как органической взаимообусловленности, взаимосвязи различных социальных сфер жизнедеятельности. Поэтому главная цель в данных исследованиях — раскрытие закономерности социально-исторического процесса развития каждого общества как результат функционирования именно социальной целостности — СИО—АК, процесса, в котором при всем многообразии случайностей основная тенденция в формировании органического целого детерминирована системообразующими общественно необходимыми факторами социального движения. По типу научных объяснений исследования этого уровня можно характеризовать как **процессуальные объяснения**.

Главная задача социологического уровня будет в связи с этим состоять в воссоздании СИО—АК как целостной структуры, что неизбежно ведет в первую очередь к характеристике ее экономического базиса как главного системообразующего фактора. В этой характеристике совокупность производственных отношений, которые в конкретно-исторических структурах всегда содержат, кроме основных системообразующих отношений исследуемой эпохи (периода, АК и т.п.), с одной стороны, отношения прошлых эпох, а с другой — зарождающиеся отношения будущего. И все это обусловлено определенной структурой общественного производства, исследование которой становится центральным звеном в системе социологического уровня познания археологии. Экономическая структура находит выражение прежде всего в определенных отношениях людей, занятых в различных видах производственной деятельности. В наиболее общем виде общественное производство представлено двумя основными факторами: разделением труда и его кооперацией, которые находятся в объективной зависимости от уровня развития производительных сил. Однако ни разделение, ни кооперация труда не выражают сущности экономической структуры, для которой определяющее значение имеют исторические типы собственности на средства производства⁶². Все это следует иметь в виду, поскольку именно экономическая структура детерминирует в конечном итоге и определенную социальную структуру, и идеологические представления, и структуру различных организаций и т.п.

Обобщения, которые в современной практике археологических исследований выполняются как АТзнание при монографическом исследовании отдельных АК как аналогов СИО — "отдельных обществ",

едва ли можно признать процессуальными, удовлетворяющими требованиям социологического уровня познания. Даже в тех случаях, когда неплохо освещаются отдельные сферы социальной деятельности, в исследованиях нет интеграции знания об этих сферах в единую картину социальной жизни как целостной системы. Чаще всего это обычно суммативные описания. Первые усилия в направлении интеграции, взаимосвязи различных социальных сфер предпринимались при палеоэкономическом моделировании. С.Н.Бибиков подчеркивает, что под палеоэкономикой имеется "в виду изучение совокупности производственных отношений в древних обществах, их базиса"⁶³ и что в современных работах комплексный подход в "исследовании хозяйства древнего человека, предполагающей выявление взаимодействия отдельных производств, экономического потенциала и объема производства, демографические расчеты и установление других слагаемых, входящих в категорию производительных сил, далеко не всегда находят себе место"⁶⁴. Исследование этих проблем — каждой в отдельности и во взаимосвязи и взаимодействии — представляет собой, по мнению С.Н.Бибикова, В.М.Массона и других археологов, путь, который позволит выйти на уровень исследования палеоэкономике. К сожалению, и в палеоэкономических работах не предприняты еще практические шаги к исследованию "совокупности производственных отношений" как системообразующего фактора социальной детерминации. Задача эта не из легких, решение ее требует мобилизации не только огромного фактического материала, но и исследовательского искусства, синтеза различных по своей природе археологических материалов, выработку новых методологических подходов (АМтеорий), создания единой концепции, особенно если учесть, что и предшествующий системно-исторический уровень археологии практически еще разработан весьма слабо.

Первое, что характеризует социологический подход — это объяснение связи, а скорее взаимообусловленности различных сфер. Попытки подобных объяснений делались в археологии уже давно. Так, при исследовании общественной структуры прикамского общества эпохи железа сохранение высокого социального положения женщин объяснялось специфической структурой комплексного хозяйства, в котором немалую роль играл и женский труд⁶⁵.

При исследовании хозяйственной структуры триполья С.Н.Бибиков взаимообусловленность животноводства и земледелия ставит в зависимость от урожайности зерновых, которые создавали кормовую базу (солома) для домашнего скота⁶⁶. Структурную целостность Джейтуна В.М.Массон объясняет с позиции необходимых трудовых затрат в различных хозяйственных сферах, которые должны соответствовать демографической структуре⁶⁷.

Интересная попытка построения теоретического объяснения одной из наиболее трудных для археологии сферы духовной жизни предпринята в работе Б.А.Рыбакова, посвященной изучению мировоззрения

и идеологии населения трипольской культуры по материалам керамики — форм сосудов, орнаментальным сюжетам, антропоморфным статуэткам и т.д. В основу концепции автора положена идея о закономерности обусловленности мировоззрения формами хозяйственной деятельности древних коллективов. Поскольку трипольская культура, по единодушному мнению, имела ярко выраженную земледельческую специализацию, то согласно концепции Б.А.Рыбакова на формирование идеологии должны были оказать решающее влияние зависимость урожайности (плодородие, обеспеченность продуктами питания) от капризов погоды, от переменчивости стихий, в конечном счете — от неба, от солнца, от небесной влаги — дождя. После окончания посевных работ люди были бессильны в оказании воздействия на урожайность. "Небо могло обеспечить "обилием", т.е. зерном. Небо же могло и обресть на голодную смерть, — пишет Б.А.Рыбаков. — Из этого бессилия перед природой рождались две серии заклинательных аграрных обрядов: одна серия (наиболее спокойная) связана с плодородием силой зерна, плодородием земли и охраной посевов. Другая серия состоит из напряженно-драматических обрядов, обращенных к небу, из моления о дожде и ведре, кровавых жертвоприношений, отвращающих грозу, могущую уничтожить почти созревший урожай. Небо с его "запасами" небесной влаги, сменой сезонов, круговоротом времени — круговорот жизни — вот что стоит в центре мировоззрения земледельцев"⁶⁸.

Для конкретно-исторического истолкования различных сюжетов и фигур трипольских памятников Б.А.Рыбаков привлекает данные по народному искусству, мифологии, лексике, мировоззрению и психологии индоевропейских народов, родственных трипольцам, и в основе экономики которых лежало земледельческое хозяйство. Все это позволяет, по мнению автора, реконструировать и объяснить очень многие культы — чародейки, "рожаницы", великой матери, ужа-домовика, а также представление о мире с его трехчленным делением на землю, небесную твердь и воздушное пространство с запасами влаги и с различными деталями космогонического характера.

В заключение Б.А.Рыбаков производит функциональное расчленение исследованных им сюжетов в связи с конкретными циклами земледельческого производства. "Всякая попытка, — оговаривает, однако, автор, — приурочения сюжетов энеолитической росписи к этнографическим обрядам может быть, разумеется, только гипотетической, так как в отличие от семантики не поддается проверке"⁶⁹. В целом, картина мировоззрения, понятий о вселенной и верховных божествах, управляющих миром, круговорота времени и т.п., в формировании которых решающую роль играет земледельческое производство, так же, как и прослеживаемая эволюция взглядов и культуров, представляется довольно красочными в описании автора. В этих обобщениях все частные реконструкции Б.А.Рыбаков попытался свести к представлению о целостной системе взглядов древнего населения и тем самым

подняться до уровня процессуального объяснения, дающего яркую характеристику одному из разделов духовной жизни древнего населения трипольской культуры. И все же в таких объяснениях, построенных по типу археолого-этнографической теоретической модели (АЭТМ), слишком высок удельный вес этнографических (гипотетических) исходных данных (гл. VII.2). Поэтому адекватность отражения исторической действительности сравнительно невелика.

Исследования по структуре общественной организации кочевых скифов, о которых уже писалось выше, позволили достаточно убедительно установить по материалам могильников наличие в скифском обществе трех основных сословий (классов) — трудового народа, знати и царственной элиты — и даже установить их пропорциональное количественное соотношение. Это было достигнуто в результате формирования ситуационного объяснения соответствующего артекомплекса (см. выше). Но задача социально-исторического познания не ограничивается уровнем констатации состояния структуры общества. Следует вскрыть ее социальную сущность, для чего, по-видимому, необходимо, с одной стороны, показать закономерность функционирования таких общественно-экономических отношений, которые позволяли одним владеть огромными богатствами, а другим все больше нищать (т.е. объяснить механизм эксплуатации), а с другой — раскрыть генетические истоки подобной структуры, как исторически закономерного этапа социального развития.

Это уровень объяснения процессуального типа, построенного на основе синтеза структурно-функционального и генетического типа объяснений (гл. VI.3). Основанием объяснения послужил общесоциологический закон о детерминированности структуры общественной организации способом производства и экономическим базисом. Следовательно, для объяснения структуры скифского общества необходимо было обратиться к анализу его экономической структуры. Резюмируем кратко полученное объяснение⁷⁰ как определенную концепцию АТзнания.

Система реальных производственных отношений проявляется на уровне функционирования основной социально-экономической ячейки общества, которой у скифов являлась кочевая община. Основой ее экономического объединения было совместное владение землей — пастбищами, что обусловлено самой кочевой формой скотоводства для обеспечения содержания общинного стада, оптимального размера и рационального использования пастбищ, требующих регулярного и постоянного восстановления растительного покрова. Это стабилизирующий фактор существования общины, так как увеличение поголовья сверх оптимального размера приводило к уничтожению растительного покрова (пастбищ) и сказывалось на возможности воспроизводства стада и тем самым на условиях существования самой общины. Коллективная собственность на пастбища — наследие первобытной эпохи, в 268

то время как владение скотом было уже частным (семейным). Коллективным был и выпас скота — общинного стада на общинном пастбище, но частным оставался приплод и все другие продукты животноводства. Именно здесь и кроются корни эксплуатации. Структура общины, исходя из общесоциальных представлений, включала пастухов (беднейшие прослойки), зажиточных скотоводов и старейшин. По материалам могильников удалось установить их соотношение в общине — соответственно 10:3:1. Конечно, это абстрактная "усредненная община". Но именно она и представляла ту ячейку, где пастухи ухаживали за общественным стадом, в котором поголовье их личного скота было минимальным, а львиная доля принадлежала зажиточным и старейшинам, получавшим, следовательно, и большую часть прибавочного продукта. Богатые имели возможность не только "подкармливать" пастухов за службу "верой и правдой", и сами жить в достатке, но и отчуждать определенную долю богатств в пользу знати более высокого ранга и господствующей царственной элиты, владевшими, кроме того, непосредственно немалыми стадами.

Таким образом, данное процессуальное объяснение общественной структуры скифов построено на интеграции знаний различных социальных сфер и дает логически непротиворечивую концепцию. Однако сама эта концепция, в свою очередь, как и в любой теории высокой степени сложности, как отражение состояния сложноорганизованной социальной системы ставит ряд новых проблем, требующих нового специального исследования.

* * *

Трудностей, с которыми сталкиваются археологи при исследовании на формационно-социологическом уровне, немало. И может быть, первые опыты в этом направлении далеко не всегда кажутся убедительными и аргументированными, но необходимо экспериментировать, искать методологические обоснования, проводить конкретные исследования. В поиске путей преодоления этих трудностей — залог дальнейшего совершенствования методов социологических исследований, в которых необходимо найти возможности решения актуальных задач развития археологического знания данного уровня. В.М.Массон справедливо отмечает, что в решении этой проблемы наиболее перспективен системный подход⁷¹.

Суть процессуальных и концептуальных научных объяснений при построении АТзнания состоит прежде всего в их четко выраженном выходе на исследование законов социально-исторического развития СИО—АК в отдельных регионах. Проблема таких объяснений и категории закона в исторических исследованиях довольно обстоятельно разобрана в одной из последних монографий А.И.Ракитова⁷².

Некоторые вопросы были рассмотрены нами в предшествующих главах, поэтому здесь не будем касаться этих проблем вновь. При формировании объяснений на данном уровне предполагается изучение любых социальных явлений и процессов более или менее значительной общности (сфер или их основных подразделений). Для вскрытия их сущности (закономерности) с методологических позиций необходимо:

а) показать детерминированность их системной организацией, устанавливающей не столько причинно-следственные связи, сколько обоснование их в качестве органически необходимых компонентов и связей в соответствующей социальной системе;

б) существование социальной целостности — отдельного общества, аналогом которого в системе археологии выступает СИО—АК, которое интегрирует в себе социальные сферы, выполняющие определенные заданные функции в социально-историческом развитии общества (см. гл. I, 4);

в) генезис социальной системы, рассматривающий ее с позиций историзма, когда необходимо, как писал В.И. Ленин, "смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь"⁷³.

Концептуальные и процессуальные объяснения представляют собой органический синтез структурно-функционального и генетического типа объяснений (гл. VI, 3, 4), поскольку они связаны с объяснениями качественно различающихся сфер социальной деятельности, интегрированных в социальной целостности.

Формационно-социологический уровень археологических исследований пока что представляет собой скорее желанную перспективу, эпистемологический идеал, чем вошедшую в практику реальность. Однако необходимость его разработки вполне очевидна.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В анализе археологического познания, выполненном выше, главное внимание было уделено выделению субстратных элементов, которые бы сводили огромное многообразие содержания археологического знания к определенным ограниченным логическим структурам. Этот подход, как нам представляется, позволяет лучше всего обрисовать одну из наиболее актуальных проблем совершенствования современного археологического знания — проблему его теоретизации. Постановка этой проблемы не случайна — археология подошла в своем развитии к такому рубежу, когда главной ее целью становится исследование социально-исторических закономерностей обществ древности, а это может быть осуществлено только теоретическими средствами. Неудивительно поэтому, что большая часть настоящей работы посвящена анализу средств получения теоретического знания.

Систему археологического познания необходимо представлять в органическом единстве со структурой самого конкретно-археологического знания об обществах прошлого. Лишь в таком плане можно получить известное представление о целостности научной системы, в которой возможно вычленив некоторые подсистемы для более глубокой разработки и проверки в археологической практике. Проведенный здесь анализ археологического познания отнюдь не претендует на завершенность. Скорее это первая попытка проведения широкого логико-методологического анализа системы археологического познания и знания, в котором, как и в любом исследовании, автор стремился реализовать свою концепцию, исследовательский опыт и представления об этой системе как специфической научно-познавательной целостности.

Конечно, в практической деятельности археологов больше интересуется методологический подход, который дает прямой выход на практику исследования. В этом разрезе первостепенное значение приобретает содержательный анализ, когда основными разделами логико-методологического исследования становятся отдельные сферы социальной жизнедеятельности. Для археолога достаточно очевидно, что изучение экономики или какой-либо хозяйственной структуры не идентично исследованию общественной организации того же общества как по специфике привлекаемых источников, так и по организации исследо-

вательских процедур. Но этот подход — уже следующий этап разработки логико-методологических основ археологии, когда общая логическая структура познания, которую мы здесь попытались наметить, должна быть адаптирована к специфическим задачам исследования каждой социальной сферы.

И, наконец, нельзя не отметить еще одну, на наш взгляд, наиболее сложную проблему, пока еще почти не затронутую в археологии, — проблему синтеза результатов исследования в отдельных социальных сферах в органически единую систему, отображающую основной объект нашего познания — отдельные общества прошлого как целостный социально-исторический организм. Только на базе этого синтеза может быть раскрыта и взаимосвязь, и взаимообусловленность отдельных сфер. Подходы к решению этой проблемы просматриваются пока еще весьма смутно как со стороны того, как должно выглядеть конкретно-археологическое знание, так, в еще большей мере, каким образом достичь его в познании.

Все это, как и многие другие вопросы, обрисовывает те огромные трудности на пути теоретизации археологического знания, трудности, которые можно преодолеть только активной работой как в области методологии, так и в еще большей мере в археологической практике изучения отдельных обществ древности. В связи с этим можно вспомнить замечательные слова классиков марксизма: "Если бы мы захотели ждать, пока материал будет готов в чистом виде для закона, то это значило бы приостановить до тех пор мыслящее исследование, и уже по одному этому мы никогда не получили бы закона"⁷⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ Ленин В.И. Конспект книги Гегеля "Наука логики" // Полн. собр. соч. — Т. 29. — С. 177.
- ² Маркс К. Заработная плата, цена и прибыль // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 16. — С. 131.
- ³ Артамонов М.И. Археологическая культура и этнос // Проблемы истории феодальной России. — Л., 1971. — С. 16–32; Брюсов А.Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952. — 263 с.; Генинг В.Ф. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры // ВАУ. — 1962. — Вып. 4. — С. 5–51; Генинг В.Ф. Проблема соотношения археологической культуры и этноса // Вопросы этнографии Удмуртии. — Ижевск, 1976. — С. 3–37; Захарук Ю.М. Проблемы археологической культуры // Археология. — 1964. — 17. — С. 12–42; Захарук Ю.Н. Проблемные ситуации в археологии // СА. — 1973. — № 4. — С. 3–15; Каменецкий И.С. Археологическая культура — ее определение и интерпретация // СА. — 1970. — № 2. — С. 18–36; Клейн Л.С. Проблема определения археологической культуры // Там же. — С. 37–51; Монгайт А.Л. Археологические культуры и этнические общности: К вопросу о методике историко-археологического исследования // НАА. — 1967. — № 1. — С. 53–69; Смирнов А.П. К вопросу об археологической культуре // СА. — 1964. — № 4. — С. 3–10.
- ⁴ Археология и естественные науки / Под ред. Б.А.Колчина. — М., 1965. — 247 с. (МИА; № 129); Статистико-комбинаторные методы в археологии. — М., 1970. — 220 с.; Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А. Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). — М., 1975. — 176 с. Библиография, С. 152–168; Клейн Л.С. Археологические источники. — Л., 1978. — 120 с.
- ⁵ Шер Я.А. Интуиция и логика в археологическом исследовании // Статистико-комбинаторные методы в археологии. — С. 9–23; Бочкарев В.С. К вопросу о структуре археологического исследования // Тез. докл. сессии, посвящ. итогам полевых археол. исслед. 1972 г. в СССР. — Ташкент, 1973. — С. 56–60; Предмет и объект археологии и вопросы археологических исследований (Статьи Иванова В.Г., Клейна Л.С., Бочкарева В.С., Лебедева Г.С.). — Л., 1975. — 60 с.; Клейн Л.С. Три процедуры археологического исследования // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. — Свердловск, 1977. — С. 15–24; и др.
- ⁶ Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ: (В свете данных археологии). — Л., 1976. — 191 с.
- ⁷ Викторова В.Д. Археологический факт // ВАУ. — 1975. — Вып. 13. — С. 17–26; Захарук Ю.Н. О понятии "факт" в археологической науке // СА. — 1977. — № 4. — С. 30–40; Шер Я.А. К характеристике понятия "археологический факт" // Проблемы реконструкции в археологии. — Новосибирск, 1985. — С. 5–16.

- ⁸ Захарук Ю.Н. Проблемные ситуации в археологии. — С. 3—15.
- ⁹ Генинг В.Ф. Структура системы археологического знания : (К вопросу о методологическом анализе уровней знания в археологии) // Методологические и методические вопросы археологии. — Киев, 1982. — С. 5—47; Радилюковский В.В. К вопросу о построении научной теории в археологическом исследовании // Проблемы реконструкций в археологии. — Новосибирск, 1985. — С. 16—23.
- ¹⁰ Генинг В.Ф. Проблема теоретизации научного знания в археологии // Новые методы археологических исследований. — Киев : 1982. — С. 6—22.
- ¹¹ Клейн Л.С. Три процедуры археологического исследования; Добролюбовский А.О. Характеристика теоретических разработок в зарубежной дескриптивной археологии // Новые методы археологических исследований. — Киев, 1982. — С. 61—73; Добролюбовский А.О. Критический обзор основных концептуальных представлений зарубежной археологии // Археология и методы исторических реконструкций. — Киев : 1985. — С. 106—119.
- ¹² Гарден Ж.К. Теоретическая археология / Под ред. Шера Я.А. — М., 1983. — 296 с.
- ¹³ Генинг В.Ф. Теоретическое знание в археологии // Методологические проблемы общественных наук. — Киев, 1985. — С. 232, 235; Генинг В.Ф. Проблема научной революции в развитии археологического знания // Всесоюз. археол. конф. "Достижения советской археологии в XI пятилетке : Тез. докл. — Баку, 1985. — С. 107—109.
- ¹⁴ Ракитов А.И. Философские проблемы науки. — М., 1977. — С. 97.
- ¹⁵ Мотрошилова Н.В. Познание и общество. — М., 1969. — 297 с.; Фофанов В.П. Социальная деятельность как система. — Новосибирск, 1981. — 304 с.; Рачков П.А. Науковедение. — М., 1975. — 240 с.; Старостин Б.А. Параметры развития науки. — М., 1980. — 280 с.

Глава I

- ¹ Майданов А.С. Процесс научного творчества. — М., 1983. — 206 с.
- ² Фофанов В.П. Социальная деятельность как система. — С. 217 и сл.
- ³ Там же. — С. 219.
- ⁴ Генинг В.Ф. Теоретическое знание в археологии. — С. 238 и сл.
- ⁵ Афанасьев В.Г. Системность и общество. — М., 1980. — С. 282—283; Генинг В.Ф. Объект и предмет науки в археологии. — Киев, 1983. — С. 112, 131.
- ⁶ Пятницын Б.Н. Философские проблемы вероятностных и статистических методов. — М., 1976. — С. 27 и сл.
- ⁷ Генинг В.Ф. Проблема теоретизации научного знания в археологии // Новые методы археологических исследований. Киев, 1982. — С. 172.
- ⁸ Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов (первоначальный вариант "Капитала") // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 46. — Ч. 1. — С. 37—38.
- ⁹ Рузавин Г.И. Научная теория: логико-методологический анализ. — М., 1978. — С. 157.
- ¹⁰ Генинг В.Ф. Теоретическое знание в археологии. — С. 237.
- ¹¹ Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 20. — С. 34.
- ¹² Разумовский О.С. От конкурирования к альтернативам. — Новосибирск, 1983. — С. 36.
- ¹³ Генинг В.Ф. Объект и предмет науки в археологии. — С. 36.
- ¹⁴ Афанасьев В.Г. Системность и общество. — М., — С. 282—283; Генинг В.Ф. Объект и предмет науки в археологии. — С. 112—131.
- ¹⁵ Марксистско-ленинская теория исторического процесса : Исторический процесс: действительность, материальная основа, первичное и вторичное. М., 1981. — С. 18, 90, 96 и др.

- ¹⁶ Генинг В.Ф. Объект и предмет науки в археологии. — С. 10, 179 и сл.
- ¹⁷ Ракитов А.И. Историческое познание : Системно-гносеологический подход. — М., 1982. — С. 281.
- ¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство, или критика критической критики // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 2. — С. 102.
- ¹⁹ Марксистско-ленинская теория исторического процесса. — 1981. — С. 19.
- ²⁰ Марксистско-ленинская теория исторического процесса. — 1981. — С. 79 и сл.
- ²¹ Марксистско-ленинская теория исторического процесса // Исторический процесс: целостность, единство и многообразие, формационные ступени. — М., 1983. — С. 47.
- ²² Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 13. — С. 7.
- ²³ Генинг В.Ф. Этнический процесс в первобытности. — Свердловск, 1970. — С. 80 и сл.; Генинг В.Ф., Павленко Ю.В. Институт племени как орган зарождающейся политической надстройки // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. — Киев, 1984. — С. 60—109.
- ²⁴ Ленин В.И. Доклад о замене разверстки натуральным налогом 15 марта // Полн. собр. соч. — Т. 43. — С. 72.
- ²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 3. — С. 24.
- ²⁶ Марксистско-ленинская теория исторического процесса. — 1981. — С. 257.
- ²⁷ Маркс К. Критика политической экономии (черновой набросок 1857—1858 годов) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 46. — Ч. 2. — С. 450.
- ²⁸ Ленин В.И. Карл Маркс // Полн. собр. соч. — Т. 26. — С. 58.
- ²⁹ Ленин В.И. Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов? // Полн. собр. соч. — Т. 1. — С. 138.
- ³⁰ Маркс К. Критика политической экономии... — С. 214.
- ³¹ Маркс К. Экономическая рукопись 1861—1863 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 47. — С. 55.
- ³² Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Там же. — Т. 42. — С. 94.
- ³³ Там же. — С. 118.
- ³⁴ Ленин В.И. Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов? — С. 149.
- ³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Наемный труд и капитал // Маркс К., Энгельс Ф. — Соч. — 2-е изд. — Т. 6. — С. 441.
- ³⁶ Маркс К. Критика политической экономии ... — С. 226.
- ³⁷ Там же. — С. 504.
- ³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Там же. — Т. 3. — С. 71.
- ³⁹ Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов (первоначальный вариант "Капитала") // Там же. — Т. 46. — Ч. 1. — С. 36.
- ⁴⁰ Маркс К. Капитал. Т. 2 // Там же. — Т. 24. — С. 43—44.
- ⁴¹ Ленин В.И. Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов? — С. 137.
- ⁴² Илюшечкин В.П. Сословно-классовое общество в истории Китая. — М., 1986. — С. 66—68.
- ⁴³ Там же. — С. 76—77, 93 и сл.
- ⁴⁴ Историзм археологии: методологические проблемы // Тез. докл. конф. М., 1975. — 60 с.; Викторова В.Д. Природа, содержание и функции категорий археологической науки // Вопр. археологии Приобья. — 1978. — Вып. 2. — С. 3—15; Генинг В.Ф. Структура системы археологического знания. — С. 3—4; Башилов В.А., Лооно Э.Н. Об уровнях исследования и познавательных задачах археологии // СА. — 1986. — № 3. — С. 192—208.
- ⁴⁵ Захарук Ю.Н. К вопросу о предмете и процедуре археологического исследования // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических

- исследований. — Л., 1975. — С. 4–6; *Генинг В.Ф.* Объект и предмет науки в археологии. — С. 127 и сл.
- ⁴⁶ *Каменецкий И.С.* Археологическая культура — ее определение и интерпретация ... — С. 18–36; *Клейн Л.С.* Проблема определения археологической культуры и этноса. — С. 37–51; *Захарук Ю.Н.* Археологическая культура: категория онтологическая или гносеологическая? // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. — М., 1976. — С. 3–10.
- ⁴⁷ *Абрамова Н.Т.* Целостность и управление. — М., 1974. — С. 184.
- ⁴⁸ *Ракитов А.И.* Историческое познание. — М., 1982. — С. 28.
- ⁴⁹ *Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А.* Анализ археологических источников. — 176 с.; *Генинг В.Ф.* Структура системы археологического знания. — С. 5–47; *Башилов В.А., Лооне Э.Н.* Указ. соч. — С. 192–208.
- ⁵⁰ *Захарук Ю.Н.* Методологические проблемы археологической науки: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. — М., 1981. — 30 с.; *Генинг В.Ф.* Проблемы теоретизации научного знания в археологии... — С. 6–27; *Генинг В.Ф.* Теоретическое знание в археологии... — С. 230–251; *Викторова В.Д.* Эмпирическое и теоретическое в археологическом познании // *Вопр. арх. Урала.* — Вып. 15. — 1981. — С. 18–24.
- ⁵¹ *Генинг В.Ф.* Заметки к построению теории археологической культуры // *Археология и методы исторических реконструкций.* — Киев, 1985. — С. 50–74; *Генинг В.Ф.* Археологическая культура — социально-исторический организм — центральная категория познания археологии: (К разработ. теории археол. культуры) // *Исследования социально-исторических проблем в археологии.* — Киев, 1987. — С. 6–35. 2-е изд. — Т. 20. — С. 555.
- ⁵² *Энгельс Ф.* Диалектика природы // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. — 2-е изд. — Т. 20. — С. 555.

Глава II

- ¹ *Библер В.С.* Исторический факт как фрагмент действительности // *Источникововедение.* — М., 1960. — С. 89–101; *Гуревич А.Я.* Что такое исторический факт? // *Источникововедение. Теоретические и методологические проблемы.* — М., 1969. — С. 59–88; *Иванов Г.М.* К вопросу о понятии "факт" в исторической науке // *ВИ.* — 1969. — № 2. — С. 73–87; *Штофф В.А.* Введение в методологию научного познания. — Л., 1972. — 191 с.; *Уваров А.И.* Гносеологический анализ теории в исторической науке. — Калинин, 1973. — С. 20–48; *Быков В.В.* Методы науки. — М., 1974. — 216 с.; *Косолапов В.В.* Методология и логика исторического исследования. — Киев, 1977. — С. 289–323; *Барг М.А.* Исторический факт: структура, форма, содержание // *История СССР.* — 1976. — № 6. — С. 46–71; *Ракитов А.И.* Историческое познание. — 304 с.; *Барг М.А.* Категория и методы исторической науки. — М., 1984. — С. 141–173.
- ² *Захарук Ю.Н.* Археологическая культура: категория онтологическая или гносеологическая? — С. 3–10; *Генинг В.Ф.* Объект и предмет науки в археологии. — 224 с.
- ³ *Викторова В.Д.* Археологический факт. — С. 17–26; *Захарук Ю.Н.* О понятии "факт". — С. 30–40; *Клейн Л.С.* Археологические источники. — 120 с.; *Генинг В.Ф.* Объект и предмет науки в археологии. — С. 86–211; *Шер Я.Н.* К характеристике понятия "археологический факт". — С. 5–16.
- ⁴ *Логика научного исследования* / Под ред. П.В.Копнина, М.В.Поповича. М., 1965. — С. 45 и сл.
- ⁵ *Барг М.А.* Категории и методы исторической науки. — С. 152.
- ⁶ *Шер Я.А.* К характеристике понятия "археологический факт". — С. 11.
- ⁷ *Косолапов В.В.* Методология и логика исторического исследования. — С. 294.
- ⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. — М., 1956. — С. 595.
- ⁹ *Генинг В.Ф.* Объект и предмет науки в археологии. — С. 106–115, 131–135, 182–187.

¹⁰ *Барг М.А.* Указ. соч. — С. 152.

¹¹ *Викторова В.Д.* Археологический факт. — С. 18.

¹² *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. — С. 593.

¹³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. — 2-е изд. — Т. 3. — С. 71.

¹⁴ *Викторова В.Д.* Указ. соч. — С. 18–21.

¹⁵ *Захарук Ю.Н.* К вопросу о предмете и процедуре археологического исследования. — С. 4–6; *Захарук Ю.Н.* Археологическая культура. — С. 3–10; *Генинг В.Ф.* Объект и предмет науки в археологии. — С. 134–140.

¹⁶ *Клейн Л.С.* Археологические источники. — С. 110 и сл.

¹⁷ *Лебедев Г.С.* выделяет четыре уровня признаков, лежащих в основе предлагаемой им системы типологии: функциональные, конструктивные, декоративные и семантические. См.: *Лебедев Г.С.* Археологический тип как система признаков // *Типы в культуре.* — Л., 1979. — С. 79–80.

¹⁸ *Клейн Л.С.* Археологические источники. — С. 93.

¹⁹ *Генинг В.Ф.* Объект и предмет науки в археологии. — С. 151 и сл.

²⁰ *Ракитов А.И.* Курс лекций по логике науки. — М., 1971. — 176 с.; *Генинг В.Ф.* Объект и предмет науки в археологии. — С. 106 и сл.

²¹ *Генинг В.Ф.* Заметки к построению теории археологической культуры... — С. 34 и сл.

²² *Клейн Л.С.* Археологические источники. — С. 74.

²³ *Городцов В.А.* Типологический метод в археологии. — Рязань, 1927. — 10 с.; *Грязнов М.И.* Классификация, тип, культура // *Теоретические основы советской археологии.* — Л., 1969. — С. 18–22; *Шер Я.А.* Типологический метод в археологии и статистике // *Докл. и сообщ. археологов СССР на VII Междунар. конгр. доисториков и праисториков.* — М., 1966. — С. 253–266; *Клейн Л.С.* Понятие типа в современной археологии // *Типы в культуре: Методологические проблемы классификации, систематики и типологии в социально-исторических и антропологических науках.* — Л., 1979. — С. 50–74; *Лебедев Г.С.* Археологический тип как система признаков. С. 74–88; *Генинг В.Ф.* Очерки по истории советской археологии. — Киев, 1982. — С. 154–169.

²⁴ *Клейн Л.С.* Понятие типа в современной археологии. — С. 50 и сл.; *Викторова В.Д.* Археологический факт. — С. 21; *Бочкарев В.С.* К вопросу о системе основ археологических понятий // *Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований.* — Л., 1975. — С. 34–42; *Массон В.М., Бочкарев В.С.* К характеристике теоретических разработок зарубежной археологии // *КСИА.* — 1978. — Вып. 152. — С. 39.

²⁵ *Косолапов В.В.* Указ. соч. — С. 98–101; *Ракитов А.И.* Историческое познание. — С. 80–84.

²⁶ *Генинг В.Ф.* Очерки по истории советской археологии. — С. 161 и сл.

Глава III

- ¹ *Андреев И.Л.* Теория как форма организации научного знания. — М., 1979. — 303 с.; *Жариков Е.С.* Научный поиск. — Киев, 1967. — 151 с.; *Жариков Е.С.* О действиях, составляющих постановку научной проблемы // *ФН.* — 1973. — № 1. — 144–146 с.; *Логика научного исследования...* 360 с.; *Лапицкий В.В., Шилков Ю.Н.* Проблемные ситуации в научном творчестве // *Проблемы методологии науки и научного творчества.* — Л., 1977. — С. 32–44; *Мочалов И.И.* Мнимые проблемы науки // *ВФ.* — 1966. — С. 55–64; *Карпович В.Н.* Проблема. Гипотеза. Закон. — Новосибирск, 1980. С. 9–56; *Рубинштейн С.Л.* О мышлении и путях его исследования. — М., 1958. — 222 с.; *Рузавин Г.И.* Методы научного исследования. — М., 1974. — 238 с.; *Хилькевич А.П.* Наглядный образ в структуре познания. — М., 1971. — 272 с.; *Хилькевич А.П.* Гносеологическая природа гипотезы. — Минск, 1974. — 160 с.; *Цацковский Э.* Проблемы, вопросы и общие принципы их постановки // *ВФ.* — 1968. — № 1. — С. 34–42;

- Шви́рев В.С. Анализ научного познания в современной "философии науки" // ВФ. - 1971. - № 2. - С. 100-111.
- ² Захарук Ю.Н. Проблемные ситуации в археологии. - С. 12.
- ³ Логика научного исследования. - С. 21; Хилькевич А.П. Указ. соч. - С. 49.
- ⁴ Там же. - С. 25; Хилькевич А.П. Указ. соч. - С. 47.
- ⁵ Захарук Ю.Н. Проблемные ситуации в археологии. - С. 3.
- ⁶ Там же. - С. 4.
- ⁷ Генинг В.Ф. Проблема соотношения археологической культуры и этноса. - С. 3-37.
- ⁸ Бройль де Луи. По тропам науки. - М., 1962. - С. 317.
- ⁹ Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии. - 226 с.; Генинг В.Ф. Проблема научной революции в развитии археологического знания. - С. 107-109; Генинг В.Ф. Теоретизация научного знания в археологии. - С. 232 и сл.
- ¹⁰ Хилькевич А.П. Указ. соч. - С. 52; Жариков Е.С. Указ. соч. - С. 33; Копнин П.В. Философские идеи В.И.Ленина и логика. - М., 1969. - С. 296.
- ¹¹ Лапицкий В.В., Шилков Ю.Н. Указ. соч. - С. 37.
- ¹² Хилькевич А.П. Указ. соч. - С. 54.
- ¹³ Логика научного исследования. - С. 32.
- ¹⁴ Лапицкий В.В., Шилков Ю.Н. Указ. соч. - С. 43.
- ¹⁵ Жариков Е.С. Указ. соч. - С. 22-24; Логика научного исследования. - С. 34.
- ¹⁶ Жариков Е.С. Указ. соч. - С. 22-26.
- ¹⁷ Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т. 23. - С. 85.
- ¹⁸ Генинг В.Ф. Проблема социальной структуры общества кочевых скифов IV-III вв. до н.э. по археологическим данным. - С. 124-153; Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии: На материале скифских могильников IV-III вв. до н.э. - Киев: 1985. - 228 с.
- ¹⁹ Бунятян Е.П. К вопросу о материально-технической базе кочевых обществ // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. - Киев, 1984. - С. 109-124.
- ²⁰ Ленин В.И. План диалектики (логики) Гегеля: (Оглавление малой Логики (Энциклопедии)) // Полн. собр. соч. - Т. 29. - С. 301.
- ²¹ Генинг В.Ф. Проблема соотношения археологической культуры и этноса. - С. 3-37.
- ²² Брюсов А.А. Очерки по истории племен Европейской части СССР. - 263 с.
- ²³ Клейн Л.С. Проблема определения археологической культуры. - С. 37-51; Монгайт А.Л. Археологическая культура и этнические общности. - С. 53-60; Захарук Ю.Н. Ленинское теоретическое наследие и некоторые вопросы развития археологической науки. - С. 12 и сл.
- ²⁴ Генинг В.Ф. Проблема соотношения археологической культуры и этноса. - С. 18, 24 и сл.
- ²⁵ Генинг В.Ф. Археологическая культура - социально-исторический организм. - С. 6-35.
- ²⁶ Лапицкий В.В., Шилков Ю.Н. Проблемные ситуации. - С. 39.
- ²⁷ Захарук Ю.Н. Проблемные ситуации в археологии. - С. 12-42.
- ²⁸ Мамчур Е.А. Проблема выбора теории. - М., 1975. - 230 с.; Шви́рев В.С. Анализ научного познания. - С. 100-111; Лапицкий В.В., Шилков Ю.Н. Указ. соч. - С. 32-44.
- ²⁹ Логика научного исследования. - С. 42.
- ³⁰ Генинг В.Ф. Проблема соотношения археологической культуры и этноса. - С. 3-37; Генинг В.Ф. Археологическая культура - социально-исторический организм. - С. 6-35.
- ³¹ Хилькевич А.П. Гносеологическая природа гипотезы. - С. 55; Логика научного исследования. - С. 42.
- ³² Ленин В.И. Конспект книги Гегеля "Лекции по истории философии" // Полн. собр. соч. - Т. 29. - С. 240.

- ³³ Логика научного исследования. - С. 43.
- ³⁴ Маркс К. Капитал. Т. 3 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т. 25. - Ч. 2. - С. 384.
- ³⁵ Баженов Л.Б. Основные вопросы теории гипотезы. - М., 1961. - 250 с.; Баженов Л.Б. Современная научная гипотеза // Материалистическая диалектика и методы естественных наук. - М., 1968. - С. 294-298; Баженов Л.Б. Структура и функции естественно-научной теории. - М., 1978. - С. 200-224; Баженов Л.Б., Пятницкий Б.И. Гипотеза в современной науке // Ленинская теория отражения и современная наука: Теория отражения и естествознание. - София, 1973. - С. 59-77; Карпович В.И. Проблема Гипотезы. Закон. - С. 176; Копнин П.В. Гипотеза и познание действительности. - Киев, 1962. - 82 с.; Хилькевич А.П. Гносеологическая природа гипотезы. - 160 с.
- ³⁶ Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т. 20. - С. 555.
- ³⁷ Славин А.В. Наглядный образ в структуре познания. - С. 71.
- ³⁸ Менделеев Д.И. Основы химии. - Т. 1. - М., 1947. - С. 150-151.
- ³⁹ Карпович В.И. Указ. соч. - С. 58-59.
- ⁴⁰ Логика научного исследования. - С. 184.
- ⁴¹ Хилькевич А.П. Гносеологическая природа гипотезы. - С. 16-17.
- ⁴² Копнин П.В. Диалектика как логика. - Киев, 1961. - С. 404.
- ⁴³ Копнин П.В. Гипотеза и познание действительности. - 182 с.
- ⁴⁴ Славин А.В. Указ. соч. - С. 71-72.
- ⁴⁵ Хилькевич А.П. Указ. соч. - С. 92; Логика научного исследования. - С. 189.
- ⁴⁶ Генинг В.Ф. Пьяноборская культура на Средней Каме: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - М., 1959. - 16 с.; Генинг В.Ф. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры. - С. 5-51.
- ⁴⁷ Спицын А.А. Древности бассейнов рек Оки и Камы // Материалы по археологии России. - СПб., 1901. - № 25. 120 с.
- ⁴⁸ Спицын А.А. Гляденовское костыше // ЗРАО. - Т. 13. - В. 1/2. - СПб., 1901. - С. 18-76; Новокрестьянских И.И. Гляденовское костыше // Тр. Перм. учен. архив. комиссии. - 1914. - Вып. 11. - С. 17-68.
- ⁴⁹ Шмидт А.В. Жертвенные места Каско-Уральского края // ИГАИМК. Т. 13. - Вып. 1/2. - 1932. - 46 с.
- ⁵⁰ Худяков М.Г. Ныргындинские I и II могильники // Материалы ГАИМК. - 1933. - Вып. 2. - С. 15-18; Худяков М.Г. Очерки истории первобытного общества на территории Марийской области // ИГАИМК. 1935. - Вып. 141. - 132 с.
- ⁵¹ Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. - М., 1952. - 276 с. - (МИА; № 28).
- ⁵² Генинг В.Ф., Оборин В.А. К вопросу о гляденовской культуре // Учен. зап. Перм. ун-та. - Пермь, 1950. - Т. 12. - Вып. 1. - С. 160-174.
- ⁵³ Смирнов А.П. К вопросу об археологической культуре... - С. 3-10.
- ⁵⁴ Смирнов А.П. Указ. соч. - С. 3.
- ⁵⁵ Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. 1. Чегандинская культура (III в. до н.э. - IV в. н.э.) ВАУ. - 1970. - Вып. 10. - С. 175-188.
- ⁵⁶ Генинг В.Ф. Пьяноборская культура. - С. 13.
- ⁵⁷ Генинг В.Ф. Проблема соотношения археологической культуры и этноса. - С. 12, 29.
- ⁵⁸ Каменецкий И.С. Археологическая культура и ее определение. - С. 21.
- ⁵⁹ Дайсон Ф.Дж. Новаторство и физика // Над чем думают физики. - 1963. - Вып. 2. - С. 96.
- ⁶⁰ Генинг В.Ф. Пьяноборская культура. - С. 13; Генинг В.Ф. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры. - С. 43.

- ⁶¹ Хилькевич А.П. Гносеологическая природа гипотезы. — С. 96 и сл.; Рузавин Г.И. Научная теория. — С. 145 и сл.
- ⁶² Хилькевич А.П. Указ. соч. — С. 107.
- ⁶³ Генинг В.Ф. Пьяноборская культура. — С. 13.
- ⁶⁴ Генинг В.Ф. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры. — С. 37–50.
- ⁶⁵ Генинг В.Ф. Азелинская культура III–V вв. — Свердловск, 1963 (ВАУ, вып. 5). — 160 с.
- ⁶⁶ Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья. — С. 175–187.
- ⁶⁷ Генинг В.Ф. Проблема соотношения археологической культуры и этноса. — С. 30.
- ⁶⁸ Генинг В.Ф. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры. — С. 38 и сл.
- ⁶⁹ Генинг В.Ф. Там же. — С. 43.
- ⁷⁰ Хилькевич А.П. Гносеологическая природа гипотезы. — С. 98.
- ⁷¹ Генинг В.Ф. Проблема соотношения археологической культуры и этноса. — С. 3–37.
- ⁷² Генинг В.Ф. Этнический процесс в первобытности. — 128 с.
- ⁷³ Генинг В.Ф. Заметки к построению теории археологической культуры. — С. 50–74; Генинг В.Ф. Археологическая культура — социально-исторический организм. — С. 6–35.
- ⁷⁴ Логика научного познания. — С. 194 и сл.; Хилькевич А.П. Гносеологическая природа гипотезы. — С. 108 и сл.
- ⁷⁵ Кушнарева К.Х., Лисицына Г.Н. О возникновении пашенного земледелия в Закавказье (к постановке проблемы) // СА. — 1979. — № 2. — С. 5–18.
- ⁷⁶ Хилькевич А.П. Гносеологическая природа гипотезы. — С. 109.
- ⁷⁷ Генинг В.Ф. Очерки этнических культур Прикамья в эпоху железа // Тр. Казан. филиала АН СССР. Сер. гуманитар. наук. — 1959. — Вып. 2. — С. 204; Генинг В.Ф. Азелинская культура III–IV вв. — 160 с.
- ⁷⁸ Хилькевич А.П. Гносеологическая природа гипотезы. — С. 109.
- ⁷⁹ Логика научного исследования. — С. 192 и сл.

Глава IV

- ¹ Советский энциклопедический словарь. — 2-е изд. — М., 1983. — С. 1313.
- ² Я не ставлю задачу дать исчерпывающий библиографический обзор данной проблемы, поэтому укажу лишь на две работы, где дана достаточно обширная библиография: Венцовский Л.Э. Философские проблемы развития науки: Современ. исслед. 70-е годы. — М., 1982. — 120 с.; Раджабов У.А. Динамика естественно-научного знания. — М., 1982. — С. 14–15.
- ³ Андреев И.Д. Теория как форма организации научного знания. — С. 9.
- ⁴ Ракитов А.И. Историческое познание. — С. 116.
- ⁵ Рузавин Г.И. Научная теория ... — С. 14–15.
- ⁶ Разумовский О.С. От конкурирования к альтернативам. — С. 18.
- ⁷ Герц Г. Соответствие между экспериментом, моделью и теорией в процессе естественно-научного познания // Эксперимент. Модель. Теория. — Москва: Берлин, 1982. — С. 8.
- ⁸ Деллинг Э. Философско-логические проблемы построения теории. — Там же. — С. 255.
- ⁹ Ракитов А.И. Историческое познание. — С. 117.
- ¹⁰ Раджабов У.А. Указ. соч. — С. 14.
- ¹¹ Рузавин Г.И. Развитие теоретических форм познания в процессе научного исследования // ВФ. — 1980. — № 3. — С. 73.
- ¹² Ракитов А.И. Историческое познание. — С. 73.
- ¹³ Андреев И.Д. Указ. соч. — С. 9–21.
- ¹⁴ Кедровский О.И. Методы построения теоретических систем знания: Диалог философа и математики. — Киев, 1982. — С. 39.
- ¹⁵ Захарук Ю.Н. Ленинское теоретическое наследие. — С. 8–17; Шер Я.А. Методические

- вопросы археологии. — С. 67–79; Клейн Л.С. Структура археологической теории. — С. 56–70; Генинг В.Ф. Объект и предмет науки. — 224 с.; Генинг В.Ф. Проблема теоретизации научного знания. — С. 6–22; Генинг В.Ф. Теоретическое знание в археологии. — С. 230–251; Викторова В.Д. Эмпирическое и теоретическое в археологическом познании // ВАУ. — Свердловск, 1981. — Вып. 15. — С. 18–24; Радлиловский В.В. К вопросу о построении научной теории в археологическом исследовании. — С. 16–23; Башилов В.А., Лооце Э.Н. Об уровнях исследования и познавательных задач археологии. — С. 192–208.
- ¹⁶ Башилов В.А., Лооце Э.Н. Указ. соч. — С. 197–199.
- ¹⁷ Генинг В.Ф. Проблема теоретизации научного знания. — С. 9.
- ¹⁸ Швырев В.С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. — М., 1978. — С. 324.
- ¹⁹ Генинг В.Ф. Проблема теоретизации научного знания. — С. 8 и сл.; Генинг В.Ф. Теоретическое знание в археологии... — С. 240 и сл.; Генинг В.Ф. Объект и предмет науки в археологии. — С. 177 и сл.
- ²⁰ Генинг В.Ф. Объект и предмет науки в археологии. — С. 177 и сл.
- ²¹ Маркс К. Капитал. Т. 3 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. Т. 2. — Ч. 2. — С. 354.
- ²² Генинг В.Ф. Структура системы археологического знания. — С. 5–47.
- ²³ Рузавин Г.И. Научная теория ... — С. 10.
- ²⁴ Разумовский О.С. От конкурирования к альтернативам. — С. 25.
- ²⁵ Косолапов В.В. Указ. соч. — С. 340–341.
- ²⁶ Уваров А.И. Гносеологический анализ теории. — С. 212 и сл.
- ²⁷ Генинг В.Ф. Теоретическое знание в археологии. — С. 230–251.
- ²⁸ Косолапов В.В. Указ. соч. — С. 338–339.
- ²⁹ Рузавин Г.И. Научная теория ... — С. 46–47.
- ³⁰ Философский энциклопедический словарь. — М., 1983. — С. 188.
- ³¹ Ленин В.И. Конспект книги Гегеля "Наука логики" // Полн. собр. соч. — Т. 29. — С. 138.
- ³² Там же. — С. 136.
- ³³ Логика научного исследования. — С. 99.
- ³⁴ Рузавин Г.И. Научная теория ... — С. 28.
- ³⁵ Логика научного исследования. — С. 85.
- ³⁶ Рузавин Г.И. Научная теория ... — С. 47, 151.
- ³⁷ Логика научного исследования. — С. 88.
- ³⁸ Там же. — С. 94.
- ³⁹ Печенкин А.А. Функции научных теорий // Философия. Методология. Наука. — М., 1972. — С. 204.
- ⁴⁰ Рузавин Г.И. Научная теория ... — С. 10–11.
- ⁴¹ Там же. — С. 14, 151.
- ⁴² Логика научного исследования. — С. 68.
- ⁴³ Рузавин Г.И. Научная теория ... — С. 151–153.
- ⁴⁴ Ракитов А.И. Философские проблемы науки. — С. 95.
- ⁴⁵ Славин А.В. Проблема возникновения новых знаний. — М., 1976. С. 254; Рузавин Г.И. Научная теория. — С. 161.
- ⁴⁶ Ракитов А.И. Историческое познание. — С. 249.
- ⁴⁷ Генинг В.Ф. Объект и предмет науки в археологии. — 224 с.
- ⁴⁸ Там же. — С. 179 и сл.
- ⁴⁹ Генинг В.Ф. Структура системы археологического знания. — С. 27 и сл.
- ⁵⁰ Швырев В.С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. — С. 16.
- ⁵¹ Копнин П.В. Введение в марксистскую гносеологию. — Киев, 1966. — С. 190–191.
- ⁵² Швырев В.С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. — С. 245.

- ⁵³ *Степин В.С.* К проблеме структуры и генезиса научной теории // *Философия. Методология. Наука.* – М., 1972. – С. 172.
- ⁵⁴ *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1858 годов // *К.Маркс, Ф.Энгельс.* Соч. – 2-е изд. – Т. 12. – С. 726.
- ⁵⁵ *Генинг В.Ф.* Структура системы археологического знания. – С. 17 и сл.
- ⁵⁶ *Генинг В.Ф.* Заметки к построению теории археологической культуры. – С. 50–74; *Генинг В.Ф.* Археологическая культура – социально-исторический организм. – С. 6–35.
- ⁵⁷ *Степин В.С.* Становление научной теории. – Минск, 1976. – 186 с.; *Степин В.С.* К проблеме структуры и генезиса научной теории. – С. 176.
- ⁵⁸ *Генинг В.Ф.* Очерки по истории советской археологии. – С. 112 и сл.
- ⁵⁹ *Козлова М.С.* О роли философских идей в историческом процессе развития науки // *Методологические проблемы историко-научных исследований.* – М., 1982. – С. 82 и сл.
- ⁶⁰ Проблемы понятия "научная картина мира" разрабатываются широко в естественно-научном знании. См.: *Диалектический материализм и естественно-научная картина мира.* – Киев, 1976; *Мелюхин С.Т.* Марксизм-ленинизм и современная естественно-научная картина мира. – М., 1968. – 47 с.; *Крымский С.Б.* Интертеория и научная картина мира // *Актуальные проблемы логики и методологии науки.* – Киев, 1980. – С. 50–70; *Раджабов У.А.* Динамика естественно-научного знания. – С. 116 и сл.; *Степин В.С.* К проблеме структуры и генезиса научной теории. – С. 170 и сл.; *Научная картина мира: Логико-гносеологический аспект* – Киев, 1983. – 272 с.
- ⁶¹ *Славин А.В.* Проблемы возникновения нового знания. – С. 16.
- ⁶² *Степин В.С.* Структура теоретического знания и историко-научных исследований. – М., 1982. – С. 144.
- ⁶³ *Швырев В.С.* Теоретическое и эмпирическое в научном познании. – С. 331.
- ⁶⁴ *Ракитов А.И.* Историческое познание. – С. 227.
- ⁶⁵ *Ракитов А.И.* Историческое познание. – С. 228.
- ⁶⁶ *Степин В.С.* К проблеме структуры и генезиса научной теории. – С. 173.
- ⁶⁷ *Ракитов А.И.* Историческое познание. – С. 230.
- ⁶⁸ *Степин В.С.* К проблеме структуры. – С. 168.
- ⁶⁹ *Эйнштейн А.И.* Физика и реальность. – М., 1965. – С. 43, 61–67.
- ⁷⁰ *Степин В.С.* К проблеме структуры и генезиса научной теории. – С. 169.
- ⁷¹ *Генинг В.Ф.* Проблема теоретизации научного знания. – С. 6–22.
- ⁷² *Степин В.С.* К проблеме структуры и генезиса научной теории. – С. 170.
- ⁷³ *Там же.* – С. 170.
- ⁷⁴ *Генинг В.Ф.* Очерки по истории советской археологии. – С. 66 и сл.
- ⁷⁵ *Швырев В.С.* Теоретическое и эмпирическое в научном познании. – С. 142 и сл., 354 и сл.; *Степин В.С.* К проблеме структуры и генезиса научной теории. – С. 167 и сл.
- ⁷⁶ *Швырев В.С.* Указ. соч. – С. 354.
- ⁷⁷ *Абрамова Н.Т.* Целостность и управление. – С. 22, 57 и др.; *Генинг В.Ф.* Структура системы археологического знания. – С. 5–47.
- ⁷⁸ *Степин В.С.* К проблеме структуры и генезиса научной теории. – С. 177; *Степин В.С.* Картина мира и ее функции в научном исследовании // *Научная картина мира.* – Киев, 1983. – С. 86; *Рузавин Г.И.* Научная теория. – С. 133.
- ⁷⁹ *Швырев В.С.* Указ. соч. – С. 172.
- ⁸⁰ *Генинг В.Ф.* Заметки к построению теории. – С. 60.
- ⁸¹ *Там же.*
- ⁸² *Генинг В.Ф.* Объект и предмет науки в археологии. – С. 205–209.

Глава V

- ¹ *Рузавин Г.И.* Научная теория. – С. 99 и сл.
- ² *Анисимова А.А., Штофф В.А.* Информационная функция теории и модели // *ВФ.* – 1968. – № 12. – С. 50–58.

- ³ *Генинг В.Ф.* Очерки по истории советской археологии. – С. 57–90.
- ⁴ *Разумовский О.С.* От конкурирования к альтернативам. – С. 8.
- ⁵ *Генинг В.Ф.* Теоретическое знание в археологии. – С. 232–234.
- ⁶ Следует отметить, что и в советской археологии еще сохранились такие взгляды. Так, Л.С.Клейн считает, что для археологии характерна культурологическая направленность "этой науки, причастностью ее предмета к культуре (история понимается через изменения культуры)" (Типы в культуре. – Л., 1979. – С. 51). Г.С.Лебедев пишет: "Экономика, социальный строй, идеология, этнос древнего общества даны нам постольку, поскольку и как они отразились в его культуре" (Там же. – С. 75).
- ⁷ *Логика научного исследования.* – С. 102.
- ⁸ *Маркс К.* К критике политической экономии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. – Т. 13. – С. 6.
- ⁹ *Логика научного исследования.* – С. 102.
- ¹⁰ *Гулыга А.В.* История как наука // *Философские проблемы исторической науки.* – М., 1969. – С. 7–50. Совершенно не упоминается о категории "реконструкция" в монографиях А.И.Ракитова "Историческое познание" и В.В.Косолапова. "Методология и логика исторического исследования".
- ¹¹ *Уваров А.И.* Указ. соч. – С. 103.
- ¹² *Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А.* Анализ археологических источников. – С. 11.
- ¹³ *Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ. – С. 12 и сл.
- ¹⁴ Например: *Проблемы реконструкций в археологии.* Сб. статей. – Новосибирск, 1985. – 160 с.
- ¹⁵ *Кузьмина Е.Е.* Историзм археологии // *Историзм археологии: методологические проблемы:* Тез. докл. – М., 1976. – С. 25–26.
- ¹⁶ *Башилов В.А., Лооне Э.Н.* Указ. соч. – С. 192.
- ¹⁷ *Швырев В.С.* Теоретическое и эмпирическое в научном познании. – С. 17.
- ¹⁸ *Башилов В.А., Лооне Э.Н.* Указ. соч. – С. 198.
- ¹⁹ *Ракитов А.И.* Историческое познание. – С. 116.
- ²⁰ *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи. 1844 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. – 2-е изд. – Т. 42. – С. 94.
- ²¹ *Генинг В.Ф.* Объект и предмет науки в археологии. – С. 110, 179 и сл.
- ²² *Ракитов А.И.* К вопросу о структуре исторического исследования // *Философские проблемы исторической науки.* – М., 1969. – С. 176; *Генинг В.Ф.* Объект и предмет науки в археологии. – С. 96, 99.
- ²³ *Кон И.С.* К спорам о логике исторического объяснения (схема Поппера-Гемпеля и ее критики) // *Философские проблемы исторической науки.* – М., 1969. – С. 263–295.
- ²⁴ *Логика научного исследования.* – С. 100; *Рузавин Г.И.* Научная теория... – С. 50; *Ракитов А.И.* Историческое познание. – С. 265.
- ²⁵ *Рузавин Г.И.* Научная теория... С. 215.
- ²⁶ *Печенкин А.А.* Функции научных теорий... – С. 202; *Радиловский В.В.* К вопросу о построении научной теории в археологическом исследовании. – С. 16–23.
- ²⁷ *Логика научного исследования.* – С. 105.
- ²⁸ *Печенкин А.А.* Указ. соч. – С. 210–211.
- ²⁹ *Генинг В.Ф.* Объект и предмет науки в археологии. – С. 130 и сл., 1979 и сл.
- ³⁰ *Дышлевый П.С., Найдых В.М.* Материалистическая диалектика и проблема научных революций. – Киев, 1981. – С. 134 и сл.
- ³¹ *Генинг В.Ф.* Проблема социальной структуры общества кочевых скифов IV–III вв. до н.э. по археологическим данным. – С. 133 и сл.
- ³² *Печенкин А.А.* Указ. соч. – С. 203–204.
- ³³ *Там же.* – С. 204.

- ³⁴ Генинг В.Ф. Этническая история Южного Прикамья в I тысячелетии н.э. : Автореф. дис. ...докт. ист. наук. — М., 1974. — С. 5; Генинг В.Ф. Проблема соотношения археологической культуры и этноса // ВЭУ. — Ижевск, 1976. — С. 11–12.
- ³⁵ Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А. Анализ археологических источников. — С. 27, 47 и сл.
- ³⁶ Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. — М., 1970. — 200 с. (МИА; 163).
- ³⁷ Генинг В.Ф. Археологическая культура — социально-исторический организм. — С. 6–35.
- ³⁸ Массон В.М. Поселение Джейтун. — М., 1971. — С. 27 (МИА, 180).
- ³⁹ Там же. — С. 83–101; рис. 19, 22–25.
- ⁴⁰ Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. — С. 61, 62.
- ⁴¹ Шер Я.А. Типологический метод в археологии и статистика. — С. 253–266; Клейн Л.С. Понятие типа в современной археологии. — С. 50–74; Лебедев Г.С. Археологический тип как система признаков. — С. 74–88.
- ⁴² Гурина Н.Н. Оленеостровский могильник. М.: Л.; 1956. — 432 с. (МИА, 47).
- ⁴³ Арциховский А.В. Раскопки в Славне в Новгороде. — М.; Л., 1949. — С. 119–151 (МИА, 11).
- ⁴⁴ Семенов С.А. Первобытная техника. — М.; Л., 1957. — (МИА, 54) — 240 с.; Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. — Л., 1968. — 264 с.; Семенов С.А. Происхождение земледелия. — Л., 1974. — 260 с.
- ⁴⁵ Коробкова Г.Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. — Л., 1969. — 216 с. (МИА, 158); Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. — М., — 268 с. (МИА, 174); Шнирельман В.А. Происхождение скотоводства. — М., 1980. — 264 с.
- ⁴⁶ Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. — 191 с.
- ⁴⁷ Генинг В.Ф. Объект и предмет науки в археологии. — С. 110 и сл., 131 и сл., 179.
- ⁴⁸ Рузавин Г.И. Научная теория... — С. 23–24.
- ⁴⁹ Ракитов А.И. Историческое познание. — С. 155 и сл. Автор не совсем прав. В нашей литературе есть несколько кратких, недостаточно ясных характеристик этой категории. См.: Орлов В.Н. Роль научного описания в историческом исследовании // ФН. — 1966. — № 1. — С. 46–53; Орлов В.Н. Проблема объяснения в исторической науке // Проблемы методологии социального исследования. — Л., 1970. — С. 120–131; Косолапов В.В. Методология и логика исторического исследования (Здесь же интересный экскурс в область прошлого науки и развития объяснения, см. с. 328 и сл.); Уваров А.И. Гносеологический анализ теории в исторической науке. — С. 42.
- ⁵⁰ Генинг В.Ф. Объект и предмет науки в археологии. — С. 115 и сл., 187.
- ⁵¹ Печенкин А.А. Функции научных теорий... С. 206. Обстоятельная характеристика категории "описание" содержится в статье: Ерофайлов А.Н. Методологические функции научного описания и объяснения // Диалектика как методология научного познания // Под ред. Попова П.В. — М., 1978. — С. 220–236.
- ⁵² Ракитов А.И. Историческое познание. — С. 170.
- ⁵³ Радилловский В.В. К вопросу о построении научной теории... — С. 18.
- ⁵⁴ Ракитов А.И. Историческое познание. — С. 169.
- ⁵⁵ Радилловский В.В. Указ. соч. — С. 18.
- ⁵⁶ Орлов В.Н. Роль научного описания в историческом исследовании... — С. 53.
- ⁵⁷ Косолапов В.В. Указ. соч. — С. 327.
- ⁵⁸ Ракитов А.И. Историческое познание. — С. 158.
- ⁵⁹ Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А. Указ. соч. — С. 18–244.
- ⁶⁰ Гарден Ж.К. Теоретическая археология. — С. 56–113.
- ⁶¹ Там же. — С. 67.
- ⁶² Там же. — С. 83.

- ⁶³ Гарден Ж.К. Теоретическая археология. — С. 269.
- ⁶⁴ Ракитов А.И. Историческое познание. — С. 158.
- ⁶⁵ Печенкин А.А. Функции научных теорий... — С. 207.
- ⁶⁶ Генинг В.Ф. Опутятское городище — металлургический центр харинского времени в Прикамье // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. — Ижевск, 1980. — С. 92–135.
- ⁶⁷ Кошкин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. — М., 1953. — 260 с. (МИА, 32).
- ⁶⁸ Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья... — С. 6.
- ⁶⁹ Рузавин Г.И. Научная теория. — С. 83.
- ⁷⁰ Семенов С.А. Первобытная техника... 240 с.; Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке... 264 с.; Семенов С.А. Происхождение земледелия. — 260 с.
- ⁷¹ Никитин Е.П. Объяснение — функция науки. — М., 1970. — 120 с.
- ⁷² Елсуков А.Н. Проблема объяснения в социально-историческом исследовании // Философия. Методология. Наука. — М., 1972. — С. 220; Печенкин А.А. Функции научных теорий. — С. 208; Ерофайлов А.Н. Методологические функции научного описания... — С. 223 и сл.
- ⁷³ Ракитов А.И. Историческое познание. — С. 266.
- ⁷⁴ Елсуков А.Н. Указ. соч. — С. 219–235.
- ⁷⁵ Уваров А.И. Указ. соч. — С. 50; Кон И.С. К спорам о логике исторического объяснения. — С. 263–295; Егоров М.В. К вопросу о понимании исторического объяснения в новейшей англо-американской философии истории // Проблемы методологии и логики науки. — Учен. зап. Том. ун-та. — 1969. — Вып. 5. — № 79. — С. 215–220.
- ⁷⁶ Радилловский В.В. Указ. соч. — С. 18–20.
- ⁷⁷ Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. — М., 1952. — С. 249 (МИА, 30).
- ⁷⁸ Там же. — Табл. XVIII.
- ⁷⁹ Hempel C.G., Oppenheim P. The Logic of Explanation // Readings in the Philosophy of Science. — N.Y., 1953. — P. 321 (Цит. по: Никитин Е.П. Природа обоснования. — М., 1981. — С. 14–15).
- ⁸⁰ Кон И.С. Указ. соч. — С. 263–295; Никитин Е.П. Объяснение философское и объяснение научное // Философия. Методология. Наука. — М., 1973. — С. 129–157; Рузавин Г.И. Научная теория... — С. 215 и сл.
- ⁸¹ Збруева А.В. Указ. соч. — С. 131.
- ⁸² Елсуков А.Н. Указ. соч. — С. 223.
- ⁸³ Там же. — С. 231.
- ⁸⁴ Ракитов А.И. Историческое познание. — С. 270.

Глава VI

- ¹ Печенкин А.А. Функции научных теорий... — С. 209; Ерофайлов А.Н. Методологические функции научного описания и объяснения. — С. 232.
- ² Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. — С. 58.
- ³ Там же. — С. 59.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Печенкин А.А. Указ. соч. — С. 209.
- ⁶ Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ.
- ⁷ Елсуков А.Н. Указ. соч. — С. 231.
- ⁸ Хилькевич А.П. Гносеологическая природа гипотезы. — С. 76.
- ⁹ Рузавин Г.И. Научная теория... — С. 219.
- ¹⁰ Елсуков А.Н. Указ. соч. — С. 231.
- ¹¹ Шовкопляс И.Г. Мезинская стоянка. — Киев, 1965. — С. 244; Пидопличко И.Г. Позднепалеолитическое жилище из костей мамонта на Украине. — Киев, 1969. — С. 98; рис. 37.
- ¹² Елсуков А.Н. Указ. соч. — С. 231; Рузавин Г.И. Научная теория. — С. 223.

- ¹³ Бибилов С.Н. Древнейший музыкальный комплекс из костей мамонта : Очерк материальной и духовной культуры палеолитического человека. — Киев, 1981. — С. 74.
- ¹⁴ Там же. — С. 52.
- ¹⁵ Там же. — С. 87 и сл.; рис. 47–52.
- ¹⁶ Там же. — С. 88 и сл.
- ¹⁷ Ракитов А.И. Историческое познание... — С. 267.
- ¹⁸ Елсуков А.Н. Проблема объяснения... — С. 220.
- ¹⁹ Орлов В.Н. Проблемы объяснения в исторической науке... — С. 35.
- ²⁰ Косолапов В.В. Методология и логика исторического исследования. — С. 337 и сл.
- ²¹ Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А. Анализ археологических источников... — С. 99.
- ²² Массон В.М. Экономика и социальный строй... — С. 12.
- ²³ Там же. — С. 17.
- ²⁴ Добрянов В.С. Методологические проблемы теоретического и исторического познания. — М., 1968. — С. 12–29; Ермолова Л.А. Методологическая роль категории "структура", "система" и "функция" в понимании природы живого // Методологические проблемы современной науки. — М., 1970. — С. 140 и сл.
- ²⁵ Тютин В.С. Отражение, системы, кибернетика. — М., 1972. — 256 с.
- ²⁶ Урманцев Ю.А. Начало общей теории систем. — С. 38.
- ²⁷ Тютин В.С. О подходе к построению общей теории систем // Системный анализ и научное знание. — М., 1978. — С. 57.
- ²⁸ Каган М.С. Человеческая деятельность. — М., 1974. — С. 23.
- ²⁹ Абрамова Н.Т. Целостность и управление. — С. 30–31.
- ³⁰ Ермолова Л.А. Методологическая роль... — С. 150; Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. — М., 1973. — С. 62.
- ³¹ Абрамова Н.Т. Указ. соч. — С. 34, 49 и др.
- ³² Генинг В.Ф. Заметки к построению теории археологической культуры. — С. 67–68.
- ³³ Грушин Б.А. Очерки логики исторического исследования. — М., 1961. — С. 18; Ерофайлов А.Н. Методологические функции... — С. 232.
- ³⁴ Смирнов В.А. Уровни знания и этапы процесса познания // Проблемы логики научного познания. — М., 1964. — С. 48.
- ³⁵ Овчинников Н.Ф. Структура и симметрия // Системные исследования : Ежегодник. — М., 1968. — С. 111.
- ³⁶ Структурно-функциональному подходу к изучению системы посвящена огромная литература, поэтому укажем лишь еще несколько работ : Бирюков Б.В. Кибернетика и методология науки. — М., 1974. — 414 с.; Марков Ю.Г. Функциональный подход в современном научном познании. — Новосибирск, 1982. — 256 с.; Фофанов В.П. Социальная деятельность как система. — 304 с.; Афанасьев В.Г. Системность и общество. — 368 с.; Афанасьев В.Г. Общество : системность, познание и управление. — М., 1981. — 432 с.; Сетров М.И. Основы функциональной теории организации. — Л., 1972. — 260 с.
- ³⁷ Марков Ю.Г. Указ. соч. — С. 7 и сл.
- ³⁸ Звягинцев В.А. Структурализм в лингвистике // Системный анализ и научное знание. — М., 1978. — С. 174.
- ³⁹ Марков Ю.Г. Указ. соч. — С. 38.
- ⁴⁰ Никитин Е.П. Природа обоснования (субстратный анализ). — М., 1981. — С. 8.
- ⁴¹ Тютин В.С. О подходе к построению общей теории систем. — С. 45.
- ⁴² Марков Ю.Г. Указ. соч. — С. 14.
- ⁴³ Бирюков Б.В. Кибернетика и методология науки. — С. 177.
- ⁴⁴ Генинг В.Ф. Пьяноборская культура на Средней Каме. — 16 с.; Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. — С. 175 и сл.

- ⁴⁵ Кон И.С. К спорам о логике исторического объяснения... — С. 288.
- ⁴⁶ Мозолевский Б.М. Товста могила. — Киев, 1979. — 252 с.
- ⁴⁷ Бунятын Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии. — 228 с.
- ⁴⁸ Кон И.С. К спорам о логике... — С. 288; Елсуков А.Н. Проблема объяснения... — С. 232 и сл.
- ⁴⁹ Крысов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство. — 168 с.
- ⁵⁰ Мерперт Н.Я. Миграции в эпоху неолита и энеолита // СА. — 1978. — № 3. — С. 9–28.
- ⁵¹ Маркс К. Вынужденная эмиграция. — Кошут и Мадзини. — Вопрос об эмигрантах. — Избирательные подкупы в Англии. — Г-н Кобден // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 8. — С. 568.
- ⁵² Чижова Л.В. Идеология древнего населения Урала и Западной Сибири (по материалам культового литья) : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Л., 1983. — 16 с.
- ⁵³ Чижова Л.В. К вопросу об идеологии средневекового населения Прикамья (по сюжетам культового литья) // СА. — 1982. — № 3. — С. 88.

Глава VII

- ¹ Генинг В.Ф. Структура системы археологического знания... — С. 5–47.
- ² Толочко П.П. Древний Киев. — Киев, 1983. — С. 112 и сл. рис. 59.
- ³ Энгельс Ф. Похороны Карла Маркса // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 19. — С. 350–351.
- ⁴ Черненко Е.В. Ножные греческого меча из Ольвии // Скифы и сарматы. — Киев, 1977. — С. 120–127.
- ⁵ Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. — М., 1953. — С. 146–235.
- ⁶ Семенов С.А. Первобытная техника. — 240 с.
- ⁷ Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке... — С. 4.
- ⁸ В основном по результатам трассологического анализа написана монография : Г.Ф. Коробкова. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. — 1969. — 216 с.
- ⁹ Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. — С. 11 и сл.
- ¹⁰ Крыжицкий С.Д. Жилые ансамбли древней Ольвии IV–II вв. до н.э. — Киев, 1971. — С. 5.
- ¹¹ Крыжицкий С.Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (VI в. до н.э. — IV в. н.э.). — Киев, 1982. — С. 9.
- ¹² Колчин Б.А. Указ. соч. — С. 70.
- ¹³ Гончаров В.К. Райковецкое городище. — Киев, 1950. — 218 с.; Каргер М.К. Древнерусский город Изяславль в свете археологических исследований 1957–64 гг. // Тез. докл. совет. делегации на I Международном конгр. славян. археологии в Варшаве. — М., 1965. — С. 39–41.
- ¹⁴ Пидопличко И.Г. Межиричские жилища из костей мамонта. — Киев, 1976. — С. 46–138.
- ¹⁵ Степин В.С. К проблеме структуры и генезиса... — С. 172 и сл.
- ¹⁶ Боровский Я.Е., Толочко П.П. Київська ротонда // Археологія Кисва : Дослідження і матеріали. — К., 1979. — С. 90–103.
- ¹⁷ Новое в археологии Киева. — Киев, 1981. — С. 184.
- ¹⁸ Там же. — Рис. 77; Толочко П.П. Древний Киев. — Рис. 37.
- ¹⁹ Вознесенская Г.А., Недопако Д.П. Технология производств металлических изделий Трахтемировского городища // Использование методов естественных наук в археологии. — Киев, 1978. — С. 25.
- ²⁰ Колчин Б.А. Указ. соч. — С. 70–187.
- ²¹ Там же. — С. 50.
- ²² Ракитов А.И. Историческое познание... — С. 82.
- ²³ Колчин Б.А. Указ. соч.

- ²⁴ Бибииков С.Н. Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья (опыт изучения первобытной экономики) // СА. — 1965. — № 1. — С. 48–62; Бибииков С.Н. Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования палеолита // СА. — 1969. — № 4. — С. 5–22; Массон В.М. Поселение Джейтун. — 208 с.; Массон В.М. Экономика и социальный строй. — 192 с.
- ²⁵ Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии; Генинг В.Ф. Проблемы социальной структуры общества кочевых скифов IV–III вв. до н.э. по археологическим данным. — С. 124–153.
- ²⁶ Колчин Б.А. Указ. соч. — С. 188 и сл.
- ²⁷ Маркс К. Капитал. Т. 4 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. Т. 26. — Ч. 1. — С. 279.
- ²⁸ Бибииков С.Н. Указ. соч. — С. 48–62; Массон В.М. Указ. соч. — 192 с.
- ²⁹ Генинг В.Ф. Указ. соч. — С. 25.
- ³⁰ Штоф В.А. Моделирование и философия. — Л., 1966. — С. 19.
- ³¹ Генинг В.Ф., Борзунов В.А. Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда / ВАУ. — Свердловск, 1975. — Вып. 13. — С. 42–72; Бунятян Е.П. Указ. соч. — С. 35–44.
- ³² Сорокин В.С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане. — М.; Л., 1962 (МИА, 120). — С. 89–122.
- ³³ Колчин Б.А. Указ. соч. — С. 189 и сл.
- ³⁴ Бибииков С.Н. Указ. соч. — С. 48–62; Массон В.М. Указ. соч. — С. 192.
- ³⁵ Кабо В.Р. Теоретические проблемы реконструкции первобытности // Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. — М., — С. 60–107.
- ³⁶ Бунятян Е.П. Указ. соч. — 228 с.; Генинг В.Ф. Указ. соч. — С. 124–153.
- ³⁷ Генинг В.Ф. Проблема теоретизации научного знания. — С. 12 и сл.
- ³⁸ Шеврев В.С. Теоретическое и эмпирическое... — С. 318 и сл.
- ³⁹ Маркс К. Капитал. Т. 3 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 25. — Ч. 2. — С. 354.
- ⁴⁰ Энгельс Ф. Йозефу Блоху, 21 (22) сентября 1890 г. // Там же. — Т. 37. — С. 395.
- ⁴¹ Колчин Б.А. Указ. соч. — С. 169 и сл.
- ⁴² Там же. — С. 191.
- ⁴³ Черных Е.Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. — М., 1976. — С. 166–199; Черных Е.Н. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. — София, 1978. — 385 с.
- ⁴⁴ Шапова Ю.Л. Очерки истории древнего стеклоделия. — М., 1983. — 199 с.
- ⁴⁵ Бибииков С.Н. Хозяйственно-экономический комплекс... — С. 181 и сл.
- ⁴⁶ Массон В.М. Поселение Джейтун... — С. 78.
- ⁴⁷ Генинг В.Ф. Проблема социальной структуры общества... — С. 131 и сл.; Бунятян Е.П. Указ. соч. — С. 29 и сл.
- ⁴⁸ Статистико-комбинаторные методы в археологии. — М., 1970 (см. статьи Б.И.Маршака (керамика) и Е.М.Алексеевой (бусы)); Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А. Анализ археологических источников. — 176 с.; Каменецкий И.С. Код для описания погребального обряда // Древности Дона. — М., 1983. — С. 221–250; Каменецкий И.С. Код для описания погребального обряда (часть вторая) // Археологические открытия на новостройках // Древности Северного Кавказа. — М., 1986. — Вып. 1. — С. 136–203; Викторова В.Д., Алексашенко Н.А., Панина С.Н. Жилища Андреевского озера (IX участок) // Древние поселения Урала и Западной Сибири // ВАУ. — 1984. — Вып. 17. — С. 15–62.
- ⁴⁹ Философский энциклопедический словарь. — С. 743.
- ⁵⁰ Бунятян Е.П. Методологические предпосылки применения формализованно-статистических методов в археологии // Новые методы археологических исследований. — Киев, 1982. — С. 73–86.
- ⁵¹ Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологи-

ческих раскопок // СА. — 1983. — № 1. — С. 114–136; Генинг В.Ф., Борзунов В.А. Методика статистической обработки... — С. 42–72.

- ⁵² Косолапов В.В. Методология и логика... — С. 137.
- ⁵³ Маркс К. Капитал. Т. 3 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 25. — Ч. 1. — С. 176.
- ⁵⁴ Жуков Е.М., Барг М.А., Черняк Е.Б., Павлов В.И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса — 232 с.; Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Теория и история / Проблемы теории исторического процесса. — М., 1981. — 288 с.; Ракитов А.И. Историческое познание, часть 4. С. 223–289.
- ⁵⁵ Барг М.А. Категории и методы исторической науки. — С. 39.
- ⁵⁶ Жуков Е.М., Барг М.А., Черняк Е.Б., Павлов В.И. Указ. соч. — С. 61–74.
- ⁵⁷ Марксистско-ленинская теория... — Гл. 1. — С. 5–45.
- ⁵⁸ Энгельс Ф. Конраду Шмидту, 12 марта 1895 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 39. — С. 354, 356.
- ⁵⁹ Жуков Е.М., Барг М.А., Черняк Е.Б., Павлов В.И. Указ. соч. — С. 87–89.
- ⁶⁰ Там же. — С. 96.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Марксистско-ленинская теория... — С. 422 и сл.
- ⁶³ Бибииков С.Н. Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования палеолита... — С. 5.
- ⁶⁴ Там же. — С. 6.
- ⁶⁵ Генинг В.Ф. Пьяноборская культура... — 16 с.; Генинг В.Ф. История населения Прикамья... — С. 109–115.
- ⁶⁶ Бибииков С.Н. Хозяйственно-экономический комплекс... — С. 53–55.
- ⁶⁷ Массон В.М. Поселение Джейтун... — С. 101–103.
- ⁶⁸ Рыбаков Б.А. Космогония и мифология земледельцев энеолита // СА. — 1965. — № 1. — С. 25–26.
- ⁶⁹ Там же. — С. 28.
- ⁷⁰ Генинг В.Ф. Проблема социальной структуры... — С. 148–151.
- ⁷¹ Массон В.М. Экономика и социальный строй... — С. 96.
- ⁷² Ракитов А.И. Указ. соч. — С. 256–289.
- ⁷³ Ленин В.И. О государстве // Полн. собр. соч. — Т. 39. — С. 67.
- ⁷⁴ Энгельс Ф. Диалектика природы // К.Маркс, Ф.Энгельс. Соч. — 2-е изд. — Т. 20. — С. 555.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АК	— Археологическая культура
АМтеория	— Археологическая логико-методологическая теория
АТзнания	— Археологическое теоретическое знание
ВАУ	— Вопросы археологии Урала
ВИ	— Вопросы истории
ВФ	— Вопросы философии
ВЭУ	— Вопросы этнографии Удмуртии
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества
ИГАИМК	— Известия ГАИМК
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
НАА	— Народы Азии и Африки
ПТрекон-	
струкции	— предметно-технологические реконструкции
СА	— Советская археология
СИО	— Социально-исторический организм.
ФН	— Философские науки

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ В АРХЕОЛОГИИ	
I.1. Общая характеристика научной деятельности и ее особенностей в археологии	10
Наука как система духовной деятельности — 10	
Модели научного исследования — 13, анализ и синтез — 16	
I.2. Проблема принципов социально-исторического познания в археологии	17
Построение научной системы объекта и предмета археологической науки — 18	
К вопросу об исходной фундаментальной археологической теории — 20	
Проблема структуры научной системы археологии — 23	
I.3. Объект познания археологии (онтологический аспект построения научной системы)	26
Исходные основания теоретических построений объекта археологии — 27	
Сферы жизнедеятельности как функциональные компоненты социальной системы : материальная, общественная, управленческая, духовная — 28	
Способ жизнедеятельности социальных структур — 33, предметно-технологический — 34, социально-исторический, подход — 36, функциональный подход — 41	
I.4. Познавательная система археологии (логико-гносеологический аспект)	42
Гносеологический аспект — проблема способа представления социальной целостности и уровней отражения социальной организации — 42	
Логический аспект — 46, единство эмпирического и теоретического в научном исследовании — 47, социологический и исторический анализ — 47	
Уровневая характеристика археологического знания — 48	
I.5. Система организации исследовательской деятельности в археологии (методологический анализ)	50
Основные циклы археологического исследования : поста-	

	новка проблемы и гипотезы — 51, разработка исследовательской программы — 52	
	Общетеоретическое обоснование — 53, подготовка эмпирического базиса — 55, научное объяснение — 56	
ГЛАВА II.	НАУЧНЫЙ ФАКТ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	58
II.1.	Факт как объективное явление исторической действительности и научный факт как суждение о ней	58
	Факты исторической действительности, пути их трансформации в археологические факты — 58	
	Артефакт — описание археологического факта — 61	
	Два класса научных фактов : материальные остатки (мобильные — предметы, монументальные — сооружения) и эмпирические наблюдения над соотношениями материальных остатков — 63	
II.2.	Происхождение и социальная природа археологического факта	64
	Природные и социальные объекты в системе источников познания археологии — 64	
	Обусловленность археологических фактов опредмечиванием социальной деятельности — 65	
II.3.	Структура археологического факта. Свойства и признаки. Формирование артефакта	70
	Структура по археологическому происхождению — 70	
	Археологические свойства фактов : морфо-функциональные, субстанциональные, технологические, функциональные, дизайнные, взаимосвязи — 71	
	Формирование артефактов — 73	
II.4.	Принципы ориентации (Артефакты в системе формирования источников исследования)	74
	Факт в системе источников исследования — 74, археологическая достоверность — 75, свойства связи — 76, археологическая культурная принадлежность — 77	
II.5.	Некоторые общие принципы классификации артефактов	79
	Система уровней : артефакт, артекомплекс, археологическая структура, археологическая культура, культурно-историческая общности — 80	
ГЛАВА III.	ПРОБЛЕМА И ГИПОТЕЗА КАК ФОРМЫ РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ	85
III.1.	Проблемность научного знания	85
	Научная проблема — 86, проблемная ситуация — 88, структура научной проблемы — 90, процесс познания проблемы — 92	
III.2.	Постановка и решение научной проблемы	93
	Принципы постановки проблемы — 93, формулировка — 94, построение — 94, оценка — 95, обоснование и обозначение — 95	

	Решение научной проблемы — 96, "сдвиг проблемы" — 99, перерешение проблемы — 100	
III.3.	Научная гипотеза	101
	Определение — 101, типы гипотез в археологии — 103	
	Выдвижение гипотез на примере АК — 104, принципы построения научной гипотезы — 108	
III.4.	Роль гипотезы в научном познании	109
	Разработка гипотезы в научную теорию — 109, обоснование центральной идеи — 110, развертка в систему знания — 111, эмпирический базис — 112	
	Следствия гипотезы — 114, проверка гипотезы — 114	
ГЛАВА IV.	ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ЗНАНИИ	117
IV.1.	Теоретическое знание и научные теории	117
	Общие дефиниции теории и теоретического знания — 117, к вопросу о теоретическом в археологии : археологическое теоретическое знание (АТзнание) и методологические теории (АМтеория) — 122	
	Структура теоретического знания — 125	
IV.2.	Предметная область, абстракции и идеализации как элементы теоретического знания	128
	Предметная область теории : категории и логическая структура — 129, непротиворечивость теории — 130	
	Абстракции и идеализации : процесс формирования — 130, слесифика абстракций в системе археологического знания — 133	
IV.3.	Проблема уровневой структуры археологического познания	135
	Эмпирический — 137, и теоретический уровни — 141	
	Археологические понятия системы познания — 142	
	Философско-мировоззренческий аспект в познавательной деятельности — 144	
IV.4.	Теоретические схемы в познании. Правила соответствия	147
	Роль теоретических схем в построении теоретического знания археологии — 147, теоретические модели — 148, концептуальные схемы — 149	
	Процедура онтологизации — 151	
	Правила соответствия в системе археологического познания — 152	
ГЛАВА V.	ФУНКЦИИ ТЕОРИИ В СИСТЕМЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ	156
V.1.	Основные функциональные типы теоретического знания археологии	156
	Теория в системе конкретно-научного знания и теория в системе научно-познавательной деятельности — 157	
V.2.	Археологическое теоретическое знание (АТзнание) как отражение познающих закономерностей социально-исторического развития обществ прошлого	159
	Основания научной теории — 159, логические принципы —	

	161, эмпирический базис (предпосылки) — 162	
	Реконструкции в археологии — 163, объяснения — 166	
	Выводы и следствия — 166, дефиниция АТзнания — 167	
V.3.	Методологическая функция теории как средство археологического познания (АМтеория)	168
	Проблема классификации методологических функций теории — 169	
	Логико-методологический базис археологического знания — 169, АМтеория — как центральное звено в познании — 170	
V.4.	Роль АМтеории в систематизации археологического знания	174
	Эмпирические обобщения и закономерности — 175	
	Типология, статистические зависимости, сопряженность в комплексе, картографирование, эволюционные ряды — 178	
	Формальная и социологическая систематизация — 178	
V.5.	Описательная и объяснительная функции АМтеории	181
	Описательная функция АМтеории : общие определения научных описаний — 181, место описаний в системе познания — 182, эмпирические и теоретические описания — 183, структура описательных АМтеорий — 186	
	Определение объяснений — 188, причинные описания и научные объяснения — 189, строение научного объяснения — 190	
ГЛАВА VI.	ТИПОЛОГИЯ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЯСНЕНИЙ	194
VI.1.	Общая структура теоретических объяснений в археологии	194
	Структура и компоненты теоретического объяснения : экспланандум — объясняемые артефакты — 195, эксплананс : большая и меньшая посылки — как основания теории — 197, закономерности опредмечивания — 198	
	Теоретическая модель объекта исследования — 199, археологические свойства — 199, свойства ориентации — 200	
VI.2.	Системный подход и принципы типологии историко-археологических объяснений	204
	Различия по компонентам — 205, по объекту объяснения — 206	
	Структурная и уровневая типология — 208	
VI.3.	Структурно-функциональный тип археологических объяснений	209
	Структурно-функциональный анализ в познании — 210	
	Структурные объяснения — 213, функциональные объяснения — 214 и специфика их построения — 215, модель — 218	
VI.4.	Генетический тип объяснений в археологии	219
	Структура генетических объяснений — 219	
	Анализ генетического объяснения в археологии — 221	
ГЛАВА VII.	АНАЛИЗ УРОВНЕЙ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ АРХЕОЛОГИИ	224

VII.1.	Исследования на уровне образа жизни (предметно-технологические реконструкции)	224
	Эмпирический характер исследований — 225, основания реконструкции — 226	
	Логика построения исследовательских программ уровня образа жизни — 229, логика ПТреконструкции — 230	
	Структура исследования на уровне ПТреконструкции — 231	
VII.2.	Системно-исторический уровень археологических исследований	238
	Логика исследовательских программ : основания теории — 240, частные теоретические модели — 241, методы и подходы к исследованию — 243, эмпирический базис — 241, постановка проблемы и создание АМтеории — 249	
	Функциональная структура исследовательской программы — 250, разработка исследовательской программы — 250, создание эмпирического базиса — 251, разработка операциональных методов и правил соответствия — 256, интерпретация результатов преобразования эмпирического базиса — 257	
	Ситуационный тип археологического объяснения — 259	
VII.3.	Формационно-социологический уровень археологического познания	260
	Исторический аспект рассмотрения формационной структуры — 261	
	Социологический уровень — 264, концептуальные и процессуальные объяснения — 265	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ		271
ПРИМЕРЧАНИЯ		273
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ		290
ОГЛАВЛЕНИЕ		291

36
*
*

Научное издание

ГЕНИНГ Владимир Федорович

СТРУКТУРА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ
(проблемы социально-исторического исследования)

Художник обложки Н.И.Казакова
Художественный редактор И.П.Савицкая
Технический редактор Т.К.Валицкая
Оператор В.Н.Курган
Корректоры С.А.Доценко, Е.И.Мазниченко

ИБ № 10383

Сдано в набор 05.09.88. Подл. в печ. 06.01.89. Формат 60x84/16. Бум. офс. № 2.
Гарн. Пресс Роман. Офс. печ. Усл.печл. 17,21. Усл.кр.-отг. 17,44. Уч.-изд. л. 21,76.
Тираж 1100 экз. Заказ 9 72. Цена 3 р. 80 к.

Оригинал-макет подготовлен в издательстве "Наукова думка". 252601 Киев 4,
ул. Репина, 3.
Киевская книжно-журнальная типография научной книги. 252004 Киев, 4,
ул. Репина, 4.

р. 80 к.

НАУКОВА ДУМКА